А. А. ГАЛКИН

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. А. ГАЛКИН

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

Издание 2-е
дополненное и переработанное

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. И. КОВАЛЬ

МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 63.3(0)6
Г 16

Галкин А. А.

Г 16 Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. — М.: Наука, 1989. — 352 с., ил.
ISBN 5-02-008986-9

Книга известного историка и социолога А. А. Галкипа — одно из самых значительных исследований германского фашизма. Автор рассматривает широкий круг проблем, связанных с генезисом, социологией, экономикой, политикой и идеологией фашизма. Анализируется государственно-политическая практика и созданный фашизмом специфический механизм власти. Особое внимание уделено социальной базе фашизма. Вышедшая впервые в 1967 г., книга выдержала испытание временем и остается главным пособием по истории германского фашизма. Новое издание существенно доработано, в него включены новые материалы, а также отражены результаты исследований последних лет.

Г $\frac{0503010000\text{-}391}{042(02)\text{-}89}$ 89-89-I   ББК 63.3(0)6

Александр Абрамович ГАЛКИН
ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

Издание 2-е дополненное и переработанное

Редактор издательстаа **Р. З. Мазо.** Художник **А. А. Кущеико.** Художестаенный редактор **Н. Н. Власик.** Технические редакторы **И. В. Бочарова, М. Ю. Солоаьева**
Корректоры **Т. М. Ефимоаа, Л. И. Кириллоаа**

ИБ № 39083

Сдано в набор 16.05.88. Подписано к печати 23.11.88.
А-14120. Формат 60×90[1]/16. Бумага офсетная.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Фотонабор.
Усл. печ. л. 22. Усл. кр.-отт. 22,38 Уч.-изд. л. 26,9.
Тираж 20 000 экз. Тип. зак. 421
Цена 1 р. 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ISBN 5-02-008986-9

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о социальных функциях, в том числе о массовой базе фашизма, вызывает по сей день ожесточенные споры. Причина этого двоякая. Важную роль, безусловно, играет политическая сторона дела. Установление социальной сути фашизма равнозначно выявлению исторической ответственности тех или иных общественных групп за его возникновение и приход к власти. Не меньшее значение имеет, однако, научная сторона проблемы. Ведь фашизм — детище сложного и противоречивого кризисного развития капиталистического общества в XX в. Поэтому и сам он, отражая специфику этого развития, далеко не однороден, однослоен и одноцветен, а его влияние подвержено как подъемам, так и спадам. Отсюда — настоятельная необходимость всестороннего и тщательного рассмотрения исследуемого феномена.

Сказанное в полной мере относится к германскому фашизму. Многим современникам передача высшей исполнительной власти в Германии Гитлеру и его приспешникам, происшедшая 30 января 1933 г., как и последовавшие за этим нацистская унификация и установление террористического режима, казались результатом стечения случайных обстоятельств, мимолетным капризом истории. До сих пор примерно так же рассуждают и некоторые маститые историки фашизма праволиберального и консервативного толка. В подтверждение своей позиции они ссылаются на ряд действительно бесспорных фактов. Германия того времени (или, иначе Веймарская республика) была в конституционном отношении самым демократическим государством в капиталистическом мире. Среди общественности были очень сильны левые настроения, что неоднократно находило выражение в результатах выборов. Рабочий класс Германии располагал имевшими прочные традиции массовыми организациями в виде влиятельных политических партий (КПГ и СДПГ) и профессиональных союзов. В руках социал-демократов, пребывавших долгие годы у власти, находились немаловажные административные рычаги.

Но значит ли это, что фашизм в стране возник и пришел к власти случайно, по недомыслию или недосмотру некоторых недостаточно серьезных политиков? Поверить в это еще труднее, чем в то, что наполеоновская завоевательная политика в Европе провалилась в конечном счете потому, что накануне битвы при Ватерлоо французский император подхватил насморк.

Нет! Действительный анализ феномена фашизма, подмявшего под себя в 20—30-е годы многие цивилизованные народы Европы,

развязавшего вторую мировую войну, приведшего страны, в которых он пришел к власти, к национальной катастрофе и представляющего собой поныне серьезную угрозу, требует более серьезного разговора. И неотъемлемой предпосылкой такого разговора является, в первую очередь, осмысление места фашизма в общественном развитии в условиях капитализма XX в.

* * *

Фашизм появился на политической арене вскоре после победы в России Октябрьской революции, когда капиталистический мир переживал острый кризис. Впервые в истории человечества была не только продемонстрирована несостоятельность капиталистической системы, но и показан реальный выход из острейших социальных и политических противоречий на путях коренного, революционного преобразования устаревших общественных структур. В полном объеме значение этого обстоятельства было оценено далеко не всеми современниками. Однако в наиболее чутко реагировавших на события фракциях буржуазии, ощутивших всю серьезность угрозы своим позициям власти, стала пробивать себе дорогу идея необходимости новых средств сохранения господства. В частности, возникли сомнения в эффективности парламентского механизма, который достаточно успешно обслуживал капиталистическое общество в условиях капитализма свободной конкуренции.

Для таких сомнений имелись серьезные основания. Буржуазная парламентская система возникла и сложилась в условиях, когда капитализм в своей домонополистической стадии еще выражал и отражал потребности общественного прогресса, а тем самым в какой-то форме — и интересы значительных масс населения. Это обеспечивало партиям, стоявшим на позициях сохранения буржуазного строя, более или менее устойчивую социальную базу. Дополнительное, но в то же время существенное значение имело то обстоятельство, что политическая активность значительной части населения оставалась в большинстве стран сравнительно низкой. В результате в основе пирамиды, которую образовывала тогдашняя политическая система капиталистического общества, находилась не основная масса взрослого населения, а лишь его (иногда даже не очень значительная) часть.

Переход к империалистической стадии развития, обострив старые и создав новые противоречия, во многом свел на нет маскировку асоциальной роли капиталистического государства и его аппарата. В условиях обострения классовой борьбы и широкого «вторжения» масс в политику традиционный буржуазный парламентаризм стал терять прежнюю эффективность. Усиление коррупции как результат роста влияния монополий на политическую систему, расширение объема влияния центров экономической власти на политические решения, свойственное монополистическому капитализму, еще более углубили ров между верхушечными звеньями политической системы и широкими народными массами. Соответственно

возросла и неустойчивость положения, в котором оказались эти звенья.

Все это, разумеется, проявлялось лишь в тенденции, усиливаясь по мере перехода капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. Однако в отдельных наиболее развитых капиталистических странах эта тенденция выявилась настолько четко, что превратилась в серьезнейшую политическую проблему.

В сложившихся условиях правящий класс стал — пусть непоследовательно и робко — осуществлять переход от политики чисто «верхушечного либерализма», опирающегося на узкие слои общества, к политике, ориентированной на «консенсус» с массами. В зависимости от конкретной ситуации этот поворот приобретал форму опоры либо на буржуазно-реформистские партии, либо, при особо острой ситуации,— на массовые правые движения, спекулирующие на политической неопытности и предрассудках определенной части населения, затронутой структурными сдвигами. Иными словами, господствующий класс почувствовал потребность в политической силе, достаточно влиятельной, чтобы компенсировать слабости традиционного политического механизма и погасить революционные выступления трудящихся, и в то же время достаточно популярной, чтобы обеспечить хотя бы временную политическую стабильность.

Если бы не это обстоятельство, то уделом небольших праворадикалистских групп, из которых потом сложилось фашистское движение в Италии, Германии и ряде других капиталистических стран, как и их многочисленных предшественников, стало бы политическое забвение. В каком-то смысле фашизму повезло, поскольку он оказался самым подходящим претендентом на роль, в которой так нуждались власть имущие в то время.

С самого начала ему была отведена роль жандарма по отношению к революционной части народа. Уже в первые годы своего существования он потопил в крови выступления пролетариата в Италии и в ряде других государств Европы. В странах, где фашистам не удалось пробиться к власти, их вооруженные отряды играли роль неофициальной ударной силы, терроризировавшей рабочие партии и их приверженцев и создававшей атмосферу гражданской войны. Захват власти нацистами в Германии положил начало массовым расправам, которые стали неотъемлемой частью фашистской политической системы.

Но ролью жандарма не исчерпывалась социально-политическая функция фашизма. Для спасения капиталистической системы было недостаточно контрреволюции в традиционном смысле этого слова: т. е. реакции на революционные выступления путем кровавого насилия. Необходимо было, кроме того, предотвратить революционные выступления в будущем, решив наиболее неотложные проблемы, но так, чтобы это отвечало интересам существующего строя.

В обстановке острого кризиса капитализма фашизм призван был сделать то, с чем не смогли справиться традиционные буржуаз-

ные партии: по возможности приспособить старую систему власти к новой экономической и социальной реальности. Иными словами, речь шла о том, чтобы реализовать при помощи крайних средств программу перехода к государственно-монополистическому капитализму со всеми свойственными ему чертами — от всестороннего государственного вмешательства в экономику до тотального манипулирования духовной жизнью народа.

Сказанное, разумеется, не означает, что развитие от монополистического к государственно-монополистическому капитализму должно было неизбежно пройти через фазу фашизма. Впоследствии правящий класс ряда стран, кстати, не без учета опыта фашизма, нашел другие, менее болезненные для него самого и более эффективные пути перехода к государственно-монополистическому капитализму, сохраняя традиционные формы буржуазной демократии. Фашизм, следовательно, не фатальная неизбежность, а один из вариантов пути в этом направлении. Однако в сложившихся тогда условиях правящие классы в некоторых развитых капиталистических странах, не уверенные в прочности своих позиций, не нашли и не захотели искать другого выхода.

Немалую роль в выборе, который был сделан, сыграло и то, что фашизм не без оснований казался им наиболее удобным орудием осуществления внешнеполитических амбиций. Стремление к тотальной регламентации жизни общества и реорганизации его на военизированной основе, апелляция к национальным чувствам и шовинистическим инстинктам делали его эффективным инструментом подготовки к проведению территориальной экспансии. Не случайно наиболее прочные позиции фашистские силы завоевали в тех странах, в которых правящие классы чувствовали себя обойденными при дележе добычи (Италия) или ущемленными в результате понесенного поражения (Германия).

Разумеется, правящий класс осознал это не полностью и не сразу. Отдельные его фракции приходили к такому пониманию в различное время и в разной степени. Не всех устраивало подобное развитие, не всем пришлись по душе методы его реализации.

Объяснялось это многими причинами. Важную роль играло то, что осуществление государственно-монополистических мероприятий, отвечая интересам правящего класса и его верхушки в целом, неизбежно связано с ущемлением интересов его отдельных представителей и целых фракций. Кроме того, вера монополистической буржуазии в способность фашистских партий реализовать поставленные перед ними задачи созревала лишь постепенно. На первом этапе фашистские партии носили на себе глубокий отпечаток своего «плебейского» происхождения. Это находило выражение не только во внешнем виде и стиле поведения руководящих кадров, плохо вписывавшихся в традиционные рамки. Характер массовой базы фашистских партий, как и специфика отношений между ею и партийным руководством, сказывались на требованиях и лозунгах этих партий.

В руководящих кругах господствующего класса отдавали себе

отчет в том, что передача власти такому массовому движению, как фашистское, не может быть осуществлена без «издержек», т. е. без уступок разнородной, преимущественно мелкобуржуазной массе, составлявшей политическую пехоту фашизма. Некоторые представители монополий, принимая демагогические обещания за действительные цели, отвергали сотрудничество с фашистами. Другие выражали сомнения в способности фашистских лидеров справиться с идущими за ними массами, третьи требовали от фашистских партий определенных гарантий.

Опасения были связаны и с переменами в политической машине. Поскольку передача политического руководства фашистам означала смену формы власти, она неизбежно вела к коренной перестройке, а в ряде случаев — к слому старого партийного политического механизма. Это требовало от буржуазии отказа от устоявшихся политических симпатий и связей. В ходе перестройки терпели неудобства, а иногда несли ощутимые потери отдельные представители правящего класса, специализировавшиеся в области политики и административной деятельности. Это вызывало не только личные, но и групповые коллизии.

Связанное со всем этим недовольство групп буржуазии иногда приводило их к конфликтам с политическими органами фашистской власти. На более позднем этапе, когда несостоятельность фашистских режимов как в экономической, так и в политической области стала особенно очевидной, эти конфликты начали принимать острый характер.

При всем этом классовая роль фашизма во всех странах, в которых ему удалось прийти к власти, была вполне определенной. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополистического капитализма обеспечивала сохранение социальных, политических и экономических позиций господствующего класса. То обстоятельство, что определенные круги буржуазии, в том числе и монополистической, на различных этапах проявляли большее или меньшее недовольство функционированием этой экономической системы, свидетельствовало лишь о том, что даже в условиях всеобъемлющего государственно-монополистического регулирования противоречия между различными группами буржуазии и внутри монополистического капитала не исчезают.

Поддержка большинства правящего класса сыграла решающую роль в превращении фашизма во влиятельную политическую силу, в захвате им власти и в относительной стабильности созданных им режимов. При этом наряду с денежной помощью огромное значение имел благожелательный по отношению к фашистам «нейтралитет» традиционного буржуазного государственного аппарата. Причины его нежелания оказывать сопротивление нацистам могли быть различными. Среди сотрудников госаппарата было немало людей крайне правых взглядов, которые либо были фашистами, либо сочувствовали им, другие, не одобряя многого в теории и практике фашистов, видели в них не очень удобного, но необходимого союзника в борьбе против партий рабочего

класса. Многие из них вообще не отдавали себе отчета в том, что несет с собой фашизм. К бесчинствам фашистов они относились безразлично и во всяком случае не делали ничего такого, что могло быть воспринято как сопротивление.

При всех этих различиях в основе позиции, занятой по отношению к фашизму буржуазным административным аппаратом, лежали классовые причины. Задачей этого аппарата была защита существующей системы. Благожелательное отношение к фашизму верхушки правящего класса вело к тому, что фашистские партии, при всей «экстравагантности» их действий, воспринимались как составная часть системы. В любом случае это были «свои люди». И когда речь шла о борьбе против левых, верх неизбежно брало то, что объединяло, а не разъединяло эти силы.

* * *

Общие черты, позволяющие рассматривать фашизм как нечто единое, не снимают вопроса о специфических национальных формах этого явления. В своем «каноническом» виде фашизм, утвердившийся в Германии, заметно отличался от итальянского. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в «третьей империи» была выше, чем в Италии. Значительнее была концентрация власти, а террор осуществлялся в больших масштабах. Существовали определенные различия и в социальной базе. Еще большей была специфика испанского фашизма.

Однако проблема не исчерпывается национальной спецификой. Наряду с фашистскими системами, выступающими в более или менее чистом виде, существовали различные переходные формы. Для них характерно сочетание традиционно автократических и парламентских методов осуществления власти с определенными элементами фашистской политики. Иногда движения фашистского типа, завоевавшие определенные позиции в массах, допускались к власти в качестве младшего партнера. Когда правящий класс ощущал особую необходимость в применении крайних методов террора, фашистов даже допускали в правительство. При исчезновении надобности их удаляли в оппозицию. До полной реорганизации системы управления и унификации общества дело не доходило.

Были случаи, когда формы и методы фашистской диктатуры навязывались стране в борьбе против конкурирующих фашистских партий. Так произошло, например, в Австрии, где фашистско-клерикальная диктатура выступила в роли соперника национал-социализма. Наконец, существовали государства—сателлиты главных фашистских держав. В этих государствах режимы фашистского типа чаще всего не имели внутренних корней и представляли собой копию режимов, существующих в странах-покровителях. Число государств-сателлитов возрастало по мере расширения экспансии фашистских держав в Европе и достигло максимума в разгар второй мировой войны.

В каждой из промежуточных форм проявлялись свои законо-

мерности. Режимы первого типа, несмотря на фашистский антураж, оставались традиционалистскими. И диктатура, которую они осуществляли, могла в зависимости от конкретной обстановки выражать интересы различных групп промышленной или торговой буржуазии, монополий или немонополизированного капитала, полуфеодальных землевладельцев или сельской буржуазии.

В какой-то степени это относится к промежуточным формам второго типа. Отличие состояло в том, что в этом случае правящему классу приходилось в большей степени считаться с позициями и интересами пришедшей в движение мелкобуржуазной массы.

О закономерностях режимов третьего типа можно говорить только в том смысле, что их навязывание неизбежно приводило к изоляции небольшой группы коллаборационистов и сплочению основной массы народа не только на антифашистской, но и на широкой национальной основе.

Многообразие классовых связей, свойственных промежуточным формам, утверждение этих форм в странах со слаборазвитым не только монополистическим, но и домонополистическим капитализмом, использование методов массового воздействия, заимствованных у левых сил, часто затемняло истинную картину.

И тем не менее исследование фашизма в его наиболее «чистом» виде неопровержимо свидетельствует:

Фашизм — это выражение острого социального и политического кризиса капитализма. Он представляет собой кризисную форму перехода от монополистического (а иногда и домонополистического) капитализма к капитализму государственно-монополистическому. Эта форма власти используется тогда, когда традиционная для капиталистических стран система господства по тем или иным причинам оказывается несостоятельной.

Важную особенность фашизма составляет специфика его отношений с массами. Она заключается в его способности устанавливать широкие связи с многочисленными группами, не относящимися к правящим классам, в умении мобилизовать и политически активизировать эту часть населения в интересах эксплуататорского строя.

Олицетворяя стремление капиталистического класса, отбросив буржуазную законность, имитировать социальный и политический ответ на потребности развития общества, фашистская политика чревата трагическими последствиями как для народа, от имени которого выступает фашизм, так и для других, прежде всего соседних народов.

Известно, что фашизму вообще и германскому фашизму в частности посвящена многочисленная, в том числе марксистская литература. Проблемы фашизма неоднократно рассматривались и обсуждались на международных форумах. Ряд серьезных работ, исследующих этот феномен, вышел в послевоенные годы в Советском Союзе [1].

[1] См., например: *Бланк А. С.* Из истории раннего фашизма в Германии. Организации. Идеологии. Методы. М., 1978. *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967;

Все это верно. И тем не менее было бы глубоко ошибочным считать, что на изучении фашизма можно поставить точку, что все проблемы, связанные с фашизмом, уже изучены, что задачей исследователя в этой области остается, повторяя сказанное, лишь уточнять некоторые детали.

Против такой точки зрения говорит целый ряд обстоятельств. Прежде всего не остается неизменным сам объект изучения — фашизм. Как и всякое общественное явление, фашизм постоянно развивался и трансформировался, причем на определенных этапах этот процесс происходил довольно быстро. Очевидно, что по мере трансформации фашизма требуют уточнения и наши представления о нем.

Значительно расширился со временем и объем материалов о фашизме, имеющихся в распоряжении исследователя. До прихода фашизма к власти о многих особенностях его социальной и экономической политики, о его последующей стратегии и тактике можно было только догадываться. Практика фашистских режимов продемонстрировала эти особенности с большой силой и рельефностью. Разгром держав фашистской «оси» открыл доступ к целому ряду важнейших документов, хранившихся до этого в глубочайшей тайне. Вся эта огромная масса ставших известными материалов о фашизме потребовала глубокого изучения и осмысления.

В то же время многие вопросы, привлекавшие в прошлом главное внимание исследователей фашизма, приобрели полную ясность. Стало, например, излишним доказывать, что приход фашизма к власти знаменует собой форсированную подготовку к войне. Последующее развитие событий — милитаризация Германии, проведение нацистским режимом агрессивной внешней политики, нападение фашистской «третьей империи» на соседние государства, развязывание ею второй мировой войны достаточно убедительно продемонстрировали это обстоятельство. Вряд ли необходимы сейчас дополнительные научные изыскания и для доказательства варварской, бесчеловечной сути фашизма, мобилизующего в своих интересах все низменные инстинкты человека. Самой яркой иллюстрацией этой сути были и остаются политика геноцида, лагеря смерти, миллионы трупов, устлавшие путь фашизма.

Зато на первый план выдвинулись другие вопросы, требующие ответа. Практика показала, что, как уже отмечалось, при определенных обстоятельствах фашистским партиям удается привлечь на свою сторону массы. Это ставит перед современным исследователем задачу, не ограничиваясь констатацией данного факта, выяснить все причины этого явления, определить объективные

Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; *Он же.* Рабочее и коммунистическое движение в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; *Рахшмир П. Ю.* Присхождение фашизма. М., 1981 и др.

условия, способствующие успеху деятельности фашистов, наметить пути обезвреживания фашистской активности среди народных масс.

Практика показала также, что в ряде случаев фашистские режимы, несмотря на свою авантюристическую, антинародную политику, в течение продолжительного времени сохраняют социальную базу, что обеспечивает им относительную стабильность. Задача современного исследователя — выявить причину этой относительной стабильности и тем самым определить наиболее эффективные пути борьбы против фашистских режимов и т. д.

Следует также иметь в виду, что буржуазно-либеральная и особенно консервативная историография при подходе к проблемам фашизма пытается истолковать его определенные особенности в угоду классовым интересам буржуазии, превратив тем самым изучение фашизма в орудие пропаганды. Очень важно противопоставить этому современную марксистскую трактовку проблемы.

Отсюда следует, что изучение фашизма является для марксистов задачей первостепенной важности не только с научной, но и с идеологической точки зрения.

Все это, определив выбор автором темы, наложило свой отпечаток на структуру работы. Стремясь придать исследованию более широкий характер, автор включил в него наряду с историческим материалом отдельные главы, представляющие собой попытку социологического и экономического анализа отдельных сторон политики германского фашизма. Стараясь максимально соблюдать хронологическую последовательность изложения, автор в то же время построил всю работу по проблемному принципу.

Структура монографии определяется тремя основными задачами исследования. Во-первых, необходимостью изучения всех аспектов взаимоотношений между фашизмом и правящими классами Германии, и прежде всего немецкой монополистической буржуазией. Этому посвящена первая часть работы: «Фашизм и правящие классы». Во-вторых, необходимостью анализа сложных и противоречивых отношений между фашистским движением и остальными классами и социальными группами буржуазного, в данном случае германского общества. Этому посвящена вторая часть работы: «Фашизм и народные массы». И, в-третьих, необходимостью выявления специфических особенностей фашизма как формы политического господства. Этому посвящена третья часть работы: «Фашистская система манипулирования».

В своей работе автор опирался на накопленное марксистской наукой огромное теоретическое богатство в области изучения капиталистического общества.

Впервые данная книга вышла в свет в 1967 г. и вызвала позитивную оценку читательской общественности. Нынешний ее вариант не является точным воспроизведением прежнего. В него включен ряд материалов, вошедших в научный оборот уже после

1967 г., а также значительно расширена часть, в которой рассматриваются взаимоотношения между фашизмом и массовыми слоями населения. В частности, в книгу дополнительно включена глава, посвященная перестройке политической структуры электората в годы Веймарской республики.

Широкая постановка проблемы, характерная для книги, сделала невозможным детальное рассмотрение в ней частных вопросов истории фашизма до и после его прихода к власти. Тем не менее представляется, что такая постановка имеет и свои преимущества, ибо дает возможность всесторонне оценить исследуемый феномен в целом, в его связи с общим развитием, а следовательно, определить его истинную роль в современном историческом процессе.

I

ФАШИЗМ И ПРАВЯЩИЕ КЛАССЫ

ГЛАВА 1

ФАШИЗМ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Точное определение социального содержания политики партий и движений современного капиталистического общества — важнейшее условие правильной оценки расстановки классовых сил и направления общественного развития. Решение этой задачи сопряжено, однако, с большими трудностями. Меньше всего можно полагаться при этом на оценки, которые дают себе сами партии.

Для партий, отражающих интересы эксплуататорских классов, признание действительного содержания, классовой обусловленности своей политики было бы равнозначно самоубийству, ибо предполагало заведомый отказ от массовой поддержки, необходимой в современном обществе как для прихода к власти, так и для ее удержания. Маскировка классовой сущности политики особенно важна для таких партий в условиях кризиса защищаемого ими строя, когда им приходится не время от времени, а постоянно прибегать к чужому флагу и краденым лозунгам.

Немалое значение имеет и то, что классовая раздробленность, мозаичность капиталистического общества вынуждает многие политические партии, стоящие на позициях сохранения капиталистического строя, искать опору не в одном, а в нескольких классах, что также исключает открытое признание классового характера проводимой политической линии.

Но на субъективную оценку социального содержания своей политики партией или ее руководством нельзя полагаться и в том случае, когда речь идет об организации, в большей или меньшей степени отражающей взгляды и интересы трудящихся масс. Во-первых, далеко не всегда сами массы достаточно четко сознают социальное содержание политической линии, которая, как им кажется, отвечает их интересам, и тем более — ее отдаленные социально-экономические последствия. Во-вторых, в случае, если речь идет не о марксистской партии, такой ясности, как правило, нет и у ее политического руководства. В-третьих, иногда, особенно в недостаточно развитом в социальном и экономическом отношении обществе, даже политика, на первый взгляд отвечающая интересам трудящихся классов, может при определенных условиях оказаться на руку классам эксплуататорским.

Более достоверным критерием классового содержания, классовой направленности политики той или иной партии является

анализ провозглашенных ею политических целей, методов их достижения, основ ее идеологии, характера ее социальных связей, позиций, занимаемых ею в классовых столкновениях как внутри страны, так и на международной арене.

Естественно, однако, что яснее и ярче всего классовый характер политической партии проявляется в конкретных действиях, осуществляемых ею после прихода к власти. Социально-экономические результаты более или менее длительного правления — самый верный показатель того, во имя каких социальных сил действовало или действует то или иное политическое объединение, та или иная политическая организация.

События периода фашистского господства в Германии, как и опыт прошедших с того времени лет, позволили накопить большой материал для обоснованного и полного ответа на вопрос о действительной роли фашизма в системе политических, социальных и экономических отношений современного капиталистического общества и соответственно о классовом содержании политики НСДАП. Ответ этот должен быть достаточно аргументированным и всесторонним. На протяжении длительного времени вокруг вопроса о роли фашизма ведется ожесточенная идеологическая борьба. С момента возникновения фашизма буржуазные политики и идеологи в подавляющем большинстве категорически отрицают какую бы то ни было зависимость между монополистическим капиталом и фашистским движением. В этом отношении трогательное единство проявляют представители обеих фракций монополистической буржуазии — и умеренной, и крайне правой. Отвергали существование таких связей, как известно, и сами фашисты, старательно придававшие своему движению квазиантикапиталистический характер.

Стремление монополистической буржуазии и ее идеологов отмежеваться от фашизма с особой силой проявилось после того, как в ходе второй мировой войны были разгромлены державы фашистского агрессивного блока. Связанный с этим политический и идейный крах фашизма сделал его на время непригодным оружием классового господства. Волна антифашистских настроений, поднявшаяся во всем мире, крайне затруднила возможность его идейной реабилитации. Любая форма связи с фашизмом была равнозначна соучастию в его преступлениях, требующих самого сурового возмездия.

В этих условиях единственно эффективной тактикой германской монополистической буржуазии, упорно боровшейся за восстановление своих утраченных позиций, была попытка отмежеваться от фашизма и таким образом замаскировать существовавшую связь с ним. Это стало очевидно уже во время Нюрнбергского процесса над главными фашистскими военными преступниками. На процессах над германскими промышленниками, состоявшихся вскоре после этого в американской оккупационной зоне, подобная тактика была продемонстрирована еще более откровенно.

Во время процесса против Фридриха Флика Ялмар Шахт,

бывший гитлеровский министр хозяйства и президент рейхсбанка, который на протяжении ряда лет был самым близким Гитлеру человеком, представлявшим интересы германской монополистической буржуазии, выступая в качестве свидетеля защиты, заявил, что ему ничего не известно о связях между Гитлером и промышленниками. На этом же процессе защитник Флика Рудольф Дикс утверждал, что Гитлера привели к власти «массы», в то время как руководители тяжелой промышленности относились к нему отрицательно [1].

Аналогичную позицию заняла защита на процессе руководителей химического концерна «И. Г. Фарбениндустри». Бывший член президиума имперского Союза немецкой промышленности Клеменс Ламмерс, являвшийся в одно время специальным экономическим советником военного губернатора американской зоны генерала Клея, убеждал судей: «Мнение, будто германская промышленность, особенно немецкие крупные промышленники в целом, помогли Гитлеру прийти к власти, основано на легенде» [2].

В соответствии с политической линией на реабилитацию германского монополистического капитала этот тезис получил широкое распространение и в специальной политической и исторической литературе. В одной из первых книг о гитлеровской «третьей империи», выпущенных после второй мировой войны на Западе, немецкий публицист Курт Штехерт писал: «Широко распространенное мнение, будто крупная немецкая промышленность поддерживала гитлеровскую партию, является объективно неверным» [3]. В получившей большую известность в западных странах политической биографии Гитлера буржуазные историки Вальтер Герлиц и Герберт Квинд неустанно подчеркивали, «насколько неверно было бы утверждать, что немецкая крупная промышленность „сотворила" Гитлера для того, чтобы он осуществлял ее экспансионистские планы» [4]. Защите германских промышленников от обвинения в поддержке фашизма посвящена от первой до последней страницы книга американского журналиста Луиса П. Лохнера, ставшая после ее выхода в свет своеобразной библией адвокатов германского монополистического капитализма [5].

Подобная точка зрения столь широко утвердилась на Западе, что под ее влияние попали и многие серьезные буржуазные исследователи, как правило, не склонные идти на прямые фальсификации. К их числу можно, например, отнести Вальтера Хофера — автора ряда книг и публикаций, посвященных различным этапам истории фашистской Германии.

---

[1] Trials of War Criminals before the Nürenberg Military Tribunals. Vol. VI. The Flick Case. Wash., 1952. P. 1170 ff. (далее: Flick Case).

[2] Цит. по: *Lochner L. P.* Tycoon and Tyrant. German Industry from Hitler to Adenauer. Chicago, 1954. P. 97.

[3] *Stechert K.* Wie was das möglich? Der Ursprung des Dritten Reiches in historischer und soziologischer Beleichtung. Stockholm, 1945. S. 316.

[4] *Görlitz W., Quint H.* Adolf Hitler — eine Biographie. Stuttgart, 1952. S. 257.

[5] *Lochner L. P.* Op. cit.

«Особенно щекотливую главу в немецкой экономической истории с 1933 по 1945 г., — пишет Хофер, — составляют отношения между национал-социалистами и промышленностью, в частности — предпринимателями. В этом вопросе особенно недопустимы и исторически несостоятельны любые обобщения тенденций. Промышленники и предприниматели не выступали по отношению к Гитлеру и его движению как „сплоченная группа“» [6]. В связи с этим, утверждает он, неправильно говорить об отношениях между Гитлером и промышленниками в целом: речь может идти только об отношениях между нацистами и отдельными личностями.

Исключение составляет в данном отношении Георг Хальгартен [7]. Проведенное им исследование отношений между крупным капиталом и фашистской партией, несмотря на некоторую сдержанность в выводах и фрагментарность в изложении фактического материала, до сих пор является важным пособием при изучении социальных функций и социальных связей фашизма.

Стремясь обелить германские монополии, их защитники в политике и науке пытаются спекулировать на сложности и многогранности исторического процесса и неполноте источников, находящихся в научном обороте. Основной упор при этом делается на попытках доказать, во-первых, будто немецкие монополии в целом не финансировали или почти не финансировали фашистское движение, во-вторых, будто верхушка немецкой буржуазии не играла никакой роли в приходе гитлеровской партии к власти, и, в-третьих, будто немецкая буржуазия не получила никаких выгод от 12-летнего фашистского господства. Поскольку эти вопросы продолжают стоять в центре политических и научных споров, им и будет уделено ниже основное внимание.

Главные источники финансирования фашистской партии

Политические противники национал-социалистов, в том числе и из буржуазного лагеря, с самого начала отмечали, что НСДАП справлялась с финансовыми затруднениями гораздо легче многих других партий. Бывший германский канцлер Брюнинг, например, неоднократно жаловался, что, несмотря на огромные материальные затраты, связанные с частыми выборами в последние годы Веймарской республики, гитлеровское движение постоянно располагало необходимыми средствами.

Это тем более бросалось в глаза, что траты, производимые нацистами, были в общем и целом более значительными, чем те, которые осуществлялись другими буржуазными партиями. Нацисты первыми создали частную партийную армию СА. Армия эта была многочисленной, и расходы на ее содержание особенно большими, поскольку она в немалой степени держалась на материальных

[6] *Hofer W.* Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn der Zweiten Weltkrieges. Konstanz, 19-. S. 120.
[7] *Hallgarten G.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1962.

подачках (бесплатная униформа, компенсация за пропущенные рабочие дни, выплата проездных, бесплатное пиво, а иногда и обеды). По некоторым подсчетам, расходы НСДАП на униформу, вооружение и другие связанные с этим выплаты составили от 70 до 90 млн марок [8]. Это приводило к тому, что касса национал-социалистов время от времени пустела, что становилось особенно заметным после политических неудач, когда поток денежных поступлений начинал сокращаться. Один из таких моментов был зафиксирован, например, Геббельсом в его дневниках, изданных впоследствии в виде книги: «Получил отчет о финансовом положении берлинской организации. Положение неутешительное. . .» (запись от 11 ноября 1932 г.). «Нам придется сократить зарплату в областной организации; в противном случае мы не выйдем из положения с финансами» (запись от 22 декабря 1932 г.) [9].

Тем не менее в нужный момент деньги находились. Имперский министр Траверанус в письме генералу Шлейхеру от 22 августа 1931 г., рассказывая о состоявшейся у него встрече с Гитлером, с явной завистью констатировал: «Вполне уверен в победе. Опять получил деньги» [10]. Сказанное относилось ко второй половине 1931 г. Но оно в одинаковой степени могло быть распространено и на другие периоды деятельности национал-социалистской партии.

Откуда же поступали столь значительные средства? Этот вопрос встал уже на раннем этапе деятельности национал-социалистов. Поскольку было очевидно, что небольшие взносы, взимаемые с рядовых членов НСДАП, не могли покрыть и малой доли ее расходов, возникла мысль о влиятельных политических силах, взявших партию на содержание.

Ответ на этот вопрос можно было бы найти в приходных книгах имперского казначея национал-социалистской партии Ксавера Шварца, который с типично немецкой пунктуальностью фиксировал все суммы, поступавшие на счета НСДАП на протяжении многих лет. Для изучения политических и социальных корней германского фашизма эти книги могли дать больше, чем все другие трофейные материалы.

Неразбериха и хаос, царившие в последние дни гитлеровской «третьей империи», помешали фашистскому руководству уничтожить важнейшие документы. Сохранилась картотека всех членов НСДАП и примыкавших к ней организаций, а также богатейшие гестаповские архивы, архивы германского министерства иностранных дел, архивы патентов и другие ценные материалы. Однако приходные книги имперского казначейства были сожжены в Мюнхене еще за несколько дней до прихода туда войск союзников. Видимо, сохранение тайны, которую содержали эти книги, было соч-

[8] См.: Ibid. S. 120.
[9] *Göbbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. München, 1934. S. 200, 228.
[10] Bundesarchiv Koblenz. Nachlass Schleicher. Bd. 19, Fol. 25. Цит. по: *Vogelsand T.* Reichswehr. Staat und NSDAP. Stutgart, 1962, Anhang, S. 340.

тено делом более важным, чем сохранение других государственных секретов.

Поскольку главный источник информации о каналах финансирования НСДАП был уничтожен, особое значение могли иметь личные показания имперского казначея, который, хотя и не мог удержать в памяти все детали, превосходно знал, от кого получали нацисты основные суммы. Ксавер Шварц в 1945 г. был арестован американскими властями и до своей смерти в 1947 г. подвергался непрерывным допросам. В ходе этих допросов американские следователи получили немало сведений. Однако они так и не стали достоянием общественности.

В связи с этим, выявляя источники финансирования гитлеровской партии, приходится оперировать косвенными данными. Эти данные, естественно, не могут воссоздать полной картины. В то же время они достаточно многочисленны и убедительны, чтобы с их помощью обосновать вполне определенные выводы.

На первых порах значительная часть финансовых средств поступала в кассу национал-социалистов от рейхсвера. Именно субсидии рейхсвера наряду с пожертвованиями эмигрантских белогвардейских групп, обосновавшихся в то время в Мюнхене, помогли малоизвестной и политически незначительной партии, во главе которой с начала 20-х годов встал Адольф Гитлер, развернуть активную пропаганду и даже приступить к изданию собственного центрального органа — газеты «Фелькишер беобахтер».

Но рейхсверовские марки не могли удовлетворить аппетиты нацистского руководства. Уже в начале 20-х годов в германской печати появились сообщения, что партия, возглавляемая Гитлером, не отказывается принимать деньги и из иностранных источников. «Берлинер тагеблат», например, обратилась к национал-социалистам с вопросом, в состоянии ли они опровергнуть информацию о том, что на счет НСДАП в мюнхенском филиале «Немецкого банка» была переведена сумма во франках, эквивалентная 30—40 млн марок [11].

В связи с подобными сообщениями высказывалось мнение, что резкие выступления нацистской партии против центрального правительства в Берлине и упор, который при этом делался на самобытности Баварии, привлекли к национал-социалистам внимание французских разведывательных органов, поддерживавших сепаратистские движения в Германии. Гитлер возбудил дело о клевете против газеты «Ди нойе вельт», напечатавшей материалы на эту тему.

Однако в последний момент представители нацистской партии не решились явиться в суд, и дело было прекращено [12].

Одновременно стало известно о субсидиях, поступавших НСДАП из Соединенных Штатов, в частности от американского промышленного магната Генри Форда. Как и в первом случае,

[11] *Kamfmeyer P.* Der Nationalsozialismus und seine Gönner. B., 1924. S. 39.
[12] Frankfurter Zeitung, 1923. 19. Juni.

национал-социалисты подняли шум о клевете, обратились в суд, а затем сами прекратили дело [13].

То, что эти сообщения имели под собой определенные основания, признавали впоследствии и некоторые фашистские деятели [14].

Тем не менее в начале 20-х годов объем финансовых поступлений в кассу НСДАП был таков, что не мог быть объяснен лишь рейхсверовскими и зарубежными подачками. В деловых отчетах партии за 1922 г. ее имущество без текущих финансовых расходов официально оценивалось в 22 млн марок (22 тыс. марок золотом). Для сравнительно небольшой партии, представлявшей собой еще три года назад лишь группу собутыльников, это была значительная сумма, особенно если учесть, что деловые отчеты партии обычно корректировались в сторону занижения действительной стоимости имущества. Но это свидетельствовало о том, что, помимо рейхсвера, у НСДАП появились внутри страны новые богатые меценаты.

И действительно, к этому времени в Баварии сложилась стабильная группа промышленников, сделавших ставку на гитлеровскую партию. Решающую роль среди них играли крупный мюнхенский промышленник фон Маффей, владелец «Электрохемише верке А. Г.» (Мюнхен) Альберт Питч и богатый мюнхенский издатель Хуго Брукман. Наиболее влиятельной фигурой в этой группе был председатель Баварского союза промышленников Х. Ауст. Все они регулярно выделяли для НСДАП средства, причем, как признавал в 1924 г. в своих показаниях прокурору в связи с процессом против Гитлера Ауст, речь шла о крупных суммах [15]. Деньги баварских промышленников сыграли важную роль в проведении нацистами предвыборной кампании в 1924 г.[16]

Даже если бы круг финансовых покровителей был в то время ограничен только упомянутой группой, имелись все основания утверждать, что уже на первом этапе своего существования НСДАП оказалась тесно связанной с промышленниками Баварии, в которой она тогда действовала. Однако связи НСДАП с промышленностью были гораздо шире.

Начиная с 1922 г. руководство гитлеровской партии установило контакт с рядом влиятельных представителей монополистической верхушки всей Германии. Примерно к этому времени относится начало тесных отношений между Гитлером и владельцем всемирно известной берлинской фабрики пианино Карлом Бехштейном, ставшим своеобразным эмиссаром НСДАП в берлинских предпринимательских кругах. Летом 1922 г. список покровителей национал-социалистской партии пополняется председателем Объедине-

---

[13] *Гумбель Э.* Заговорщики. Пг.; М., 1923. С. 180.

[14] См.: *Kampfmeyer P.* Op. cit. S. 39; *Lany S., Schenk E.* Porträt eines Menschheitsverbrechers. St. Gaelen, 1947, S. 72—73.

[15] *Lang S., Schenk E.* Op. cit. S. 75.; см. также: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. München, 1971. S. 78; *Maser W.* Hitlers Mein Kampf. München, 1966. S. 284; *Plewnia M.* Auf dem Weg zu Hitler. Der «völkische» Publizist Dietrich Eckart. Bremen, 1970. S. 70.

[16] *Kampfmeyer P.* Op. cit. S. 40—41.

ния немецких работодателей, крупным берлинским промышленником фон Борзигом [17]. Контакты между Гитлером и фон Борзигом, установленные вскоре после выступления фюрера НСДАП в Национальном клубе в Берлине, перерастают в тесное сотрудничество. Фон Борзиг берет на себя сбор средств среди промышленников для создания организаций НСДАП в Северной Германии и Берлине. Полученная в результате этого сбора крупная сумма была передана уполномоченному Гитлера Пенеру через директора борзигских заводов Литца [18].

Все больший интерес к НСДАП начинает проявлять в это время и один из самых влиятельных магнатов стальной промышленности, Фриц Тиссен. В 1923 г. он передает через генерала Людендорфа, находившегося в тесном контакте с гитлеровской партией, 100 тыс. золотых марок для организации подрывной деятельности против Веймарской республики [19].

В то же время НСДАП и ее союзникам вручается через банкира Мину крупная сумма денег, ассигнованная Стиннесом [20]. Именно эти деньги и сделали возможной организацию пивного путча 1923 г., имевшего целью замену парламентского режима фашистской диктатурой Людендорфа.

В 1926 г. нацистами был установлен контакт с влиятельной группой рурских промышленников, в конце 1928 г. — с предпринимателями Нюрнберга [21].

В свете этих факторов вряд ли можно согласиться с Г. Хальгартеном, который считает, что до 1929 г. национал-социалистская партия существовала только за счет членских взносов и некоторых частных пожертвований [22]. Суммы, которые она получала от промышленников, были достаточно внушительными. Но главное даже не в этом. Главное заключалось в том, что в капиталистических кругах сразу же правильно оценили классовый характер программы национал-социалистов. Ни баварских фабрикантов, ни Тиссена, ни Стиннеса, ни Борзига не испугали ни «антикапиталистическая» направленность национал-социалистской пропаганды, ни название «рабочая» партия, ни угрозы так называемых радикальных национал-социалистов. Классовое чутье подсказало представителям буржуазии, с кем они в действительности имеют дело. И, как известно, они не ошиблись [23].

Разумеется, на первом этапе поддержка НСДАП, в том числе

---

[17] *Гейден К.* История германского фашизма. М., 1935. С. 86.

[18] См.: *Schulz G.* Der «nationale Klub von 1919» in Berlin // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. 1962. S. 218, а также: Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit» de NSDAP / Hrsg. von A. Tyrell. Düsseldorf, 1969. S. 46.

[19] *Hallgarten G.* Op. cit. S. 36.

[20] *Lochner L. P.* Op. cit. P. 117.

[21] См.: Faschismus als soziale Bewegung / Hrsg. von W. Schieder. Hamburg, 1976. S. 29; S. 57.

[22] *Hallgarten G.* Op. cit. S. 90.

[23] См.: также: *Turner H. A.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Studien zum Verhältnis zwischen Nationalsozialismus und Wirtschaft. Göttingen, 1972.

и финансовая, не была столь широкой и всесторонней, как накануне прихода Гитлера к власти. Для этого были свои причины. Во-первых, нацисты представляли собой в то время лишь одну из многих правых и праворадикальных партий, стоявших на позициях фашистской диктатуры. Естественно, что объем средств, приходившийся на ее долю, соответствовал ее политическим возможностям. Во-вторых, влиятельная часть германской буржуазии длительное время считала невыгодным переход к открытой диктатуре, осуществляемой руками нацистов, и продолжала делать ставку на традиционные буржуазные партии. Это находило свое отражение и в распределении ими субсидий. Львиная доля доставалась политическим силам, находившимся у власти или имевшим реальные шансы добраться до нее. Крайне правые партии и организации, рассматривавшиеся в качестве запасного варианта, получали лишь незначительные суммы.

В некоторых случаях такое распределение продолжалось до начала 30-х годов. Характерен в этом отношении список субсидий, предоставленных концерном Флика в 1932 г. (тыс. марок):

Сторонникам Брюнинга (ноябрь)	100
Сторонникам Шлейхера (июль)	120
Сторонникам Гутенберга (июль)	30
Сторонникам Папена (октябрь)	100
НСДАП	около 50
Различным центристским и левым партиям	100

В 1933 г. для проведения предвыборной кампании было предоставлено Немецкой национальной народной партии (НННП) — 100 тыс., партии Центра — 30 тыс. и НСДАП — 100 тыс. марок [24].

Этот список Флик предъявил во время процесса, чтобы доказать свою непричастность к заговору, имевшему целью передачу власти фашистам. Обелить себя Флику, разумеется, не удалось. Слишком вескими были обвинительные материалы, чтобы можно было считаться с тем, что на содержании у Флика, кроме нацистов, находились почти все буржуазные партии Веймарской республики. Зато материал, который он представил, дал очень многое для понимания тактики монополий. Даже в тех случаях, когда они выступают в поддержку парламентского строя, они готовы оказать содействие установлению диктатуры, как только это покажется им нужным.

По мере обострения политической и экономической обстановки круг монополий, вступавших в непосредственный контакт с нацистами, постоянно расширялся. С 1927 г. НСДАП привлекла особое внимание одного из заправил германского монополистического капитала, генерального директора и хозяина крупнейшей угледобывающей фирмы «Гельзенкирхенер бергверкс А. Г.», создателя немецкого угольного синдиката Эмиля Кирдорфа. Поддержка Кирдорфа открывает национал-социалистской партии доступ

[24] Flick Case. Vol. VI. P. 382.

в высшие сферы германской тяжелой промышленности [25]. По его рекомендации восстанавливает свои связи с нацистами Фриц Тиссен. Серия докладов для промышленников об экономических и социально-политических взглядах НСДАП, с которой начал выступать с 1926 г. Гитлер, собирает все более представительную аудиторию [26].

Во второй половине 1930 г. Гитлер неоднократно встречался с промышленниками Рурской области. Результатом этих встреч были новые значительные денежные взносы в кассу нацистской партии. Как следует из относящегося к этому времени отчета местных властей, речь шла о двух субсидиях размером в 700 тыс. и 400 тыс. марок [27].

По инициативе Кирдорфа в конце 1930 г. Рейнско-Вестфальским угольным синдикатом было принято решение об отчислении входящими в него фирмами с 1 января 1931 г. в пользу НСДАП по 5 пф. с каждой проданной тонны угля. Некоторые буржуазные исследователи отрицают факт принятия этого решения. При этом они ссылаются на заверения Стиннеса и генерального директора синдиката Альберта Януса, будто такого решения не было, а также на сфабрикованное английской военной администрацией заявление производственного совета Северогерманского управления угольной промышленности, к которому после разгрома гитлеровской Германии перешли функции угольного синдиката [28]. Эти утверждения опровергают около 200 нотариально заверенных заявлений бывших членов производственных советов предприятий концерна «Сименс».

Характерно, однако, что даже самые ярые защитники немецких промышленников не решаются утверждать, что рурская угледобывающая промышленность вообще не выделяла субсидий национал-социалистам. Поэтому спор, который они пытаются навязать по этому вопросу, сводится в конечном счете к размерам выплаченной суммы. Если предприятия Рейнско-Вестфальского угольного синдиката отчисляли НСДАП по 5 пф. с каждой проданной тонны угля, то это составляло примерно около 6 млн марок ежегодно. Те, кто утверждают, что такого решения не было, называют меньшую сумму.

Так, согласно данным Августа Хейнрихсбауэра, игравшего в свое время видную роль в органах по связи рурской промышленности с политическими партиями, начиная с весны 1931 г. предприятия угледобывающей промышленности выделяли ежемесячно НСДАП через Грегора Штрассера по 10 тыс. марок. Кроме того, для поддержки издаваемого нацистским экономическим экспертом

---

[25] *Turner H. A.* Op. cit. S. 84 ff.
[26] *Jochmann W.* Im Kampf um die Macht. Hitlers Rede vor dem Hamburger Nationalklub von 1919. Frankfurt a./M., 1960. S. 103, 114—116; См. также: Dokumente zum Zeitgeschichte. München, 1941. S. 242.
[27] *Böhnke W.* Die NSDAP im Ruhrgebiet, 1920—1933. Bonn; Bad-Godesberg, 1974. S. 160.
[28] *Lochner L. P.* Op. cit. P. 119—121.

(впоследствии имперским министром хозяйства) Вальтером Функом «Вестника политико-экономической информации» ежемесячно выделялось от 2 до 3 тыс. марок [29]. Для проведения выборов в рейхстаг в 1931 г. нацистской партии была выделена единовременная субсидия в размере 100 тыс. марок. Около 60 тыс. марок было передано в 1931—1932 гг. местной эссенской организации национал-социалистской партии и выходившей в Эссене нацистской газете «Национальцайтунг».

Кроме того, из средств Союза предпринимателей Северо-Западной Германии по инициативе его генерального секретаря Людвига Грауерта НСДАП были несколько раз выданы субсидии размером в 200—300 тыс. марок на расширение газеты «Национальцайтунг» и на предвыборную кампанию в 1932 г.[30] Примеру Союза предпринимателей Северо-Запада вскоре последовали Объединение стальной промышленности Северо-Западной Германии и Союз по защите совместных экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии [31].

По мнению многих исследователей (в том числе Хальгартена), данные, приводимые Хейнрихсбауэром, значительно преуменьшены, что неудивительно, учитывая ту роль, которую он лично играл в подкармливании нацистской партии. Вероятнее всего, все суммы, о которых он пишет, выделялись не вместо отчислений 5 пф. с каждой проданной тонны, а наряду с ними.

Кроме угольной промышленности, в финансировании НСДАП стали принимать все большее участие и другие промышленные концерны. Осуществлялось оно через созданный этими концернами политический фонд, которым распоряжался Альфред Гутенберг. По оценке Тиссена, на протяжении нескольких лет, предшествовавших 1933 г., в кассы национал-социалистов поступала 1/5 всех средств фонда, что составляло около 2 млн марок в год [32]. Сам Тиссен взял полностью на себя финансирование строительства «Коричневого дома» в Мюнхене (300 тыс. марок), а также передавал крупные суммы (в общем около 150 тыс. марок) лично Герингу [33].

Особенно увеличились поступления в нацистскую партийную кассу после организованного Тиссеном выступления Гитлера в Промышленном клубе в Дюссельдорфе 27 января 1932 г.[34] Значение этого выступления было впоследствии сильно раздуто

[29] На Нюрнбергском процессе Функ рассказал о связях, существовавших тогда между НСДАП и промышленными кругами Рура. Согласно его показаниям, в группу промышленных магнатов, поддерживавших наиболее тесные связи с национал-социалистами и активно финансировавших их, входили наряду с Кирдорфом и Тиссеном Тенгельман, Шпрингорум, Феглер, Ростерг, руководители гамбургских пароходных компаний и др. См.: Nazi Conspiracy and Aggression. Suppl. A. Wash., 1947. P. 1196 ff.

[30] *Heinrichsbauer A.* Schwerindustrie und Politik. Essen, 1948. S. 39—40.

[31] Frankfurter Zeitung. 1932. 9. Jan.

[32] *Thyssen F.* I paid Hitler. L.; N. Y., 1941. P. 102 ff.

[33] Ibid. P. 98—100.

[34] Hitlers Reden und Proklamationen, 1932—1945 / Hrsg. von M. Domarus: In 3 Bde. Würzburg, 1962, 1963. Bd. 1. S. 68—90. См. также: *Hallgarten G.* Op. cit. S. 99, 122.

нацистской пропагандой. Тем не менее не вызывает сомнения, что после торжественной встречи, устроенной нацистскому фюреру самыми влиятельными промышленниками Германии, его политический вес в правящих кругах существенно возрос [35].

Особого упоминания заслуживает роль банков. Их связь с НСДАП была не менее прочной. В числе сторонников нацистов с самого начала фигурировал член правления Немецкого банка фон Штаус. В декабре 1930 г. Штаус свел своего приятеля и коллегу Ялмара Шахта, бывшего президента Рейхсбанка, с Германом Герингом [36]. С этого момента Шахт стал одним из самых ярых приверженцев национал-социализма среди германских банкиров.

Среди лиц, наиболее близких к нацистской партии, видное место занимали кёльнские банкиры Генрих фон Штейн и барон Курт фон Шредер, член правления Имперского кредитного общества Отто Христиан Фишер и Фридрих Рейнгарт из Коммерческого банка, представители страховых обществ К. Шмитт и Хильгарт.

Очевидно, что поддержка ими НСДАП, нуждавшейся в средствах, не была бескорыстной. Действительно, как сообщает Брюнинг, от банкиров в кассу НСДАП поступали весьма существенные суммы: «. . .по крайней мере один из них, как стало известно, оказывал начиная с 1928 г. самую щедрую денежную поддержку нацистам и другим националистическим партиям. . .» [37]. Размеры этой поддержки до сих пор неизвестны.

Еще большее значение, чем непосредственная финансовая помощь, имело удостоверение банками кредитоспособности нацистов. Несмотря на щедрую поддержку, расходы НСДАП превышали доходы. Это вынуждало лидеров национал-социалистов постоянно прибегать к займам. Накануне прихода Гитлера к власти долги НСДАП составляли около 12 млн марок, а по некоторым подсчетам — даже больше [38]. При этом большая часть долгов была просрочена и оплата по ним откладывалась из месяца в месяц. Очевидно, что большие кредиты могли быть предоставлены (особенно когда речь шла о не очень крупных фирмах) лишь в том случае, если займы были гарантированы банками.

Список лиц, финансировавших нацистов, был бы неполным, если бы в нем не было отведено достойное место нефтяному магнату Детердингу. Полновластный хозяин «Ройял датч шелл», он как бы олицетворял наиболее воинственные круги монополистического капитала. Вокруг него группировались международные авантюристы. В его окружении разрабатывались планы контрреволюционных переворотов и интервенций. Из его кассы черпали средства правые партии и организации во всем мире. «Я лично считаю, —

---

[35] Trials of War Criminals. Vol. IV: The Flick Case. P. 42—43.

[36] *Schacht H.* 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953. S. 350. См. также: Protokoll der Vernehmung des Jalmar Schacht am 20. Juli 1945; *Czichon E.* Wer verhalf Hitler zum Macht. Zum Anteil der deutschen Industrie an der Zerstörung der Weimarer Republik. Köln, 1976. S. 59.

[37] *Lochner L. P.* Op. cit. P. 134.

[38] *Hallgarten G.* Op. cit. S. 120.

говорил Детердинг, излагая свое кредо, — что так называемая демократия в том виде, как она понимается общественным мнением в большинстве стран, — это не что иное, как рай для бездельников... Если бы я был всемирным диктатором, я расстрелял бы всех бездельников, которые попались бы мне на глаза» [39].

Неудивительно, что вскоре после того, как гитлеровская партия получила известность за пределами Баварии, Детердинг проявил к ней особое внимание. К началу 30-х годов пожертвования от «Ройял датч шелл» заняли видное место среди поступлений в нацистскую партийную кассу. В частности, предвыборные кампании нацистской партии в 1932 г., исход которых сыграл значительную роль в приходе Гитлера к власти, велись в большей степени на деньги Детердинга. Всего, по некоторым данным, Детердинг ассигновал нацистской партии до ее прихода к власти около 10 млн марок [40].

Таким образом, значительная часть крупных немецких промышленников в той или иной степени участвовала в финансировании НСДАП, создав тем самым условия для ее прихода к власти. Финансирование гитлеровской партии продолжалось и после того, как Гитлер возглавил правительство.

Весьма показательны результаты встречи крупных промышленников с Гитлером, состоявшейся 20 февраля 1933 г. в служебном помещении президента рейхстага Геринга. Германские монополии были представлены на встрече наиболее влиятельными деятелями. Кроме Шахта, на встречу явились Густав Крупп фон Болен, директор «Гельзенкирхенер бергверкс А. Г.» Альберг Феглер, генеральный директор «Эссенер штейнколен-бергверке А. Г.» Эрнст Тенгельман, Георг фон Шницлер из «И. Г. Фарбениндустри», Герман Беренс (представитель буроугольной промышленности), руководящие деятели электротехнических компаний «АЭГ» и «Сименс», металлообрабатывающей и текстильной промышленности, а также видные банкиры (всего 20—25 человек) [41].

Характерно, что среди присутствующих оказались представители и тех монополий, которые до этого делали ставку на другие политические партии и не имели прямой связи с нацистами. В частности, совещание 20 февраля явилось первой встречей Гитлера и Круппа.

---

[39] *Deterding H.* An International Oilman. L.; N. Y., 1934. P. 114, 118.

[40] *Lochner L. P.* Op. cit. P. 110—111. См. также: *Mowrer E. A.* Germany Puts the Clock Back. L., 1933. P. 146. После прихода Гитлера к власти Детердинг купил поместье в Мекленбурге и виллу около Берлина и вместе со своей женой, членом НСДАП Шарлоттой Наак поселился в Германии. Он продолжал поддерживать тесную связь с гитлеровским режимом и финансировать НСДАП. В делах Немецкого банка содержится документ следующего содержания: «Имперское сословие продовольствия получило от Детерлинга (Голландия) первую партию продовольствия, пожертвованного в рамках кампании зимней помощи, и перевело за нее организации зимней помощи 11,9 млн марок. Кроме того, Детердинг выплачивает организации „зимней помощи“ ежемесячно 5 тыс. марок. Штраус» (DwG-Archiv. Deutsche Bank. Generalsekretariat. D-r Stauss. Div. geschäftliche Korrespondenz 66—67. N 71).

[41] *Lochner L. P.* Op. cit. P. 169.

В своем выступлении на совещании Гитлер был предельно откровенен. Он провозгласил программу ликвидации остатков парламентского строя и установления неограниченной диктатуры. Слушателям было дано понять, что руководство НСДАП не намерено связывать себе руки соображениями формальной законности и будет проводить свою программу вне зависимости от исхода выборов. На осуществление этой программы Гитлер потребовал от промышленников новых крупных субсидий [42].

Собравшиеся ответили на этот призыв полной поддержкой. Когда Шахт предложил присутствующим не тратить времени на разговоры, а открыть сейфы, этой рекомендации последовали все без исключения. После краткого обмена мнениями промышленники выразили согласие выделить 3 млн марок, которые должны были быть разделены между партиями гитлеровской коалиции (НСДАП, НННП и ННП — Немецкая народная партия) в соответствии с их представительством в прежнем рейхстаге. Львиную долю этой субсидии получили, естественно, нацисты [43].

Пытаясь объяснить позицию, занятую 20 февраля промышленниками, Лохнер ссылается на «гипнотическое влияние», которое-де оказывал на своих слушателей Гитлер. Кроме того, утверждает он, промышленников весьма привлекло заявление выступившего после Гитлера Геринга о том, что предстоящие выборы будут последними. Они восприняли его лишь в том смысле, что им не придется больше давать денег на предвыборную кампанию, и «не заметили», что речь идет о перевороте, который ликвидирует парламентскую систему.

Удивительная картина! Руководители германской промышленности в роли недорослей-несмышленышей, способных поддаться дешевым эффектам гитлеровского ораторского «искусства» и не понимающих смысла обращенной к ним речи. Крупп, присутствовавший на совещании 20 февраля, оценивал эту роль иначе. В 1945 г., находясь в заключении, на вопрос допрашивавшего его офицера, почему он и его коллеги поддержали приход Гитлера к власти, он цинично ответил: «Экономика нуждается в спокойном поступательном развитии. В результате борьбы между многими немецкими партиями и беспорядка не существовало возможности для производственной деятельности. Мы, члены семьи Круппа, не идеалисты, а реалисты. . . У нас создалось впечатление, что Гитлер обеспечит нам необходимое здоровое развитие. И он действительно сделал это. . . Жизнь — это борьба за существование, за хлеб, за власть. . . В этой суровой борьбе нам было необходимо суровое и крепкое руководство» [44].

Аналогичной позиции придерживался Я. Шахт, заявивший в апреле 1933 г.: «Политическое развитие идет в том направлении,

---

[42] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. XXXV. S. 42 ff. Dok. 203-D.

[43] *Schacht H.* Op. cit. S. 380; *Lochner L. P.* Op. cit.; По некоторым данным, в тот же день было собрано не 3 млн, а 7 млн марок (*Hallgarten G.* Op. sit. S. 126).

[44] *Hindels J.* Hitler war kein Zufall. Wien, 1962. S. 99.

которое было давно желательным для президиума Имперского союза немецкой промышленности»[45].

Нет! Крупп, Шахт и другие промышленные и финансовые магнаты хорошо представляли, о чем идет речь и во имя чего они платят деньги.

Более детального рассмотрения заслуживает другой аргумент, используемый для оправдания фирм, финансировавших нацистов уже после прихода Гитлера к власти. Утверждают, что это финансирование нельзя считать добровольным, поскольку оно осуществлялось в условиях тоталитарного нацистского господства[46].

Было бы, разумеется, неверным отрицать, что после того, как фашистский режим достаточно укрепился, он получил в свои руки рычаги, позволявшие оказывать нажим даже на крупные монополии, от которых он прежде прямо зависел. Тем более это относится к мелким фирмам, которые в ряде случаев становились объектом беспардонного шантажа и поборов со стороны нацистских должностных лиц самого различного ранга.

Однако к вопросу о финансировании нацистской партии эти соображения имеют косвенное отношение. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства.

Во-первых, решающую роль в этом финансировании по-прежнему играли монополии, оказывавшие нацистам активную поддержку еще в то время, когда они выступали лишь в роли просителей. Во-вторых, решения об оказании НСДАП регулярной финансовой поддержки были приняты тогда, когда позиции Гитлера были еще непрочными и он не мог позволить себе открыто ссориться со своими благодетелями.

Было ли финансирование нацистской партии монополиями формой откупа, позволявшего избавиться от назойливого вмешательства нацистов во внутренние дела предприятий? Конечно, в какой-то степени оно преследовало и эти цели. Однако, когда речь шла об откупе, деньги обычно давались непосредственно главарям фашистской клики. Так, Геббельсу в день рождения берлинский магистрат при активном участии берлинских промышленников подарил «загородную виллу», представлявшую собой комплекс роскошных зданий. Геринг в честь своего 50-летия получил от промышленников ряд ценнейших произведений искусства, в том числе уникальный сервиз севрского фарфора из 2400 предметов стоимостью в 500 тыс. марок[47].

Когда же речь шла о субсидиях НСДАП как партии, они выделялись прежде всего потому, что ее политика устраивала монополии, шла им на пользу. О том, что это именно так, свидетельствуют и обстоятельства решения о предоставлении таких субсидий и формы субсидирования.

Одной из таких форм были отчисления «в фонд Адольфа Гит-

[45] Wer war Hitler. Grosskapital und Faschismus, 1918—1945: Dokumente / Hrsg. von U. Hörster-Philipps. Köln, 1978. S. 198.

[46] *Glum F.* Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962. S. 245.

[47] *Buchheit G.* Soldatentum und Rebellion. Rastatt; Baden, 1961. S. 76.

лера», за счет которого финансировались все «благотворительные» и «социальные» мероприятия нацистской партии. Размер отчислений составлял примерно 0,5 % от суммы заработной платы и жалованья, выплаченной соответствующей фирмой.

Показательно, что инициатива создания этого фонда исходила не от нацистских инстанций, а от самих промышленников. Впервые эта идея была выдвинута управляющим делами Центрального объединения немецких предпринимательских союзов Роландом Браувейлером и была поддержана всеми крупными монополиями. Крупп фон Болен, характеризовавший этот фонд в письме Шахту как выражение «благодарности нации фюреру» [48], взял на себя руководство им в качестве представителя германской промышленности.

Уже в первый год создания фонда (1933) перечисленные в него суммы составили около 30 млн марок. Впоследствии они возрастали в соответствии с ростом оборота крупных монополий, для которых приход нацистов к власти открыл новые возможности промышленного развития.

Это достаточно наглядно можно проследить на примере динамики отчислений, производимых концерном «И. Г. Фарбениндустри» [49]:

Год	Рейхсмарки	Год	Рейхсмарки	Год	Рейхсмарки
1933	3 584 070	1937	5 467 626	1941	8 057 982
1934	4 020 205	1938	8 156 315	1942	13 436 201
1935	4 515 039	1939	7 539 857	1943	8 588 650
1936	4 960 636	1940	7 471 620	1944	8 402 152

Всего «И. Г. Фарбениндустри» выделила нацистской партии в порядке добровольных отчислений около 84 млн марок [50].

Своеобразной формой финансирования НСДАП была деятельность группы промышленников и банкиров, первоначально именовавших себя «кружком друзей экономики». Создание этого кружка относится к середине 1932 г., когда экономический советник Гитлера промышленник Кепплер («Браунколе-Бенцин А. Г.») по просьбе фюрера привлек к участию в нем 12 банкиров и промышленников, выразивших готовность в неофициальной форме излагать руководству национал-социалистской партии свои взгляды о мерах по преодолению экономического кризиса и ликвидации безработицы [51]. В частности, Кепплер привлек к сотрудничеству Ялмара Шахта, Курта фон Шредера, Августа Ростберга (концерн «Винтерсхалл»), Готфрида фон Бисмарка (представитель юнкер-

[48] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. XXXV. S. 22. Dok. D-151.
[49] См.: *Drobisch K.* Der Freundenkreis Himmlers // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1960. H. 2. S. 307.
[50] В эту сумму включены также другие сборы в пользу НСДАП, в частности на «зимнюю помощь», и не включены отчисления входивших в концерн предприятий «Лейна», «Буна» и «Калле унд К° А. Г.», делавших взносы самостоятельно.
[51] The Flick Case. P. 43.

ства), Отто Штейнбринка («Ферайнигте штальверке»), Хейнриха Шмидта и Эвальда Хеккера (угольная промышленность), Рудольфа Вингеля (концерн Сименса), Эмиля Гельфериха («Дойчамериканише петролиум гезельшафт»), Эмиля Майера («Дрезденер банк») и Фридриха Рейнхарда («Коммерц унд приватбанк»). Иными словами, с самого начала в кружке Кепплера были представлены и крупнейшие фирмы, и аграрии, и самые влиятельные банки.

Впоследствии к работе кружка были привлечены Фридрих Флик, Гейнрих Боттефиш («И. Г. Фарбениндустри»), Карл Линдеман («Атлас-верке»), Риттер фон Хальт (Немецкий банк), Курт Шмидт (Алианц-Ферзихерунгс-концерн) и т. д.[52]

После прихода Гитлера к власти число желающих вступить в кружок Кепплера настолько выросло, что его руководители прибегли к самому тщательному отбору. Тем не менее через несколько лет он объединял уже 40 человек, представлявших всю промышленную и банковскую элиту гитлеровской Германии [53].

Поскольку после 1933 г. связи промышленников с Гитлером стали осуществляться по другим каналам, участники кружка начали все больше концентрировать внимание на деятельности главной террористической организации фашистского режима — СС. Со временем кружок Кепплера превратился в своеобразного шефа органов СС. В кружок вошли личный адъютант Гиммлера Карл Вольф, начальник экономического управления СС Освальд Поль и один из руководителей Имперского управления безопасности, Отто Олендорф. Время от времени члены кружка встречались с Гиммлером, заслушивали информационные доклады деятелей СС и даже выезжали вместе с Гиммлером для осмотра концентрационного лагеря в Дахау. В связи с этим кружок Кепплера стал широко известен в нацистских кругах как «кружок друзей рейхсфюрера СС» — название, приобретшее затем официальный характер.

Со своей стороны члены кружка время от времени выделяли в пользу СС различные суммы. Начиная с 1936 г. эти пожертвования приняли регулярный характер. В кёльнском банке Штейна был открыт специальный счет, на который перечислялись соответствующие средства. В среднем ежегодно в фонд СС поступало около 1 млн марок [54].

О том, как составлялась эта сумма и кто непосредственно принимал участие в субсидировании СС, дает представление приводимая ниже сводка пожертвователей за 1944 год (в тыс. рейхсмарок):

Д-р Рудольф Бингель («Сименс Шукерт А. Г.»)	100
Д-р Генрих Бютефиш и Герман Шмитц («И. Г. Фарбениндустри»)	100
Д-р Фридрих Флик («Мительдойче штальверке ГмбХ»)	100

[52] *Drobisch K.* Op. cit. S. 311—312.
[53] *Drobisch K.* Op. cit. S. 311. См. также: Flick Case. P. 265—268, 287.
[54] Flick Case. P. 244, 259, 270.

Д-р Карл Виттер фон Хальт (Немецкий банк)	75
Эвальд Хеккер («Ильзедер хютте»)	25
Эмиль Хельферих («Дойч-американише петролеум-гезельшафт»)	10
Карл Линдеман (оттуда же)	10
Он же, лично	4
Д-р Рихард Казеловски (фирма «Эткер»)	40
Д-р Альфред Ольшер («Рейхс-кредит А. Г.»)	30
Проф. Эмиль Майер и д-р Карл Раше («Дрезденер банк»)	50
Гельмут Ренерт («Райнметалл-Борзиг А. Г.»)	50
Он же от «Буш егер люденшейдер металверке»	10
Аугуст Ростерг («Винтерсхалл А. Г.»)	100
Отто Штейнбринк («Ферайнигте штальверке А. Г.»)	100
Барон Курт фон Шредер («Браунколе-Бенцин А. Г.»)	100
Он же от «Фельтен унд жулеам газверк А. Г.»	20
Он же от «Микст унд генест А. Г.»	5
Он же от «К. Лоренц А. Г.»	20
Он же от шахты «Пройссен»	50
Он же, лично и проценты	16

Всего, таким образом, в 1944 г. в распоряжение рейхсфюрера СС Гиммлера было передано 1 015 000 рейхсмарок [55].

Разумеется, в это время СС была достаточно богатой организацией, и миллион марок, полученный ею от «шефов», не мог изменить ее финансового положения. На нее работали миллионы рабов в лагерях смерти, в ее кассы стекались огромные суммы из различных стран порабощенной и истерзанной Европы. Однако ежегодно вручаемый миллион был тоже нелишним. Тем более что он был вещественным доказательством солидарности изысканных господ из «высшего общества» с одной из самых преступных организаций, которую когда-либо знала история человечества.

Таким образом, на протяжении всей своей истории НСДАП пользовалась финансовой поддержкой промышленных кругов. Размеры поддержки зависели от общей политической и экономической обстановки, от степени влияния нацистской партии и многих других причин.

Разумеется, сами по себе деньги не «сделали» национал-социалистскую партию. Однако без финансовой поддержки она не сумела бы развернуть эффективной пропаганды, благодаря которой небольшая группа завсегдатаев мюнхенских пивных превратилась в массовую партию, сумевшую повести за собой значительную часть немецкого народа. Без такой поддержки НСДАП не смогла бы с необходимым размахом участвовать в следовавших одна за другой предвыборных кампаниях в 1929—1933 гг. Если бы не деньги монополий, у НСДАП не было бы столь мощной ударной силы, как штурмовые отряды, сыгравшие решающую роль в уста-

[55] Ibid. P. 281—282.

новлении террористической диктатуры в Германии, особенно в первые месяцы после прихода Гитлера к власти. Наконец, деньги монополий помогли национал-социалистам проводить внутри страны политику социальных подачек, которая в немалой степени способствовала стабилизации нацистского режима и сохранению им массовой базы [56].

Политическая поддержка национал-социализма

При всей важности финансовой стороны дела она не является единственной. Не меньшее значение имела политическая поддержка национал-социализма, без которой приход фашизма к власти в Германии в конечном счете был бы невозможен.

Такая поддержка была неодинаковой и зависела от тактики, избираемой монополистической верхушкой в связи с обстановкой. В минимальной степени она проявлялась тогда, когда крайне правые силы рассматривались в качестве запасного варианта, в максимальной — когда проблема перехода к чрезвычайным формам господства становилась актуальной.

Особенно активной политическая поддержка нацистской партии стала в конце 20-х—начале 30-х годов, когда идея привлечения ее к власти стала приобретать среди буржуазии все большую популярность.

В чем состояла эта поддержка? Прежде всего в изменении отношения к нацистской партии политических сил, выражавших взгляды крупной буржуазии. Если до этого нацистская партия почти не бралась в расчет как возможный участник даже самых правых коалиций, то с 1930 г. она стала объектом политического ухаживания с различных сторон.

Определенную роль в этом сыграло, конечно, то, что в 1930 г. НСДАП удалось добиться большого успеха на выборах и образовать крупную фракцию в рейхстаге, что соответственно усилило ее вес в происходившей тогда парламентской игре. Однако одно это не может объяснить усиленного заигрывания с нацистами, вошедшего тогда в моду.

Не меньшим политическим весом обладала в это время германская социал-демократия. На протяжении предшествующего десятилетия она была верным партнером буржуазных партий в различных правительственных коалициях. Ее лояльное сотрудничество с буржуазными партиями убедило их в том, что участие социал-демократических лидеров в управлении государством не только не сопряжено с угрозой капиталистическому строю, но, напротив, обеспечивает буржуазии наиболее безболезненное политическое развитие.

К началу 30-х годов политика социал-демократии не изменилась. В ней не наступило какого-либо серьезного сдвига влево,

---

[56] См., *Gossweiler K.* Grossbanken-Industriemonopolie-Staat. Ökonomie und Politik des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland, 1914—1932. B., 1971.

у руководства СДПГ находились все те же люди. И тем не менее с 1930 г. буржуазные партии отказались от сотрудничества с социал-демократией в общегерманском масштабе. Монополистическая буржуазия была намерена искать выход из кризиса прежде всего в решительном наступлении на социальные и экономические права рабочего класса, завоеванные им в результате ноябрьской революции 1918 г. Для проведения такой политики социал-демократия, сохранявшая свои связи с рабочим движением, была малопригодна. И эту позицию не могли уже изменить никакие соображения парламентской арифметики.

Разумеется, возросший интерес крупной буржуазии к национал-социалистам не мог просто снять политические противоречия и соперничество, существовавшие между центристскими, правыми и крайне правыми политическими силами Веймарской республики. Политические партии добровольно самоубийством не кончают. Традиционные политические партии германской буржуазии с глубоким недоверием наблюдали за новым фаворитом, пытаясь добиться такого положения, чтобы не он диктовал им свою волю, а они поставили его себе на службу.

Соперничество и борьба за решающие позиции в правом блоке, который должен был образовать политическую опору готовящейся реакционной диктатуры, продолжались вплоть до начала 1933 г. и значительно затянули агонию Веймарской республики. Однако давление монополистической буржуазии в пользу объединения всех крайне правых сил под эгидой национал-социалистов оказалось настолько сильным, что в конечном итоге все политические и личные препятствия, стоявшие на этом пути, оказались преодоленными [57].

Первым убедительным свидетельством того, насколько мощным было давление, явилось возникновение осенью 1931 г. так называемого Гарцбургского фронта. Это было своеобразное объединение вокруг некоторых общих лозунгов крайне правых сил, опирающихся на монополистическую буржуазию. Фронт этот оказался непрочным. Борьба за гегемонию в крайне правом движении еще была не преодолена. Немецкая национальная народная партия, возглавляемая Гугенбергом, опираясь на свои многолетние тесные связи с правящими кругами страны, рассчитывала играть в этом фронте роль патрона, опекающего национал-социалистов, которым отводилась роль «серой скотины». Поскольку эти притязания не отвечали фактическому соотношению сил, сложившемуся в лагере реакции, НСДАП вскоре вышла из этого фронта. Однако, несмотря на свою недолговечность, Гарцбургский фронт сыграл весьма важную роль в процессе консолидации политического авангарда германской монополистической буржуазии, послужив

---

[57] Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; *Он же.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма. М., 1978.

прообразом будущей коалиции, но уже под руководством национал-социалистов.

Фактически последний год существования Веймарской республики был прежде всего годом закулисной борьбы вокруг условий привлечения нацистов к государственной власти. Уже не стоял вопрос, нужно ли предоставить национал-социалистам возможность участвовать в осуществлении диктатуры. Речь шла о том, на каких условиях будет осуществляться это участие. Политические силы, управлявшие до тех пор Германией, главной опорой которых был престарелый президент Гинденбург, были склонны отвести НСДАП подчиненное место. Гитлер и его окружение требовали всей полноты власти. Покровители нацистов, число которых среди монополистической буржуазии непрерывно увеличивалось, настаивали на объединении всех сил реакции вокруг Гитлера как будущего диктатора.

О том, какую энергичную форму принимал их нажим, свидетельствует один из немногих ставших известными документов, относящихся к этому периоду.

Вскоре после выборов в июле 1932 г., продемонстрировавших падение влияния НСДАП, обеспокоенные сторонники фашистской формы правления приняли решение ускорить приход Гитлера к власти, обратившись непосредственно к президенту. Впервые эта идея была высказана Кепплером и горячо поддержана Шахтом. После обмена мнениями с рядом промышленников Кепплер набросал проект письма, в котором излагалось мнение монополистов о характере правительства, необходимого Германии. Письмо призывало Гинденбурга без промедлений назначить рейхсканцлером Адольфа Гитлера, который, как утверждалось в письме, лишь один может выполнить роль «спасителя страны» в сложившейся критической обстановке.

«Передача ответственного руководства президентским кабинетом, состоящим из избранных в личном и деловом отношениях сил, фюреру сильнейшего национального движения, — успокаивал Гинденбурга автор письма, — поможет устранить извращения и ошибки, неизбежно свойственные любому массовому движению, и побудит к сотрудничеству с ним миллионы людей, стоящих пока в стороне».

Копия этого письма была найдена в 1945 г. в развалинах кёльнского банкирского дома Штейна. К ней был прикреплен написанный карандашом перечень сорока промышленников, которым предполагалось разослать письмо на подпись. В таком виде этот документ был предъявлен Нюрнбергскому трибуналу.

Впоследствии защитники германских монополий приложили немало усилий, чтобы ослабить воздействие данного документа. С этой целью было использовано то обстоятельство, что была найдена лишь копия письма, адресованного Гинденбургу. Кроме того, оставалось неизвестным, кто из промышленников, которым было направлено письмо, в действительности поставил под ним свою подпись.

Так, например, Лохнер, не отрицая самого факта подготовки текста письма Кепплером, утверждал, что с уверенностью можно говорить лишь о подписи, которую поставил под ним Шахт. Более того, он вообще выражал сомнение в том, было ли в конечном счете отправлено указанное письмо адресату [58]. Подобную же позицию заняли К. Брахер и некоторые другие [59].

Сокрушительный удар по этой позиции нанесла публикация Альберта Шрейнера, установившего местонахождение оригинала письма промышленников Гинденбургу. Этот оригинал (или, точнее, оригиналы, ибо президенту было направлено не коллективное письмо за рядом подписей, а несколько идентичных писем) хранится в Центральном архиве ГДР в Потсдаме в деле бюро рейхспрезидента. Текст документов, найденных в архиве, полностью идентичен тексту копии, предъявленной Нюрнбергскому трибуналу. В этом же деле имеется копия ответного письма от 19 ноября 1932 г. за подписью начальника канцелярии рейхспрезидента статс-секретаря Майсснера: «С переданным мне Вами сегодня днем обращением представителей немецкой промышленности я ознакомил г-на рейхспрезидента. Г-н рейхспрезидент принял это обращение к сведению и поручил мне с благодарностью подтвердить факт его получения» [60].

Эта находка не только документально доказала, что письмо, вокруг судьбы которого велись ожесточенные споры, было доставлено президенту. Она подтвердила также, что это письмо, как следует из формулировки, примененной Майсснером, рассматривалось президентом как обращение «представителей немецкой промышленности». Еще большее значение имело то, что найденные документы позволили с предельной точностью определить, кто же из германских промышленников требовал немедленной и безоговорочной передачи власти национал-социалистам.

Как следует из материалов дела, обращение к Гинденбургу было с самого начала поддержано Ялмаром Шахтом, бароном Куртом фон Шредером (банкирский дом Штейна), Фрицем Тиссеном, председателем «Сельского союза» (Ландбунда) графом Калькройтом, Фридрихом Рейнгартом («Коммерц унд приватбанк»), владельцами судоходных компаний Куртом Верманом и Фрицем Бейндорфом, Куртом фон Эйхборном (Ландбунд), Эмилем Хельфферихом («Дойч-американише петролеумс-гезельшафт»), Эвальдом Хеккером («Ильзедер Хютте»), Карлом Крогманном (правящий бургомистр Гамбурга), Эрвином Люббертом («Феркерсвезен ГмбХ»), Эрвином Мерком («И. Г. Фарбен»), Иохимом фон Оппен-Данневальде (Ландбунд), Рудольфом Венцки (Ландбунд), Ф. Х. Виттхефтом (судостроительная про-

---

[58] *Lochner L.* Op cit. S. 39.
[59] *Bracher K.* Die Auflösung der Weimarer Republik. B., 1955. S. 668.
[60] *Schreiner A.* Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitler zum Reichskanzler (November 1932) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1956. N 4. S. 366 ff.

мышленность), Августом Ростергом (концерн «Винтергхал»), графом фон Кейзерлинк-Каммерау (Ландбунд), фон Рор-Манце и Энгельбертом Бекманом.

Спустя несколько дней о своем согласии с текстом письма сообщили Альберт Феглер («Ферайнигте штальверке»), Пауль Рейш («Гуте-Хофнунге-хютте») и Фриц Шпрингорум (концерн «Хёша»), подчеркнув, однако, что из политических соображений они не могут афишировать участия в этой инициативе и официально поставить свои подписи [61].

Поскольку обращение было подписано лицами, игравшими первостепенную роль в экономической и политической жизни Германии [62], очевидно, что Гинденбург не мог позволить себе игнорировать его при принятии важнейшего политического решения. Через три дня после поступления петиции, 21 ноября 1932 г., Гинденбург принял Гитлера и предложил ему провести консультации относительно возможности создания под его руководством работоспособного правительства, опирающегося на парламентское большинство. На этот раз, однако, сделка еще не состоялась. Не рассчитывая на поддержку парламента, подозревавший ловушку Гитлер потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий для формирования президентского кабинета. Гинденбург отказался сделать это и предложил фюреру подумать. 23 ноября Гитлер ответил Гинденбургу вежливым отказом. 24 ноября Майсснер от имени Гинденбурга сообщил Гитлеру, что двери для переговоров остаются открытыми [63].

Огромное значение поддержка монополий имела во время заключительного акта закулисной интриги, в результате которой Гитлер стал рейхсканцлером Германии. В последний момент, когда политический торг, казалось, зашел в тупик, ими были приняты самые решительные меры. Нажим оказывался с двух сторон. Опасаясь, как бы Гитлер не пошел на уступки в торге (а это существенно ослабило бы его позиции в руководстве НСДАП и усилило центробежные тенденции в национал-социалистском движении), его покровители всячески укрепляли его в намерении настаивать на передаче власти безо всяких условий.

Особенную активность в этом отношении проявлял Шахт. В своих письмах Гитлеру он всячески ободрял упавшего духом нацистского фюрера, призывал его держаться твердо и неуступчиво. Так, в письме от 29 августа 1932 г. Шахт еще раз подтверждал насущную необходимость того, чтобы НСДАП добилась свободы рук в кабинете, который будет сформирован с ее участием. В письме от 12 ноября он писал Гитлеру, что развитие событий

---

[61] Ibid. S. 368.

[62] По некоторым данным, они представляли более 160 крупнейших компаний с капиталом более 1,5 млрд. марок. См.: *Безыменский Л.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 38.

[63] *Vogelsang T.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962. S. 321—322.

может иметь только один исход — его канцлерство [64]. Очевидно также, что обращение к Гинденбургу, в организации которого Шахт играл весьма важную роль, имело своей задачей не только повлиять на Гинденбурга, но и укрепить решимость самого Гитлера, показав ему, сколь мощные силы оказывают ему поддержку. С другой стороны, велась энергичная обработка Папена, которого убеждали отбросить личные амбиции и согласиться на роль надзирателя при Гитлере, уступив ему первое место.

Переход Папена и стоящей за ним группы промышленников и аристократов из так называемого «Клуба господ» на позиции союза с Гитлером при гегемонии НСДАП послужил важным толчком, побудившим Гинденбурга принять свое злополучное решение. Но, исследуя обстоятельства этого перехода, мы вновь сталкиваемся с той же самой группой монополистов, усиленно покровительствовавшей нацистам.

Прежде всего через них был установлен контакт между Папеном и Гитлером. 16 декабря 1932 г. в «Клубе господ» во время торжественного годового собрания Папен имел беседу с банкиром фон Шредером, в ходе которой была подчеркнута желательность доверительной встречи с Гитлером. Фон Шредер передал сообщение об этом Кепплеру. Кепплер, в свою очередь, написал письмо Гитлеру, в котором информировал его о предложении Папена и рекомендовал для проведения встречи дом Шредера в Кёльне [65].

В этом доме 4 января 1933 г. и состоялась получившая широкую известность встреча Папена с Гитлером, которая с полным основанием считается непосредственной прелюдией к захвату власти фашизмом. Правда, формально во время этой встречи окончательной договоренности достигнуто не было. Папен предложил Гитлеру войти в кабинет Шлейхера в качестве вице-канцлера, т. е. повторил в несколько измененной форме предложение, делавшееся Гитлеру и ранее. В то же время он дал понять, что такое решение могло быть промежуточным. После этого речь зашла о возможности дуумвирата Папен—Гитлер [66].

В конце встречи Гитлер дал согласие войти в кабинет вместе с Папеном и другими «национальными» политиками. На этой базе была согласована совместная программа, предусматривавшая усиление борьбы против «большевизма», перестройку управления промышленности с учетом необходимости предоставления большего влияния союзам промышленников, оживление экономической конъюнктуры, разрыв с Версалем и укрепление экономической и военной мощи Германии.

---

[64] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher... Bd. XXXVI. S. 535. Doc. E. C. 456. См. также: *Czichon E.* Op. cit., S. 64.

[65] Schreiben von Wilhelm Keppler an Kurt von Schröder vom 19 Dezember 1932 // *Czichon E.* Op. cit. S. 74—75.

[66] *Dietrich O.* Mit Hitler an die Macht. München, 1934. S. 170. См. также: *Bracher K. D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart; Düsseldorf, 1955. S. 689 ff.

Собственно говоря, это и была та программа, на которой можно было объединить всех сторонников правительства «твердой руки».

Весьма характерно в этой связи, что уже несколько дней спустя, 12 января 1933 г., Геббельс смог записать в своем дневнике: «Финансовое положение (партии) внезапно улучшилось» [67].

В ночь с 10 на 11 января в квартире Риббентропа в Берлине состоялась вторая встреча Папена с Гитлером, посвященная обсуждению уже частных вопросов, а 18 января — третья, на которой со стороны НСДАП, кроме Гитлера, присутствовали также Рем и Гиммлер [68].

К этому времени взгляды сторон настолько сблизились, что, когда 22 января 1933 г. в квартире того же Риббентропа собрался более широкий форум — Гитлер, Фрик, Геринг и Кернер от национал-социалистов, Папен, Майсснер и Оскар фон Гинденбург как представители президента, — им оставалось лишь уточнить свои позиции. Хотя президент еще колебался, судьба находившегося у власти кабинета фон Шлейхера была предрешена [69].

Впрочем, Шахт и его друзья-монополисты, сделавшие ставку на Гитлера, знали, как будут развиваться события уже в начале января. Весьма показателен в этом отношении эпизод, приводимый официальным биографом Ялмара Шахта Францем Ройтером.

В первые дни января 1933 г., сообщает он, Шахт предсказал своему другу-американцу, который был глубоко уверен в стабильности правительства Шлейхера, что ровно через три недели вся система будет ликвидирована и уступит место режиму Гитлера. 31 января он получил от этого американца телеграмму: «Вы лучший из известных мне пророков. Тем не менее я хочу упрекнуть Вас в неточности: прошло не три недели, а три недели и три дня» [70]. Действительно, Шахт, вероятно, мог бы предсказать приход Гитлера к власти и поточнее. Ведь он не только стоял у истоков событий, но и обеспечивал всю режиссуру.

Назначение Гитлера канцлером было, однако, лишь первым актом установления фашистской диктатуры. Консолидация фашистского режима и установление тоталитарного господства национал-социалистской партии требовали определенного переходного периода. На его протяжении позиции нацистского руководства были весьма непрочными. Это соответственно определяло особую заинтересованность гитлеровцев в поддержке со стороны промышленников. И эта поддержка вновь была оказана.

Очень многое в переходный период зависело от позиции президента. В то время он обладал не только формальной властью — правом назначать и смещать главу кабинета. В его руках была и реальная власть: в качестве президента он был главнокомандующим рейхсвера, большинство генералитета которого было к тому же

---

[67] *Göbbels. J.* Vom Kaisershof zur Reichskanzlei. München, 1934. S. 42 ff.
[68] *Bracher K. D.* Op. cit. S. 707—708.
[69] Ibid. S. 708 ff.
[70] *Reuter F.* Schacht. Leipzig, 1934. S. 133.

предано ему лично. До того, пока Гитлер окончательно не закрепился у власти, вопрос о будущем его режимае в значительной степени зависел от отношения к нему Гинденбурга. Представители монополий сделали в это время все, чтобы убедить президента, что Гитлер и его партия незаменимы, что без них в Германии воцарится хаос. Результатом их действий был так называемый «день Потсдама» — демонстрация единства канцлера и президента под знаком «национальной идеи», приуроченная к открытию в гарнизонной церкви в Потсдаме заседаний нового рейхстага, избранного в обстановке фашистского террора 5 марта 1933 г.

Политической поддержкой гитлеровского режима было более чем лояльное выполнение своих функций членами имперского кабинета, направленными туда монополистической буржуазией для того, чтобы осуществлять контроль над фашистской верхушкой. В первом кабинете Гитлера НСДАП составляла меньшинство. Поэтому, если бы в это время монополистическая буржуазия в лице своих уполномоченных в кабинете отказала бы нацистам в поддержке, правительство оказалось бы недееспособным.

Для легализации диктаторского режима Гитлеру был необходим парламентский вотум. В частности, ему нужны были чрезвычайные полномочия, используя которые можно было без труда осуществить фашистскую унификацию. При сложившемся соотношении сил в рейхстаге Гитлер мог получить этот вотум лишь при поддержке старых буржуазных партий. Разнузданные действия штурмовиков, бесчинствовавших по всей Германии, не оставляли никаких сомнений в том, в каких целях будут использованы полномочия, которые запрашивало правительство. Тем не менее они были даны почти без возражений.

Разумеется, голосуя в то время за чрезвычайные полномочия гитлеровскому кабинету, депутаты рейхстага от буржуазных партий уже не обладали полной свободой действий. Выполняя свои функции в обстановке беззакония и произвола, нарушения парламентского иммунитета и угроз со стороны фашистской фракции парламента, они не могли не опасаться за свое будущее.

В определенной степени их действиями тогда руководила обычная трусость. Трусость не может служить оправданием для политических деятелей, когда речь идет о решении, определившем судьбу страны более чем на десятилетие. Но в данном случае трусость не была главной причиной. Утверждая чрезвычайные полномочия гитлеровскому режиму, депутаты буржуазных партий отражали взгляды большинства германской буржуазии. Это стало особенно очевидно, когда спустя некоторое время те же буржуазные партии беспрекословно выполнили требование нацистов о самороспуске, а их депутаты в рейхстаге присоединились к фракции национал-социалистов в качестве «сочувствующих» [71].

---

[71] *Bracher K. D.* et al. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln; Opladen, 1960. S. 199 ff. См. также: *Schacht H.* Abrechnung mit Hitler. Hamburg, 1948. S. 9.

Только благодаря энергичной поддержке буржуазии нацистам удалось осуществить в самые кратчайшие сроки фашистскую унификацию государственного аппарата, а также всей политической и общественной жизни. Собственно говоря, в ходе этой унификации изгнанию подверглись лишь «марксисты» (точнее, социал-демократы, ибо коммунистическая партия была еще раньше загнана в подполье) и некоторые «паписты» — т. е. представители католической партии Центра, отказавшиеся перейти на сторону нацистов. Остальные представители буржуазных партий — в государственных учреждениях, муниципальных управлениях, в общественных организациях, за небольшим исключением, с развернутыми знаменами переходили в нацистскую веру.

Поддержка, оказанная нацистам, была настолько полной, что было дано согласие даже на унификацию «святая святых» монополий — предпринимательских организаций.

24 марта, после того как Гитлер получил от рейхстага чрезвычайные полномочия, Имперский союз немецкой промышленности публично заверил рейхсканцлера в своей полной солидарности с его политикой. Тогда же на заседании президиума Имперского союза было решено направить к Гитлеру делегацию в составе Сименса и Круппа. Их встреча состоялась 1 апреля. После беседы с Гитлером Крупп в качестве президента Имперского союза санкционировал чистку его организаций от «неарийских элементов» и включение в состав президиума нацистских эмиссаров. Заседание правления Имперского союза, состоявшееся 6 апреля, хотя и не без колебаний, утвердило это решение [72].

Вслед за этим Крупп имел еще две встречи с Гитлером — 25 апреля и 4 мая. В результате состоявшихся между ними переговоров было достигнуто соглашение, официальный текст которого был опубликован в печати. В соответствии с соглашением Имперский союз немецких промышленников брал на себя обязательства:

«1. В том, что касается организации союзов промышленников, привести экономическую ситуацию в соответствие с политическими потребностями.

2. Добиться соответствия новой организации политическим целям имперского правительства. Построить ее столь эффективно и рационально, чтобы она, соответствуя значению промышленности, могла стать действенным инструментом экономики в рамках национального, социального и экономического восстановления».

«Эта двойная задача, — отмечалось далее в соглашении, — распространяется не только на реорганизацию Имперского союза немецкой промышленности как такового (в частности, проведение всех ставших в связи с этим необходимыми мероприятий организационного и персонального характера), но и включает в себя большой комплекс вопросов профессионально-сословного построения экономики в целом. В связи с этим первостепенной задачей хозяй-

[72] *Bracher K. D.* et al. Op cit. S. 632.

ства и промышленности является ликвидация чрезмерных организационных надстроек и создание простой и действенной структуры при сохранении преемственности с существующими формами и ценного наследия свободного самоуправления. Для решения отдельных актуальных вопросов, например выработки профессионально-сословной структуры, определения весьма важных для экономической жизни этических принципов, разработки валютной, кредитной и налоговой политики, будут созданы специальные совещательные комитеты.

В соответствии с „фюрерским принципом" г-н фон Болен возьмет на себя председательство в этих комитетах, будет иметь право назначать в них своих заместителей и нести полную ответственность за принятые в них решения. После завершения переговоров с имперскими комиссарами и разработки окончательных планов реорганизации промышленных союзов будет созвана специальная конференция руководящих органов»[73].

Документ этот весьма важен для понимания специфики отношений между монополиями и НСДАП после установления фашистского режима. Некоторые буржуазные исследователи считают его свидетельством капитуляции перед Гитлером и ломают голову над причинами, вынудившими к ней Круппа[74]. Детальное знакомство с приведенным текстом свидетельствует, что о капитуляции в данном случае не может идти и речи. Крупп как доверенное лицо германских промышленников не только сохранил свои прерогативы, но и добился расширения полномочий. Решение вопроса о реорганизации было передано на усмотрение самих предпринимательских союзов. В документе всячески подчеркивается роль промышленников в дальнейшем развитии государства.

В то же время очевидно, что, подписав этот документ, Крупп пошел на уступки. Сама реорганизация, о которой идет в нем речь, была навязана извне. Из документа следует, что руководству союза предпринимателей в своих решениях придется считаться с позицией назначенных НСДАП имперских комиссаров, которые тем самым получили определенные контрольные функции. В решении фиксируется своеобразный примат политики над экономикой, к которому не привыкли германские монополии, диктовавшие во времена Веймарской республики политические решения в зависимости от своих экономических интересов.

Что же побудило Имперский союз немецкой промышленности пойти на уступки? Понять это можно, лишь ознакомившись с еще двумя документами, один из которых был принят до соглашения Гитлера с Круппом, а другой — после него.

7 апреля 1933 г., т. е. на следующий день после того как президиум Имперского союза немецкой промышленности одобрил линию поведения Круппа на переговорах с Гитлером, заместитель

---

[73] *Lochner L.* Op. cit. S. 191—192.
[74] Ibid. S. 193 ff.

фюрера НСДАП Рудольф Гесс издал приказ, в котором членам национал-социалистских производственных организаций, штурмовикам и эсэсовцам, а также любым другим членам НСДАП категорически запрещалось вмешиваться во внутренние дела хозяйственных предприятий, заводов, банков и т. д., предпринимать самовольные смещения и другие аналогичные действия. «Любого рода вмешательство, — говорилось в приказе Гесса, — может быть осуществлено только на основании прямого разрешения уполномоченного НСДАП по экономическим вопросам, который имеет право делать это лишь по согласованию с центральной политической комиссией» [75].

Этим распоряжением руководство НСДАП категорически пресекло попытки некоторых низовых организаций партии и отдельных национал-социалистов, принявших всерьез антикапиталистические разделы программы НСДАП и ее политические лозунги, осуществить на практике цели «победившей революции».

Указанное распоряжение было строжайше подтверждено 5 мая, после подписания Круппом документа, о котором шла речь выше. В связи с этим в печати было опубликовано официальное сообщение, в котором заявлялось: «Имперское правительство всемерно заинтересовано в том, чтобы хозяйственная жизнь стабилизировалась. Всякое насильственное вмешательство должно быть прекращено и будет прекращено. . . Нервозность, царящая еще в хозяйственных кругах, необоснованна. После проведения мероприятий, касающихся профсоюзов, в хозяйственной жизни наступила консолидация отношений» [76].

15 июля 1933 г. Гитлером был издан указ, в соответствии с которым при имперском правительстве создавался специальный совещательный орган «Генеральный совет экономики». В состав совета были включены: Герберт Бекке, представитель сельского хозяйства (Берлин), д-р Карл Бош, «И. Г. Фарбениндустри» (Гайдельберг), Ойген Борингер, директор «Максимиллианхютте» (Розенберг-Пфальц), Аугуст Дим, генеральный директор немецкого калийного синдиката (Берлин), банкир Аугуст фон Финк (Мюнхен), Отто Христиан Фишер, президент Центрального объединения немецких банковских предприятий (Берлин), Альберт Хашельсбергер, фабрикант (Эфлинген-Баден), правящий бургомистр Крогман (Гамбург), Крупп фон Болен унд Хальбах (Эссен), руководитель нацистского Немецкого трудового фронта Роберт Лей (Берлин), Карл Люэр, президент торговой палаты (Франкфуртна-Майне), Фридрих Рейнхард, директор банка (Берлин), Герман Рейшле, руководитель сельскохозяйственных торговых и промысловых кооперативов, барон фон Шредер, банкир и президент торговой палаты (Кёльн), Карл Ф. фон Сименс (Берлин), Фриц

---

[75] Schultess Europäisher Geschichts-Kalender. München, 1933. S. 89.
[76] Frankfurter Zeitung. 1933. 6. Mai.

Тиссен (Мюльгельм-на-Рейне), Альберт Феглер, «Ферайнигте штальверке» (Дортмунд) [77].

Впоследствии совет не играл той роли, которая первоначально ему отводилась. Однако в 1933 г., когда был издан этот указ, предполагалось, что совету будет принадлежать решающее слово в определении экономической политики Германии. В соответствии с этим составу совета было уделено первостепенное внимание, в него вошли представители тех же монополий, которые финансировали Гитлера и привели его к власти.

Сопоставляя приведенные выше документы, нетрудно убедиться, что в данном случае речь идет о разделении ролей между НСДАП и Имперским союзом немецкой промышленности, основанном на компромиссе. Учитывая сложную политическую ситуацию, когда выведенные нацистами на улицы толпы требовали реализации их обещаний, промышленники сочли за благо не возражать против передачи Гитлеру и его партии полной свободы политических решений. Чтобы не подрывать авторитета НСДАП, они даже согласились на проведение в предпринимательских союзах такой же реорганизации, какая осуществлялась повсюду. В свою очередь Гитлер взял на себя обязательство положить конец «эксцессам» в отношении промышленных магнатов и предоставить им свободу рук в экономических вопросах.

На основе этого компромисса и была осуществлена реорганизация Имперского союза. Прежде всего он был очищен от неугодных нацистам элементов — «неарийцев», а также лиц, имевших в прошлом какие-либо столкновения с НСДАП. Чистка ударила главным образом по мелкой сошке. Однако в ряде случаев были затронуты и представители предпринимательской верхушки. Так, по требованию уполномоченных НСДАП из президиума Имперского союза был выведен как «неприемлемый для партии» управляющий его делами тайный советник Людвиг Кастль. Характерно, что Крупп, а за ним все остальные члены президиума, несмотря на дружеские отношения с Кастлем, без колебаний санкционировали этот шаг. Под тем же предлогом был снят со своего поста управляющий делами Северо-Западной группы владельцев железоделательных и сталелитейных предприятий Макс Шленкер. Впоследствии, в 1948 г. в заявлении, зачитанном перед военным трибуналом во французской зоне оккупации Германии, Шленкер показал: «В результате доверительных бесед выяснилось, что руководящие деятели промышленности не имели мужества или же не считали целесообразным противиться воле партии» [78].

Не вызвало никаких протестов и изгнание со всех постов по «расовым причинам» одного из крупнейших магнатов буроугольной промышленности Пауля Зильверберга. Немецкие промышленники явно придерживались точки зрения, цинично выска-

---

[77] Цит. по: *Sternberg F.* Der Faschismus an der Macht. Amsterdam, 1935. S. 107—108.
[78] *Lochner L.* Op. cit. S. 245.

занной впоследствии Круппом фон Боленом: «Когда покупают хорошую лошадь, не обращают внимания на парочку недостатков» [79].

Вскоре после чистки приказом министра хозяйства Имперский союз был преобразован в Имперское сословие немецкой промышленности. В июне 1933 г. к нему была присоединена другая крупная предпринимательская организация — Объединение немецких предпринимательских союзов. Руководителем Имперского сословия был вновь назначен Крупп.

Но на этом реорганизация не закончилась. В феврале 1934 г. правительством был принят Закон о подготовке к органическому преобразованию немецкой экономики, значительно расширявший права министра хозяйства. В частности, закон предоставлял министру право создавать и распускать предпринимательские союзы, изменять и дополнять их уставы. В соответствии с изданной на основе этого закона инструкцией от 27 ноября 1934 г. были созданы имперские группы промышленности, ремесла, торговли, банков и т. д. Круппу был предоставлен пост руководителя имперской группы промышленности [80].

Хотя сама реорганизация не вызвала возражений у большинства промышленников, а их представители получили в свои руки решающие рычаги управления — в конечном счете сам министр хозяйства Шмидт, сменивший на этом посту Гугенберга, тоже был крупным предпринимателем, — некоторые ее особенности свидетельствовали, что компромисс, заключенный Круппом и Гитлером, не будет прочным. Тоталитарное государство, создаваемое Гитлером, по самой своей сути исключало возможность дуализма, о котором договорились Крупп и Гитлер. Получив в свои руки политическую власть, фашистский фюрер стремился сделать ее абсолютной и поэтому ликвидировал любые проявления самостоятельности, как только представлялась возможность. Установленный им режим служил монополиям, проводил угодную им, выгодную для них политику. Но он не был и не мог быть простой игрушкой в руках отдельных монополистов. Если бы Гитлер считался только с ними, он не мог бы пользоваться свободой политического и, особенно, социального маневрирования и тем самым выполнять свои классовые функции.

Поэтому передача власти фашистскому режиму означала в то же время для монополий и подчинение этому режиму во имя сохранения и расширения своих позиций. Когда фашистский режим достаточно укрепился, немецкие монополисты оказались перед свершившимся фактом. Не всем из них это было по душе.

---

[79] *Hindels J.* Hitler war kein Zufall. Wein, 1962. S. 99.

[80] В декабре 1934 г. Крупп по болезни оставил этот пост. Его сменил президент промышленной и торговой палаты Ганновера Хеккер — доверенное лицо Флика. Затем имперской группой промышленности руководили директор концерна Флика Тенгельман, текстильный фабрикант Дириг и генеральный директор концерна «Маннесман» Цанген.

Но о том, чтобы командовать находящейся у власти группой, представители которой, используя свое положение, к тому же сами мало-помалу становились крупными промышленниками или, по крайней мере, весьма состоятельными людьми, не могло быть и речи. Речь могла идти лишь о том, чтобы еще больше сращиваться с политическим и государственным аппаратом «третьей империи» и лояльно с ним сотрудничать. Именно эта тактика и была избрана германскими монополиями.

Монополии и «третья империя». Фашистский вариант государственно-монополистического регулирования

Если бы германские монополии не сделали выбора в пользу фашизма, Гитлер не пришел бы к власти. В этом нет никаких сомнений. Но почему они сделали этот выбор? Разве Веймарская республика не была классической страной монополистического капитализма? Разве сменявшие друг друга парламентские, а затем президентские кабинеты не выполняли воли промышленных и банковских компаний? Разве недостаточно было в то время недовольства монополий принятым властями решением, чтобы возник очередной правительственный кризис? Вопросы эти заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Выше отмечалось, что еще в первые годы Веймарской республики часть промышленников поддерживала тесные контакты с крайне правыми силами. Это обстоятельство отражало специфику тактики монополистического капитала, постоянно сохраняющего в резерве наиболее крайние формы осуществления своей власти. В то же время эти связи с фашистскими и профашистскими силами выражали и специфическую ситуацию, сложившуюся в то время внутри самой монополистической буржуазии.

Поражение Германии в первой мировой войне, победа ноябрьской буржуазно-демократической революции и образование Веймарской республики углубили расхождения, издавна существовавшие среди буржуазии, и вызвали ее раскол на две группы. Одна из них — наиболее влиятельная и связанная преимущественно с современными и развитыми отраслями промышленности, встала на позиции признания свершившихся фактов — необходимости выполнять условия Версальского договора, считаться с парламентским строем и окрепшим, организованным рабочим классом. Подобная позиция определялась, в частности, особенностями экономического положения этой группы. Представленные в ней отрасли были тесно связаны с мировым рынком и в ряде случаев работали на экспорт. Отсюда заинтересованность в сохранении отношений с иностранными государствами, и прежде всего западными соседями. С другой стороны, более высокая производительность труда на современных промышленных предприятиях открывала перед ними большие возможности социального маневрирования, позволяла быть более либеральными в отношении профсоюзов.

Вторая группа, тесно связанная с рухнувшим кайзеровским режимом, сделала ставку на реставрацию прежних порядков. Ее основу составляли концерны, больше других пострадавшие от потери Германией восточных и особенно западных, богатых железной рудой провинций. К ним примыкали фирмы, связанные в прошлом с колониальными интересами и оказавшиеся теперь не у дел. Значительную роль в этой группе играли и чисто военные концерны, производственные возможности которых были ограничены военными статьями Версальского договора [81].

В союзе с аграриями, особенно восточноэльбским юнкерством, представители этой группы отвергали политику выполнения Версальского договора и требовали установления «устойчивого» режима.

Разумеется, грань между обеими группами носила условный характер. В зависимости от изменения экономических интересов отдельные монополии и личности по нескольку раз меняли свои позиции или ухитрялись поддерживать обе взаимоисключающие друг друга линии поведения. Тем не менее сам по себе этот раскол был фактом, отложившим глубокий отпечаток на политическую жизнь Веймарской республики.

До тех пор, пока первая, наиболее мощная и влиятельная фракция монополистического капитала продолжала делать ставку на Веймарскую республику, шансы национал-социалистов на приход к власти были незначительны. Иными словами, положительное решение вопроса о приходе нацистов к власти зависело от того, в какой степени они могли рассчитывать на изменение позиции данной группы.

Условия для этого создал мировой экономический кризис 1929—1933 гг., в частности его политические последствия. Кризис расшатал сложившуюся структуру политического управления страной. Поскольку монополии пытались найти выход из кризиса за счет народных масс, главным образом пролетариата, это, как уже отмечалось, уменьшило возможности эффективного использования социал-демократии. С другой стороны, оказались подорванными политические позиции большинства буржуазных партий веймарской коалиции, с деятельностью которых избиратели с полным основанием связывали обрушившиеся на них беды. В результате создалось такое положение, когда парламентский механизм оказался не в состоянии обеспечить нормальное функционирование государственной власти. Это привело к появлению президентских кабинетов, пытавшихся править с помощью чрезвычайных декретов.

Но президентские кабинеты почти не имели массовой базы. А вопрос об этой базе становился все острее и острее. Бедствия, обрушившиеся на население Германии в связи с экономическим кризисом, привели к повышению политической активности даже

[81] См., например: *Ruge W.* Deutschland, 1917—1933. B., 1969; *Idem.* Weimar-Republik auf Zeit. B., 1969.

той части населения, которая прежде держалась в стороне от политики. В то же время они создали благоприятные условия для распространения недовольства существующим режимом.

Впоследствии германские промышленники и их защитники пытались объяснить поддержку, оказанную национал-социализму, главным образом страхом перед «большевистской революцией» в Германии. Однако подобные утверждения отражали в большей степени атмосферу «холодной войны», в период которой они были сделаны, чем действительные настроения, царившие тогда в руководящих кругах германского монополистического капитала.

Усиление революционных настроений в Германии действительно имело место. Об этом свидетельствовали и обострение классовых боев в промышленных районах страны, и заметный рост голосов, подаваемых за коммунистическую партию на выборах, и усиление левых, оппозиционных настроений в социал-демократической партии. Однако вопреки некоторым утверждениям, встречавшимся в то время и в марксистской литературе, Германия не стояла тогда накануне социалистической революции. Подавляющее большинство организованного рабочего класса еще сохраняло реформистские иллюзии и следовало за лидерами социал-демократической партии. Единства действий рабочего класса не только не существовало, но даже не было сделано более или менее серьезных шагов в этом направлении.

Широкие слои мелкой буржуазии, разочаровавшиеся в капиталистическом строе и искавшие путь к изменению обстановки, оказались вне пределов политического влияния рабочего класса и его политического авангарда и стали разменной монетой фашистского политиканства.

Разумеется, в условиях острого политического кризиса среди промышленников нашлись люди, впавшие в панику и пугавшие себя намалеванным ими же красным жупелом. Однако, насколько можно судить, не он больше всего страшил монополистов. Их волновал обостряющийся кризис верхов, практически исключавший возможность выхода Германии из экономического и политического кризиса.

Монополистическая буржуазия, в том числе и та ее фракция, которая прежде стояла на позиции поддержки парламентаризма, была жизненно заинтересована в сплочении сил, стоящих на охранительных позициях. В существовавших тогда условиях добиться такого сплочения можно было двумя путями, — либо провозгласив открытую военную диктатуру, либо передав власть нацистам. Колебания, наблюдавшиеся в это время в кругах монополистической буржуазии, были связаны с выбором одной из этих возможностей, а создание кабинета Шлейхера являлось попыткой проверить возможность объединения правящих классов вокруг военной власти.

Тем временем, как показали выборы осенью 1932 г., стала расползаться и массовая база национал-социализма. Возникла, как отмечал Герман Раушнинг, угроза перехода национал-социа-

листских масс к левым [82]. Чтобы избежать этого процесса, который сделал бы кризис верхов еще более острым, основная фракция германской буржуазии окончательно переориентировалась на фашизм. Выбор был сделан.

Разумеется, существовал и ряд обстоятельств, тормозивших такое решение. В кругах монополистической буржуазии не принимали всерьез «антикапиталистической» фразеологии фашизма: в противном случае вопрос о допуске его к власти вообще бы не поднимался. Там хорошо понимали, что Гитлер и его окружение будут проводить не программу из 25 пунктов — официальное изложение целей национал-социалистов, а другую программу, о которой говорил Гитлер в своей речи в Промышленном клубе в Дюссельдорфе.

В то же время в монополистических кругах отдавали себе отчет в том, что передача власти такому массовому движению не может быть осуществлена «без издержек», т. е. уступок мелкобуржуазной массе, составлявшей политическую пехоту национал-социализма. Серьезно беспокоила их и «чрезмерная» радикальность некоторых национал-социалистских лидеров, особенно группы Грегора Штрассера, чересчур буквально понимавших слово «рабочая» в официальном названии НСДАП. Поэтому-то прелюдией к окончательному решению в пользу фашизма стал разрыв Гитлера со Штрассером, и в первый кабинет Гитлера для «страховки» был введен ряд сугубо «буржуазных» министров, которым была поручена роль «гувернеров».

Вместе с тем не следует преувеличивать значение таких опасений. Основываясь на прежнем опыте, в монополистических кругах ошибочно считали, что национал-социалисты будут легко поддаваться руководству. Эту точку зрения достаточно ясно выразил близкий друг Гинденбурга юнкер Ольденбург-Янушау, сыгравший важную роль в решении президента поручить Гитлеру формирование кабинета министров: «Мы, — заявил он, — как-нибудь справимся с этими симпатичными парнями» [83]. Во всяком случае, промышленные и банковские магнаты пришли к выводу, что фашистский вариант следует попробовать, даже в том случае если это связано с опасностью неизбежного бурного переходного периода.

Очевидно, что определенную роль в колебаниях, проявленных частью германской буржуазии при решении вопроса о передаче власти фашистам, сыграли соображения сословного аристократизма. Это было то же чувство, которое заставило Гинденбурга после знакомства с «фюрером» возмущенно воскликнуть, что этого «богемского ефрейтора» можно сделать в лучшем случае генеральным почтмейстером [84].

[82] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich; New York, 1938. S. 26.
[83] Ibid.
[84] *Lochner L.* Op. cit. S. 41.

Для избранного общества промышленных и банковских магнатов Гитлер и его окружение были шайкой грязных политических дельцов, которых можно использовать, но неприлично пригласить к себе на чай в гостиную. Крупп, сыгравший столь большую роль в упрочении фашистского режима, например, ни разу не встречался с Гитлером до того, как тот стал канцлером. Карл Бош из «И. Г. Фарбениндустри» всегда морщился, когда при нем называли имя Гитлера.

Людей такого склада, конечно, шокировала мысль, что подобные парвеню окажутся на вершине власти и получат право распоряжаться. Гораздо приятнее им было иметь дело с людьми своего круга, такими, как Папен. Однако, когда речь зашла о судьбе их доходов, сомнения сразу отпали.

При этом кое-кто для собственного удовлетворения позволял себе роскошь играть в фронду. Тот же Карл Бош, будучи председателем совета при Немецком музее, вместо речи в честь фюрера, произнести которую его просили, предварительно напившись, выступил с призывом покончить с государственным вмешательством в дела науки и искусства и вызвал гнев национал-социалистов, покинувших в знак протеста зал заседаний [85]. Это не мешало тому же Карлу Бошу войти в состав Генерального совета экономики, который создал Гитлер, содействовать расширению военного производства в концерне «И. Г. Фарбениндустри» и пользоваться возросшими в результате этого доходами.

Его дядя — владелец крупнейшего концерна по производству запасных частей к автомобилям и электрооборудования Роберт Бош демонстрировал свое отношение к нацистскому режиму тем, что, встречаясь с фюрером, вместо официального приветствия «Хайль Гитлер!» упорно произносил: «С богом, господин Гитлер». Он же позволил себе как-то дерзость спросить нацистского канцлера, не чувствует ли он себя неуютно, занимая кресло Бисмарка [86]. Но тот же Роберт Бош, будучи членом президиума Имперского совета немецкой промышленности, санкционировал соглашение Круппа с Гитлером, о котором шла речь выше. Его фирма сыграла большую роль в военной подготовке Германии и была одним из важнейших поставщиков гитлеровской армии.

Карл Фридрих фон Сименс упорно отказывался, несмотря на приглашения, посещать нюрнбергские съезды НСДАП [87]. Это не помешало ему войти в состав того же Генерального совета экономики, выполнять на протяжении ряда лет функции председателя административного совета имперских железных дорог, финансировать через своих представителей в кружке Кепплера органы СС и пользоваться всеми преимуществами военизированной и военной экономики для укрепления позиций своего концерна.

Что же дал монополистической буржуазии приход Гитлера

---

[85] Ibid. S. 60–61.
[86] Ibid. S. 66.
[87] Ibid. S. 61.

к власти? С самого начала она получила ряд прямых выгод, которые утвердили ее в «правильности» сделанного выбора.

Прежде всего была «консолидирована» государственная власть и преодолен кризис верхов. Это, конечно, потребовало некоторого времени. Однако уже к середине 1934 г., после расправы над Ремом и другими лидерами штурмовых отрядов, фашистский режим всерьез укрепился. Тем самым была создана власть «твердой руки», о которой так мечтали германские промышленники, особенно в последние годы Веймарской республики.

Важнейшим «достижением» гитлеровского режима монополистическая буржуазия считала разгром политического авангарда рабочего класса. Кровавые преследования коммунистов, запрет социал-демократической партии, унификация и фактический роспуск профессиональных союзов вызвали у нее бурный прилив симпатий к новой власти.

Существенно окрепли позиции промышленника на предприятии. Во времена Веймарской республики ему приходилось считаться с социальными завоеваниями рабочего класса, в том числе с теми, которые ограничивали его положение «хозяина в доме». Теперь необходимость в этом отпала. Ему уже не противостояли классовые профсоюзы и производственные советы, обладавшие большими правами.

Прямым следствием нового положения промышленника было резкое сокращение забастовочной борьбы. Хотя в первые годы нацистского режима в Германии вспыхивали отдельные стачки, в целом о каком бы то ни было широком использовании рабочими этой формы классовой борьбы уже не могло быть и речи. Они были лишены финансовой поддержки профсоюзов, средства которых были присвоены Немецким трудовым фронтом. Самые преданные делу рабочего класса борцы — коммунисты были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря или вынуждены были скрываться. А главное — при забастовке рабочим приходилось иметь дело не просто с предпринимателями или союзом предпринимателей. Им противостояла вся мощь террористического аппарата фашистского государства.

Однако решающую роль в определении отношения монополий к фашистской власти сыграла социально-экономическая политика гитлеровского государства.

После прихода Гитлера к власти собственность на средства производства практически осталась у тех же лиц, что и во времена Веймарской республики. Исключение составляли финансисты и промышленники-евреи, имущество которых было конфисковано, передано во владение государства или же за бесценок продано «арийским владельцам», а также отдельные промышленники, вступившие на том или ином этапе в конфликт с нацистским государственным аппаратом.

Правда, несколько изменилось соотношение сил внутри самой монополистической верхушки. Курс на милитаризацию помог выдвинуться на первый план монополиям, связанным с военным про-

изводством. Напротив, политика автаркии, проводимая в связи с подготовкой к войне, уменьшила роль и влияние промышленных и финансовых корпораций, связанных с экспортной торговлей. В ряде случаев монопольное положение отдельных крупных концернов оказалось подорванным из-за расширения государственного сектора в промышленности. В связи с возраставшей экономической ролью фашистского государства все большее значение стали приобретать не только размеры контролируемого имущества, но и близость той или иной компании к режиму, наличие у нее связей с лицами, находящимися у рычагов управления.

Кроме того, ряды старых промышленных магнатов стали пополняться нуворишами, разбогатевшими благодаря использованию должностных связей, захвату имущества политически или расово «неблагонадежных» конкурентов.

Все это ни на йоту не поколебало устоев социальной структуры немецкого общества, покоившихся на эксплуатации незначительным меньшинством подавляющего большинства народа. В то же время методы осуществления социально-экономической политики были значительно обновлены. Установление фашистского режима ознаменовалось резким возрастанием роли государства и самым широким применением мер по государственно-монополистическому регулированию.

Разумеется, это не означало какого-либо разрыва с предшествовавшим развитием. Государственное вмешательство в экономику имеет в Германии давнюю историю. Степень и уровень такого вмешательства были в Германии издавна гораздо выше, чем в других промышленно развитых странах, даже тех, в которых развитие капитализма зашло гораздо дальше (например, в Англии и Соединенных Штатах).

Это особенно ярко проявилось во время первой мировой войны, когда, опираясь на накопившийся опыт государственного вмешательства в хозяйственные отношения, германским правящим кругам удалось создать превосходно действовавшую машину военно-экономической мобилизации всей нации.

«В Германии, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — дошли до руководства хозяйственной жизнью *66 миллионов людей из одного центра,* до организации одним центром народного хозяйства 66 миллионов людей, возложили величайшие жертвы на подавляющее большинство народа и все это для того, чтобы ,,верхние 30 000" могли положить в карман миллиарды военной прибыли и чтобы миллионы погибали на бойне для пользы этих ,,благороднейших и лучших" представителей нации» [88].

Именно на основании германского опыта В. И. Ленин и сделал вывод относительно перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, вывод, давший ключ

---

[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 219.

к изучению последующего развития капитализма в промышленно развитых странах.

«Возьмите, — отмечал он, — например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки» [89].

Широкие масштабы государственного вмешательства в экономику на сравнительно раннем этапе развития монополистического капитализма породили и весьма специфическое, сложное отношение германской монополистической буржуазии к хозяйственной роли государства. В военных условиях, в обстановке резкого обострения классовой борьбы, при трудностях, испытываемых на внешних рынках, она не только приветствовала государственное вмешательство, но и энергично настаивала на его расширении. При стабилизации же экономического и политического положения и при благоприятной конъюнктуре на рынках она в ряде случаев выступала против него, воспринимая регулирующие меры государственных органов как излишнюю регламентацию и непрошеное вмешательство. В зависимости от конкретных интересов отдельные монополии на разных этапах то выступали за государственное вмешательство, то фрондировали против него.

После первой мировой войны, особенно после денежной реформы и последовавшей за этим временной стабилизацией капитализма, большинство монополистических групп Германии выступило против дальнейшего расширения государственно-монополистического регулирования, за «свободные рыночные отношения», трактуемые, естественно, в монополистическом духе. Их позиция наложила существенный отпечаток на экономическую политику сменявших друг друга правительств Веймарской республики, стремившихся свести до минимума государственное вмешательство в дела монополий. Это вмешательство проявлялось только тогда, когда возникла необходимость прийти на помощь какой-либо монополии, запутавшейся в финансовых, спекулятивных махинациях.

Экономический кризис 1929—1933 гг. коренным образом изменил ситуацию. «Саморегулирующаяся экономика», превозносимая апологетами «свободного рынка», полностью продемонстрировала свою несостоятельность. Стало очевидно, что без решительных, централизованных мероприятий, проводимых государством, народному хозяйству Германии не выбраться из пучины, в которой оно оказалось. Многие, в том числе и крупные монополии попали в трудное финансовое положение, и выправить его они были в состоянии только при государственной поддержке. Обострение клас-

---

[89] Там же. Т. 38. С. 156—157.

совой борьбы, вызванное резким падением жизненного уровня трудящихся, с предельной остротой поставило вопрос об осуществлении государством ряда социальных мероприятий, которые могли бы смягчить угрозу, возникшую для самого капиталистического строя.

В этих условиях идея максимального расширения государственного вмешательства в экономику в целях наведения в ней «порядка» и тем самым спасения всевластия монополий стала приобретать в монополистических кругах все большую и большую популярность. В связи с этим уже первое правительство Брюнинга, вопреки практике своих предшественников, было вынуждено принять ряд мер по государственному воздействию на конъюнктуру. Еще в большем масштабе такие меры осуществлялись вторым правительством Брюнинга, а также правительствами Папена и Шлейхера [90].

Эффективность этих мер была, правда, незначительной. Объяснялось это, во-первых, тем, что в самих этих правительствах все еще не было единства взглядов относительно целесообразности такого рода мероприятий, а во-вторых, тем, что политическая неустойчивость кабинетов Брюнинга, Папена и Шлейхера, не пользовавшихся популярностью среди населения и державшихся только на авторитете президента и чрезвычайных декретах, лишала их возможности добиться принятия законов, которые бы позволили перейти к государственному регулированию в широких масштабах.

Поэтому одной из целей, которую преследовали группировки монополистической буржуазии, призвавшие нацистскую партию к власти, было наряду с установлением террористического режима, направленного против организованного рабочего класса и других демократических сил трудящихся, самое широкое использование государственно-монополистического регулирования, которое обеспечило бы «оздоровление» германской экономики, укрепило бы экономические позиции монополистического капитала и создало бы предпосылки для проведения им политики внешнеполитической экспансии [91].

Конкретная экономическая политика, проводившаяся нацистским правительством, полностью отвечала этой цели. И новые методы в области руководства экономикой, к которым оно прибегло, были не чем иным, как формой ее реализации.

---

[90] *Facius F.* Wirtschaft und Staat. Die Entwicklung der staatlichen Wirtschaftsverwaltung in Deutschland vom 17 Jahrhundert bis 1945. Boppard am Rhein, 1959. S. 123.

[91] «Поскольку автоматизм либеральной системы конкуренции страдает принципиальными пороками, — писал в 1934 г. видный деятель предпринимательских союзов Генрих Лехтапе, — эта система не может существовать дальше. Если автоматический контроль свободной игры сил отпадает, не остается ничего иного, как поставить на его место общественный контроль. Лозунг гласит: „Централизованный контроль при децентрализованной ответственности"» (*Lechtape H.* Die Wandlung des Kapitalismus in Deutschland. Jena, 1934. S. 101).

а) Косвенное воздействие

Одним из наиболее важных проявлений возрастания роли государственно-монополистического регулирования после прихода нацистов к власти явилось резкое увеличение так называемых «общественных» инвестиций. Львиную долю в этих инвестициях занимали расходы на военные цели. Однако и по другим позициям рост был весьма значительным. Это видно, в частности, из следующих данных об «общественных» инвестициях в Германии (млн рм, брутто) [92]:

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
На военные цели	620	720	3300	5150	9000	10 850	15 500
На транспорт	805	1238	1694	1876	2144	2400	3376
На общественное управление	800	810	1200	1400	1400	1420	1200
В предприятия-поставщики	218	200	289	390	500	600	700
В жилищное строительство	150	185	275	220	175	200	250
Всего	2593	3153	6758	9036	13 219	15 470	21 026
Индексы (1928=100)							
Номинальный	36	44	93	125	183	214	290
Реальный	47	60	123	166	241	278	377
«Общественные» инвестиции (%) к национальному доходу	5,7	6,8	12,8	15,3	20,1	20,1	25,6

Как видно из приведенных данных, уже в первый год после прихода нацистов к власти «общественные» инвестиции увеличились по сравнению с 1932 г. на 560 млн марок, или на 22 %. На первых порах это увеличение шло за счет наращивания расходов на транспортные цели (прирост за один год на 433 млн марок). Однако самый значительный прирост наметился с 1934 г., когда начались крупные расходы на военные цели. В этом году «общественные» инвестиции возросли уже более чем в два раза и превысили по своему объему инвестиции докризисного 1928 г. В дальнейшем «общественные» инвестиции увеличивались еще быстрее, также преимущественно за счет военных расходов.

С 1932 по 1938 г. военные расходы Германии увеличились на 14,8 млрд марок, остальные «общественные» инвестиции — на 3,6 млрд марок. Общий прирост «общественных» инвестиций составил, таким образом, 18,4 млрд марок, что равнялось примерно половине прироста национального дохода.

Впрочем, «общественные» инвестиции, проводившиеся по другим позициям, при ближайшем рассмотрении также оказывались имеющими непосредственное отношение к военному ведомству. Это особенно хорошо видно при расшифровке такой позиции,

[92] *Erbe R.* Die nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933—1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958. S. 25.

как «транспорт». Структура расходов на транспортные цели имела следующий вид (млн рм)[93]:

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Автострады	—	3	178	467	692	679	916
Другое дорожное строительство	151	360	431	437	472	559	868
Железные дороги	449	558	652	596	606	729	979
Разное	205	317	433	376	374	433	613
Итого	805	1 238	1 694	1 876	2 144	2 400	3 376

Значительная часть расходов на транспортные цели шла на дорожное строительство, и прежде всего на создание стратегических автострад, позволявших осуществлять быструю переброску войск с одного фронта на другой и сыгравших большую роль в ходе военных действий во время второй мировой войны. Капиталовложения в железные дороги также осуществлялись с точки зрения их военной отдачи.

Второе по значению место среди государственных мероприятий по косвенному регулированию экономики занимали фискальные меры, направленные на оживление частной предпринимательской деятельности. Прежде всего были предприняты шаги по увеличению ликвидности промышленных и торговых предприятий. С этой целью государством были выпущены специальные налоговые боны, вручавшиеся предприятиям, погасившим свою налоговую задолженность. Эти боны могли быть использованы для уплаты определенных налогов в последующие годы. Выпуск таких бон представлял собой форму отказа государства от налогообложения капиталистических предприятий в будущем при условии погашения задолженности в настоящем. Непосредственный эффект выпуска налоговых бон заключался в том, что они могли быть зачислены в актив предприятий или заложены, что увеличивало ликвидность соответствующих фирм. В марте 1934 г. в обороте находились боны на 1362,5 млн марок. Это был высший уровень. В период с 1934 по 1938 г. они были погашены.

В 1934 г. в рамках так называемой «программы Рейнхарда» правительственным декретом было выделено 500 млн марок в качестве дотаций на осуществление работ по восстановлению или ремонту жилого фонда. Дотации предоставлялись, однако, лишь в том случае, если частные предприниматели, производя перестройку, вкладывали из собственных средств сумму, равную кредиту, а осуществляя восстановительные работы — сумму, в четыре раза большую, чем размеры дотаций. Кроме того, государство брало на себя уплату процентов по кредитам, полученным частными фирмами на строительство в соответствии с этой программой, что повлекло за собой дополнительные затраты в 360 млн марок.

Одновременно были снижены налоги на предпринимательскую

---

[93] Ibid. S. 26.

деятельность. Владельцам предприятий, не имевшим по тем или иным причинам возможности воспользоваться субсидиями по «программе Рейнхарда», предоставлялась скидка с подоходного налога и налога на корпорации, составлявшая 10 % от сумм, затраченных на строительные работы. Кроме того, расходы на восстановительные работы были приравнены к расходам на рекламу и тем самым полностью освобождены от налогового обложения.

В 1933 г. были освобождены от налогов закупки, вызванные необходимостью поддержания оборудования в рабочем состоянии. В 1935 г. дополнительно были освобождены от налогового обложения определенные виды инвестиций. Из доходов, подлежащих налоговому обложению, стали вычитаться затраты на приобретение инвестиционных товаров среднесрочного пользования (менее 10 лет).

В целом манипулирование налогами играло в хозяйственной политике нацистского правительства гораздо меньшую роль, чем расширение непосредственных государственных расходов. Тем не менее и этим путем монополиям был выдан из общественного фонда весьма большой куш [94].

Все это, естественно, легло тяжким бременем на государственный бюджет. В поисках средств для покрытия его растущего дефицита нацистское правительство встало на путь форсирования инфляции. В пропагандистских целях эта политика маскировалась с помощью внеэкономических методов (административного замораживания заработной платы и уровня цен). В то же время в оборот пускались все новые и новые платежные средства.

В какой-то степени такими новыми платежными средствами с ограниченной оборачиваемостью были уже налоговые боны, о которых шла речь выше. Однако их выпуск был только началом. В рамках «программы Рейнхарда» были пущены в оборот «векселя по увеличению занятости». Векселя выдавались от имени специальных кредитных учреждений, обеспечивавших финансирование программы по расширению занятости, и в частности Акционерного немецкого общества по проведению общественных работ — Оэффа (отсюда и название — Оэффа-векселя). Срок Оэффа-векселей составлял три месяца, однако они могли быть пролонгированы на срок до трех лет. Имперский банк брал на себя обязательство при первом требовании учитывать векселя, что делало их в высшей степени ликвидными.

В финансовых отчетах государственного банка Оэффа-векселя не принимались во внимание, ибо формально ответственность за них несли специальные учреждения. Это позволяло искусственно занижать действительные размеры государственного долга. В действительности же речь в данном случае шла о чистой государственной задолженности, причем задолженности достаточно боль-

---

[94] *Hamburger L.* How Nazi Germany has Controlled Business. Wash. 1943. P. 67 ff.

шой: с 1933 по 1938 г. в оборот было пущено Оэффа-векселей на сумму около 3 млрд марок.

Еще большую роль в инфляционной политике нацистского правительства сыграли специальные векселя, выпущенные для покрытия дефицита, возникшего в результате военных расходов. Для выпуска этих векселей в 1933 г. была создана специальная фирма — Общество с ограниченной ответственностью для проведения изысканий в области металлургической промышленности (сокращенно — Мэфо) с капиталом в 1 млн марок. Участниками этого общества были объявлены пять крупнейших фирм по производству оружия и военного снаряжения. Значительная часть военных заказов правительства оплачивалась не наличными, а векселями, составленными от имени этого общества, отсюда и их название — Мэфо-векселя. Поскольку формально они считались «торговыми векселями», их также учитывал Имперский банк.

О масштабах использования Мэфо-векселей и о роли, которую они сыграли в финансировании военных расходов Германии, свидетельствуют следующие данные (в млрд рм)[95]:

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1934—1937 гг.
	(финансовые годы)				
Общие военные расходы	4,1	5,5	10,3	11,0	30,9
в том числе финансированные за счет Мэфо-векселей	2,1	2,7	4,5	2,7	12,0
Мэфо-фекселя, % к военным расходам	51	49	44	24	39

К весне 1938 г. в обращении находилось Мэфо-векселей на 12 млрд марок. В дальнейшем сумма эта не увеличивалась, ибо правительство перешло к новому методу покрытия дефицита — выпуску различного рода краткосрочных ценных бумаг. К этому времени почти все выпущенные Мэфо-векселя сконцентрировались в Имперском банке и его дочернем институте — Золотом учетном банке. Предусмотренное положением о Мэфо-векселях погашение через пять лет после их выпуска, естественно, не состоялось.

О других формах текущей задолженности нацистского государства дают представление следующие данные с указанием изменений (±) по сравнению с предыдущим годом (в млн рейхсмарок без Мэфо-векселей)[96]:

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
	(финансовые годы)					
Беспроцентные казначейские билеты	+475	+590	+316	−446	−89	+4 255
Имперские векселя	−6	−120	+85	+2	+32	+5
Промышленный кредит Имперского банка	−52	−35	+100	−26	+23	−69
Другие займы	−1	+38	−7	−46	−4	−1
Итого	+416	+473	+494	−516	−38	+4 190

[95] *Schwerin von Krosigk L.* Es geschah in Deutschland. Tübingen. 1951. S. 188.
[96] *Erbe R.* Op. cit. S. 47.

Некоторое уменьшение текущей государственной задолженности по приведенным выше позициям в 1936—1937 гг. объяснялось тем, что, как уже указывалось, в эти годы финансирование военных расходов осуществлялось преимущественно за счет Мэфо-векселей. С 1938 г. главным средством финансирования политики вооружений стали беспроцентные казначейские билеты, чем и объясняется скачкообразный прирост их выпуска.

В целом текущая государственная задолженность фашистской Германии изменялась в довоенные годы следующим образом (млн рм на конец года) [97]:

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Мафо-векселя	...	2 145	4 860	9 312	12 000	11 900
Оэффа-векселя (без налоговых бон)	1 441	1 489	1 127	760	375	...
Прочая текущая задолженность	1 514	1 987	2 481	1 963	1 925	6 115
Итого	2 955	5 621	8 468	12 035	14 300	18 015
Ежегодный прирост задолженности	+1 858	+2 666	+2 847	+3 567	+2 265	+3 715

Параллельно с текущей задолженностью форсировалась среднесрочная и долгосрочная государственная задолженность. Общая задолженность нацистского государства составляла (в млн рейхсмарок к концу каждого финансового года) в 1933 г. — 13 953, в 1934 г. — 15 980, в 1935 г. — 20 180, в 1936 г. — 25 887, в 1937 г. — 31 280, в 1938 г. — 41 783. С 1933 г. эта задолженность возросла на 29 397 млн марок, в том числе краткосрочная задолженность — на 16 918 млн марок, а средне- и долгосрочная — на 12 479 млн марок. Индекс общей задолженности составил (конец 1932 г.=100) в 1933 г. — 113, в 1934 г. — 129, в 1935 г. — 163, в 1936 г. — 209, в 1937 г. — 253 и в 1938 г. — 337 [98].

Подобный рост задолженности, особенно краткосрочной, неизбежно приводил к увеличению денежной массы, находившейся в обращении (млн рм на конец года) [99].

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Имперские банкноты	3 545	3 633	3 888	4 282	4 980	5 493	8 223
Билеты рентного банка	413	392	385	398	374	391	382
Банкноты частных банков	183	174	175	150	9	—	—
Разменная монета	1 501	1 516	1 525	1 544	1 602	1 615	1 799
Всего	5 642	5 715	5 973	6 374	6 965	7 499	10 404
Индекс (1932 г.=100) —	100	101	106	113	123	133	184

Картина, которую рисуют эти данные, не является полной. Как уже указывалось выше, роль платежных средств в той

[97] Ibid. S. 48—49.
[98] Ibid. S. 54.
[99] Statistisches Handbuch für Deutschland. B., 1939. S. 505.

или иной степени играли различные векселя, выпускаемые полугосударственными и номинально частными кредитными учреждениями. Наряду с упоминавшимися Озффа- и Мэфо-векселями большое значение имели Сола-векселя, выпускавшиеся дочерней организацией Имперского банка — Золотым учетным банком и представлявшие собой нечто среднее между векселем и краткосрочной государственной процентной облигацией. Тем не менее главную тенденцию приводимые цифры указывают верно. Масса платежных средств, находившихся в обращении, постоянно возрастала, причем гораздо быстрее, чем рос национальный доход, число занятых в производстве и увеличивались территория и население фашистской Германии.

Особенно безудержный характер инфляционистская политика приобрела в военные годы. Более или менее полных данных о росте государственной задолженности и объема платежных средств, находившихся в обращении, в нашем распоряжении не имеется. Однако даже те отрывочные сведения, которые все же время от времени публиковались, дают достаточное представление о том, как проходило развитие в этой области.

По данным директора народнохозяйственного отдела Имперского банка О. Эйнзиделя, опубликованным в 1942 г., общая государственная задолженность Германии составила к концу 1940 г. 79,4 млрд марок, а концу 1941 г. уже 128,5 млрд марок [100]. Поскольку он же утверждал, что задолженность государства в апреле 1939 г. составляла 31,9 млрд марок [101], это означало, что за полтора года, из которых год и четыре месяца уже приходились на войну, государственная задолженность страны выросла более чем в два с половиной раза, а за последующие два с половиной года — более чем в четыре раза.

Соответственно возрастала масса платежных средств, находившихся в обращении. Если в 1938 г., как уже отмечалось, в обращении находились платежные средства на сумму 10,4 млрд, то к концу 1939 г. эта сумма равнялась 14,5 млрд, к концу 1940 г. — 16,8 млрд и к концу 1941 г. — 22,3 млрд марок [102]. Иными словами, за три года, из которых два года и четыре месяца приходились на вторую мировую войну, масса платежных средств возросла более чем в два раза. Количество одних лишь находившихся в обращении имперских банкнот увеличилось с конца августа 1939 г. (т. е. с начала войны до конца января 1942 г.) с 10,9 млрд до 19,9 млрд марок [103]. Учитывая, что на подавляющем большинстве оккупированных фашистами территорий в обращении находились либо мест-

[100] Gelenkte Wirtschaft. Sechs Vorträge. Essen, 1942. S. 135.

[101] Эта цифра вызывает сомнение, ибо вычисленный на основании официальных данных государственный долг Германии уже к концу 1938 г. равнялся 41,8 млн марок. Но в данном случае это расхождение не столь уж существенно, так как речь идет об определении динамики развития.

[102] Ibid, S. 136.

[103] Ibid. См. также: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. B., 1942. S. 454.

ная валюта, либо оккупационные марки, не считавшиеся имперскими платежными средствами, указанный прирост денежной массы свидетельствовал, что инфляция, явившаяся результатом политики дефицитного финансирования, приобрела в Германии уже в начале войны гигантские масштабы.

б) Административные методы регулирования

Добиваясь всеобъемлющего, тотального государственно-монополистического регулирования экономики, нацистское правительство установило и непосредственный административный контроль над хозяйственным развитием.

Одним из первых мероприятий в этой области было введение жесткого контроля над расходованием иностранной валюты. Мероприятия такого рода осуществлялись еще предшественниками Гитлера как рейхсканцлера, однако широкого масштаба тогда не приобрели. Во всяком случае, до середины 1933 г. перевод в иностранную валюту процентов и амортизационных отчислений с иностранного капитала осуществлялся без каких бы то ни было ограничений. Практически свободным было также выделение иностранной валюты для оплаты импорта. При сравнительно благополучном положении с платежным балансом это не вызывало каких-либо дополнительных затруднений.

Внутриэкономическая политика нацистского правительства, переход от дефляционистского к инфляционистскому курсу сразу же резко ухудшили внешнеторговый, а следовательно, и платежный баланс страны. Если в 1932 г. внешнеторговое сальдо Германии было положительным и составляло 1072 млн марок, то в 1933 г. оно уменьшилось до 667 млн марок, а в 1934 г., впервые с 1928 г., торговый баланс был сведен с дефицитом размером в 284 млн марок [104]. Это вынудило хозяйственных руководителей «третьей империи» поставить вопрос об усилении административного вмешательства во внешнюю торговлю и систему обмена валюты. Летом 1933 г. правительством был введен мораторий на обмен денежных сумм, связанных с иностранной задолженностью. Одновременно были усилены меры по ограничению импорта [105]. Однако все это было лишь преддверием коренных преобразований во внешнеторговой и валютной политике.

В сентябре 1934 г. нацистскими властями был принят так называемый «новый план», предусматривавший введение всестороннего регламентирования внешнеторговых и валютных отношений. В основу плана были положены три основные идеи: 1) переход от многосторонней к двусторонней внешней торговле и соответственно от многосторонней к двусторонней системе взаимных расчетов, построенных на принципах клиринга; 2) количественное ограничение ввоза и определение централизованным путем общего объема импорта, соответствующего «народнохозяйственным интересам»;

---

[104] Ibid. S. 282.
[105] *Noack E.* Die Gesetzgebung des Dritten Reiches. B., 1938. S. 125.

3) форсирование экспорта путем осуществления компенсационных сделок, введения дифференцированного обменного курса, предоставления экспортным отраслям промышленности определенных привилегий, в частности при снабжении сырьем, и т. д.[106]

В то же время государственными органами были предприняты энергичные меры, направленные на уменьшение зависимости Германии от наиболее важных для экономики страны видов импорта. Прежде всего была поставлена задача обеспечить удовлетворение всей потребности в горючем за счет производства синтетического бензина из угля, максимально расширить производство заменителей сырья для текстильной промышленности, полностью ликвидировать зависимость от иностранных поставок каучука путем расширения производства синтетического каучука (буна), резко улучшить снабжение промышленности продуктами черной металлургии в результате использования бедных железом немецких руд.

Масштабы мероприятий, осуществлявшихся в соответствии с «новым планом», свидетельствовали о том, что цели, которые он преследовал, определялись далеко не одной лишь необходимостью восстановить равновесие торгового и платежного баланса, нарушенного экспериментами в области финансовой политики. Если на самых первых порах это соображение и играло значительную роль, то вскоре оно отступило на второй план перед совершенно явно выраженным стремлением властителей «третьей империи» преобразовать структуру внешней торговли Германии в соответствии с потребностями милитаризации ее экономики. Основной упор делался при этом на возможно большее сокращение роли внешней торговли в экономической жизни страны (политика автаркии).

Крупная монополистическая буржуазия в целом благоприятно восприняла введение регламентации в области внешней торговли, хотя до установления фашистского режима именно из монополистических кругов и исходило самое упорное сопротивление любым робким попыткам государственного вмешательства в эту область. Недовольство проявили только те монополистические круги, которые были связаны преимущественно с работой на иностранный рынок. Компании, частично работавшие на экспорт, сумели быстро компенсировать потери, вызванные спадом во внешней торговле. Прямую выгоду получили фирмы, не связанные с иностранными рынками. Во-первых, резко улучшились возможности сбыта их товаров внутри страны, поскольку иностранная конкуренция, особенно в том, что касалось готовых изделий, была сведена до минимума. Во-вторых, открылись новые весьма благоприятные возможности в области производства и сбыта заменителей, которые должны были обеспечить независимость немецкой экономики от ввоза. В-третьих, усилились их позиции в борьбе с экспортной промышленностью, обладавшей большим не только экономиче-

[106] Schulthes's Europäischer Geschichts-Kalender. 1934. Bd. 75. S. 221—226.

ским, но и политическим влиянием в Веймарской республике.

Главное же обстоятельство, обеспечившее активную поддержку этих мероприятий монополистической буржуазией, заключалось в том, что для большинства ее представителей государственное регулирование в области внешней торговли было прежде всего составной частью политики милитаризации хозяйства, политики, которая их полностью устраивала.

Административные формы государственно-монополистического регулирования экономики были использованы и при решении проблемы цен и заработной платы. Пытаясь предотвратить неконтролируемую инфляцию, угроза которой приобрела реальный характер в связи с авантюристической политикой в области капиталовложений, кредитов и денежного обращения, фашистское правительство прибрало к рукам главные рычаги воздействия на цену как рабочей силы, так и услуг и товаров.

Ликвидировав организации рабочего класса, способные отстаивать его жизненные интересы, нацистские правители односторонним актом запретили любое повышение тарифных ставок.

К регулированию цен они подходили более осторожно, опасаясь затронуть интересы влиятельных групп, в поддержке которых крайне нуждались, особенно в первый период пребывания у власти. Когда в 1933 г. рост цен стал настолько заметным, что вызвал недовольство рядовых членов нацистской партии, правительство, несмотря на обещания положить конец спекуляции, ограничилось абстрактным предупреждением. Только в начале 1934 г., когда стало очевидно, что без вмешательства властей вся система цен в Германии может пойти под откос, власти решились на более энергичные меры. Распоряжением правительства цены на текстильное сырье и текстильные изделия, а также на некоторые изделия из кожи были заморожены на уровне марта 1934 г. Несколько позже было запрещено заключение соглашений об установлении минимальных цен и о минимальной торговой наценке на жизненно важные товары, а также на товары ежедневного потребления. В том же году специальным распоряжением было запрещено делать какие-либо наценки на импортируемые товары, в первую очередь на сырье и полуфабрикаты.

Поскольку все эти мероприятия не дали сколько-нибудь серьезного эффекта, осенью 1934 г. был учрежден специальный пост комиссара по контролю над ценами, которому были предоставлены широкие полномочия.

Конечным и логическим результатом серии мер, осуществленных комиссаром по контролю над ценами, явилось введение в ноябре 1936 г. всеобщего запрета на повышение цен, который в той или иной форме сохранялся до 1945 г.[107]

Подобное решение еще более ускорило исчезновение с рынка

---

[107] *Hamburger L.* Op. cit. S. 69—70; см. также: *Dichgans H., Rösen A.* Kriegspreise und Gewinn-Abschöpfung. B., 1941. S. 1—17.

ряда дефицитных товаров. Наряду с официальным рынком возник и стал процветать неофициальный, черный рынок, цены на котором, естественно, не контролировались. Это вызвало необходимость введения карточной системы. На первых порах она носила полускрытый характер (продажа определенных товаров по спискам). В начале войны карточная система была введена официально.

Хотя мероприятия по регулированию цен были провозглашены нацистскими пропагандистами выражением заботы фашистского государства о народе, они прежде всего ударили по массовому потребителю, которому приходилось либо мириться с отсутствием необходимых ему вещей, либо платить за них втридорога на черном рынке. Их антинародный, асоциальный характер очевиден. Несколько сложнее обстоит дело с тем, в какой степени эти мероприятия затрагивали интересы крупной промышленности и торговли. На первый взгляд регламентация цен, а затем генеральный запрет какого-либо их повышения должны были бы натолкнуться на самое решительное сопротивление со стороны монополистической буржуазии, ибо речь шла вроде бы о «святая святых» капиталистических отношений — праве производителя свободно распоряжаться изготовленной им продукцией.

Определенное недовольство у части крупной буржуазии вмешательство государства в процесс ценообразования действительно вызвало. Однако в целом монополистическая буржуазия охотно поддержала и это мероприятие. Получив значительные выгоды от оживления экономики, она вовсе не желала, чтобы открывшиеся для нее благоприятные перспективы были ликвидированы неконтролируемой инфляцией, связанной с быстрым обесценением денег и т. д. Поэтому она была крайне заинтересована в проведении определенных антиинфляционистских мероприятий, даже если это было сопряжено с некоторыми материальными потерями.

Немалую роль играло и то, что монополистическая буржуазия была вполне удовлетворена результатами своеобразного «умиротворения», которое при помощи террора и демагогии обеспечили на первых порах нацисты. Потеря контроля над инфляционистским развитием грозила опрокинуть неустойчивое «социальное равновесие» и привести к резкому обострению классовой борьбы в стране. Чтобы избежать такого развития, монополистическая буржуазия была готова поступиться частью своей прибыли.

Кроме того, оживление в промышленности, расширение государственных заказов, улучшившиеся возможности сбыта в результате уменьшения иностранной конкуренции открывали большие возможности увеличения прибыли в результате роста производства даже при неизменном уровне цен.

Наконец, последнее по месту, но не по значению: тесные связи с государственным аппаратом, ведавшим ценами, переплетение государственных и монополистических органов, их сращивание, обеспечивали широкую возможность, с одной стороны, воздействовать на решения этого аппарата в пользу заинтересованных мо-

нополий, а с другой — безнаказанно обходить особенно неприятные решения.

Как «новый план» в области внешней торговли, так и мероприятия по контролю над зарплатой и ценами представляли собой лишь один из первых этапов организации прямого регулирования экономикой в фашистской Германии. Начиная с 1934 г. гитлеровское правительство перешло к новому этапу, начав практиковать административное вмешательство непосредственно в производственную сферу.

Проявлением такого вмешательства явилось прежде всего форсированное принудительное синдицирование (или картелирование) промышленности, которое, по словам В. И. Ленина, есть не что иное, как «своего рода подталкивание государством капиталистического развития»[108].

Наряду со всеохватывающей системой картелей и параллельно с ней была создана другая система государственно-монополистического регулирования — так называемая Организация промыслового хозяйства. В отличие от картелей, имевших формально частнопредпринимательский характер, Организация промыслового хозяйства считалась полугосударственным, «общественным» органом. Она представляла собой видоизмененную форму предпринимательских союзов, наделенных административными и контрольными функциями.

Преобразование предпринимательских союзов прошло через ряд этапов. В середине 1933 г. нацистским правительством был издан декрет о создании Имперского сословия германской промышленности, в которое были включены, в частности, Имперский союз германской промышленности и Объединение германских союзов работодателей[109].

Вскоре Имперское сословие германской промышленности было вновь реорганизовано. В феврале 1934 г. был издан Закон о подготовке органического строительства германской экономики[110]. На основе этого закона, а также изданных в его развитие распоряжений предпринимательским организациям была придана новая форма. В промышленности было образовано 13 главных и большое количество отраслевых групп, возглавлявшихся «фюрером промышленности», наделенным неограниченными полномочиями. Практически функции «фюрера промышленности» перекрещивались с функциями имперского министра хозяйства, что приводило к постоянному столкновению компетенций. Поэтому по настоянию Шахта была осуществлена еще одна реорганизация, в результате которой и была создана та система, которая в общих чертах сохранилась вплоть до конца фашистской «третьей империи»[111].

---

[108] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 176.
[109] См.: Reichsstand der deutschen Industrie. Die Industrie im neuen Reich. B., 193—.
[110] *Noack.* Op. cit. S. 96.
[111] *Facius F.* Wirtschaft und Staat. Boppard am Rhein, 1959. S. 144.

В ходе этой реорганизации все полугосударственные, «общественные» органы, действовавшие в экономической области, были объединены в Организацию промыслового хозяйства. Эта организация делилась на шесть (затем семь) имперских групп: промышленности, торговли, ремесла, банков, страхового дела и энергетического хозяйства. В свою очередь имперские группы состояли из экономических групп, отраслевых групп и более мелких подразделений. В имперской группе промышленности существовало еще одно промежуточное звено: главная группа.

Система подчинения, например, в имперской группе промышленности выглядела так: Имперская группа промышленности — первая главная группа тяжелой промышленности — экономическая группа горной промышленности — отраслевая группа каменноугольной промышленности — окружная группа Рура.

Руководители имперских групп назначались имперским министром хозяйства и несли перед ним полную ответственность. Руководители главных и экономических групп назначались тем же министром по представлению руководителя имперской группы. Остальные назначения входили в компетенцию руководителя имперской группы.

Наряду с центральным аппаратом Организации промыслового хозяйства была создана и региональная структура государственно-монополистического регулирования. Окружные группы различных имперских групп объединялись на местах в так называемые хозяйственные палаты, в которые наряду с ними входили представители городских и районных промышленных и торговых палат. Окружные хозяйственные палаты объединялись в Имперскую хозяйственную палату, также непосредственно подчиненную министерству хозяйства [112].

Поскольку членство в Организации промыслового хозяйства носило обязательный характер, она имела возможность контролировать все без исключения стороны экономического развития страны, навязывать всем отраслям хозяйства, всем предприятиям волю небольшой группы возглавлявших ее людей.

Полномочия организации были достаточно велики. Хотя формально она считалась всего лишь органом, призванным осуществлять связь между промышленниками и правительственными учреждениями [113], фактически в сферу ее компетенции входило решение вопросов общего объема производства, направления его развития, распределения заказов и сырья, предварительное решение об уровне цен на продукцию и ведение переговоров по этому вопросу с правительственным комиссаром, разрешение споров между отдельными фирмами, синдикатами, концернами и т. д.

---

[112] Ibid. S. 145.

[113] «Организация промыслового хозяйства — это своего рода трансмиссия, которая должна обеспечивать, чтобы, с одной стороны, приказы сверху в их действительном виде доводились до низов, а с другой — чтобы желания, предложения и претензии передавались наверх» (*Seeliger K.* Der Unternehmer in der gelenkten Wirtschaft. B., 1941. S. 23).

В целом Организация промыслового хозяйства представляла собой своеобразную форму самоуправления магнатов монополистического капитала, единственного действительного, а не мнимого самоуправления, существовавшего в «третьей империи». Самоуправление это было, однако, не абсолютным, ибо руководителям Организации промыслового хозяйства приходилось считаться с позицией высшей инстанции в иерархии управления экономикой — государственной власти, позицией, отвечавшей интересам монополистической буржуазии в целом, но далеко не всегда совпадающей с ними в частностях.

Расширение государственно-монополистического регулирования повлекло за собой реорганизацию не только частнопредпринимательских и «общественных» предпринимательских организаций, но и той части государственного аппарата, которая непосредственно занималась управлением хозяйства. Прежде всего эти изменения сказались на структуре Имперского министерства хозяйства.

Еще в 1931 г. это был сравнительно небольшой орган, занимавшийся общими вопросами экономической политики: надзором за картелями и другими монополистическими организациями, определением себестоимости продукции, установлением тенденций в развитии цен, общими вопросами денежного обращения, таможенными пошлинами, организацией коммерческой информации и т. д. Более конкретные вопросы экономической политики входили в компетенцию министерства хозяйства отдельных земель, которые, однако, также не вмешивались в организацию производства, распределения и т. д.

В 1933 г. имперское министерство было значительно расширено. Число статс-секретарей (заместителей министра) было удвоено. Вместо трех отделов, имевшихся в 1931 г., было создано семь. Значительно расширились и функции министерства. В частности, гораздо большее внимание уделялось внешнеторговым, и прежде всего валютным вопросам, что нашло свое выражение в создании специального имперского центра, которому было поручено непосредственное решение этих вопросов.

В результате реорганизации, произведенной осенью 1936 г., Имперское министерство хозяйства разбухло еще больше. За истекший период им было поглощено министерство хозяйства Пруссии. Количество отделов объединенного министерства увеличилось до 8 плюс генеральная референтура и ряд других самостоятельных подразделений. Само министерство уже не просто определяло общую политику, но и руководило практической и хозяйственной деятельностью через Организацию промыслового хозяйства и имперские группы. В связи с этим крайне разбухли отделы, занимавшиеся непосредственно управлением промышленностью.

Следующая реорганизация, происшедшая летом 1939 г., была проявлением той же самой тенденции. В связи с дальнейшим расширением отделов, занимавшихся государственным регулированием экономического развития, в министерстве были созданы 5 управлений. Каждое управление состояло из отделов, которых

стало 17, не считая двух главных реферетур. Структуре большинства отделов был придан отраслевой характер. Например, во II управление входили отдел горной промышленности с 17 реферетурами, отдел железоделательной и металлургической промышленности с 9 реферетурами, отдел энергетического хозяйства с 7 реферетурами, отдел минеральных масел с 5 реферетурами, химический отдел с 4 реферетурами, отдел текстильной, целлюлозной и бумажной промышленности с 5 реферетурами, отдел остальных отраслей промышленности (строительная, строительных материалов, стекольная, керамическая, деревообрабатывающая, кожевенная, табачная, пищевкусовая) с 5 реферетурами [114].

Новая структура во многом совпадала со структурой Организации промыслового хозяйства. Имперским группам промышленности и энергетического хозяйства соответствовало II управление министерства, имперским группам торговли и ремесла — III управление, имперским группам банков и страхового дела — IV управление.

Потребности дальнейшей мобилизации народного хозяйства на выполнение военных заказов и связанная с этим возросшая военно-экономическая регламентация привели к тому, что после начала второй мировой войны часть функций, выполнявшихся министерством хозяйства, была передана вновь созданному Имперскому министерству вооружения и боеприпасов. По мере расширения масштабов войны компетенции этого министерства постоянно возрастали за счет сужения сферы влияния министерства хозяйства. Осенью 1943 г. это нашло свое организационное оформление в преобразовании министерства вооружения и боеприпасов в Имперское министерство вооружений и военной продукции. В ведение этого министерства был передан контроль за большей частью германской промышленности, работавшей на военные нужды, ведение всех строительных работ, имеющих военно-стратегическое значение, контроль над транспортом и т. д.

В соответствии с логикой бюрократического развития министерство вооружений и военной продукции создало параллельно министерству хозяйства свою, самостоятельную структуру вертикального управления и даже свою организацию, идентичную Организации промыслового хозяйства. В частности, была создана система «рингов», соответствовавших имперским группам и их подразделениям. В ряде случаев одни и те же предприятия, фирмы, концерны, синдикаты и картели были представлены в обеих организациях [115].

Несмотря на то, что сфера влияния министерства хозяйства значительно сократилась, его аппарат не только не уменьшился, но и продолжал возрастать. По штатам министерства, утвержденным в декабре 1943 г., существовали все те же 5 управлений с 17 от-

---

[114] *Facius F.* Op. cit. Anhang 11, 12, 13, 14. S. 250 ff.
[115] Ibid. S. 162, 163.

делами, генеральной референтурой и множеством других самостоятельных подразделений [116].

Еще задолго до выделения министерства вооружения и боеприпасов (а затем — министерства вооружения и военной продукции) министерство хозяйства было далеко не единственным официальным учреждением фашистской Германии, занимавшимся государственно-монополистическим регулированием. С самого начала наряду с ним в качестве органов государственного регулирования экономикой выступали имперское министерство продовольствия и сельского хозяйства, имперское министерство транспорта, имперское министерство финансов, имперское министерство труда, имперское лесное управление и Верховное командование сухопутных сил.

Через министерство продовольствия и сельского хозяйства и контролируемое им Имперское сословие продовольствия осуществлялось государственно-монополистическое регулирование производства сельскохозяйственных продуктов и первичной переработки сельскохозяйственного сырья.

Министерство транспорта не только управляло государственными железными дорогами, но и через имперского уполномоченного по вопросам ближней транспортировки и 6 имперских транспортных групп руководило всей транспортной системой Германии, находившейся в частных руках.

Министерство финансов через имперский монетный двор, имперское управление монополиями и финансовые управления осуществляло надзор за денежным обращением, контролировало правильность налоговых отчислений, предоставляло или отменяло финансовые льготы и т. д.

Подчинявшееся министерству труда имперское управление по делам трудоустройства и страхования от безработицы с его 420 биржами труда и имперское управление по вопросам переселения совместно с Немецким трудовым фронтом регулировали цену рабочей силы, ее миграцию и т. д.

Имперское лесное управление осуществляло контроль над поставками и использованием лесоматериалов.

Действовавшее в составе верховного командования вооруженных сил Управление военной экономикой и вооружений (то самое, которое впоследствии выросло в целое министерство) наряду с Управлением предприятиями, принадлежавшими непосредственно военному ведомству, воздействовало на промышленность при помощи системы распределения военных заказов.

Кроме того, существовали формально подчиненные министерству хозяйства, но фактически самостоятельные органы государственно-монополистического регулирования — такие, как Управление уполномоченного по вопросам машиностроения, Управление имперского комиссара по использованию вторичного сырья, Управление специального уполномоченного по вопросам прядиль-

---

[116] Ibid. S. 264, 265.

ной промышленности, Имперское управление экономического строительства, Имперское управление по вопросам внешней торговли, Имперский совет по вопросам рационального хозяйствования и экономии.

Множественность государственных органов, претендовавших на решающую роль в регулировании экономики, нечеткое разделение их функций, вспыхнувшая в связи с этим ожесточенная ведомственная борьба привели в первые годы пребывания национал-социалистов у власти к неразберихе, вызвавшей недовольство в монополистических кругах. Это побудило нацистские власти предпринять попытку навести порядок в системе управления хозяйством, тем более что этого же требовали интересы форсированного перевода экономики страны на военные рельсы в соответствии с внешнеполитическими планами фашистского режима.

Такой попыткой явилось провозглашение Гитлером так называемого второго четырехлетнего плана развития германской экономики [117]. Впервые идея этого плана была изложена Гитлером на Нюрнбергском съезде НСДАП в сентябре 1936 г. В октябре уполномоченным по осуществлению плана был назначен ближайший сотрудник Гитлера Геринг [118]. Указом рейхсканцлера ему было предоставлено право издавать распоряжения, имевшие силу закона, а также общие административные предписания. Исходившие от него указания были обязательными для всех государственных и партийных органов. Фактически с момента своего назначения уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана Геринг стал своеобразным хозяйственным диктатором страны [119].

Герингом был создан специальный аппарат уполномоченного по осуществлению четырехлетнего плана, ядро которого составили руководящие чиновники упраздненного прусского министерства хозяйства.

В подчинении Геринга и его ведомства находилась группа генеральных уполномоченных, у каждого из которых было свое управление. Наибольшее значение среди них имел генеральный уполномоченный по вопросам ценообразования, без санкции которого не могла быть установлена ни одна цена ни на один товар. Диктаторскими полномочиями в своих областях пользовались также генеральный уполномоченный по вопросам черной металлургии, генеральный уполномоченный по особым вопросам химического производства, генеральный уполномоченный по регулированию строительной деятельности, генеральный уполно-

---

[117] Первым четырехлетним планом считались экономические мероприятия, осуществленные нацистским правительством в 1933—1936 гг., в частности программа по расширению занятости, «новый план» в области внешней торговли и т. д.

[118] Ausgewälte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. Bielefeld, 1961. Bd. II. S. 1—5.

[119] *Facius F.* Op. cit. S. 155.

моченный по вопросам автомобильного транспорта, генеральный уполномоченный по шоссейным дорогам, генеральный уполномоченный по водным и энергетическим ресурсам [120].

Их распоряжения, отдававшиеся от имени уполномоченного по осуществлению четырехлетнего плана, были обязательны для всех центральных министерств и ведомств, имевших какое-либо отношение к экономике.

Главной задачей генеральных уполномоченных, как видно уже из наименования их ведомств, было решение военно-хозяйственных задач с особым упором на узкие места. Так, генеральный уполномоченный по вопросам черной металлургии занимался преимущественно вопросами расширения сырьевой базы для германской металлургической промышленности, расширением производства сортов стали и типов проката, необходимых для артиллерийской и танковой промышленности, созданием стратегических запасов черных металлов. Главное внимание генерального уполномоченного по особым вопросам химического производства было направлено на создание предприятий по производству синтетического бензина и каучука, которое бы освободило Германию от зависимости от импорта этих стратегических товаров, неизбежно прекратившегося бы в случае мировой войны. Генеральный уполномоченный по вопросам автомобильного транспорта концентрировал усилия своего ведомства на расширении производства таких типов автомашин, которые могли бы быть использованы вооруженными силами. Генеральный уполномоченный по шоссейным дорогам осуществлял надзор над строительством стратегических автострад. Выполнение этих задач предполагало активное вмешательство в производственную деятельность, которое и осуществлялось либо через министерства и имперские группы, либо непосредственно воздействием на концерны и отдельные фирмы.

Механизм, при помощи которого осуществлялось государственно-монополистическое регулирование экономики фашистской Германии, помог фашистскому руководству в сравнительно короткие сроки перевести экономику страны на военные рельсы, создать заново или существенно расширить важные в стратегическом отношении отрасли промышленности, ослабить зависимость Германии от стратегического импорта, создать военные запасы. Однако в целом этот механизм работал крайне непроизводительно, с огромными издержками, был неповоротлив, до предела бюрократичен. Его то и дело парализовывало непримиримое противоречие между закономерностями частнокапиталистического производства и стремлением к не свойственному ему тотальному регламентированию.

О том, насколько бюрократической и неповоротливой была эта машина, можно составить себе представление на основании следующего примера.

---

[120] Gelenkte Wirtschaft. S. 15.

Фирма, решившая расширить производство и построить для этого новый цех, должна была прежде всего обратиться за разрешением во II управление министерства хозяйства и к соответствующему генеральному уполномоченному (или, если это строительство не входило в компетенцию генерального уполномоченного, в Имперское управление экономического строительства). Если ни один из этих органов, а также ни одна из привлеченных ими для консультации организаций не пришли к выводу, что подобное расширение производства противоречит главному направлению экономического развития, намеченному четырехлетним планом, фирме выдавалось принципиальное разрешение на расширение производственных мощностей. После этого ей надлежало обратиться к генеральному уполномоченному по вопросам черной металлургии с просьбой о выделении необходимого количества металлических конструкций. Кроме того, необходимо было получить разрешение на строительство у генерального уполномоченного по строительству. В случае, если для финансирования нового строительства фирма намеревалась прибегнуть к выпуску займа или дополнительных акций, ей необходимо было получить согласие IV управления министерства хозяйства.

Чтобы ввести уже построенный цех в строй, требовалось получение согласия биржи труда на обеспечение предприятия рабочей силой (в случае, если речь шла о дефицитных профессиях, требовалась даже санкция земельного экономического отдела). Обеспечение этого цеха сырьем производилось лишь в том случае, если на это давали согласие имперская, экономическая или отраслевая группа, соответствующие торговые и промышленные палаты или картели. При необходимости получения импортного сырья требовалась санкция соответствующего имперского центра министерства хозяйства или, в зависимости от характера сырья, министерства продовольствия и имперского лесного управления. Для получения валюты для оплаты иностранных лицензий или патентов нужно было согласие валютного центра.

Размеры нового производства, его номенклатура, а также требования к качеству определялись соответствующими распоряжениями и инструкциями отделов министерства хозяйства, имперских экономических и отраслевых групп, а также картелей. Эти же органы определяли потребителей продукции, особенно если речь шла о товарах дефицитных и подлежащих рационированию. Кроме того, при сбыте от фирмы требовалось получение разрешений от имперского куратория по вопросам рационального хозяйствования и экономии, имперского комитета по условиям поставок и Совета германского хозяйства по вопросам рекламы, а в случае, если речь шла об экспортных поставках, от имперского управления внешней торговли.

Цены на поставляемую продукцию определялись концернами и группами и окончательно утверждались Имперским комиссаром по вопросам ценообразования.

Очевидно, что при такой системе, когда любой, даже не очень

сложный вопрос должен был пройти долгий и трудный путь утверждений и согласований, все необходимые санкции в срок могли получить лишь те предприятия, фирмы и концерны, которые имели весьма влиятельные позиции в контрольных и регулирующих инстанциях. Такими позициями обладали, естественно, крупные монополии либо те предприятия и фирмы, владельцы которых по тем или иным причинам имели особый доступ к достаточно влиятельным деятелям фашистского государства. Впрочем, очень часто это были одни и те же лица. Свои позиции они использовали для обеспечения своим предприятиям наиболее выгодных заказов, условий производства и сбыта и для удушения и поглощения своих конкурентов.

Неудивительно, что среди владельцев менее крупных предприятий бюрократическая машина регулирования экономики не пользовалась особыми симпатиями. В адрес министерства хозяйства и других ведущих экономических органов постоянно поступали жалобы на бюрократическую волокиту, на необъективность регулирующих и контролирующих органов. Определенное недовольство выражали в некоторых случаях и отдельные монополии, не сумевшие обеспечить себе необходимых позиций в соответствующих органах. Были случаи острых столкновений между руководителями отдельных концернов, недовольных чрезмерной опекой со стороны государственных органов, и представителями аппарата государственно-монополистического регулирования, не желавшими допускать «самовольничания».

Чрезмерно забюрократизированная система государственно-монополистического регулирования, созданная фашистским режимом, вовсе не казалась монополистической буржуазии идеальной: она была для нее и громоздкой, и неповоротливой, и достаточно дорогой. Но все это отступало на второй план по сравнению с главным: эта система обеспечивала монополиям сохранение власти, политическую стабильность, относительную покорность рабочего класса, высокие прибыли и подготовку к проведению политики внешнеполитической экспансии со всеми вытекавшими из нее выгодами для магнатов крупной промышленности [121].

---

[121] «Государственное руководство экономикой наряду с планомерностью, — писал высокопоставленный нацистский экономист И. Виншу, — обеспечили предпринимателю свободу от общеэкономических кризисов. Наряду с миром на предприятиях это в значительной мере защитило его тылы... Предприниматели желают твердого руководства и указаний сверху, привыкли к ним и не стремятся к большей свободе рук. У них есть только два пожелания. Во-первых, они хотели бы ликвидации дефицита в снабжении, чтобы не надо было ломать голову над тем, где достать кило меди или гвоздей, и можно было бы производить инвестиции и необходимый ремонт. Во-вторых, они хотели бы ограничения потока бумаг» (*Winschuch G.* Der Unternehmer in neuen Europa. B., 1941. S. 28—29).

Государственное предпринимательство при фашизме

Особенностью развития государственно-монополистических отношений в Германии всегда был высокий удельный вес в экономике государственной собственности. Эта собственность в условиях высокоразвитого капитализма, как известно, имеет двойственный характер.

Оценивая роль государственной собственности при капитализме, Ф. Энгельс писал: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» [122].

Поскольку превращение государства в совокупного капиталиста не уничтожает капиталистических отношений, а, напротив, доводит их до высшей точки, монополии не имеют причин выступать против этого процесса. У них есть все основания оказывать ему всемерную поддержку, ибо предпринимательская деятельность государства открывает дополнительную возможность перераспределения общественного богатства в пользу монополий при помощи рычагов политической власти. Но существует и другая сторона дела. Наличие совокупного капиталиста, позиции которого постоянно расширяются, убедительно демонстрируя ненужность частнокапиталистического сектора, подрывает тем самым позиции монополий. В ряде случаев этот совокупный капиталист выступает в роли их конкурента. Пока рычаги государственной власти прочно находятся в руках монополий, эта угроза в значительной мере нейтрализуется политическими средствами. Однако при эффективно действующей демократии и наличии в стране достаточно мощных и организованных демократических сил государственная собственность может оказаться повернутой против тех или иных монополий, а при определенной обстановке — и против всей монополистической буржуазии в целом.

Поэтому отношение монополий, в том числе и германских, к государственной собственности было всегда еще более двойственным, чем отношение к государственному регулированию вообще. С одной стороны, при определенной ситуации они полностью поддерживали расширение государственных владений в отдельных отраслях хозяйства, особенно если речь шла об отраслях жизненно важных для развития экономики в целом, но в то же время малоприбыльных или убыточных. С другой — их представители то и дело резко возражали против «гипертрофирования» государственной собственности, настаивая на ее реприватизации.

---

[122] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 290.

Это противоречивое отношение к государственной собственности выступило особенно очевидно тогда, когда ее размеры стали достаточно велики, чтобы она могла оказывать заметное влияние на экономическое развитие.

Государственный сектор занимал значительное место в экономике Германии уже после первой мировой войны. В послевоенные годы его позиции укрепились еще больше.

Вскоре после окончания войны были образованы крупные государственные промышленные объединения: акционерные общества «Преаг», «Фиаг», «Пройсаг», «Зексише верке» и др. С приходом фашистов к власти удельный вес государственной собственности продолжал быстро возрастать. В 1932 г. государственный акционерный капитал составлял 13,2 млрд рейхсмарок, а в 1939 г. — 17,0 млрд.

В марте 1936 г., согласно данным Имперского статистического управления, в стране насчитывалось 1085 общественных предприятий. Из них 61 было собственностью империи, 57 — собственностью земель, 25 — собственностью ганзейских городов, 291 — собственностью общин и союзов общин, 142 представляли собой совместное владение империи и земель (ганзейских городов) и 509 — совместное владение империи и общин. 30 % этих предприятий составляли акционерные общества, 64,4 — общества с ограниченной ответственностью, 4,2 — другие общества частного права и 1,4 % — общества публичного права [123].

Расширение государственного сектора в экономике, и прежде всего в промышленности, было связано в фашистский период с массовой «ариизацией» промышленных предприятий, принадлежавших еврейскому капиталу, с конфискацией имущества промышленников, не поладивших на том или ином этапе с нацистскими правителями, и с крупными государственными капиталовложениями в нерентабельные отрасли, важные с военно-стратегической точки зрения.

Весьма характерна в этой связи история возникновения и подъема крупнейшего государственного монополистического объединения фашистской Германии — концерна «Герман Геринг».

Концерн этот был создан в июле 1937 г. как акционерное общество по добыче железной руды и производству чугуна («Рейхсверке А. Г. фюр Эрцбергбау унд Эйзенхюттен Герман Геринг») с капиталом в 5 млн марок. Толчком к его созданию был отказ ведущих металлургических монополий приступить в соответствии с наметками второго четырехлетнего плана к разработке и использованию бедных железом руд в Зальцгиттере. Сразу же после своего конституирования концерн приступил к форсированной добыче забракованной частными концернами руды и строительству огромного металлургического комбината, рассчитанного на ее переработку. Уже в 1938 г. капитал концерна был увеличен в 80 раз и составил 400 млн марок.

---

[123] *Dunkern F. V.* Op. cit. S. 87.

Первым реальным вкладом в новый государственный концерн был капитал, принадлежавший прежде еврейским финансистам, а также имущество Восточно-Эльбского буроугольного синдиката, возглавлявшегося до «ариизации» Игнацем Петчеком. Рудные месторождения были приобретены концерном в результате нажима, оказанного на частные металлургические концерны, в частности «Ферайнигте штальверке», которые взамен получили некоторое количество акций государственного концерна. В состав акционерного общества «Герман Геринг» были включены также крупные предприятия, принадлежавшие и раньше государству, в частности одна из крупнейших каменноугольных шахт Рурской области и всей Германии — «Хиберния» (годовая добыча — 22 млн тонн каменного угля).

В начале войны, после бегства из Германии промышленного магната Тиссена, бывшего до тех пор ярым сторонником нацистов, концерн «Герман Геринг» наложил руку и на имущество контролировавшегося Тиссеном комплекса предприятий, входивших в «Ферайнигте штальверке».

После захвата Австрии, а затем Чехословакии в концерн были включены крупные металлургические предприятия этих стран. С января 1940 г. к нему были присоединены металлургические предприятия оккупированных французских провинций Эльзаса и Лотарингии, а также Люксембурга.

К началу второй мировой войны на предприятиях концерна «Герман Геринг» было занято 600 тыс. человек. Годовая производственная мощность доменных печей концерна составляла 6,35 млн тонн, а сталеплавильных агрегатов — 7,29 млн тонн.

Присваивая в огромном количестве награбленное имущество, концерн усиленно занимался и «грюндерской» деятельностью. В 1940 г. им было основано Общество с ограниченной ответственностью с капиталом в 400 тыс. марок для организации производства горно-металлургического оборудования, в 1941 г. — Общество с ограниченной ответственностью для производства необходимых для металлургической промышленности строительных материалов и керамических изделий, Общество с ограниченной ответственностью по торговле рудой и металлом, Инвестиционное общество для управления горными и подсобными предприятиями концерна.

Неудержимое разбухание концерна вызвало необходимость его реорганизации. В январе 1941 г. все предприятия, входившие в акционерное общество «Рейхсверке А. Г. фюр Эрцбергбау унд Эйзенхюттен Герман Геринг», были разделены на три акционерных общества, подчиненных головной компании. В первое (акционерный капитал 250 млн марок, резервы — 118 млн марок и участие — 586 млн марок) были включены горно-металлургические предприятия. Во второе (акционерный капитал 80 млн марок) вошли машиностроительные и оружейные заводы. В третье (акционерный капитал 12,5 млн марок) — предприятия по внутреннему судоходству.

Сильные позиции, захваченные концерном «Герман Геринг»

в тяжелой, и прежде всего металлургической, промышленности, ограничивали возможности маневрирования для традиционных частных монополий и усиливали влияние той части монополистов, которая, своевременно сделав ставку на государственный аппарат, сумела к этому времени захватить решающие посты в правительственном механизме по управлению хозяйством, а также видных нацистских деятелей, превратившихся в крупных собственников.

В этом случае особенно проявилось изменение соотношения сил внутри монополистической буржуазии, в результате которого группы и лица, олицетворяющие сращивание государственного аппарата и монополий (вроде самого Германа Геринга или председателя наблюдательного совета концерна Геринга Пауля Кернера, являвшегося одновременно государственным секретарем при уполномоченном по осуществлению четырехлетнего плана), получили возможность, опираясь как на государственный аппарат, так и на сильные экономические позиции находившейся в их распоряжении государственной промышленности, навязывать свои решения владельцам крупнейших частных монополий [124].

Характерно в этой связи, что деятельность концерна «Герман Геринг» вызывала у рурских монополий гораздо большее недовольство, чем все остальные меры по регулированию экономики, вместе взятые. Уже при создании концерна частные монополии оказали ему такое сопротивление, что Герингу пришлось во всеуслышание угрожающе заявить, что лица и фирмы, мешающие эффективной работе концерна, будут рассматриваться как саботажники. Против концерна неоднократно выступал даже такой ближайший сотрудник Г. Геринга, как генеральный уполномоченный по черной металлургии генерал-майор Ганнекен. Ожесточенная борьба против привилегированных позиций концерна велась на протяжении всех лет его существования в имперской, экономической и отраслевой группах, где частные монополии сохраняли наиболее сильные позиции.

В целом, однако, монополии мирились и с возрастанием удельного веса государственной промышленности как составной части общей системы государственно-монополистического капитализма.

Плоды нечестивого союза

На протяжении всего периода гитлеровского господства монополии пожинали богатые плоды своего союза с фашистской государственной машиной. Деятельность нацистского государства обернулась для них прежде всего огромным возрастанием прибылей.

Весьма характерна в этом отношении динамика дохода предприятий Круппа [125]:

---

[124] Характерно, что в нацистской экономической литературе постоянно подчеркивалось, что предпринимателем является не только независимый фабрикант или владелец капитала, но и находящийся на службе, однако пользующийся свободой решений и действий руководитель предприятия или управляющий доверенным им капиталом.

[125] Deutsche Volkswirtschaft. 1941. N 14.

Год	Млн рм	Год	Млн рм	Год	Млн рм	Год	Млн рм
1933	118	1935	232	1937	316	1939	394
1934	147	1936	282	1938	331,4	1940	421

Чистая прибыль концерна составляла: в 1933/34 г. — 6,65 млн, в 1934/35 г. — 10,34, в 1935/36 г. — 14,39, в 1936/37 г. — 17,22, в 1938/39 г. — 21,11 млн рм.

Аналогичным образом росли доходы и прибыли концерна «И. Г. Фарбениндустри» (млн марок):

Год	Чистая прибыль	Амортизационные отчисления	Всего	Год	Чистая прибыль	Амортизационные отчисления	Всего
1935	51,4	61,8	113,2	1938	55,2	135,7	190,9
1936	55,4	73,5	128,9	1939	56,1	171,2	227,3
1937	48,1	105,1	153,2				

За семь довоенных лет общая сумма чистой прибыли концерна равнялась 913,6 млн марок.

Валовой доход и прибыль концерна «Ферайнигте штальверке» возрастали следующим образом (млн марок):

Год	Валовой доход	Чистая прибыль	Дивидендская прибыль	Размер дивиденда (%)
1932/33	215,6	6,28	не выдавалась	
1933/34	335,6 *	17,45 **	»	»
1934/35	530,4 *	21,20 **	19,60	3,5
1935/36	624,5 *	22,86 **	20,69	4,5
1936/37	746,2 *	27,02 **	23,00	5
1937/38	не показан	27,60 **	27,60	6
1938/39	662,2 *	27,60 **	27,60	6

* только по 13 основным компаниям «Ферайнигте штальверке».
** только по холдинг-компании.

Примерно в такой же степени росли доходы и прибыли других крупных концернов. Концерн Маннесмана в 1933 г. сообщил, что его чистая прибыль составила 2,1 млн марок, а в 1940 г. оценил ее уже в 10,7 млн марок. Амортизационные отчисления увеличились за это же время с 8,1 до 24 млн марок [126]. Чистая прибыль концерна «АЭГ» составила в 1933/34 г. 41,2 млн марок, в 1934/35 г. — 34,6, в 1935/36 г. — 64,9, в 1936/37 г. — 83,3, в 1937/38 г. — 97,6, в 1938/39 г. — 106,7, а в 1939/40 г. — 115,6 млн марок [127].

Концерн «Клёкнер» умножил свою прибыль (брутто) со 107 млн марок в 1936/37 г. до 164 млн в 1940/41 г.; концерн «Хёш» — с 120 млн до 164 млн; концерн «Гутехофнунсхютте» — со 123 млн до 156 млн марок [128].

Возросли и прибыли германских банков. Например, по офи-

[126] *Rehberg G.* Hitlers Worte und Hitlers Taten. Moskau, 1944. S. 83.
[127] *Hahn W., Kruss L.* Elektrokonzerne-Rüstungkonzerne. B., 1961. S. 156.
[128] Deutschland im zweiten Weltkrieg. Köln, 1974. Bd. I. S. 93.

циальным данным, прибыли «Дрезденер банк» увеличились с 1,6 млн марок в 1933 г. до 9 млн в 1940 г.

Официальные результаты деловой активности германских акционерных обществ в первые годы фашистского режима выглядели следующим образом (млн марок)[129].

Годы	Число учтенных акционерных обществ	Номинальный капитал	Чистая прибыль	Выплаченные дивиденды
1932/33	2627	17 597,1	−536,4	468,1
1933/34	2865	17 067,5	36,3	487,6
1934/35	3157	17 777,7	696,9	601,0
1935/36	3145	17 882,0	854,5	701,0
1936/37	3036	17 426,7	953,5	772,0
1937/38	2893	17 297,8	1 129,9	840,3
1938/39	2850	17 181,0	1 342,1	892,2
1939/40	2937	18 290,0	1 342,3	893,1

В декабре 1934 г. гитлеровское правительство из демагогических соображений установило, что акционерные общества имеют право выплачивать на акции не более 6 % дивидендов[130]. Практически, однако, это распоряжение не ограничило роста доходов крупных промышленников. Оно не могло сделать этого, во-первых, потому, что львиная доля доходов концернов с самого начала маскировалась под видом амортизационных отчислений. Оно не могло сделать этого, во-вторых, потому, что содержало оговорки, открывающие пути его же обхода. Так, например, прибыль, подлежащая выплате, не превышающая установленные 6 %, фактически уплачивалась, но в облигациях Золотоучетного банка, который вкладывал соответствующие суммы в государственные бумаги. При этом проценты от государственных бумаг выдавались также в виде облигаций. В 1937 г. государство выкупило свои обязательства у акционерных обществ и выдало вместо них налоговые боны[131].

Этими бонами акционерные общества покрывали свои налоговые обязательства, а эквивалентные суммы в денежном выражении передавали акционерам.

Применялся и более простой способ игнорирования 6 %-ного ограничения — так называемое разводнение акционерного капитала. Например, путем выпуска дополнительных акций акционерный капитал общества утраивался. Соответственно, на каждую акцию приходился в три раза меньший дивиденд. В результате владельцу акции формально выплачивалось 6 %, а фактически на одну прежнюю акцию дивиденд составлял 18 %. В 1941 г. гитлеровским правительством был издан новый закон, смягчивший ограничения. В соответствии с этим законом акционерные общества, выплачивавшие дивиденды меньше 6 %, получали право увеличить их до 6 %. Обществам же, имевшим возможность

[129] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 495.
[130] *Noack E.* Op. cit. S. 117.
[131] *Hamburger L.* Op. cit. S. 74 ff.

выплачивать более 8 %, разрешалось увеличить выплату до 8 %. На сумму, образующуюся из разницы между прибылью и выплатами, должны были приобретаться государственные бумаги, проценты от которых шли акционерам.

Естественно, что в зтих условиях процесс накопления богатства происходил еще быстрее, чем во времена Веймарской республики. На 1 января 1932 г., по данным немецкой статистики, в Германии насчитывалось 2324 миллионера, имущество которых оценивалось, согласно их же финансовым отчетам, примерно в 5,4 млрд марок. Через два года после прихода Гитлера к власти, в 1935 г., число людей, обладавших имуществом, оцениваемым свыше миллиона марок, достигло 3563, т. е. выросло в полтора раза. Соответственно увеличилась и общая стоимость принадлежащего им имущества [132]. В 1932 г. число лиц, годовой доход которых превышал 100 тыс. марок, составляло 2 тыс. человек, в 1936 г. — 6 тыс.[133]

Фашистский режим устраивал монополистическую буржуазию и тем, что его политика создала условия для возрождения могущества империалистической Германии и наступления нового этапа борьбы за зкономический и политический передел мира.

Некоторые буржуазные историки, особенно правого направления, утверждают, будто политика подготовки и развязывания войны, проводимая гитлеровским режимом, не отвечала интересам германской промышленности. Промышленники, уверяют они, принимали участие в проведении зтой политики лишь в той степени, в какой их вынуждали власти и долг патриотов. В подтверждение ими выдвигаются следующие соображения. Подготовка нацистского режима к войне происходила уже в то время, когда существовали современные средства ведения войны, и прежде всего авиация. В зтих условиях было очевидно, что военные действия не ограничатся одним фронтом, а неизбежно распространятся на глубокий тыл. Определяя свое отношение к войне, германские промышленники не могли не понимать, что такая война приведет к разрушению основы их могущества — принадлежащих им фабрик и заводов.

Подобный аргумент представляет собой зкстраполяцию опыта, приобретенного в результате второй мировой войны, на оценку ее последствий до того, как она началась. Известно, однако, что если бы последствия всех действий, совершаемых людьми, можно было бы предвидеть заранее, история человечества выглядела бы совсем по-иному.

В фашистской Германии весьма немногие и меньше всего промышленники предполагали, что война обернется для нее именно таким образом. Внешнеполитическое и военное планирование гитлеровского руководства предусматривало осуществление политики экспансии поэтапно, путем постепенного наращивания требований, разъединения своих противников и разгрома их

---

[132] *Rehberg G.* Hitler und NSDAP im Wort und Tat. B., 1946. S. 82.
[133] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 606.

поодиночке. Первая фаза второй мировой войны, казалось, полностью подтвердила безнаказанность такой тактики. И только после вступления в войну Советского Союза она стала приобретать для гитлеровской Германии тот сверхразрушительный характер, который отличал ее от первой мировой войны.

Разумеется, при решении вопроса об отношении к войне германским промышленникам приходилось учитывать не только плюсы, но и минусы. Однако в атмосфере ослепления, вызванного в правящих кругах Германии первыми внешнеполитическими успехами фашистского режима, эти минусы казались им минимальными.

Утверждают также, что германские промышленники не могли желать войны хотя бы потому, что были заинтересованы в развитых торговых отношениях с зарубежными странами и имели за рубежом значительное имущество. В этих условиях война была связана для них с особыми неудобствами и потерями. Пытаясь подкрепить это утверждение, Лохнер приводит, например, следующие данные, касающиеся «И. Г. Фарбениндустри».

В конце 20-х годов концерн экспортировал 57 % своей продукции. В деловом отчете за 1928 г. сумма всех продаж определялась в 1420 млн марок, в том числе на экспорт — 810 млн марок. Одновременно «И. Г. Фарбениндустри» имела крупные участия во многих странах. Ряд зарубежных фирм находился в ее полном владении. Среди них были такие крупные предприятия, как «Уинтроп кемикл К° Инк», «Дженерал энилин уоркс инк», «Агфа-Энско К°» и «Эмерикэн И. Г. кемикл корпорейшн» в Соединенных Штатах. «И. Г. Фарбениндустри» получала огромные доходы от лицензий, которыми пользовалась американская «Стандарт ойл девелопмент компани». У «И. Г. Фарбениндустри» имелись картельные соглашения с французскими и английскими концернами. Война означала бы для «И. Г. Фарбениндустри», пишет Лохнер, что ее владения за рубежом были бы конфискованы, а поступления от лицензий прекратились [134].

Рассматривая этот аргумент, следует прежде всего иметь в виду, что далеко не все германские концерны имели такие широко разветвленные международные связи. Экспортная промышленность тогдашней Германии играла немаловажную роль. Однако в целом она существенно уступала по значению той, которая работала на внутренний рынок. Кроме того, политика автаркии, проводимая нацистским правительством, привела к заметному свертыванию внешнеторговых связей. Поэтому к началу войны одни внешнеторговые соображения уже не могли иметь сколько-нибудь решающего значения.

Список главных участий филиалов «И. Г. Фарбениндустри» свидетельствует о том, что размещались они главным образом в Соединенных Штатах и Швейцарии. Швейцария — нейтральная страна. С Соединенными Штатами же гитлеровская Германия

---

[134] *Lochner L.* Op. cit. S. 220.

на первых порах не собиралась воевать: в военные действия с ними она оказалась втянутой уже в разгар второй мировой войны.

Следует иметь в виду и то, что, как показывает практика международных монополистических связей, военные действия между государствами далеко не всегда ведут к разрыву деловых отношений между монополиями. В частности, уже после второй мировой войны было установлено, что выплаты по лицензиям той же «И. Г. Фарбениндустри» осуществлялись ее американскими контрагентами не только после того, как гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну, но и после того, как в войну оказались втянутыми и сами Соединенные Штаты. Известно также, что при помощи различных махинаций, в частности маскировки действительных имущественных отношений, «И. Г. Фарбениндустри» в течение длительного времени удавалось уберечь от конфискации многие свои филиалы в США.

Кроме того, поддерживая политику подготовки к войне, проводимую фашистским режимом, многие промышленники твердо рассчитывали, что эта война будет вестись только (или главным образом) на Востоке. В промышленных кругах Германии существовало твердое убеждение, что по крайней мере Англия окажется на этот раз если не на стороне Германии, то, во всяком случае, в числе нейтральных стран. В связи с этим провал расчетов на договоренность с западными державами о полюбовном переделе Европы и всего мира, толкнувший гитлеровское руководство на заключение пакта о ненападении с Советским Союзом и положивший начало военным действиям в Западной Европе, вызвал недовольство среди части крупных промышленников.

Но самым лучшим доказательством истинного отношения промышленников к агрессивной политике фашистского правительства была занятая ими практическая позиция [135]. Монополии усердно работали на войну и не менее усердно собирали богатую военную жатву.

Полная картина, отражающая военные барыши германских монополий, еще не нарисована. Имеются лишь ориентировочные данные, позволяющие примерно судить об их масштабах. Но даже эти данные весьма показательны. Одним из главных источников монополистических барышей в период войны были государственные заказы. Сумма государственных заказов в гитлеровской Германии колебалась в период войны в пределах от 100 до 150 млрд марок в год (около 700 млрд марок за всю войну). Если считать, что монополистический капитал присваивал себе при выполнении этих заказов 10—12 % их стоимости, то в этом случае одни только государственные заказы обеспечили ему прибыль в 70—80 млрд марок [136].

---

[135] См., например: Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges / Hrsg. von Forstmeier F., Volkmann H.-E. Düsseldorf, 1975.

[136] *Файнгар И. М.* Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 318.

Еще большую, хотя и не поддающуюся точному учету прибыль принесло монополиям ограбление оккупированных территорий. Грабежом порабощенных в гитлеровской Германии занимались все, кто только мог: и представители государственной власти, и уполномоченные национал-социалистской партии, и вооруженные силы, и организации, и отдельные люди. Масштабы этого грабежа были огромны. По явно преуменьшенным данным Банка международных расчетов, охватывающим только Францию, Бельгию, Голландию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Словакию, суммы, выплаченные этими странами на погашение «оккупационных расходов», составили по сентябрь 1944 г. 84 млрд марок, а задолженность Германии по клирингу — 40 млрд. марок. Таким образом, только из этих стран было выкачено 124 млрд марок [137].

При оценке этой цифры следует учитывать, что в нее не входит стоимость так называемой военной добычи и трофеев, ценностей, конфискованных как участия иностранного капитала, прибавочная стоимость, полученная в результате труда рабочих этих стран на секвестированных оккупантами предприятиях, а также стоимость «неорганизованных» конфискаций и реквизиций. Но самое главное — это то, что приведенный подсчет не охватывает страны, больше всего пострадавшие от фашистского грабежа, — Советский Союз и Польшу, лишь частично учитывает потери от грабежа, которые понесла Чехословакия, и т. д.

Сами монополии участвовали в этом грабеже трояким путем. Во-первых, они непосредственно присваивали либо приобретали за бесценок у государства так называемые трофейные предприятия. Этим особенно занимались концерны «Фридрих Флик», «И. Г. Фарбениндустри» и «Ферайнигте штальверке». Таким путем они за несколько лет войны существенно увеличили свой основной капитал. Кроме того, «приобретение» предприятий в оккупированных странах позволяло значительно расширить поступление прибавочной стоимости, ибо в разоренных оккупированных странах рабочая сила была гораздо дешевле, чем в самой Германии.

Во-вторых, большую роль играл вывоз из оккупированных стран сырья, которое приобреталось либо за бесценок, либо вообще бесплатно.

В-третьих, весьма выгодную для монополий операцию представляло широкое использование рабского труда насильно угнанных иностранных рабочих и заключенных концентрационных лагерей. О масштабах использования этой почти бесплатной рабочей силы свидетельствует хотя бы тот факт, что только с 1 апреля по 1 декабря 1942 г. одним Управлением генерального уполномоченного по использованию рабочей силы было доставлено в Германию 2 749 652 рабочих из оккупированных областей [138]. Всего же

[137] Там же. С. 315—316.

[138] Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). Из отчета Заукеля. М. 1963. С. 218.

только из одного Советского Союза в Германию было угнано на принудительные работы около 5 млн граждан [139].

На некоторых предприятиях концерна Флика угнанные составляли более 50 % всех рабочих [140]. На заводах «И. Г. Фарбениндустри» было занято в 1942 г. 22 тыс. угнанных рабочих, военнопленных и заключенных, в 1943 г. — 58 тыс., в 1944 г. — 86 тыс., в 1945 г. — 102 тыс.[141] В угольной промышленности Рура в середине 1944 г. работало 121,5 тыс. угнанных и военнопленных [142].

Естественно, что монополии имели все основания быть довольными. Поэтому большая часть 12-летнего периода существования гитлеровской «третьей империи» характеризовалась самым тесным сотрудничеством между НСДАП и государством, с одной стороны, и монополиями — с другой, тем более что разграничительная линия между ними все больше стиралась.

Большинство возникавших недоразумений имело, как правило, эпизодический характер.

Первым из таких более или менее крупных недоразумений явились события, предшествовавшие расправе с руководителями штурмовых отрядов 30 июля 1934 г. Рост недовольства среди рядовых членов НСДАП откровенно прокапиталистическим курсом руководства нацистской партии, разочарование в надеждах на коренные преобразования в структуре общества привели к растущей популярности среди них лозунга «второй революции». Оппозиционные настроения заразили и часть аппарата национал-социалистской партии. Это серьезно поколебало уверенность монополий в стабильности политической обстановки и побудило их принять чрезвычайные меры.

В этих условиях представители крупной промышленности пошли на то, на что они не шли и не собирались идти, когда бесчинства штурмовиков были направлены против рабочего класса, против политических партий, в том числе и буржуазных, когда нацистские эмиссары проводили чистку в самих предпринимательских организациях. По официальным и неофициальным каналам нацистскому руководству было дано понять, что терпимость по отношению к требованиям «второй революции» может иметь далеко идущие последствия.

Дело дошло до того, что один из прямых уполномоченных монополистического капитала в гитлеровском кабинете, фон Папен, тот самый Папен, который сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти, позволил себе без согласования со своим шефом выступить в Марбурге с речью, которая повсеместно была воспринята как прямое предупреждение в адрес национал-социалистов.

---

[139] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. М., 1957. Т. 1. С. 126.

[140] The Flick Case. P. 736 ff.

[141] *Kling W.* Kleine Geschichte der JG Farben—der Grossfabrikanten des Todes. B., 1957. S. 18.

[142] The Flick Case. P. 755; *Seeber E.* Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft. B., 1964. S. 65, 81, 279.

«Мы осуществили антимарксистскую революцию, — заявил он, — не для того, чтобы проводить в жизнь программу марксизма...» И далее: «Тот, кто угрожает гильотиной, первым попадет под ее нож»[143].

Было бы, разумеется, упрощением предполагать, что только нажим со стороны крупных промышленников побудил Гитлера расправиться со штурмовиками, в том числе со своим ближайшим соратником Ремом. Однако роль, которую сыграл этот нажим, была одной из самых решающих.

Массовые убийства 30 июля 1934 г. затронули не только тот круг лиц, против которого они были направлены в первую очередь. Террор в условиях фашистской диктатуры имеет свои закономерности. В ходе массовых репрессий Гитлером и его приближенными были сведены старые политические и личные счеты. Среди жертв оказались люди, в течение многих лет связанные с теми самыми монополиями, которые громче всех требовали кровавой чистки. Под ударом оказался и сам Папен. Гитлер не простил ему угрозы, которая косвенно была обращена и к «фюреру». Квартира вице-канцлера была подвергнута разгрому, его ближайший сотрудник, писатель Юнг, подготовивший текст марбургской речи, был растерзан. И только позиция Гинденбурга, решительно вступившегося за своего любимца, избавила Папена от судьбы, которая постигла в те дни бывшего рейхсканцлера фон Шлейхера, бывшего государственного комиссара Баварии Кара и многих других известных деятелей.

Поскольку главная цель была достигнута и силы, проповедовавшие идею «второй революции», практически уничтожены, монополии легко смирились с издержками «чистки». О судьбе фон Шлейхера, Кара и Юнга постарались позабыть как можно быстрее. Впрочем, и сам Папен, оправившись от первого испуга, продолжал верой и правдой служить гитлеровскому режиму, правда, уже не как вице-канцлер, а как нацистский посол сначала в Вене, а затем в Анкаре.

После этих событий отношения между нацистской кликой и монополиями развивались вполне гармонично, если не считать мелких стычек, вызванных дотошностью отдельных бюрократов из нацистского государственного аппарата, пытавшихся чрезмерно, по мнению монополий, регламентировать хозяйственную деятельность. Только через пять лет эти отношения несколько омрачились. И связано это было с первым серьезным внешнеполитическим просчетом гитлеровского правительства.

Выше уже говорилось, что внешнеполитическое и военное планирование нацистского руководства предусматривало осуществление экспансионистских планов германского империализма по возможности поэтапно. Это породило у определенной части крупных промышленников иллюзию, что передела Европы можно

---

[143] Ausgewälte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus. Bd. II. S. 1—8.

будет добиться в результате полюбовной сделки с английским и французским империализмом. Поэтому втягивание Германии в войну с Англией и Францией было воспринято ими как крупная ошибка. Особенно сильны такие настроения были среди промышленников Западной Германии, и в первую очередь Рура, т. е. районов, которые могли бы прежде всего стать ареной военных действий.

Дело не ограничилось глухим недовольством. Когда 1 сентября 1939 г. Гитлер собрал послушный ему рейхстаг, чтобы он одобрил начало военных действий, среди примерно 600 коричневых марионеток, послушно сказавших «да», нашелся человек, осмелившийся выступить с протестом. По иронии судьбы этим человеком оказался Фриц Тиссен, финансировавший НСДАП еще в те годы, когда Гитлер был малоизвестным баварским политиком, давший деньги на строительство нацистской цитадели — Коричневого дома, один из главных протеже нацистов среди промышленных магнатов и ключевая фигура гитлеровской системы руководства хозяйством [144].

Предусмотрительно покинув территорию Германии, Тиссен направил председателю рейхстага телеграмму протеста, а затем в письме Гитлеру изложил причины, толкнувшие его на этот шаг.

Письмо это весьма любопытно. Написано оно с откровенно фашистских позиций. В то же время оно в значительной степени предвосхищает критику Гитлера частью правых экстремистов в современной Западной Германии.

Прежде всего Тиссен обвинил фюрера в измене «принципам национал-социализма», в том числе собственной программе, изложенной в его книге. «Я напоминаю Вам, — язвительно писал Тиссен, — что Вы, конечно, не послали Вашего Геринга в Рим к святому отцу или в Доорн к кайзеру, чтобы подготовить обоих к предстоящему союзу с коммунизмом. Тем не менее Вы все же внезапно вступили в такой союз с Россией, т. е. совершили шаг, который Вы сами сильнее, чем кто-либо другой, осуждали в своей книге „Майн кампф“ — старое издание, страницы 740—750».

«Ваша новая политика, господин Гитлер, — продолжал далее Тиссен, — толкает Германию в пропасть и приведет немецкий народ к катастрофе. Вернитесь обратно, пока это еще возможно. . . Вспомните о Вашей клятве, данной в Потсдаме» [145].

И хотя в письме содержались глухие призывы к Гитлеру вернуть немецкому народу свободу совести, мысли и слова, восстановить в своих правах законность, весь строй письма показывал, что Тиссена вполне устраивал фашистский режим до 1939 г. и что мысли о демократии и свободе стали приходить ему на ум только тогда, когда действия нацистского режима вступили в противоречие с его, Тиссена, личными интересами.

В ряде работ, появившихся на Западе, содержится утвержде-

[144] *Bissinger E.* Männer und Mächte am Rhein und Ruhr. Essen, 19- S. 13.
[145] Цит. по: *Lochner L.* Op. cit. P. 265.

ние, что взгляды и действия Тиссена пользовались в промышленных кругах определенной поддержкой [146]. Учитывая сугубо реакционный характер критики, с которой выступил Тиссен, это вполне вероятно. В то же время как только германские войска стали одерживать одну за другой победы — сначала в Польше, а затем на Западном фронте, от этих настроений ничего не осталось. Их мгновенно смела волна шовинистического угара и грабительского ажиотажа.

Эта волна схлынула только после того, как фашистской армии были нанесены серьезные поражения на Восточном фронте. Разгром гитлеровских войск под Сталинградом, поражение на Курской дуге, участившиеся удары англо-американской бомбардировочной авиации по промышленным центрам Германии вызвали отрезвление, которое не минуло и промышленные круги. Только после этого между германскими монополиями и фашистским режимом стали возникать уже действительно серьезные разногласия.

Корень этих разногласий состоял отнюдь не в том, что одни — промышленники — понимали безысходность положения, в котором оказалась Германия, и требовали сделать из этого политические выводы, а другие — представители партии и государства — неправильно оценивали обстановку. Различия в оценке обстановки, разумеется, имели место. Но это была не причина, а следствие. Причина же состояла в том, что в сложившейся обстановке монополии еще могли рассчитывать на приемлемый для них выход, сопряженный со сравнительно небольшим ущербом, в то время как для чиновников государственного и партийного аппарата возможность благоприятного исхода в случае признания поражения была минимальной. Если крупные промышленники еще рассчитывали на то, что при поражении, особенно признанном «своевременно», т. е. до того, как на территории Германии окажется Советская Армия, им удастся сохранить свои богатства, то для представителей нацистского аппарата, социальное положение которых зависело от места в чиновничьей пирамиде, поражение означало и личную катастрофу. Промышленники могли надеяться, что им удастся избежать кары за преступления нацистского режима; ведь они не марали рук сами, а только наживались на том, что творили другие. Чиновники аппарата несли непосредственную ответственность за все содеянное ими и не рассчитывали на снисхождение. В интересах промышленников было закончить проигранную войну — чем раньше, тем лучше. Представители нацистского аппарата хотели бы оттянуть неизбежный конец, надеясь на мудрость фюрера, случайность, чудо или на что угодно.

Такова социальная подоплека наметившегося примерно с на-

---

[146] «Немецкая промышленность, — писал в своем меморандуме „К вопросу о вине немецких промышленников", написанном в американском плену, бывший начальник управления мобилизации промышленности при ОКВ генерал Томас, — знала, что только пакт с Западом обеспечит благополучие экономики». Цит. по: Ibid. S. 225.

чала 1943 г. отхода все большего числа промышленников от поддержки фашистского режима. Гитлер был хорош, когда он разрушил парламентскую систему, когда топил в крови рабочее движение, когда создал военную экономику и развязал войну. Он стал плох, когда стало очевидно, что те, кто за ним следуют, движутся к катастрофе. Прыгать вместе с Гитлером в могилу монополии не хотели.

Но даже в этих условиях сопротивление крупных промышленников гитлеровской политике было поразительно слабым. В частности, в заговоре 20 июля 1944 г. крупная промышленность была представлена гораздо слабее, чем генералитет и офицерство.

Основная группа недовольных фашистским режимом промышленников концентрировалась вокруг генерала Томаса, о котором уже шла речь выше. В основном ее деятельность ограничивалась, однако, составлением документов, которые должны были убедить руководство в необходимости принять своевременные меры для политического урегулирования, т. е. попыток заключить сепаратное соглашение с западными странами, продолжая вести войну против Советского Союза. Так, в подготовке меморандума Томаса «Предупреждение германской промышленности», в котором доказывалась бесперспективность дальнейшего ведения войны, участвовал ряд крупных предпринимателей из Имперской группы промышленности. Наряду с Томасом этот меморандум подписал заместитель председателя Имперской группы банкир Шталь [147].

Аналогичные документы направлялись правительству и позже — с одинаковым отрицательным результатом.

Отдельные промышленники были прямо или косвенно связаны непосредственно с заговорщиками. Отношения с ними поддерживал, например, Шахт, не поладивший с Гитлером и ушедший в отставку сначала с поста министра хозяйства, а затем — и президента рейхсбанка. Среди крупных промышленников, бывших в курсе заговора, можно назвать также Германа Рейша из «Гутехофнунгс—Хютте», Роберта Боша, о котором уже шла речь выше, генерального директора «Заксенверке А. Г.» Виттке, зятя Круппа фон Вильмовски, короля буроугольной промышленности и крупного помещика Венцель-Тойченталя, банкира Швиндта, Николауса фон Голема из Верхнесилезского металлургического концерна и главного советника «Люфтганзы» Клауса Бонхеффера [148].

Однако большинство монополистов держалось в стороне от заговора, предпочитая не рисковать и не связывать себе руки. Это вынужден констатировать и генерал Томас, в целом всячески выгораживавший немецких промышленников. «Если сегодня, — пишет он в своем меморандуме, — немецкий народ с полным основанием требует отчета у своих военных руководителей, то он должен потребовать его и от многих капитанов промышленности,

---

[147] См. по этому вопросу: *Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность. М., 1962. С. 133—134.

[148] Там же. С. 130—131.

которые не имели мужества действовать в соответствии со своими убеждениями и вместе со мной откровенно признать, что они считают эту войну бессмысленной и бесперспективной» [149].

Показательно, что среди лиц, арестованных, осужденных и казненных по делу 20 июля, почти не было промышленников. Определенную роль в зтом, конечно, сыграло и то, что в обстановке, сложившейся в то время в фашистской Германии, Гитлер не хотел ставить все точки над «i» и признавать, сколь разветвленным оказался направленный против него заговор. Бесспорно также, что арестовать и осудить таких крупнейших промышленных магнатов, как Рейш или Бош, было не просто даже такому абсолютному диктатору, как Гитлер. Тем не менее, если бы в его руках были бы данные о прямом участии в покушении на него тех или иных промышленников, он бы, не колеблясь, посадил их за решетку. Ведь ничто не удержало его от того, чтобы вопреки традициям повесить на крюке фельдмаршала фон Вицлебена или отправить в концентрационный лагерь захваченного во Франции после ее разгрома своего бывшего благодетеля и покровителя Фрица Тиссена.

С гораздо более знергичным сопротивлением промышленников Гитлеру мы встречаемся на несколько более позднем зтапе, за несколько месяцев до краха фашистской Германии. Толчком для зтого сопротивления явился приказ Гитлера от марта 1945 г. о применении тактики «выжженной земли» также и по отношению к германским территориям, оставляемым противнику. Поскольку войска антигитлеровской коалиции к тому времени неудержимо двигались к центру нацистской «третьей империи», пунктуальное выполнение приказа означало бы, что все промышленные предприятия Германии должны были взлететь на воздух. Приказ зтот свидетельствовал, что Гитлер всерьез намерен выполнить свою угрозу — оставить после себя одни лишь развалины [150].

Этого германские монополии уже не могли вынести. Они вовсе не были намерены безучастно наблюдать за уничтожением принадлежащего им имущества, особенно в Западной Германии, оккупируемой войсками Соединенных Штатов, Англии и Франции, которые, как зто хорошо понимали германские монополисты, не намерены были допускать изменения отношений собственности в контролируемых ими районах. Немедленно были отброшены прочь соображения долга, традиций, подчинения власти, которые так часто использовались для оправдания тесного сотрудничества с фашистским режимом. Были приведены в ход все рычаги, чтобы этот приказ был отменен или, по крайней мере, не претворен в жизнь.

Прежде всего было оказано давление на самого Гитлера. Для этого был использован министр вооружений Шпеер. На протяжении многих лет он был верным паладином фюрера [151]. В то же

[149] Цит. по: *Lochner L.* Op. cit. S. 224.
[150] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher... Bd. XVI. S. 548, 549.
[151] *Trevor-Roper H.* Hitlers letzte Tage. Zürich, 1948. S. 222.

время он поддерживал тесные связи с промышленными монополиями, выступая в качестве их главного заказчика во всем, что касалось поставки вооружений. До тех пор, пока отношения между Гитлером и монополиями носили лояльный характер, Шпеер прекрасно ладил с тем и другими. Когда дело дошло до конфликта, ему пришлось сделать выбор. И министр вооружений выбрал монополии.

18 марта 1945 г. Шпеер направил Гитлеру меморандум, в котором, указывая на неизбежность военного поражения, рекомендовал ему осуществить следующие предложения: во-первых, прекратить разрушение заводов, шахт, транспортных средств и т. д.; во-вторых, сократить до минимума взрыв мостов; в-третьих, приготовиться к передаче «частным лицам» (т. е. монополиям) государственных материальных ценностей: складов с одеждой, промышленными товарами, а также с продовольствием.

Гитлер, не читая, спрятал меморандум в сейф. Шпеер добился личной аудиенции. Однако на его просьбу прекратить действие приказа о «выжженной земле» фюрер ответил: «Если война будет проиграна, погибнет и народ. Эта судьба неотвратима... Наша нация оказалась более слабой. Поэтому будущее принадлежит более сильному восточному народу. После войны все равно останутся одни лишь неполноценные, ибо лучшие погибли» [152].

После этого Шпеер прибег к чрезвычайным мерам. Опираясь на начальника генерального штаба Гудериана, он установил контакт с командующими группами армии и пытался побудить их не допустить выполнения мартовского приказа хотя бы в пределах территорий, на которые распространялись их полномочия. В апреле 1945 г., обосновавшись в Западной Германии, он несколько раз летал в полуокруженный Берлин, вновь пытаясь уговорить Гитлера изменить свою точку зрения.

Еще находясь в ближайшем окружении Гитлера, Шпеер записал на пленку и переслал своему ближайшему подручному гауляйтеру Гамбурга Кауфману текст речи, в которой осуждал тех, кто выполнял приказ Гитлера о разрушении германской промышленности. На случай отказа Гитлера действовать в соответствии с рекомендациями Шпеера текст этой речи по особому сигналу должен был быть передан в эфир. Осуществлению этого плана помешало лишь быстрое продвижение войск антигитлеровской коалиции.

Борьба против мартовского приказа Гитлера не ограничивалась деятельностью Шпеера. К ней были подключены все связанные с монополиями большие и малые чиновники нацистского режима. Так, исполнение приказа об уничтожении угольных шахт в Рурском районе было сорвано благодаря вмешательству пользовавшегося в нацистских кругах большим влиянием генерального директора государственных предприятий «Герман Геринг-верке» Пауля

---

[152] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher... Bd. XLI. S. 425 f. См. также: *Schellenberg W.* Memoiren. Köln, 1956. S. 99.

Плейгера. Под воздействием управляющего делами Имперской группы угля Зогемайера Плейгер, для которого до тех пор любой приказ Гитлера был законом, отправился в Рурскую область, собрал представителей угольной промышленности, сообщил им о поступившем в адрес гауляйтера приказе Гитлера взорвать шахты и распорядился: «Это не должно произойти ни при каких условиях. Я запрещаю Вам выдавать взрывчатые вещества кому-либо из политических функционеров» [153].

Подобные сцены разыгрывались повсеместно.

В результате, несмотря на неоднократные напоминания Гитлера, приказ о перенесении тактики «выжженной земли» на немецкую территорию в большинстве случаев так и не был выполнен. И это, быть может, ярче, чем что-либо другое, показало, каким огромным было влияние монополий и в тех случаях, когда они выступали не вместе с поставленным ими у власти аппаратом, но и против него. В свете этого вина германских монополий за действия фашистского режима выглядит еще большей.

* * *

Созданная национал-социалистами экономическая система была не чем иным, как специфической формой государственно-монополистического капитализма, на которую наложили глубокий отпечаток своеобразие германского империализма и особая острота классовой борьбы в дофашистской Германии. То обстоятельство, что определенные круги буржуазии, в том числе и монополистической, на различных этапах проявляли большее или меньшее недовольство функционированием этой экономической системы, свидетельствовало лишь о том, что даже в условиях тоталитарного государственно-монополистического регулирования противоречия между различными группами монополистического капитала не исчезают, а находят свое проявление в новых формах: в виде борьбы за ключевые рычаги в государственном аппарате или же борьбы против тех, кто уже овладел этими рычагами.

В целом, однако, эти столкновения не выходили за те рамки, о которых говорил В. И. Ленин, отмечавший, что «банковские тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии» [154].

Многие частные проявления созданной фашистами экономической системы не полностью удовлетворяли крупную буржуазию. В целом, однако, это была система, которая ее устраивала, по крайней мере до тех пор, пока не стало ясно, что нацистский корабль идет ко дну.

---

[153] *Lochner L.* Op. cit. S. 240.
[154] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 334.

ГЛАВА 2

СОЮЗ ФАШИЗМА И МИЛИТАРИЗМА

В «чистом виде», без переплетения с милитаризмом, фашизм вообще не существует. Ни зарождение фашизма, ни установление фашистской диктатуры невозможно, если в этом не принимают участия милитаристские силы. Все известные формы фашизма представляют собой сочетание фашистских и милитаристских элементов. И различия между этими формами очень часто определяются степенью преобладания в них либо одних, либо других. В случае если в союзе задают тон милитаристы, возникают военно-фашистские режимы. Если же определяющую роль играют политические фашистские силы, режимы носят «классический» фашистский характер.

Преобладание тех или иных элементов определяется многочисленными политическими и экономическими факторами и, как правило, возникает в ходе борьбы, которая, несмотря на близость политических платформ фашизма и реакционной военщины, в ряде случаев принимает острую форму. В ход пускаются политические интриги, а иногда и неприкрытое насилие. При этом, однако, не нарушается главное — единство политических целей, предусматривающих создание агрессивного, диктаторского государства с террористическим режимом, направленным против организованного рабочего класса, демократических и социалистических сил.

Сказанное относится к любой национальной форме фашизма. Но особенно применимо оно к германской разновидности фашизма — нацизму. Это объясняется тем, что благодаря ряду обстоятельств милитаризм на протяжении многих десятилетий играл в Германии особенно заметную роль.

Германия как национальное государство сложилась вокруг Прусского королевства. Это, естественно, наложило своеобразный прусский отпечаток и на ее внутреннюю жизнь и на ее внешнюю политику. Пруссия же вошла в историю как одно из самых милитаристских государств Европы. Ее дворянство, особенно так называемое восточноэльбское юнкерство, воспитанное на традициях восточной колонизации в духе тевтонского и ливонского орденов, всегда отличалось склонностью к культивированию «солдатского духа». Незаконченность буржуазных преобразований, обусловленная поражением революции 1848 г., объединение Германии усилиями Бисмарка «сверху», «железом и кровью» привели к тому, что в возникшем в последней трети XIX в. германском государстве на экспансионистский дух, свойственный империализму вообще, напластовались воинственность и фанфаронство прусского юнкера.

Высокомерие германского предпринимателя, мнившего себя самым талантливым, самым предприимчивым, самым ловким, а потому достойным иметь самое лучшее «место под солнцем», помноженное на самодовольство прусского юнкера, считавшего

порядки в своем имении непревзойденным образцом для всего мира, и образовали тот специфический облик германского милитариста, с которым миру пришлось столкнуться еще в мировой войне 1914—1918 гг.

Этим же определялась особая роль армии в германском государстве. На протяжении столетий солдатское ремесло было овеяно романтическим ореолом. Военная профессия считалась самой почетной. Младший офицер котировался выше любого высокопоставленного чиновника. На армию не жалели ни средств, ни усилий. Вооруженные силы не воспринимались как инструмент гражданского общества. Напротив, гражданское общество, как и во времена средневековья, продолжало считаться своеобразным придатком армии.

В качестве наиболее «благородной» деятельности военная служба была прерогативой дворянства, сохранившего значительные сословные привилегии. В кайзеровской Германии, несмотря на то, что она была промышленно высокоразвитым государством с сильной, влиятельной буржуазией, на офицерских постах, особенно высших, почти не встречались выходцы из буржуазной среды. Максимум на что мог рассчитывать отпрыск даже самого богатого буржуазного семейства — это на звание офицера резерва или ополчения, что котировалось гораздо ниже звания кадрового офицера.

Первая мировая война, вызвавшая огромную убыль в офицерском составе, несколько изменила эту картину. Вынужденное быстро пополнять потери, германское командование оказалось перед необходимостью поступиться сословными соображениями и в более широких масштабах выдвигать на командные должности бюргеров «неблагородного» происхождения. После ноябрьской революции 1918 г., существенно ослабившей позиции дворянства, эта тенденция продолжалась. В созданном Веймарской республикой рейхсвере сословные привилегии дворянства соблюдались не столь строго. Но даже в этих условиях влияние дворянства, и прежде всего прусского юнкерства, в армии оставалось непропорционально большим по сравнению с его политическими и экономическими позициями. Так, в 1932 г. представители дворянства составили 52 % генералов, 29 полковников, 23 подполковников, 16 майоров, 17 капитанов и ротмистров, 23 % старших лейтенантов и лейтенантов [1]. В 1938 г. из 13 командующих военными округами и 4 командующих армейскими группами к высшему дворянству принадлежало 10 человек.

Преимущественно дворянский характер германской армии определял ее особо тесные отношения с кайзеровским режимом, представлявшим собой специфическую форму классового союза дворянства и буржуазии при политической гегемонии дворян-

---

[1] *Reibnitz K.* von. Im Dreieck Schleicher—Hitler—Hindenburg. Männer des Deutschen Schicksals. Dresden, 1933. S. 144.

ства. Кайзеровский строй был дорог германской военной элите вдвойне — и как офицерству и как дворянству.

Неудивительно, что крах этого режима в результате ноябрьской революции 1918 г. был воспринят подавляющим большинством представителей военной касты не только как «национальная», но и как личная катастрофа. В отличие от монополистической буржуазии, из среды которой почти сразу же выделилась влиятельная фракция, принявшая решение использовать новую ситуацию не только для сохранения, но и для укрепления своих позиций, рейхсвер с самого начала проявлял к республике более или менее откровенную враждебность.

Правда, именно верховное командование германской армии в первые же дни ноябрьской революции вступило в сговор с руководством социал-демократической партии о совместных действиях по подавлению революционных выступлений авангарда рабочего класса. Благодаря этому союзу германской буржуазии удалось потопить в крови январско-мартовские революционные выступления и не допустить перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Однако это же германское командование рассматривало заключенный им союз как сугубо временный способ избежать «большего зла». Поэтому, как только революционная волна начала спадать и стало очевидно, что революция закончится образованием буржуазной республики, военщиной был взят курс на постепенное возвращение к прежним порядкам и в конечном счете на реставрацию монархического режима. Именно на этом пути милитаристские силы собирались решить все остальные интересовавшие их проблемы: восстановление Германией прежнего положения ведущей военной державы, осуществление реванша, лишение народных масс страны завоеванных ими экономических и социальных прав.

Разумеется, не все офицерство и даже не все представители высшего командования были полностью согласны с этой тактикой, авторами которой считались последний генерал-квартирмейстер (начальник штаба) кайзеровской армии генерал Гренер и его ближайший сотрудник капитан, а впоследствии генерал Шлейхер. Имелась группа преимущественно молодых офицеров, которых вполне устраивала буржуазная Веймарская республика, открывшая для них широкие возможности служебного продвижения. Была и другая группа, идейным вдохновителем которой со временем стал фактический главнокомандующий кайзеровской армией в период первой мировой войны генерал Людендорф, считавшая даже временное пактирование с веймарскими политиками «недостойным» и «недопустимым» делом. Но позиция этих групп не отражала главной линии поведения германских военных кругов, а разногласия между ними и главным командованием не имели на первых порах сколько-нибудь острого характера. Во всяком случае, группа Людендорфа считала себя солидарной со стратегической целью главного командования и в этом смысле поддерживала его.

Враждебное отношение военщины к республике, на службе которой она формально находилась, превратилось со временем в один из важнейших факторов внутриполитического развития страны. Это определялось мощными позициями, которые занимали вооруженные силы. Если бы не вмешательство военщины, буржуазная Веймарская республика вообще не смогла бы консолидироваться. Поэтому социал-реформистские и буржуазные политики, задававшие в ней тон, особенно первое время чувствовали себя полностью зависимыми от военного командования. Кроме того, несмотря на торжество контрреволюции, в стране продолжались революционные выступления. То в одном, то в другом районе Германии вспыхивало пламя борьбы. В этих условиях буржуазное правительство оказывалось перед необходимостью вновь и вновь обращаться к вооруженным силам с просьбой о поддержке [2].

Существовала, однако, и другая важная сторона дела. Правительство и военное командование были союзниками не только в борьбе против революционного движения. Они были также соратниками по саботажу Версальского договора. Нарушая взятые на себя международные обязательства, военные власти создали многочисленные неофициальные военные соединения [3]. Правительство же постоянно прикрывало их действия.

Эти неофициальные военные соединения активно участвовали в подавлении революционных выступлений рабочего класса и в то же время были формой маскировки действительных размеров вооруженных сил Германии. Для самого же военного командования они служили важным инструментом давления на правительство, которое практически было не в состоянии осуществлять даже видимости контроля над неофициальными военными формированиями.

Особенностью такого рода формирований было то, что благодаря своему положению они не могли оставаться чисто военными и быстро превращались в своеобразный гибрид политической и военной организации, создавая новую специфическую форму воздействия военщины на политику. Этот процесс можно хорошо проследить на примере отдельных наиболее крупных неофициальных военных союзов.

Одним из наиболее известных среди них была так называемая «организация К» («Консул»). Возникла она с благословения военных властей после того как в соответствии с положениями Версальского договора им пришлось распустить так называемую добровольческую бригаду капитана Эрхарда, сыгравшую зловещую роль в подавлении революционных выступлений рабочего класса.

На первых порах речь шла только о замене вывески. Основные кадры бригады остались прежними, а во главе союза встал тот же Эрхард. Вскоре, однако, деятельность «Консула» приобрела поли-

---

[2] См. по этому вопросу: *Schützle K.* Reichswehr wider die Nation. B., 1963. S. 33 f.
[3] Ibid. S. 37 ff.

тическую окраску. Он превратился в крайне правую заговорщическую организацию террористического типа.

Некоторое представление о взглядах, царивших в организации «Консул», могут дать следующие выдержки из ее устава:

а) идейные цели: борьба с антинационалистами и интернационалистами, с еврейством, социал-демократией и крайне левыми партиями, с Веймарской конституцией;

б) материальные цели: собирание решительных людей с целью воспрепятствовать окончательному революционизированию Германии, а в случае больших внутренних беспорядков — для полного подавления революции; сохранение военной силы и вооруженного народа [4].

Одним из методов, которым организация «Консул» собиралась добиться своих целей, были политические убийства. По ее решению были застрелены видные политические деятели Веймарской республики Эрцбергер, которого «Консул» обвинил в участии в подписании Компьенского перемирия, и Ратенау, вызвавший ненависть военщины как сторонник политики «выполнения» договорных обязательств. «Консулом» же было организовано покушение на бывшего первого канцлера Веймарской республики Шейдемана и известного публициста Гардена.

Заметную роль среди неофициальных военных формирований играла организация Россбаха. Как и «Консул», она возникла из так называемого добровольческого формирования — объединения служащих 37-го егерского батальона, в котором сам Россбах был лейтенантом. После роспуска добровольческих отрядов она продолжала свое существование в качестве союза, сначала легального, а затем нелегального.

Свою деятельность организация развертывала преимущественно в восточных районах Германии — поближе к польской границе. Наряду с террором против революционно настроенных рабочих она занималась запугиванием польского населения, стремившегося к воссоединению с Польшей. Построена она была по военному принципу, подразделяясь на округа и отряды, и насчитывала около 8 тыс. хорошо подготовленных активных членов. После того как стала известна причастность организации Россбаха к политическим убийствам, она была формально запрещена, однако почти сразу же возродилась в виде «Объединения друзей туризма», «Национального союза сберегателей» и «Объединения по сельскохозяйственному профессиональному обучению» [5].

На базе добровольческого отряда был создан и союз «Оберланд», сыгравший значительную роль в политической жизни Баварии. Из кадров, составлявших костяк «Оберланда», был затем образован «Блюхербунд», ставший одной из главных опор реакционнейшего деятеля Баварии фон Кара. Силами «Блюхербунда» готовился путч Фукса и Кюлеса (март 1923 г.), явившийся пред-

[4] *Гумбель Э.* Заговорщики. Л., 1925. С. 6.
[5] Там же. С. 77—79.

шественником гитлеровского путча. Часть кадров «Оберланда», не вошедших в ряды «Блюхербунда», пополнила ряды национал-социалистской партии [6].

Названные союзы составляли лишь незначительную часть неофициальных военных и полувоенных соединений. Только в одной Баварии наряду с ними действовала военная организация, возглавляемая лесничим Эшерихом (Оргеш), отряды под командованием крупного баварского чиновника Канцлера («Орка»), организация Хейсса («Оргхейсс»), организация Центра («Оргцентр»), союз «Бавария и империя» (руководитель Питтингер).

В Восточной Пруссии военной подготовкой и политической обработкой молодежи занимались союзы «Татберайтшафт», «Хайматбунд», «Бунд Альтпрейссен», «Юнгпрейссен», «Гренцпрейссен», «Нойпрейссен», «Прейссен», «Союз фон Лютцова», Союз фон Шилля, Союз графа Иорка фон Вартенбурга, Кёнигсбергский союз туристов и стрелков и т. д.

В Тюрингии действовали «Штаммтишлер дер Гляйхен», «Адлер унд Фальке», Союз Гельмута фон Мюкке, в Гамбурге — «Веркрафт Гамбург», Организация Люкке. В Силезии борьбу с рабочим движением и польским населением вели, кроме уже упоминавшихся бригады Эрхарда, организации Россбаха и «Оберланда» вооруженные отряды Аулока, Губертуса, Штрахвитца, Несселя, Ритхофена, Винклера, Гейнца и др. И так в каждой земле, в каждой провинции [7].

В общегерманском масштабе наибольшим влиянием пользовались такие военизированные формирования, как «Стальной шлем» (с примыкавшими к нему «Штальгельмфрауэнбундом», «Национале беамтеншутцбундом», «Штальгельм—Штудентенринг лангемарк»), численность которого, по данным его руководителя Зелдте, составляла в середине 1930 г. 80 тыс. человек; «Таненнбергбунд» (с входившими в его состав соединениями «Дер фронтринг Остпрейссен», «Фронтбан», «Ди альте рейхсфлаге», «Дер фронткригербунд», «Дер бунд дойчер Аар», «Дер Дойчфелькише югендбунд»); союз «Вервольф», принявший впоследствии название «Бунд дойчер меннер унд фронткригер»; «Фербанд националь-гезиннтер зольдатен», «Кифхойзербунд» и т. д.[8]

Связи между этими организациями и рейхсвером, как стала именоваться переформированная в соответствии с положениями Версальского договора бывшая кайзеровская армия, были тесными и многосторонними. Часть из них представляла собой прямое продолжение официальных воинских соединений — так называемый черный (т. е. нелегальный) рейхсвер. Отряды «черного рейхсвера» пользовались материальной поддержкой через военные округа; их офицерский состав получал там необходимый инструк-

---

[6] Там же. С. 148—149.
[7] Там же. С. 58—61, 91.
[8] Там же. С. 51—52.

таж. Через военное ведомство шло снабжение отрядов «черного рейхсвера» оружием. Другие военизированные организации рассматривались рейхсвером как органы допризывной подготовки молодежи. Третьи — служили формой выражения политических амбиций военного ведомства.

К началу 1920 г. командование рейхсвера вместе с примыкавшими к нему военными и военно-политическими праворадикальными союзами почувствовало себя достаточно сильным, чтобы сбросить правительство, которое, как оно считало, держалось у власти лишь его милостью. В этом-то и состояло основное содержание путча Каппа—Лютвица, происшедшего в мае 1920 г.

Ход и исход этого путча показали, однако, как расходятся политические амбиции командования рейхсвера с реальной ситуацией. Опиравшийся лишь на взбунтовавшиеся части рейхсвера режим Каппа как бы повис в воздухе. Перед лицом угрозы военно-монархического переворота начало зреть единство действий глубоко расколотого до тех пор рабочего класса. Против путчистов поднялись и революционный авангард, руководимый коммунистами, и широкие массы классово сознательных рабочих, шедших тогда за Независимой социал-демократической партией, и реформистски настроенные рабочие—сторонники правой социал-демократии. Не нашли путчисты поддержки и среди широких слоев крестьянства. Даже влиятельные круги буржуазии сочли этот путч несвоевременным и опасным. Главным политическим результатом путча было то, что он привел к заметному сдвигу влево. В этих условиях даже в кругах, близких к путчистам, сочли за благо поскорее ликвидировать аферу [9].

Провал путча Каппа—Лютвица не просто ослабил позиции руководства рейхсвера, которому пришлось пожертвовать некоторыми наиболее скомпрометированными генералами. Он привел к усилению разногласий в кругах германской военщины. Генералы и офицеры, вынужденные в результате путча покинуть рейхсвер, озлобленные столь бесславным концом своей военной карьеры, выступили с нападками на коллег, оставшихся в вооруженных силах, обвиняя их в нерешительности, проявленной во время путча, и недостаточной настойчивости в защите интересов «подвергшихся чистке» офицеров. Эта критика нашла активную поддержку у части старого кайзеровского офицерства, которая с самого начала отвергала тактику временного союза с республиканским правительством. Возникли признаки раскола милитаристских сил на «республиканскую» и «антиреспубликанскую» группы. Однако единство целей — восстановление старого кайзеровского режима было еще сильнее, чем тактические расхождения.

Имелось, однако, еще одно очень важное последствие провалившегося путча. На опыте этой неудачи руководство рейхсвера, хотя и с опозданием, уяснило, что чисто военный путч, не опирающийся на массовое политическое движение, не имеет реальных

[9] См.: *Konnemann E., Kirsch H.-J.* Aktionseinheit contra Kapp-Putsch. B., 1972.

шансов на победу. С этого момента в политическом планировании руководства рейхсвера все большее место занимает идея создания массовой правой политической партии, которая могла бы подвести прочную политическую базу под военную диктатуру.

Такова была общая ситуация к моменту, когда рейхсвер впервые вступил в тесный контакт с национал-социалистской партией.

На службе у рейхсвера

Когда политический агент и осведомитель рейхсвера Адольф Гитлер сообщил о результатах своих контактов с небольшой группой лиц крайне правого толка, именующих себя национал-социалистами, это сообщение не вызвало у его начальства особо острого интереса. Хотя Гитлеру и было дано поручение по возможности использовать группу для популяризации идей рейхсвера, никто из офицеров разведывательного отдела штаба баварского рейхсвера, разумеется, и не представлял себе, какую роль в их судьбе суждено сыграть и этому агенту, и этой политической группе. Щупальцы рейхсвера протягивались в то время к десяткам политических партий и организаций. И каждая из них по своему влиянию намного превосходила немногочисленную команду, которую взял под свою опеку Гитлер. В тех условиях НСДАП, как стала называться эта группа несколько позже, была для мюнхенского рейхсвера лишь одной из ширм, используемых для создания тайных военных организаций.

Только так и воспринималась НСДАП в то время. Э. Гумбель, расследовавший в начале 20-х годов заговорщическую деятельность неофициальных военных союзов, прямо относил национал-социалистскую партию к «черному рейхсверу». В приводимом им списке составлявших «черный рейхсвер» союзов боевые силы НСДАП фигурируют наряду с егерским полком «Верхняя Франкония», союзом «Оберланд», баварской вспомогательной полицией и боевыми отрядами германско-народной партии свободы в Пруссии, причем далеко не на первом месте [10].

Это и определяло в то время характер отношений между НСДАП и рейхсвером. Рейхсвер обеспечивал НСДАП лояльное отношение баварских властей. Он откомандировывал в партию своих уполномоченных, направлявших ее развитие в «правильном» направлении. Как следует из списка личного состава НСДАП, осенью 1919 г. из 193 ее членов по крайней мере 20 % имели более или менее тесные отношения с рейхсвером [11].

С момента создания штурмовых отрядов, ради которых, собственно говоря, и нужна была рейхсверу НСДАП, все командные посты в них были заняты бывшими офицерами. Один из первых руководителей СА, Клинч, вообще был офицером действительной

---

[10] *Гумбель Э.* Указ. соч. С. 10.
[11] *Bennecke H.* Hitler und die SA. München; Wien, 1962. S. 23—24.

службы и считался откомандированным в НСДАП из 2-й морской бригады [12].

Дальнейший сравнительно быстрый рост НСДАП вообще и штурмовых отрядов в частности также был связан с политикой, проводимой рейхсвером. После того как решением правительства по настоянию держав-победительниц были распущены многие добровольческие корпуса и военные союзы, их личный состав, размещавшийся в Баварии, получил распоряжение влиться в нацистские штурмовые отряды. Так, НСДАП получила пополнение из бывшей бригады Эрхарда, из отрядов «балтийской обороны», из числа стрелков фон Хайдебрека, добровольческих корпусов Пффефера, Россбаха, Левенфельда, Лютцова, Лихтшлага, Химгау, Эппа и др.[13] Кроме того, почуяв особую роль, которая отводится национал-социалистам в планах рейхсвера, в штурмовые отряды хлынули имевшиеся в избытке демобилизованные унтер-офицеры и солдаты, так и не нашедшие себе места в гражданской жизни. Многие из них рассматривали пребывание в НСДАП не столько как форму политической деятельности, сколько как обходный путь возвращения на военную службу после того, как будут отменены военные положения Версальского договора.

В результате к 1921—1922 гг. национал-социалистская партия превратилась в одного из «фаворитов», на которых делал ставку рейхсвер.

Однако еще раньше, в 1920 г., у военного командования возникла мысль о возможности использования НСДАП не только как формы «черного рейхсвера». Появление этой идеи было связано с поисками политической массовой опоры для рейхсверовской диктатуры, принявшими, как уже говорилось раньше, особенно энергичный характер после провала капповского путча. Популярность НСДАП среди части деклассированных элементов, успешный дебют Гитлера в качестве политического оратора, установление им связей во влиятельных кругах мюнхенской буржуазии побудили рейхсвер отнестись к НСДАП и как к политической силе.

Внешним проявлением этого поворота явился повышенный интерес, проявленный рейхсвером к расширению пропагандистских возможностей нацистов. В середине 1920 г. командир 7-й (баварской) дивизии генерал фон Эпп передал ближайшему сотруднику Гитлера несостоявшемуся поэту Дитриху Эккарту 60 тыс. марок на приобретение печатного органа [14]. Вместе с пожертвованиями, полученными из других, достаточно темных источников, этого оказалось достаточно для приобретения газеты «Фелькишер беобахтер», которая вскоре превратилась в ежедневный орган, распространявшийся уже не только в Баварии, но и за ее пределами.

---

[12] Ibid. S. 29.
[13] *Гайден К.* История германского фашизма. М.; Л., 1935. С. 8.
[14] *Bennecke H.* Op. cit. S. 23—24.

Впоследствии, когда сообщение об этом попало на страницы левой печати, Эпп попытался его опровергнуть. Он заявил, что в данном случае речь не шла о субсидиях рейхсвера. Просто он, Эпп, как частное лицо предоставил из личных средств поэту Эккарту заем, который-де был потом погашен [15]. Поскольку Эпп не решился обвинить газеты, опубликовавшие сообщение, в клевете, вопрос этот так и не стал объектом тщательного судебного разбирательства.

Усиление роли НСДАП как политической партии, бесспорно, отвечало интересам рейхсвера. И он продолжал поддерживать эту сторону ее деятельности и в последующее время. Однако оно таило в себе и определенные опасности для рейхсвера. Чем шире становились политические связи нацистов, чем большей была поддержка, которую оказывали ей в кругах буржуазии, тем менее охотно руководство НСДАП соглашалось выполнять роль простого исполнителя генеральской воли.

Немалую роль в эволюции отношения нацистского руководства к рейхсверу сыграл и наметившийся раскол в лагере германского милитаризма. НСДАП, ставшая сборным пунктом для оказавшихся не у дел унтер-офицеров и офицеров, в какой-то, пусть смягченной, форме отражала их недовольство поведением коллег из рейхсвера, не спешащих покончить с ненавистной веймарской системой и получающих от нее чины, ордена и деньги. Поэтому созданная рейхсвером партия национал-социалистов стала видеть своего кумира не в официальном командующем рейхсвером генерале Секте, а в находящемся в отставке и подозрительно относящемся к Секту генерале Людендорфе. Руководство НСДАП, и прежде всего Гитлер, всячески превозносили «великого полководца», клялись быть верными его знамени, выдвигали его в качестве наиболее приемлемого кандидата в будущие диктаторы Германии.

Это, разумеется, еще не означало разрыва между НСДАП и рейхсвером. Насколько были тесными в это время связи между ними можно судить хотя бы по тому, что до ноября 1923 г. капитан Рем — человек, положивший начало тесному сотрудничеству НСДАП и рейхсвера, став виднейшим нацистом, совмещал свою политическую деятельность с постом офицера штаба генерала Эппа. Да и сам Эпп продолжал постоянно высказывать свои симпатии к национал-социалистам. Однако НСДАП уже далеко не всегда так реагировала на рейхсверовские команды. Следует также иметь в виду, что тесные отношения с баварскими офицерами не обязательно означали в то время хорошие отношения с рейхсвером. 7-я дивизия находилась почти в открытой оппозиции к командованию в Берлине и оценивала Людендорфа на порядок выше, чем Секта.

Эта специфическая обстановка в милитаристских и крайне правых политических кругах приобрела в тот момент особенное

---

[15] *Röhm E.* Die Geschichte eines Hochverräters. München, 1928. S. 139.

значение в связи с резким обострением внешнеполитического и внутриполитического положения Германии. Политика инфляции, сознательно форсируемой монополиями, привела к своему логическому завершению в виде всеобщего экономического хаоса. Среди широких масс населения, причем не только рабочих, но и служащих, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, пенсионеров, заработная плата, жалованье и доходы которых в течение нескольких часов превращались в фикцию, зрело глубокое возмущение. Резкое полевение масс находило свое выражение в многочисленных демонстрациях и других активных политических действиях, в новом подъеме забастовочной борьбы, в дальнейшем росте политического влияния коммунистов. В некоторых германских землях появилась возможность образования правительственных коалиций, опирающихся на союз коммунистов и левых социалистов.

С другой стороны, националистическая политика правительства Франции, пытавшегося решить проблему безопасности своих восточных границ путем оккупации все новых и новых германских территорий, привела к небывалому подъему в Германии не просто национальных, но и откровенно шовинистических настроений. Пассивное сопротивление французским властям, объявленное, но непоследовательно проводимое имперским правительством, в ряде мест перерастало в сопротивление активное. При этом во главе такого сопротивления сплошь и рядом оказывались крайне националистические элементы вроде Шлягетера, расстрелянного французами и ставшего впоследствии наряду с Хорстом Весселем официальным «мучеником» национал-социалистского движения.

Пассивное сопротивление французским властям, вся тяжесть которого легла на народные массы, и прежде всего рабочий класс Рурской области, ускорило разруху, царившую в Германии, и увеличило массу страданий и бедствий, обрушившихся на немецкое население. В то же время оно еще больше обострило отношения с Францией. Насколько серьезной была обстановка, видно хотя бы из того, что в одной из бесед с Сектом Эберт, бывший тогда президентом Германии, справлялся у генерала, как он намерен организовать оборону Берлина, если дело дойдет до объявления войны [16].

В этих условиях роль рейхсвера, несколько ослабевшая после провала путча Каппа—Лютвица, вновь усиливается. «Рейхсвер, — отмечает в это время в своих записках адъютант Секта, — снова становится носителем внутриполитической ответственности. Его вновь касаются все вопросы, имеющие отношение к национальным интересам. По всем этим делам постоянно запрашивается мнение Секта, которое он высказывает через Шлейхера» [17].

Командование рейхсвера сразу же использует эту ситуацию для подготовки к осуществлению своих старых планов — замены

---

[16] *Hallgarten G.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt a./M., 1962. S. 21.

[17] Ibid.

парламентской республики подновленной монархией. В качестве переходного этапа по-прежнему имеется в виду установление той или иной формы военной диктатуры.

Идею военной диктатуры активно поддерживают и милитаристские силы, находящиеся за пределами рейхсвера. За диктатуру, при которой основная власть находилась бы в руках военных, выступает в это время и Гитлер. Однако трения между этими силами и командованием рейхсвера, приобретающие постепенно все более острые формы, побуждает его выступить против планов Секта. В противовес рейхсверу НСДАП, опираясь на поддерживающие ее нерейхсверовские милитаристские силы, требует, чтобы в результате военного переворота к власти пришли «новые люди», не «скомпрометировавшие» себя сотрудничеством с парламентским режимом.

Относительно того, кто конкретно эти «новые люди», тоже не существовало единства. Называлась кандидатура Гитлера, который, как предполагали его сторонники, должен был сразу же после захвата власти рейхсвером провозгласить себя «фюрером», опирающимся на все крайне правые силы «Немецкого боевого союза». Речь шла и о Густаве фон Каре, любимце баварских аристократов и стороннике династии Виттельсбахов, который в эти дни был провозглашен государственным генеральным комиссаром Баварии. Котировалась кандидатура майора Брукнера, одного из руководителей «черного рейхсвера», поднявшего в октябре 1923 г. неудачное восстание в Кюстрине [18].

Однако наиболее серьезной кандидатурой, которую выдвигал крайне правый лагерь, был генерал Людендорф, о котором шла речь выше. Несмотря на выпады, которые он время от времени допускал в адрес «республиканских генералов», у него сохранилось немало сторонников среди командного состава рейхсвера. В то же время он оставался кумиром остальных милитаристов, которые видели в нем человека, способного вернуть им чины и открыть путь в «возрожденную» германскую армию. Поэтому вокруг Людендорфа с большей степенью вероятности можно было бы объединить всех реакционеров, вне зависимости от оттенков их взглядов.

В качестве диктаторов от рейхсвера выдвигались военный министр Гесслер, Сект и посол Германии в США фон Фитфельд.

Чем ближе подходил срок решения, тем более острые формы приобретали споры по поводу формы диктатуры и личности диктатора.

27 сентября 1923 г. центральный орган НСДАП газета «Фелькишер беобахтер» открыла кампанию против «еврейской диктатуры Штреземана—Секта». В статье, напечатанной в газете, в типично нацистском стиле содержались недвусмысленные намеки на недостаточно арийское происхождение супруги командующего рейхсвером [19]. Сект ответил на удар ударом. Командиру

[18] Ibid. S. 29.
[19] Völkischer Beobachter. 1923. 27. Sept.

дивизии рейхсвера, расположенной в Баварии, генералу фон Лоссову был дан приказ запретить «Фелькишер беобахтер».

Фон Лоссов, как и его предшественник фон Эпп, находившийся в оппозиции к командованию в Берлине, отказался выполнить распоряжение. Фон Кар, у которого он нашел поддержку, вообще оспорил право Берлина вмешиваться во внутренние дела Баварии. По приказу баварского правительства части рейхсвера, расположенные в Баварии, были выведены из подчинения главного командования и приведены к присяге фон Кару[20].

Это означало не только обострение противоречий между центральной властью и мюнхенским правительством, но и углубление раскола в крайне правом лагере.

Правда, отношения между обеими фракциями реакционеров и милитаристов еще не были окончательно испорчены. Обе стороны старательно воздерживались от всего, что могло привести к полному разрыву. Полицейский комиссар Баварии Зейссер, один из организаторов баварского «отпора» Берлину, и в частности Секту, совершает в это время поездку в Берлин, где ведет переговоры именно с Сектом. С другой стороны, жена Секта — Доротея фон Сект, происхождение которой послужило предлогом для столкновения между обеими фракциями милитаристов, в разгар перебранки между командованием рейхсвера и баварскими правыми кругами находилась в Мюнхене, где от имени своего мужа вела секретные политические переговоры. Не случайно Фриц фон Тиссен, хорошо знавший политические амбиции этой дамы и роль советника, которую она играла при муже, встретив ее в эти дни в Мюнхене, задался вопросом: «Не играет ли Сект двойную игру? Не пытается ли он осуществить государственный переворот с помощью Баварии? Присутствие в Мюнхене г-жи фон Сект, по-видимому, подтверждает эту точку зрения»[21].

Эту точку зрения подтверждали и другие факты. В течение всего этого времени Сект тщательно воздерживался от того, чтобы предпринять дисциплинарные меры против нарушивших дисциплину офицеров. Объявивший о своем неподчинении фон Лоссов не только не был предан суду, но даже не освобожден от должности. Командование рейхсвера настояло на введении воинских сил в Саксонию, где у власти находилось левое — социалистическо-коммунистическое правительство, хотя оно ни в чем не нарушило конституции. В то же время Сект и пальцем не шевельнул, чтобы привести в чувство правительство Баварии, открыто противопоставившее себя центральной власти.

Более того: как следует из материалов архива Секта, именно в это время им был написан вариант письма к фон Кару, в котором баварским крайне правым предлагались далеко идущие уступки. Сложившиеся обстоятельства, писал Сект, не дают ему возмож-

---

[20] Der Hitler—Lulendorff-Prozess vor dem Münchener Volksgericht. Berich, 1924. S. 11—12.
[21] *Thyssen F.* I paid Hitler. New York; Toronto, 1941. P. 84

ности открыто высказать свои истинные взгляды. В действительности же он, Сект, ненавидит и социал-демократию и Веймарскую республику. В этом отношении между ним и Каром не существует никаких разногласий. Возникшие между ними расхождения имеют второстепенный, чисто технический характер. Он, Сект, уже выдвинул требование, чтобы канцлер Штреземан ушел в отставку и уступил место единому фронту всех национально настроенных сил, который мог бы с твердостью встретить «неизбежную» гражданскую войну. Самого Кара Сект пытался улестить предоставлением поста члена Директории, которой, как он утверждал, будет передана вся полнота власти [22].

Впоследствии, в связи с изменением обстановки, Сект внес в свое письмо коррективы, и в частности существенно смягчил выпады против существовавшего режима. Кару был отправлен уже смягченный вариант письма. Однако для выяснения действительных взглядов руководителя рейхсвера гораздо больший интерес представляет черновой вариант, написанный в порыве откровенности, без учета дипломатических соображений. Есть основания считать, что Сект делился своими взглядами о пути восстановления политического союза с баварскими крайне правыми и с кое-кем в правительстве. Вряд ли можно, например, считать случайным, что именно в это время, 5 ноября, Штреземан на заседании кабинета называет в числе кандидатов в члены планируемой Директории наряду с Видфельдом и генеральным директором концерна Стиннеса Мину, также и фон Кара [23].

К началу ноября, по мнению Секта, наступило время решительных действий. Действительно, на первый взгляд все как будто способствует планам рейхсвера. Закулисные переговоры с чересчур нетерпеливыми баварцами развиваются благополучно. Войска, вступившие в Саксонию, свергают конституционное правительство. Тем самым создается прецедент, облегчающий повторение подобных действий в масштабах республики. 2 ноября обостряется правительственный кризис. Под давлением рядовых социал-демократов, возмущенных действиями рейхсвера в Саксонии и поддержкой их правительством, подают в отставку министры от социал-демократии. Части баварской 7-й дивизии, поддержанные военизированными отрядами, вторгаются в Тюрингию, где у власти находится левое правительство.

Сект решает открыть карты. 3 ноября он вызывает в Берлин командиров дивизий рейхсвера, расположенных в Северной Германии, — фон Беренда, фон Хорна и фон Чишвитца. В ожидании решающих событий они остаются в помещении военного министерства на Бендлерштрассе. Сам же фон Сект отправляется

---

[22] *Rabenau F. von.* Seeckt und seinem Leben. Leipzig, 1940. S. 368—370. См. также: *Schüddekopf O.-E.* Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehr 1918 bis 1933. Hannover, 1955. S. 187.

[23] *Hallgarten G.* Op. cit. S. 37.

к президенту, чтобы получить его согласие на объявление военной диктатуры.

Пять часов продолжается их беседа. Эберт обращается к Секту с просьбой использовать части рейхсвера против перешедших в наступление баварских путчистов. Командующий категорически отказывается. В свою очередь Сект предлагает Эберту дать отставку Штреземану и назначить его, Секта, канцлером. Но Эберт, опасающийся бурной реакции в своей партии, не соглашается. После длительных и изнурительных споров президент идет на большие уступки. Он выражает готовность сменить кабинет Штреземана. Его место должна занять Директория во главе с Видфельдом. Эберт скрепляет подписью приказ рейхсверу вступить в Тюрингию, чтобы свергнуть левое правительство. С ведома президента Сект посылает фон Шлейхера к Штреземану с предложением уйти в отставку, ибо его действия больше не одобряются рейхсвером [24].

Однако самых решительных действий, которых ждут генералы, Сект не предпринимает. Когда Эберт отказался назначить командующего рейхсвером канцлером, он не объявил, как это предполагалось, президента смещенным. Сделать это — означало бы решиться на путч, на откровенное противопоставление армии гражданской власти, вступить в прямой конфликт с большинством политических партий. Но главное — объявить военную диктатуру, не придав этому акту видимость законности, значит оказаться лицом к лицу с возмущенными массами. А что это такое, Сект хорошо помнит. Еще не был забыт урок, полученный в марте 1920 г. Как и режим Каппа—Лютвица, военная диктатура повисла бы в воздухе. Как и в то время, страна оказалась бы парализованной всеобщей забастовкой. Как и в марте 1920 г., стихийно возникло бы единство действий рабочего класса. В обстановке назревавшей революционной ситуации, склоки в лагере реакции открытая военная диктатура, установленная в борьбе против буржуазно-парламентской системы, могла только подбросить топливо в пламя революции и серьезно затруднить положение правящих классов. И Сект в последний момент отступил.

Не «нерешительность», свойственная Секту, а трезвая оценка обстановки удержала командующего рейхсвером. Именно поэтому и генералы, ожидавшие на Бендлерштрассе, не дезавуировали своего шефа, а, согласившись с ним, разъехались по своим дивизиям.

После переговоров с Эбертом Сект все еще рассчитывал, что планы, которые он лелеял, будут осуществлены в ближайшее время. Вызванный им из Вашингтона Видфельд уже находился на пути в Германию. Операции рейхсвера против законного правительства Тюрингии проходили «успешно». Солдаты рейхсвера по приказу своих командиров устроили облаву на Штреземана,

---

[24] Ibid. S. 33—34.

которому пришлось искать убежища в резиденции президента.

Однако правые союзники—соперники рейхсвера оценивали обстановку иначе. Они не понимали медлительности генералов, которые, как им казалось, лишь упускают драгоценное время. Кроме того, их все время мучило опасение оказаться обойденными при дележе власти после ликвидации Веймарской республики.

Честолюбивые устремления баварских политиков, и прежде всего Гитлера, тайное недоброжелательство милитаристов из военных союзов, не входящих в рейхсвер, к своим более удачливым коллегам, помноженные на провинциальное непонимание реальной обстановки, сделали свое дело. 8 ноября НСДАП и примыкающие к ней военные формирования, возглавляемые Гитлером и Людендорфом, решили положить начало восстанию против «веймарского режима» [25]. Уверенные в успешности этого предприятия фактические правители Баварии государственный комиссар Кар, командующий 7-й дивизией рейхсвера фон Лоссов и начальник баварской полиции Зейссер присоединились к путчу.

Дальнейшие события показали, однако, что Сект не напрасно медлил с введением военной диктатуры. Гитлеровская партия, не имевшая в то время достаточной массовой базы, внезапно оказалась примерно в том же положении, в какое три года до этого попали путчисты Каппа. «Национальная инициатива» Гитлера и Людендорфа не нашла поддержки даже в Мюнхене. На улицы, кроме членов военизированных отрядов, никто не вышел. Враждебно относившийся к путчистам баварский рабочий класс готовился к отпору. Но даже среди баварской буржуазии, за исключением старых покровителей нацистов, лишь очень немногие положительно отнеслись к их действиям.

Еще более отрицательной была реакция за пределами Баварии. Разгромив к тому времени выступления революционного авангарда рабочего класса, немецкая монополистическая буржуазия, за исключением, быть может, группы Стиннеса, не хотела больше правых экспериментов. Нацистский путч в Баварии лишь способствовал консолидации буржуазных партий в парламенте вокруг правительства Штреземана, существенно укрепив его позиции.

Не могло не сделать выводов из этого и командование рейхсвера. Вооруженное выступление нацистской партии и баварских правителей, направленное на этот раз прямо против центрального правительства, поставило рейхсвер перед выбором: он должен был либо поддержать путчистов, либо выступить в защиту «законной власти», которую он ненавидел. Встать на сторону нацистов было для рейхсвера невозможно. Это означало бы пойти на авантюру, от осуществления которой Сект незадолго до этого отказался, но при еще менее выгодных условиях. Специфически

---

[25] См.: *Franz-Willing G.* Kriesenjahr der Hitlerbewegung 1923. Oldendorf, 1975; *Hofmann H.-H.* Der Hitlerputsch. Kriesenjahre deutscher Geschichte, 1920—1924. München, 1961.

баварский характер, который имело выступление нацистов, затруднил бы присоединение к нему соединений рейхсвера из северогерманских провинций. Немалую роль сыграло и то, что ни Сект, ни другие генералы рейхсвера при всем своем сочувствии лозунгам, выдвигавшимся в Мюнхене, не могли в то время допустить, чтобы ими командовал мелкий политикан Гитлер, деятельность которого они недавно оплачивали.

Все это и обусловило парадоксальную ситуацию: рейхсвер в роли защитника ненавистных ему Эберта и Штреземана.

8 ноября вечером, связавшись по телефону с Берлином, примкнувшие к путчу баварские правители с ужасом узнали, что казавшаяся им немыслимой ситуация стала реальным фактом: поднявшие руку на Веймарскую республику должны будут иметь дело с рейхсвером. В Берлине это было сказано тоном, не вызывающим сомнений. Были сняты лайковые перчатки и в обращении со строптивым командиром 7-й дивизии рейхсвера. Фон Лоссову было дано понять, что, если он и на этот раз не исполнит приказа и немедленно не ликвидирует путча, ему уготованы разжалование и приговор военного суда.

Все это мгновенно изменило обстановку. Кар и Лоссов без промедлений дистанцировались от организаторов путча. Было объявлено, что их согласие принять участие в организованном Гитлером и Людендорфом мятеже против центрального правительства было лишь уловкой, необходимой для того, чтобы своевременно обезвредить путчистов. Всем участникам путча было предложено немедленно сдать оружие и разойтись по домам.

Для Гитлера и его сторонников это прозвучало как гром с ясного неба. Еще за день до этого они чувствовали себя победителями. В их руках практически находилась вся Бавария. С минуты на минуту они ждали сообщений о присоединении к созданному ими национальному правительству других земель и провинций. В своем ослеплении они даже не смогли по достоинству оценить весь смысл происшедших событий. Они восприняли их лишь как личную измену Кара, которая, по их мнению, еще ничего не меняла.

Привыкшие к благожелательному отношению мюнхенской полиции, важную роль в которой все это время играл нацистский ставленник Пенер, и к поддержке рейхсвера, они даже не придали значения грозным обращениям к участникам путча немедленно сдать оружие, которые были расклеены в ночь на 9 ноября на всех мюнхенских улицах.

На 9 ноября руководителями путча была назначена демонстрация, которая должна была двигаться к резиденции правительства. Эта демонстрация должна была показать населению Мюнхена и всей Баварии, кто в действительности является хозяином положения. Уже в начале демонстрации ее руководители Гитлер и Людендорф были предупреждены, что полиция, подкрепленная частями рейхсвера, получила указание не пропускать путчистов в центр. Но оба они игнорировали предупреждение. Впереди демонстрации вышагивал Людендорф, а на Людендорфа, по мне-

нию нацистов, не мог поднять руку ни один немецкий солдат.

Так на пути к центру — у здания «Фельдхерренхалле» встретились две силы. На протяжении почти пяти лет они выступали совместно, бок о бок. Одна из них была порождением другой и долгое время играла роль ее сателлита. Их объединяла ненависть к социализму, к демократии, к организованному рабочему классу и его авангарду. Обе мечтали о реакционной диктатуре, независимой от народа. Обе были связаны с правящими классами страны и отражали их взгляды. Но политическое развитие событий поставило их друг против друга. Одна сила рвалась к власти, другая должна была помешать этому.

Когда колонна нацистских путчистов приблизилась к шеренгам, преградившим ей путь дальше, ее встретили ружейным залпом. Через несколько минут площадь и подходы к ней опустели. Расположенные в других местах города отряды нацистов немедленно сложили оружие. Натолкнувшись на первый же серьезный отпор вооруженных сил, гитлеровский мятеж закончился быстрее, чем начался [26].

Примирение враждующих братьев

События 1923 г. не могли пройти бесследно ни для НСДАП, ни для рейхсвера. Нанеся удар по крайне правым, рейхсвер нанес удар и по самому себе. Прежде всего он серьезно ослабил своего важнейшего союзника, который, правда, не всегда был достаточно послушным, но мог в нужный момент быть использован в качестве резерва при проведении «решительных» действий. Политическая стабилизация, наступившая в Германии после ноября 1923 г., основными предпосылками которой были введение твердой валюты и оздоровление хозяйства, а также урегулирование отношений с Францией, нашедшее свое выражение, в частности, в подписании Локарнских соглашений, уменьшили заинтересованность правящих классов Германии в использовании рейхсвера в качестве инструмента внутренней политики. Политический процесс против организаторов мюнхенского путча [27] привел к опубликованию ряда материалов, вскрывших двусмысленную роль, которую играло во всех этих событиях руководство рейхсвера. В этой обстановке командованию не удалось принести в жертву одного лишь Лоссова. Серьезно замаранным оказался и Сект. В 1926 г. ему пришлось без большого шума уйти в отставку. Отправившись в Китай в качестве военного советника Чан Кайши, он на время исчез с немецкой политической арены.

Разумеется, уход Секта не означал конца проводимой им политики. На командных постах в рейхсвере остались его люди.

---

[26] Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 8., 9. November 1923 / Hrsg. von Deuerlein E. Stuttgart, 1962; Hitler-Putsch im Spiegel der Presse. Berichte bayerischer, norddeutscher und ausländischer Zeitungen über die Vorgänge im November 1923 in Originalreproduktionen. München, 1974.

[27] О нем см. подробнее: *Lonio L.* Der Hitler—Luddendorff-Prozess 1925. Berlin, 1925.

Все большую роль в качестве главного выразителя политических амбиций рейхсвера стал играть ближайший сотрудник Секта фон Шлейхер. Командование рейхсвера по-прежнему ставило своей основной задачей отмену военных положений Версальского договора, осуществление легального или нелегального перевооружения Германии, возрождение ее в качестве первоклассной военной силы и в конечном итоге возвращение к прежней политике экспансии и захватов. Однако методы борьбы за эти цели пришлось применять другие.

Провал попыток Секта создать Директорию как переходный этап к монархии и последовавшая за этим стабилизация показали, сколь нереально строить политику только на этих планах. Поэтому, не отказываясь от монархистских симпатий, рейхсверовские генералы решили на время примириться с республикой. Это не означало, однако, капитуляции рейхсвера перед «демократией» и «законом». Речь шла лишь о том, чтобы найти более эффективные средства для достижения прежней цели. Отныне перевооружение Германии и восстановление прежних военных и политических позиций должно было, по мнению руководства рейхсвера, осуществляться руками парламентских правительств. Задача же военных состояла в том, чтобы толкать правительства на этот путь, добиваться от них все более энергичных и решительных действий.

В НСДАП провал путча 1923 г. вызвал острый кризис. Явные просчеты руководства, его несостоятельность вызвали разложение партии. Ее ряды покидали не только отдельные лица, но и целые организации. Начался разброд и в верхушке: каждый из лидеров пытался свалить вину на другого. Отсутствие фюрера, находившегося в тюрьме, привело к тому, что вскоре НСДАП распалась на несколько враждующих группировок.

Существовали, однако, и более важные, объективные причины кризиса, поразившего национал-социалистскую партию. Временная экономическая и политическая стабилизация примирила значительную часть традиционно правых избирателей с прежде столь ненавистной им «системой». Этот процесс примирения нашел выражение в определенном «сдвиге влево» этой группы населения. Кое-кто из тех, кто голосовал за Немецкую национальную народную партию, стал отдавать свои голоса за партии «веймарской коалиции». Те, кто шли за национал-социалистами, стали голосовать за НННП. В результате передравшиеся нацистские руководители оказались в положении генералов без армии.

Все это, естественно, наложило глубокий отпечаток на характер отношений НСДАП и рейхсвера. Руководители НСДАП не могли простить рейхсверовским генералам «измены» 1923 г., которая, по мнению национал-социалистов, лишила их плодов победы, в возможности которой они не сомневались. Обманутые в своих надеждах на скорое развертывание массовой армии, в которой им будет уготовано теплое местечко, милитаристы, оказавшиеся за пределами 100-тысячного рейхсвера, упражняли

свое остроумие в выпадах по адресу «парламентских генералов», процветающих на «нечистые» деньги «еврейской республики».

В свою очередь, рейхсверовские генералы не скрывали своего пренебрежительного отношения к бывшим коллегам и союзникам. Они негласно обвиняли фюрера национал-социалистов в том, что своими поспешными действиями он сорвал хорошо продуманный и подготовленный план создания правой директории. Они издевались над жалким поведением руководства НСДАП во время мюнхенского путча. Сделав ставку на достижение своих целей в результате сотрудничества с республиканским правительством, они проявляли все меньше интереса к национал-социалистам как возможной политической базе и опоре. И это пренебрежение было тем большим, чем слабее были политические позиции национал-социалистов.

При всем этом и рейхсвер и НСДАП оставались глубоко родственными друг другу по духу. Неудивительно, что в этих условиях отношения между рейхсвером и национал-социалистами носили противоречивый характер. Они одновременно и любили и ненавидели друг друга.

Весьма показательны в этом отношении мемуары Рема. Уволенный после провала путча 1923 г. из рейхсвера, Рем, естественно, изливал крайнее негодование по поводу поведения некоторых генералов и офицеров. Не жалел он и язвительных слов, чтобы заклеймить дух «торгашества», поразивший рейхсвер. И в то же время именно в рейхсвере Рем видел единственный инструмент достижения национал-социалистских целей. «Рейхсвер, — писал он, — должен и будет видеть свою задачу в том, чтобы нести охрану на границах и гордо, в скромном величии истинного героизма хранить честь славного немецкого войска до того дня, когда будет брошен клич всем немецким борцам — развернуть вновь знамена и начать марш к Рейну. Постоянная мысль об этом вновь объединит рейхсвер и националистов: только таким образом может быть открыт путь к новому Таурогену и Лейпцигу» [28].

В подобном же духе была выдержана и получившая широкую известность речь Гитлера «Мы и рейхсвер», произнесенная им 15 марта 1929 г. В этой речи нацистский фюрер всячески превозносил высокие качества рейхсвера. Он призывал армию встать во главе «национального движения» и обещал ей при этом полную поддержку. При этом, однако, он всячески ругал командование рейхсвера за пактирование с «марксизмом» и сотрудничество с левыми силами, за «превращение генералов в политических комиссаров правительства» [29].

Это двойственное отношение к рейхсверу находило свое выражение и в практических действиях. Так, в декабре 1928 г. Гитлер отдал приказ, запрещавший членам партии принимать участие в любых мероприятиях рейхсвера. В мае 1929 г. нацистский депу-

[28] *Röhm E.* Op. cit. S. 269—270.
[29] *Vogelsang T.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962. S. 60.

тат Кубе[30] хвастался в прусском ландтаге, что его партия дала «достойный отпор» военному министру Гренеру, который предпринял «жалкие попытки» добиться сближения НСДАП с рейхсвером. С другой стороны, печать национал-социалистов всячески рекламировала военные издания рейхсвера, а также проводимую им кампанию по вербовке добровольцев. В выходившем с 1926 года военном приложении к газете «Фелькишер беобахтер» «Дер дойче фронтзольдат» постоянно печатались рейхсверовские вербовочные материалы. В этом же официальном нацистском органе была помещена весьма дружественная рейхсверу статья в связи с 60-летием со дня рождения Секта[31].

Генералы рейхсвера платили нацистам примерно той же монетой. Когда Гитлер выступил со своей речью, содержавшей нападки на генералов, военное министерство распорядилось запретить распространение в военных частях специального номера «Фелькишер беобахтер», в котором был напечатан текст речи. Одновременно был отдан приказ об увольнении всех национал-социалистов, работавших в вооруженных силах по вольному найму[32].

В то же время и военное министерство, и командование рейхсвера постоянно подчеркивали, что они высоко ценят ревностное отношение национал-социалистов к «военной идее» и всячески пытались привлечь их к сотрудничеству в деле организации военной подготовки молодежи, создания так называемых добровольческих пограничных отрядов и т. д. Еще в 1929 г. были зарегистрированы многочисленные случаи финансирования рейхсвером военных учений, организуемых штурмовыми отрядами, а также передачи им крупных партий оружия[33]. Даже при самых острых стычках с вождями национал-социализма затаенной и постоянной мечтой рейхсвера было «создание такого положения, когда его собственные стремления нашли бы поддержку со стороны положительно относящегося к государству и готового сотрудничать правого крыла»[34].

Таким образом, даже при раздоре рейхсвер и НСДАП тщательно сохраняли мосты на случай сближения. И эти мосты были сразу же использованы, как только в политической обстановке произошли серьезные перемены.

В 1930 г. отношения между национал-социалистами и командованием рейхсвера начали быстро улучшаться. Это было вызвано следующими обстоятельствами.

Во-первых, экономический кризис 1929—1933 гг., как уже говорилось, существенно ослабил эффективность системы политического управления страной. Буржуазно-парламентский меха-

---

[30] Будущий палач Белоруссии, казненный белорусскими партизанами.
[31] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 60.
[32] Военнослужащим рейхсвера и так было запрещено состоять в какой-либо политической партии.
[33] DZA Potsdam. Reichsministerium des Innern. N 25688/15. Bl. 208 ff.
[34] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 68.

низм стал давать осечку за осечкой, что сразу же возродило в рейхсвере старые антиреспубликанские настроения [35].

Во-вторых, в поисках выхода из кризиса правящие круги страны совершили заметный сдвиг вправо. Это, в свою очередь, оживило надежды рейхсвера на возможность возвращения к прежним, кайзеровским порядкам.

В-третьих, экономические трудности привели к росту оппозиции в стране не только слева, но и справа. Это заметно укрепило положение НСДАП. Выборы, состоявшиеся в сентябре 1930 г., убедительно подтвердили это: национал-социалисты неожиданно даже для самих себя получили 6,4 млн голосов (18,3 % всех признанных действительными бюллетеней). В результате они стали одной из наиболее влиятельных политических партий Германии.

В этой обстановке многое из того, что прежде разделяло НСДАП и рейхсвер, отошло на второй план. Для командования вооруженных сил национал-социалисты перестали быть группой крикливых неудачников, с которыми не стоило всерьез считаться. Для национал-социалистов, перед которыми впервые после 1923 г. замаячили перспективы успеха, рейхсвер был решающим союзником в борьбе за достижение цели. О том, чтобы добиться ее помимо рейхсвера или вопреки ему, не могло быть и речи. Слишком свежи были в памяти вождей национал-социалистов памятные события у Фельдхерренхалле.

Поворотным пунктом в отношениях между рейхсвером и НСДАП стал так называемый ульмский инцидент. В 1930 г. в казармах ульмского уланского полка военной полицией были арестованы три молодых офицера: Шерингер, Вендт и Людин. Все они обвинялись в том, что вопреки закону, запрещающему военнослужащим заниматься политической деятельностью, вели среди своих товарищей национал-социалистскую пропаганду [36].

Если бы арест состоялся после выборов 1930 г., военное начальство, разумеется, замяло бы дело. Но произошло это несколько раньше. Возросшее влияние НСДАП еще не было так заметно. Кроме того, командование рейхсвера вовсе не хотело, чтобы в его частях пользовался влиянием кто-либо, кроме военного начальства. Как бы то ни было военный министр Гренер распорядился передать дело офицеров в суд.

В сентябре-октябре 1930 г. в Лейпциге состоялся открытый процесс над ними. Нацисты использовали его для политической рекламы. Молодые офицеры, которые, кстати, вовсе не были столь уж убежденными национал-социалистами [37], всячески пре-

[35] См.: *Wheeler-Bennet J. W.* Die Nemesis der Macht. Die deutschen Armee in der Politik, 1918—1945. Düsseldorf, 1954. S. 219 ff. *Bracher K. D.* Die deutsche Armee zwischen Republik und Dictatur (1918—1945) // Schicksalsfragen der Gegenwarf. Handbuch politisch-historischer Bildung. Tübingen, 1958. Bd. 3. S. 112.

[36] *Scheringer R.* Das grosse Los unter Soldaten, Bauern und Rebellen. B., 1961. S. 240 ff.

[37] Один из них, Шерингер, находясь в тюрьме, познакомился с коммунистами и под их влиянием быстро разобрался в сущности нацистской идеологии. Тут же в тюрьме он открыто порвал с НСДАП и вступил в коммунистическую партию.

возносились как мученики за «национальную идею». Ход процесса оказался в центре внимания всей правой печати. В качестве свидетеля защиты на процесс явился «сам» Гитлер.

Вскоре, однако, выяснилось, что судьба трех лейтенантов, которые находились на скамье подсудимых, никого всерьез не интересует. Выявились гораздо более важные вещи, касающиеся отношений между НСДАП и рейхсвером, а также между НСДАП и веймарским государством. Прежде всего в ходе процесса стало ясно, что влияние НСДАП в рейхсвере гораздо сильнее, чем это предполагало рейхсверовское начальство. Молодое офицерство не было в курсе наслоений и тактических разногласий, обусловивших охлаждение отношений между рейхсвером и НСДАП после 1923 г. Оно видело главное — единство взглядов и целей национал-социалистского движения и рейхсвера. Национал-социализм был для него политическим выражением рейхсверовского духа. И оно шло навстречу национал-социализму, даже если на это еще не было прямой санкции сверху.

Но дело было не только в молодых офицерах. Симпатии к нацизму глубоко укоренились и среди значительной части командных кадров. На ульмском процессе это ярче всего проявилось в выступлении непосредственного начальника обвиняемых офицеров, командира ульмского полка полковника Людвига Бека [38]. Бек вступился за своих офицеров, утверждая, что не видит ничего предосудительного в том, что они придерживаются национал-социалистских взглядов. Выступление Бека вызвало одобрительные отклики среди значительной части офицерского состава.

Открытое проявление пронацистских настроений среди офицеров показало командованию рейхсвера, что идея сближения с НСДАП, необходимость которого уже обсуждалась руководством, требует быстрого осуществления. Это форсировало развитие событий. Однако не меньшее значение имело еще одно обстоятельство, тесно связанное с событиями в Ульме.

Обвинение на процессе, представленное, в частности, статс-секретарем министерства внутренних дел Цвейгертом, основывало свою позицию на том, что НСДАП — антиконституционная партия, ибо стремится добиться власти путем насильственного переворота. Возражая Цвейгерту, Гитлер, выступив в качестве свидетеля защиты, отверг это обвинение, заявив, что руководимая им НСДАП намерена прийти к власти при помощи легальных методов.

Это заявление было явно рассчитано на то, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. И оно действительно привлекло его. С момента возникновения национал-социалистской партии требование насильственной ликвидации Веймарской республики как незаконного порождения «ноябрьского предательства» (как именовали революцию 1918 г. фашисты) считалось «альфой и

Впоследствии, после разгрома гитлеровского режима, он играл заметную роль в коммунистическом движении в ФРГ. См.: *Scheringer R.* Op. cit.

[38] Будущий начальник генерального штаба вермахта.

омегой» ее политики. Отрицание этого требования считалось изменой идеям партии. И вдруг сам всемогущий хозяин НСДАП во всеуслышание отказался от него.

Особенно большое впечатление это заявление Гитлера произвело на руководство рейхсвера. Дело было, разумеется, не в том, что там всерьез приняли превращение нацистского Савла в Павла, как ныне утверждают защитники рейхсвера [39]. Как известно, само командование рейхсвера не было поборником законности и парламентаризма и, когда считало нужным, безо всяких церемоний попирало и то и другое. Дело было в том, что сделанное на ульмском процессе заявление Гитлера имело более глубокий смысл, понятный только посвященным. В сложившихся условиях главным хранителем легальности в Веймарской республике считался рейхсвер. Нарушение легальности и использование насильственных методов завоевания власти было равнозначно объявлению войны рейхсверу. И напротив, заявление о признании мирных путей прихода к власти звучало в той обстановке как предложение дружбы рейхсверу, как обещание добиваться власти — не против него, а вместе с ним. Но это было как раз то, чего так желали и к чему так стремились заправилы рейхсвера.

«С того времени как прекрасный Адольф встал на позиции легальности, он не вызывает у нас пока головной боли», — писал примерно в это время своему другу генерал-майору в отставке Глейху военный министр Гренер [40].

На большое значение для рейхсвера заявления Гитлера в Лейпциге обращал внимание своих подчиненных и главнокомандующий рейхсвером генерал фон Хаммерштейн-Экворд. Говоря о причинах, побудивших Гитлера «придерживаться легальной почвы», он утверждал в своей речи перед офицерами в Касселе, что решение фюрера НСДАП «не только видимость». «Он хочет этого действительно» [41].

Как следует из переписки генерала фон Шлейхера, занимавшего тогда пост начальника «военного отдела» военного министерства [42], с кронпринцем Вильгельмом, уже летом 1931 г. фон Шлейхер и его окружение твердо взяли курс на то, чтобы в необходимый момент осуществить сближение с НСДАП. В тех условиях предполагалось, что такое сближение будет происходить под эгидой бывшего тогда канцлером Брюнинга [43].

10 сентября 1931 г. по инициативе Гитлера на квартире майора в отставке фон Эберхардта состоялась первая встреча между фюрером НСДАП и фон Хаммерштейн-Экврордом. Эта встреча ознаменовала окончательный разрыв с периодом «недоразумений

---

[39] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 92 ff.
[40] Ibid. S. 120 (примеч.).
[41] Ibid.
[42] Этот отдел занимался вопросами общего военного и политического планирования и считался самым важным отделом министерства.
[43] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 124.

и размолвок» между обеими реакционными силами. Стороны имели все основания быть довольными друг другом. Расставаясь с Гитлером, фон Хаммерштейн-Экворд заявил: «Если не считать вопроса о темпах, то Гитлер стремится к тому же, что и рейхсвер»[44].

Это высказывание, конечно, нельзя понимать слишком буквально. Кроме темпов, имелся по крайней мере еще один важный вопрос, который разделял нацистов и генералов рейхсвера. Вступая в союз, они вновь должны были определить, кто из них будет всадником, а кто лошадью. А сделать это было не так-то просто. В свое время на этом распалась первая коалиция НСДАП и рейхсвера. И в новых условиях ни один из партнеров не хотел уступать первого места другому.

Со своей стороны генералы рейхсвера рисовали себе примерно такую картину: НСДАП войдет в правую коалицию и образует массовую базу для президентского кабинета, состоящего из ставленников президента Гинденбурга, преимущественно монархистов. Опираясь на поддержку рейхсвера, кабинет ликвидирует социальные завоевания ноябрьской революции. НСДАП в это время обеспечит внутренний порядок, терроризируя рабочий класс. Одновременно правительство объявит о разрыве с Версальским договором и начнет открыто перевооружаться. Рейхсвер развернется в массовую армию, используя в качестве пополнения военизированные организации национал-социалистской партии[45].

В сущности, это была бы специфическая форма установления фашистского режима. Но если бы события развивались так, как это планировал рейхсвер, нацистская партия не могла бы играть сколько-нибудь самостоятельной роли. Она превратилась бы в служанку рейхсвера и президентской клики и, быстро растеряв своих приверженцев, перестала бы быть политической силой. Все это не устраивало Гитлера и его сторонников. Упоенные своим успехом на выборах в рейхстаг, они сами претендовали на первое место. Спор по этому вопросу длился еще почти полтора года и отложил заметный отпечаток на дальнейшие отношения между Гитлером и генералами.

Однако при всех этих спорах, и в этом фон Хаммерштейн-Экворд был совершенно прав, и Гитлер, и рейхсвер стремились к одной и той же цели. В этом мог еще раз убедиться и сам фон Шлейхер, установивший примерно в это же время непосредственный контакт с Ремом, действовавшим по поручению Гитлера. Связи между фон Шлейхером и Ремом осуществлялись в различных формах. Время от времени Рем наносил генералу визиты. Кроме того, между ними велась оживленная переписка. Как при личных встречах, так и в письмах обсуждался широкий круг вопросов. Среди них — отношение различных представителей

---

[44] Ibid. S. 127.

[45] *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indokrination. Hamburg, 1969. S. 2–3.

рейхсвера к национал-социалистам, освещение интересующих обе стороны вопросов в печати и т. д.

О том, насколько тесными стали отношения между рейхсвером и НСДАП, свидетельствует хотя бы такая деталь. 10 октября 1931 г. Гинденбург принял Гитлера и Геринга как представителей национал-социалистской партии, чтобы обсудить с ними вопрос о составе очередного правительства. Но прежде чем явиться к Гинденбургу, Гитлер нанес визит фон Шлейхеру. По некоторым данным, уже во время этой встречи с Гитлером фон Шлейхер в принципе согласился с необходимостью широкого представительства НСДАП в правительстве. Со своей стороны Гитлер заверил генерала, что штурмовые отряды не будут составлять конкуренции рейхсверу и что в случае прихода нацистов к власти функции рейхсвера останутся прежними [46].

После беседы между Шлейхером и Гитлером улучшение отношений между рейхсвером и национал-социалистами нашло свое выражение в прекращении публичной полемики. Национал-социалистская печать перестала поносить Гренера. Нападки на военное министерство сменились вежливыми советами по поводу того, как «улучшить его деятельность». Соответствующую сдержанность стал проявлять и Гренер. Как раз в это время штурмовые отряды особенно усилили свои бесчинства. Резко возросло число политических убийств. Нацисты громили помещения рабочих клубов, избивали профсоюзных активистов, нападали на рабочие демонстрации и митинги [47]. Тем не менее в своем интервью о политическом насилии, данном как раз в это время, Гренер всячески избегал даже намека на нацистов. Все его атаки были направлены против коммунистов, ставших жертвами нацистского террора [48].

22 октября Гитлер вновь посетил Шлейхера. На этот раз между ними была достигнута договоренность о том, что НСДАП не будет посягать на особую «надпартийную позицию» рейхсвера и что военная политика, устраивающая рейхсвер, не будет изменена и в случае прихода НСДАП к власти. Гитлер вновь заверил руководство рейхсвера в том, что НСДАП намерена прийти к власти «легально», т. е. с согласия рейхсвера.

Примерно в это же время один из ближайших друзей фон Шлейхера, генерал-лейтенант в отставке граф Фридрих фон Шуленбург, вступил в НСДАП и вскоре прочно занял там место среди высших руководителей СА. По некоторым данным, это произошло по прямому указанию военного ведомства, которое, с одной стороны, хотело, чтобы фон Шуленбург, став военным советником Рема, воздействовал бы на него в духе рейхсвера, а с другой — стремилось закрепить тесные узы, связывающие НСДАП и рейхсвер.

---

[46] *Caro K., Oehme W.* Schleichers Aufstieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenrevolution. B., 1933. S. 218 ff.
[47] См., например: Die Rote Fahne, 1931. 18. März.
[48] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 136—137.

Эти узы демонстрировались при каждом удобном случае. Когда правые силы Германии объединились в так называемый Гарцбургский фронт, рейхсвер отнесся к этому весьма благожелательно. На конференцию правых в Бад-Гарцбурге, происходившую в октябре 1931 г., явилось, кроме представителей НСДАП, НННП и «Стального шлема», входивших в коалицию, множество генералов рейхсвера, уже не находившихся на активной службе [49], однако пользующихся влиянием в военном ведомстве. Среди них был и «сам» Сект.

Выражением политики сближения с НСДАП явился приказ военного министра Гренера от 29 января 1932 г., в соответствии с которым, вопреки существовавшему законодательству и традициям, активным членам НСДАП практически разрешалось вступление в рейхсвер. Этот приказ рассматривался в рейхсверовских кругах как подготовка к предстоящему расширению вооруженных сил, которого, как считали в военном ведомстве, канцлеру Брюнингу вскоре удастся добиться от держав-победительниц. В этой связи предполагалось использовать в качестве пополнения «ценные кадры», сконцентрированные в штурмовых отрядах и в других военизированных организациях национал-социалистской партии [50].

Даже консервативный и симпатизирующий рейхсверу Фогельзанг, исследуя эту сторону деятельности военного командования, вынужден писать о «политике умиротворения, которую руководство рейхсвера проводило по отношению к усилившемуся и рвущемуся к власти в государстве младшему партнеру национальной оппозиции» [51]. НСДАП пытались сделать «пригодной для пребывания у власти», — отмечает он в другом месте [52].

В результате этой политики позиции национал-социалистов в коалиции настолько усилились, что руководство рейхсвера, сознательно пошедшее на союз, начало терять свободу действий. Первым признаком этого явилось падение Гренера.

На протяжении многих лет генерал Гренер наряду с Сектом считался бесспорным лидером той части германской военщины, которая сразу же после ноябрьской революции взяла курс на то, чтобы реставрировать старые порядки руками так называемых республиканских партий. Гренер, как уже упоминалось, был ближайшим союзником Эберта в борьбе против революционного авангарда германского рабочего класса во время январско-мартовских боев 1919 г. После событий 1923 г. и краха планов создания Директории он стал главным проводником тактики нового компромисса в «веймарской коалиции». Влияние Шлейхера в значительной степени определялось неограниченным доверием, которое питал к нему Гренер, считавший его своим «приемным сыном».

---

[49] Генералы, находившиеся на активной службе, не имели права посещать политические митинги и собрания.

[50] Rote Fahne. 1932. 26. Febr.

[51] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 156.

[52] Ibid. S. 142.

Гренер нес полную ответственность за политику примирения «враждующих братьев» — НСДАП и рейхсвера. Он санкционировал переговоры, которые вели с нацистскими лидерами фон Шлейхер и фон Хаммерштейн-Экворд. Сам он также неоднократно делал и неофициальные и публичные авансы в адрес нацистов [53].

В то же время Гренер ревностно заботился о том, чтобы в союзе рейхсвер—нацисты последнее слово оставалось за рейхсвером. С этой целью он внимательно следил, чтобы обещание сохранять «легальность», т. е. не прибегать к путчу против существующего государственного аппарата, в том числе рейхсвера, данное нацистским руководством, тщательно соблюдалось.

Тем временем в Германии, в частности в Пруссии, произошли события, в который раз показавшие, что слово, данное нацистским фюрером, ничего не стоит. Весной 1932 г. заговорщическая деятельность НСДАП приобрела такие масштабы, что прусский министр внутренних дел Зеверинг решил принять меры. 17 марта по его распоряжению во многих городах Пруссии были произведены обыски в нацистских организациях. 3, 5 и 8 апреля в социал-демократической и левобуржуазной печати начали публиковаться найденные во время обысков материалы. Из них было видно, что НСДАП не только не отказалась от насильственных методов захвата власти, но и весьма активно готовилась к организации путча. В нацистских организациях были разработаны планы захвата правительственных учреждений. Были составлены списки лиц, подлежащих немедленному аресту, причем в них фигурировали не только коммунисты и социал-демократы. Главная роль в осуществлении захвата власти и проведении арестов, как следовало из документов, отводилась штурмовым отрядам.

Известия о нацистском заговоре вызвали взрыв возмущения в стране. Решительных действий по пресечению заговора потребовали не только организованный рабочий класс, но и некоторые буржуазные политики. Серьезное беспокойство проявили католические организации — партия Центра и баварская народная партия, у которых с НСДАП были свои счеты.

5 апреля 1932 г. была созвана конференция министров внутренних дел немецких земель, на которой был поставлен вопрос о мерах по предотвращению путча. По иронии судьбы возглавлял эту конференцию Гренер, совмещавший в то время пост военного министра с постом министра внутренних дел. Министры земель один за другим потребовали от имперского правительства реальных действий. Гренер долго колебался. Принять решительные меры означало для него нанести удар по своему союзнику — нацистам. В то же время он считал, что Гитлер и его компания заслуживают серьезного щелчка за попытку нарушить свое слово и стать над своим союзником — рейхсвером. В конечном итоге последнее соображение взяло верх.

---

[53] См.: *Groener-Geyer D.* General Groener. Soldat und Staatsmann. Frankfurt a. M., 1955.

8 апреля 1932 г. Гренер разработал проект указа президента о роспуске штурмовых отрядов. 10 апреля этот проект был представлен на утверждение совета министров и одобрен канцлером Брюнингом. Осталось получить подпись президента. И тут произошло нечто, казавшееся невероятным. Рейхсвер поднялся против своего руководителя. Это выразилось прежде всего в «стратегическом» повороте, который немедленно совершил любимец и протеже Гренера фон Шлейхер.

Еще 8 апреля фон Шлейхер поддержал проект Гренера и даже участвовал в его окончательной доработке. Однако уже 9 апреля он высказался против проекта. Явившись к Гренеру, он предложил вместо декрета о роспуске выдвинуть СА ультиматум: реорганизовать свои ряды таким образом, чтобы перестать быть угрозой государству. Это, по мнению фон Шлейхера, принесло бы рейхсверу двойную выгоду. С одной стороны, ему бы удалось, взяв на себя руководство реорганизацией, преобразовать СА в вспомогательную организацию рейхсвера. С другой — это избавляло рейхсвер от «нежелательной» ссоры с национал-социалистами. Гренер отверг предложение Шлейхера, ибо оно, по его мнению, привело бы лишь к тому, что указ не был бы принят и все дело свелось бы к разговорам. Тогда фон Шлейхер впервые за все время сотрудничества с Гренером выступил против него на заседании совета министров.

После того как Брюнинг поддержал Гренера, «приемный сын» последнего усилил свои интриги. На этот раз он решил действовать через президента. Обработка Гинденбурга велась через начальника президентской канцелярии статс-секретаря Майснера и сына президента Оскара фон Гинденбурга. К моменту аудиенции, предоставленной Брюнингу и Гренеру, явившимся за президентской подписью, Гинденбург был уже настроен против указа. Брюнинг и Гренер с трудом выжали из него согласие подписать указ. Однако отношения между ними и президентом оказались серьезно подпорченными.

Но на этом бунт фон Шлейхера против своего патрона не закончился. Вопреки мнению министра шлейхеровский «военный отдел» разослал по частям обзор положения, в котором сообщал, что он «категорически дистанцируется от указа о запрете». После того как стало известно об утверждении указа, в министерство начали звонить один за другим начальники штабов округов, выражавшие в связи с этим свое «глубокое беспокойство» [54].

По свидетельству самого Гренера, новую атаку на него возглавили, кроме фон Шлейхера, генерал фон Хаммерштейн-Экворд, бывший командир 3-й дивизии генерал фон Штюльпнагель, руководитель союза «Кифхойзер» генерал фон Хорн и командир 2-й дивизии фон Бок. От имени этих и других генералов фон Шлейхер заявил Гренеру, что рейхсвер не воспримет равнодушно запрет

---

[54] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 175.

штурмовых отрядов и что единственным результатом указа будет ослабление позиций самого Гренера. Это была уже недвусмысленная угроза в адрес военного министра [55]. Но угрозами дело не ограничилось. В нарушение существовавших порядков фон Шлейхер и фон Хаммерштейн-Экворд составили из секретных материалов военного министерства досье об «антигосударственных» действиях «рейхсбаннера» [56] и подсунули его, в обход министра, Гинденбургу. Это досье должно было продемонстрировать президенту «необъективность» Гренера: недозволенными действиями-де занимаются все полувоенные организации, в том числе и социал-демократы, а Гренер, мол, обрушивает удар только против «националистов». Разъяренный Гинденбург, ненавидевший социал-демократов как «красных», ознакомившись с досье, написал резкое письмо Гренеру, требуя от него «равного отношения ко всем союзам» [57].

Гренер был уже не рад, что связался с указом. Но отступление ни для него, ни для Брюнинга уже было невозможным. Они заставили президента скрепить указ своей подписью и должны были либо отстаивать свои действия, либо уйти в отставку.

Тем временем на Гренера начали концентрированную атаку и национал-социалисты, и немецкие националисты, и все остальные правые. Эта кампания еще больше ослабила его позиции. Однако решающий удар по нему нанес опять же фон Шлейхер и стоявшие за ним генералы.

11 мая 1932 г. фон Шлейхер заявил, что он и многие генералы уйдут в отставку, «если Гренер не удалится». После длительных переговоров было принято компромиссное решение, что Гренер уйдет в отставку с поста военного министра, но оставит за собой министерство внутренних дел. Однако уже тогда было очевидно, что это лишь небольшая оттяжка окончательного решения. Судьба Гренера, а вместе с ним и всего кабинета Брюнинга была решена.

Бюро имперского президента в своем обзоре излагало ход событий следующим образом: во время приема у Гинденбурга фон Шлейхер и фон Хаммерштейн-Экворд официально заверили президента, что офицерский корпус и солдаты потеряли доверие к Гренеру. После этого Гинденбург принял решение о необходимости для Гренера подать в отставку [58].

На протяжении всего этого времени фон Шлейхер и его окружение поддерживали постоянную связь с нацистами. Через Рема, который прибыл 14 апреля в Берлин и имел краткую встречу с фон Шлейхером, последний дал знать нацистскому руководству о своем недовольстве указом о запрете СА. 28 апреля Шлейхер принял

---

55 См.: *Phelps R. H.* Aus den Gröner-Dokumenten // Deutsche Rundschau, 1951. S. 23.

56 Полувоенная организация, стоявшая на позициях защиты Веймарской республики и находившаяся под большим влиянием социал-демократии.

57 *Vogelsang T.* Op. cit. S. 178.

58 Ibid. S. 462.

Гитлера. Беседа между ними, как отмечал в своих записках Геббельс, прошла успешно. Обсуждался вопрос об условиях привлечения НСДАП к власти [59].

7 мая состоялась еще одна беседа. Она была организована с ведома канцелярии президента и должна была послужить своеобразной подготовкой к встрече Гитлера с Гинденбургом. Фон Шлейхер интересовался, при каких условиях НСДАП проявит терпимое отношение к новому президентскому кабинету. Гитлер поставил такое отношение в зависимость от роспуска рейхстага, предоставления НСДАП полной свободы на выборах и отмены указа о роспуске штурмовых отрядов.

Но и помимо этих встреч, как свидетельствует Геббельс, посланники фон Шлейхера постоянно держали нацистское руководство в курсе всех деталей развития кризиса, приведшего к падению второго кабинета Брюнинга [60]. В свою очередь нацисты всячески демонстрировали свое уважение к фон Шлейхеру. В то время как Гренер подвергался всяческим оскорблениям, на критику фон Шлейхера было наложено своеобразное табу. Когда гамбургская нацистская газета допустила недружественные выпады в адрес генерала, ее главный редактор был исключен из НСДАП, о чем немедленно было сообщено Шлейхеру [61].

Вся эта история свидетельствовала уже не только о далеко зашедшем сближении рейхсвера с нацистами. Она отражала начавшее меняться соотношение сил в этом союзе. Если в 1930 г. НСДАП была больше, чем рейхсвер, заинтересована в союзе с ним и поэтому готова была идти ему на уступки во имя создания фашистско-милитаристского блока, то в 1932 г. ситуация была уже иной. Во имя сохранения союза рейхсвер не только был готов на уступки, но даже жертвовал своими людьми, если они были неприемлемы для нацистов. В этом-то и состояла главная причина краха политической карьеры Гренера. В официальном бюллетене, выпускаемом шлейхеровским военным отделом, на нее намекалось достаточно откровенно. Падение кабинета Брюнинга (вызванное отставкой Гренера. — *А. Г.*), говорилось в нем, явилось результатом длительного развития событий, в частности его неспособностью «ослабить напряженность в стране» и «шаг за шагом привлечь НСДАП к сотрудничеству с государством» [62].

Впоследствии судьба Гренера была уготована многим генералам. И первым, кого она постигла, был сам фон Шлейхер. Однако в тот момент ему казалось, что он выиграл решающую битву. В кабинете Папена, сформированном 2 июня 1932 г., фон Шлейхер стал не только преемником Гренера на посту военного министра, но и наиболее «сильным человеком», от позиции которого в решаю-

---

[59] Goebbels J: vom Kaisershof zur Reichskanzlei. München, 1934, S. 80 ff.
[60] Ibid.
[61] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 196.
[62] Fotokopie im Archiv des Instituts für Zeitgeschichte. F-41. Bd. 1. Цит. по: *Vogelsang T.* Op. cit. S. 203.

щей степени зависела позиция всего кабинета [63]. На освободившуюся должность начальника военного отдела он назначил своего ближайшего сотрудника генерал-майора фон Бредова. Вместе с фон Бредовым и фон Хаммерштейном-Эквордом, поддерживавшим фон Шлейхера, он, казалось, осуществлял абсолютный контроль над вооруженными силами и тем самым держал в своих руках ключевые позиции в государстве. И в этом качестве он начал новый поход за привлечение нацистов к управлению государством.

Западногерманский историк Фогельзанг, о котором уже шла речь выше, оценивает первые шаги правительства Папена, и в частности фон Шлейхера как военного министра, следующим образом: «Став лояльным партнером НСДАП, стремящимся к выполнению взятых на себя обязательств, он (Шлейхер. — *А. Г.*) взял курс на осуществление предварительных уступок НСДАП» [64].

14 июня 1932 г. был отменен президентский указ о запрещении СА и СС. 22 июня 1932 г. на конференции министров внутренних дел земель новый имперский министр внутренних дел Гайль по поручению Папена (за спиной которого стоял фон Шлейхер) категорически заявил, что национал-социалисты, чувствовавшие себя прежде гражданами второго сорта, не должны впредь рассматриваться как враги государства, и потребовал, чтобы мероприятия, проводимые землями, были приспособлены к требованиям имперской политики. Это означало, что новое правительство намерено добиться отмены ограничений для НСДАП, введенных в отдельных землях [65].

Прямое отношение к политике приобщения нацистов к государственной власти имел и осуществленный Папеном 20 июля 1932 г. разгон прусского правительства. Национал-социалисты и все крайне правые давно точили зубы на прусскую полицию, возглавляемую Зеверингом. Эта полиция не раз наносила удары по революционным силам Германии. Но крайне правых она тоже не устраивала, ибо, при всей своей терпимости к их бесчинствам, все же в ряде случаев связывала им руки. Особенно стали неистовствовать нацисты после мартовской полицейской акции, разоблачившей путчистские планы НСДАП. С этого момента захват ключевых позиций в прусской полиции стал рассматриваться крайне правыми в качестве одного из важнейших условий овладения властью в государстве.

Распустив в нарушение конституции прусское правительство, Папен тем самым открыл путь к осуществлению этой цели. Но сделать это он сумел только благодаря энергичной поддержке рейхсвера. Опасаясь сопротивления со стороны Зеверинга, Папен

---

[63] К Папену фон Шлейхер относился пренебрежительно. «Это — кавалерист-любитель, — говорил своим друзьям генерал. — Но он делает то, что ему говорят» (Из неопубликованных записок генерала Винценца Мюллера. Цит. по: *Schutzle K.* Op. cit. S. 159).

[64] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 234.

[65] *Severing C.* Mein Lebensweg. Köln, 1950. Bd. 2. S. 340.

добился у президента указа об объявлении чрезвычайного положения в Большом Берлине и в Бранденбурге. Опираясь на этот указ, фон Шлейхер передал функции исполнительной власти командующему войсками III и IV военных округов генерал-лейтенанту фон Рундштедту. Тем самым ему автоматически стала подчиняться полиция безопасности. Все смещения, произведенные в связи с разгоном правительства, были произведены при содействии войск рейхсвера.

Правда, эти меры предосторожности оказались излишними. Социал-демократические министры и не помышляли о сопротивлении. Не встала на защиту своего создателя и многотысячная прусская полиция. Но в данном случае важно не это, а роль в перевороте рейхсвера.

Под эгидой Шлейхера осуществлялось и непосредственное сближение отрядов СА и частей рейхсвера. Правда, командование рейхсвера, опасаясь чрезмерного усердия нацистов, отвергнуло выдвинутое руководством СА предложение о передаче штурмовым отрядам рейхсверовского оружия и о координации действий по подавлению левых. В инструктивном письме высшим военным руководителям от 5 августа 1932 г. фон Бредов писал: «Передавать СА оружие и оснащение не следует. Не предполагается устанавливать сотрудничество между войсками и СА для подавления внутренних волнений. Армия не нуждается в какой-либо поддержке союзов. Средства, которыми обладает государство, вполне достаточны, чтобы положить конец беззаконным действиям, с чьей бы стороны они ни исходили. Однако следует приветствовать контакты, которые способствуют укреплению патриотических и воинственных настроений в национал-социалистском движении» [66].

Это письмо вновь отражает ту дилемму, с которой столкнулось при проведении своей милитаристской реакционной политики руководство рейхсвера, — дилемму, при решении которой сломал себе шею Гренер: как, используя нацистов в качестве ударной силы, не дать им укрепиться за счет рейхсвера.

Несмотря на то, что эта дилемма встала еще острее и перед новым хозяином рейхсвера, фон Шлейхер был первым министром, который после выборов в рейхстаг 31 июля 1932 г. вступил в переговоры с Гитлером. 5 августа между ними состоялась очередная встреча. Ободренный новым успехом, Гитлер выдвинул следующие условия участия национал-социалистов в правительстве: а) предоставление лично ему поста канцлера; б) передача национал-социалистам портфелей министров внутренних дел, народного просвещения, сельского хозяйства, авиации и юстиции [67]. Фон Шлейхер в принципе согласился с требованиями нацистского фюрера. Им были сняты даже возражения против канцлерства Гитлера, с которыми он выступал прежде. Более того, после этой

[66] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 324.
[67] *Wheeler-Bennet J. W.* Op. cit. S. 279.

встречи фон Шлейхер посетил Гинденбурга и усиленно уговаривал его назначить Гитлера канцлером. 10 августа, явно под влиянием беседы фон Шлейхера с Гитлером, Папен в беседе с Гинденбургом выразил готовность в случае, если президент этого пожелает, уступить место Гитлеру.

После предварительных переговоров на 13 августа 1932 г. была назначена встреча Гинденбурга и Гитлера, которой в нацистских кругах придавали большое значение. Предполагалось, что в результате обработки со стороны фон Шлейхера Гинденбург предложит Гитлеру сформировать кабинет на его условиях. Фон Шлейхер займет в этом кабинете пост военного министра, закрепив тем самым тесный союз, установившийся между рейхсвером и НСДАП.

Однако визиты, нанесенные утром 13 августа Гитлером и Ремом сначала фон Шлейхеру, а затем Папену, глубоко разочаровали нацистских лидеров. Фон Шлейхер предупредил Гитлера, что дела идут не так гладко, как предполагалось, и что у Гинденбурга имеются сомнения. Папен высказался еще более ясно, предложив Гитлеру занять пост вице-канцлера в возглавляемом им кабинете. Было очевидно, что в правящей верхушке еще не преодолены разногласия о степени и формах допуска национал-социалистов к власти. Беседа с президентом подтвердила это впечатление. Гинденбург, правда, не исключил возможности возвратиться к вопросу о канцлерстве Гитлера позже, однако так и не произнес решающего слова [68].

Провал надежд на быстрый приход к власти усилил кризисные явления в национал-социалистской партии. Часть нацистских руководителей стала критиковать самого Гитлера за то, что, «увлекшись парламентскими комбинациями», он «ослабил боевую силу» партии. Гнев разочарованных национал-социалистов был обрушен и на фон Шлейхера. Его обвиняли в нечестной игре, в попытке использовать влияние НСДАП в своих корыстных целях. Утверждали, что фон Шлейхер обвел вокруг пальца Рема, выступавшего в качестве главного посредника между рейхсвером и Гитлером. Ухудшились и личные отношения между фон Шлейхером и Гитлером.

В этих условиях, пытаясь найти выход, который бы устроил и его лично и рейхсвер, фон Шлейхер начинает играть на разногласиях между национал-социалистами. С одной стороны, он стремится привлечь к сотрудничеству «радикальное» крыло в НСДАП, возглавляемое Грегором Штрассером. С другой — он не порывает окончательно с Гитлером. После переговоров Гинденбурга с фюрером 21 ноября 1932 г. с разрешения президента фон Шлейхер вновь встречается с нацистским главарем и пытается наладить с ним отношения. Но Гитлер ведет

[68] См.: *Bracher K.-D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart; Düsseldorf, 1957. S. 616; *Papen F. von.* Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952. S. 225.

себя очень резко. В частности, он заявляет, что запретит любому члену НСДАП участвовать в правительстве, руководимом другим человеком. Фон Шлейхер, напротив, проявляет максимальную уступчивость. Он подтверждает данное им согласие поддержать кандидатуру Гитлера на пост канцлера, а самому войти в его кабинет в качестве военного министра. Эту позицию он занимает и на заседании совета министров 25 ноября 1932 г. «Такой человек, как Гитлер, — заявляет он своим коллегам, — может представлять собой огромный выигрыш для президентского кабинета» [69].

Тем не менее вариант с Грегором Штрассером начинает приобретать в политической игре фон Шлейхера все большее значение. Когда не без участия того же фон Шлейхера кабинет Папена терпит крушение и генералу предлагают стать канцлером, он в первую очередь вспоминает о Штрассере. На следующий же день после своего назначения он предлагает ему занять в кабинете пост вице-канцлера [70]. Штрассер, подчиняясь приказу Гитлера, отклоняет это предложение. Однако на совещании нацистских руководителей, состоявшемся 5 декабря в отеле Кайзерсхоф, он призывает своих коллег проявить выдержку и терпимо отнестись к фон Шлейхеру [71].

Ставка на Штрассера оказалась, однако, ошибкой, стоившей фон Шлейхеру и поста канцлера и в конечном итоге — жизни. Штрассер оказался не той фигурой, опираясь на которую можно было расколоть национал-социалистскую партию. Занимая пост руководителя НСДАП по организационным вопросам, он формально был одним из главных заправил партии. Однако вся реальная власть в НСДАП находилась в руках Гитлера. Как только Штрассер пошел на прямой конфликт с Гитлером, он оказался изолированным. Не помогли ему ни слава «старого борца», ни популярность некоторых из его «радикальных», «антикапиталистических» лозунгов.

Имелось, однако, еще одно весьма важное обстоятельство. Грегор Штрассер был неприемлем для наиболее влиятельных фракций монополистической буржуазии. В нем она видела олицетворение тех черт, от которых хотела «очистить» НСДАП. Разрыв со Штрассером, как уже указывалось в другой связи, явился одним из условий допуска Гитлера к власти, выдвигавшимся монополистической буржуазией. И вот этого-то самого Штрассера фон Шлейхер хотел видеть вице-канцлером.

В то же время, сделав ставку на Штрассера и тем самым на раскол НСДАП, фон Шлейхер навлек на себя ненависть национал-социалистского руководства. Поскольку оно полностью сохраняло контроль над партией, создалась такая ситуация, когда

[69] Bundesarchiv Koblenz. Reichskanzlei. R. 431. Bd. 1458; *Vogelsang T.* Op. cit. S. 323.
[70] *Strasser O.* Die deutsche Bartholomäusnacht. Prag; Zürich; Brüssel, 1938. S. 42 ff.
[71] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 341.

Шлейхер превратился в препятствие для дальнейшего «гармоничного» сотрудничества между НСДАП и рейхсвером. Но рейхсверовские генералы хотели этого сотрудничества во что бы то ни стало. И поскольку на этом пути стоял фон Шлейхер, они решили отдать и его на съедение. Таким образом, ему была уготована судьба Гренера.

К середине января 1933 г. в промышленных кругах было достигнуто окончательное решение о безоговорочной передаче власти Гитлеру. Однако фон Шлейхер на посту канцлера олицетворял власть рейхсвера, представлявшего в тех условиях важнейшую внутриполитическую силу. Если бы рейхсвер решительно поддержал своего руководителя, то вариант с канцлерством Гитлера осуществить было бы не так-то просто. Процесс фашизации Германии мог бы принять форму военной диктатуры, в которой нацистам была бы отведена примерно такая же роль, как, например, фалангистам в Испании.

Но рейхсвер нанес удар фон Шлейхеру в спину. В последнюю неделю января Гинденбурга, тайком от канцлера, посетил командующий I военным округом (Восточная Пруссия) генерал-лейтенант фон Бломберг. От имени рейхсвера Бломберг высказался за национальный фронт под эгидой Гитлера и против взглядов фон Шлейхера [72]. Это в значительной степени и предопределило решение Гинденбурга. Когда фон Шлейхер явился к президенту за полномочиями на роспуск парламента, который, как это было очевидно, не поддержит его правительство, Гинденбург отказал в этом своему недавнему любимцу. Рейхсканцлеру было открыто сказано, что после того, как ему не удалось достигнуть взаимопонимания с НСДАП, его пребывание на прежнем посту нежелательно [73]. После этого фон Шлейхеру не оставалось ничего иного, как подать в отставку.

Не знавшие всей подоплеки событий, фон Шлейхер и его окружение полагали, что речь пойдет лишь о новой перетасовке карт в рамках коалиции рейхсвер—нацисты. Фон Шлейхер все еще считал себя полномочным представителем рейхсвера и единственно возможным кандидатом на пост военного министра, какой бы канцлер ни был назначен. Вручая 28 января президенту свое прошение об отставке, он, не имея представления о том, что все уже предрешено, советовал Гинденбургу не создавать нового правительства Папена—Гугенберга, ибо это вызовет «государственный кризис». Гораздо лучше, утверждал фон Шлейхер, назначить канцлером Гитлера. Генерал просил лишь о том, чтобы гитлеровской партии не передавали военного министерства, ибо это создало бы «огромную опасность для рейхсвера» [74].

За два дня до этого об этом же с Гинденбургом говорил прия-

[72] *Meissner O.* Staatssekrätär unter Ebert—Hindenburg—Hitler. Hamburg, 1950. S. 266.

[73] DZA. Potsdam. Büro des Reichspräsidenten. N 47. Bl. 572—573.

[74] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 382—383.

тель Шлейхера фон Хаммерштейн-Экворд. По поводу содержания этой беседы единой точки зрения не существует. Однако большинство историков, как зарубежных, так и советских, считают, что при встрече с Гинденбургом фон Хаммерштейн-Экворд занимал ту же позицию, что и фон Шлейхер [75]. Прежде всего он пытался спасти кабинет своего шефа. Когда же стало очевидно, что сделать это не удастся, он резко высказался против того, чтобы новое правительство формировал крайне непопулярный Папен. В сложившейся ситуации это означало, что, по мнению рейхсвера, канцлером должен стать Гитлер. Об этом свидетельствовала и реакция Гинденбурга. Он резко прервал генерала, сказав, что назначение канцлера — не его дело. В то же время, по свидетельству самого фон Хаммерштейн-Экворда, он заявил, что никогда не сделает «этого богемского ефрейтора ни канцлером, ни военным министром» [76].

Во всяком случае, фон Шлейхер и фон Хаммерштейн-Экворд были уверены, что портфель военного министра все равно останется за экс-канцлером. Еще 29 января в кабинете командующего войсками рейхсвера состоялось совещание сторонников фон Шлейхера, на котором присутствовали сам фон Шлейхер, фон Хаммерштейн-Экворд, генерал Бусше и генерал фон Бредов. Фон Шлейхер и фон Хаммерштейн-Экворд высказались за кандидатуру Гитлера как единственную возможность решения правительственного кризиса. Бусше возражал, но потом снял свои возражения. Практически было принято решение выступить в поддержку гитлеровского варианта с расчетом, что в качестве военного министра в кабинет войдет фон Шлейхер.

В тот же день фон Хаммерштейн-Экворд, с согласия фон Шлейхера, посетил Гитлера и спросил его, считает ли он серьезными переговоры с президентом о передаче ему, Гитлеру, власти. В противном случае, подчеркнул фон Хаммерштейн-Экворд, он со своей стороны готов «еще раз оказать воздействие на ход дела». Гитлер обещал информировать генерала. На вопрос фон Хаммерштейн-Экворда, согласен ли фюрер на кандидатуру фон Шлейхера в качестве военного министра, Гитлер ответил положительно [77].

Вечером того же дня в ставку нацистов, размещавшуюся в то время в квартире Геббельса, явился посланник фон Шлейхера Альвенслебен и вновь предложил Гитлеру союз рейхсвера с НСДАП, который был бы закреплен в форме вхождения генерала в фашистский кабинет. В этом случае, намекал Альвенслебен, можно было бы оказать еще один совместный нажим на Гинденбурга в пользу кандидатуры Гитлера.

Однако на этот раз посланник фон Шлейхера был встречен весьма холодно. В нацистской ставке знали уже то, что было пока неизвестно ни бывшему канцлеру, ни его сторонникам. Согласие

[75] Die Vollmacht des Gewissens. München, 1956. S. 196.
[76] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 378—379.
[77] Ibid. S. 393.

на формирование кабинета Гитлером было уже получено. При этом имя фон Шлейхера как кандидата в военные министры вообще не фигурировало. Не назывался и никто из его ближайшего окружения. Речь первоначально шла о генерале Иохиме фон Штульпнагеле. Гинденбург отверг это предложение, сочтя генерала слишком строптивым. Папен предложил кандидатуру близкого к нему фон Фрича. Но Гинденбург остановился на знакомом ему фон Бломберге — том самом командующем восточнопрусским военным округом, который немногим ранее от имени рейхсвера нанес удар в спину своему высшему военному руководителю.

Фон Шлейхер вынужден был уйти с политической сцены. Его судьбу, естественно, разделили и его ближайшие сторонники. Покинул активную военную службу фон Бредов. Были сняты со своих постов начальник войскового отдела (генерального штаба) генерал-майор Адам и начальник управления кадров военного министерства генерал Бусше. Недолго командовал войсками рейхсвера и фон Хаммерштейн-Экворд. Вскоре он был заменен на этом посту генералом фон Фричем [78].

Защитники германской военщины, описывая эти события, рассуждают обычно о «трагедии рейхсвера». Тот же Фогельзанг видит «беду» его руководителей в том, что их поставило в затруднительное положение «благожелательное отношение нацистов» к задачам обороны страны. Кроме того, утверждает он, им «связало руки» обещание Гитлера соблюдать легальность, которого он-де затем пунктуально придерживался. Наконец, борьба против усиления нацистов требовала «нарушения законности». Но рейхсвер «не мог пойти на это». Отсюда неизбежность действий, направленных на приручение фашистских лидеров, откол от НСДАП отдельных групп и т. д.[79] Но исторические факты опровергают эти домыслы.

Гораздо ближе к истине был Раушнинг, задававший в связи с позицией руководителей рейхсвера следующие вопросы: «Понимало ли военное руководство вообще, к чему приведет общее политическое развитие Германии и куда ведут ее национал-социалисты? Если они не одобряли этого развития, то почему они допустили его? Быть может, они обманулись вначале и слишком поздно поняли истинный характер национал-социализма, чтобы иметь возможность противостоять ему? Или, быть может, следует поставить вопрос наоборот — не является ли сама армия источником и причиной подобного развития?» [80]

Последний вопрос и является, по сути дела, самым лучшим и самым правильным ответом.

---

[78] *Schützle K.* Op. cit. S. 212.
[79] *Vogelsang T.* Op. cit. S. 401—402.
[80] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich; N. Y., 1938. S. 210.

Новый состав генералов, пришедших к руководству после захвата власти нацистами, был еще ближе к НСДАП, чем фон Шлейхер и его окружение. Если фон Шлейхер рассматривал себя как представителя независимой силы и позволял себе торговаться с Гитлером, то фон Бломберг и Фриче объявили себя «убежденными» национал-социалистами и верными последователями фюрера. Интриги, которые они вели в это время, были уже интригами не против НСДАП, а в ее рамках, внутрипартийно-ведомственными интригами. Проблема взаимоотношений национал-социализма и рейхсвера практически исчезла. Вместо нее возникла проблема взаимоотношений внутри нацистской машины — между ее отдельными частями: партийным, государственным и военным аппаратом [81].

Нацистский режим устраивал рейхсвер во всех отношениях. Генералам, как и промышленникам, очень импонировало, что это был режим «твердой руки», положивший конец неопределенности и растерянности, царившей в правящих кругах Германии. Как и промышленники, генералы горячо приветствовали решительное использование нацистами аппарата насилия против революционных сил немецкого рабочего класса. Все это полностью соответствовало их представлениям об «идеальном строе», отвечающем традициям «германского духа», к созданию которого они стремились, подрывая основы Веймарской республики.

Особенно отвечали устремлениям генералов планы национал-социалистов во внешнеполитической области. Это была та самая программа, осуществление которой германские милитаристы добивались с первых же дней окончания мировой войны 1914—1918 гг. Нацисты собирались освободиться от пут Версальского договора, и прежде всего покончить с военными ограничениями. Того же хотели и генералы. НСДАП выдвинула в качестве первоочередной задачи создание массовой армии. Этого же упорно добивались генералы от всех предыдущих правительств. Гитлер обещал проводить политику внешнеполитической экспансии. Это предвещало крупные военные ассигнования, новые возможности выдвижения — чины, ордена, славу.

Практическая деятельность гитлеровского правительства показала, что в военной области оно намерено выполнить свои обещания. С момента прихода Гитлера к власти началась форсированная военизация Германии. 16 марта 1935 г. правительство Германии объявило об отказе от военных постановлений Версальского договора. Новый военный закон, принятый правительством, предусматривал введение в стране всеобщей воинской повинности и развертывание 100-тысячного рейхсвера в вермахт, насчи-

---

[81] См: *Müller K.-J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime, 1933—1940. Stuttgart, 1969.

тывающий 36 дивизий, объединенных в 12 корпусов. В марте—мае того же года была принята новая структура вооруженных сил Германии. Согласно этой структуре вермахт подразделялся на три рода войск: сухопутную армию, флот и военно-воздушные силы. В сухопутных силах воссоздавался генеральный штаб.

Все это открывало головокружительные перспективы как перед генеральским, так и перед офицерским составом бывшего рейхсвера. Развертывание вооруженных сил создавало резкую нехватку подготовленных командных кадров. В этих условиях опытные офицеры ценились на вес золота. Повышения и выдвижения происходили непрерывно. Засидевшиеся в чинах в веймарские времена майоры и капитаны совершали головокружительную карьеру, становясь за год-два генералами. Их признательность Гитлеру, который совершил для них это «чудо», нетрудно себе представить. Соответственно командный состав вооруженных сил, и так уже давно идейно близкий национал-социализму, оказался насквозь проникнутым нацистским духом.

Впоследствии, говоря о позиции германских вооруженных сил в первые годы гитлеровского режима, фон Бломберг признавал: «Немецкие генералы не были настроены против Гитлера. Ведь он обеспечил им успехи, которых они желали» [82]. Значение этого признания тем более велико, что сделано оно было в 1945 г., в письменном свидетельском показании, рассчитанном на то, чтобы обелить командование рейхсвера, доказать, что оно не несет ответственности за преступления нацистского режима.

Разумеется, с приходом Гитлера к власти возникли и обстоятельства, вызывавшие у генералов тревогу. Больше всего их беспокоили амбиции руководителя штурмовых отрядов Рема и его окружения.

Выше уже говорилось, что часть милитаристских сил, оказавшаяся вне пределов рейхсвера и осуждавшая тактику приспособления к «веймарскому режиму», с самого начала тяготела к военизированным организациям НСДАП, считая, что именно через них лежит путь к возвращению в «возрожденные» вооруженные силы. С течением времени НСДАП, и прежде всего ее штурмовые отряды, стали главным средоточием этой части милитаристских сил Германии. Чем более массовой становились СА, тем больше требовалось для них командного состава. Бывшие офицеры охотно назначались на руководящие посты и быстро продвигались по иерархической лестнице: к моменту прихода нацистов к власти бывшие лейтенанты и капитаны кайзеровского войска, не имевшие на протяжении полутора десятков лет никакого отношения к военной службе, стали штандартенфюрерами, группенфюрерами и обергруппенфюрерами СА, что, по нацистским меркам, должно было соответствовать армейским званиям полковника, генерал-майора и генерал-лейтенанта.

[82] Цит. по: *Dulles A.* Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1949. S. 55.

Но все это была работа на «общественных» началах. И чины СА тоже имели всего лишь символическое значение. Поэтому после прихода Гитлера к власти из кругов СА все громче стали раздаваться призывы к созданию новой армии не на базе рейхсвера, а на базе штурмовых отрядов с использованием офицерского и рядового состава рейхсвера. Именно в этом и состоял смысл лозунга о создании «народного войска», который был выдвинут Ремом.

Естественно, что одна только мысль о возможности реализации этого плана выводила генералов из равновесия. Энергично выступая против этой идеи, они выдвигали соображения, якобы продиктованные «национальными» и «государственными» интересами: утверждали, что командный состав СА несостоятелен в военном отношении, что он не имеет опыта, что его моральный уровень ниже всякой критики. «Перевооружение было слишком серьезным и сложным делом, чтобы можно было терпеть участие в нем воров, пьяниц и гомосексуалистов», — заявил в связи с этим будущий генерал-фельдмаршал фон Браухич [83].

В действительности решающую роль в сопротивлении, оказанном генералами, играли иные, более корыстные соображения. Осуществление лозунга «народного войска» означало бы потерю генералитетом своих особых позиций, на которые он претендовал даже в рамках нацистского государства. В «народном войске» все лучшие посты достались бы командирам штурмовых отрядов, которые бы тем самым пожали главные плоды политики наращивания военного потенциала. Кроме того, ситуация, при которой выскочки и самозванцы из штурмовых отрядов будут заправлять «народным войском», претила сословному чувству германских генералов, привыкших быть в армии «среди своих». И только после этих следовали соображения делового порядка: некомпетентность руководителей штурмовых отрядов в военных вопросах действительно была вопиющей [84].

Однако напряженность в отношениях между руководством рейхсвера и СА возникла далеко не сразу после установления нацистского режима. На первых порах между обеими фракциями германского милитаризма существовало самое тесное сотрудничество. Насколько далеко оно заходило, видно хотя бы из того, что осенью 1933 г. командование штурмовых отрядов предложило военному министерству договориться о совместных действиях, которые бы исключили возможность вмешательства в военные дела «политических учреждений НСДАП» [85].

Еще в марте 1934 г. подписанная Ремом служебная инструкция предписывала низовым органам СА подчиняться всем указа-

---

[83] *Wheeler-Bennet J. W.* Op. cit. S. 333.

[84] См.: *Man H.* Die Zweite Revolution. 30 Juni 1934 // Viertelj ahreshefte für Zeitgeschichte. 1953. S. 125 ff.

[85] Сообщение канцлера военному министру от 8 сентября 1933 г. // Deutsches Militärarchiv. Infanterie Führer. 2. Abteilung 1a pol / 3. S. 5 (далее: DMA).

ниям военного министра, касающимся вопросов обороны страны и проведения необходимых для этого мероприятий [86].

Спустя примерно месяц военное министерство разработало проект организации длительного сотрудничества между вооруженными силами и штурмовыми отрядами. Согласно этому проекту, в функции вермахта должны были входить военная подготовка, организация обороны, проведение мобилизации и осуществление руководства военными действиями. В свою очередь СА должно было взять на себя проведение допризывной подготовки, военное обучение граждан, не призванных в армию, а также спортивную и военную подготовку лиц, отбывших действительную службу [87]. Характерно в то же время, что в вопросе о назначении на командные должности в вермахте членов СА решающее слово должно было принадлежать военному командованию [88].

И только после того как руководство СА отвергло эти претензии генералов и еще активнее развернуло кампанию за создание «народного войска», фон Бломберг и фон Фрич вмешались в сложную интригу, назревавшую тогда в недрах национал-социалистской партии.

Последовавшие за этим события иногда рассматривают лишь как столкновение между штурмовыми отрядами и генералитетом, в котором Гитлер взял сторону генералитета. В действительности дело обстояло гораздо сложнее. Прежде всего раскол назрел в самой верхушке национал-социалистской партии. Как уже отмечалось в другой связи, Геринг и Геббельс, весьма ревниво относившиеся к укреплению позиций Рема, давно настраивали против него Гитлера. Самого нацистского фюрера не могли не волновать призывы к «второй революции», исходившие от штурмовых отрядов. В конечном итоге это были призывы к «революции» против него — Гитлера, «революции», которая могла превратить в вождя Рема. Одновременно, как уже говорилось, был оказан сильный нажим со стороны промышленников. К этому еще прибавились настойчивые представления генералов.

В благожелательном отношении последних к нему лично Гитлер был в это время особенно заинтересован. Гинденбург находился при смерти. Тем самым вставал вопрос о его преемнике. Было известно, что престарелый фельдмаршал мечтал о восстановлении монархии. Речь об этом вполне могла идти и в его завещании. Если бы генералы, также издавна склонявшиеся к идее реставрации монархии, поддержали бы ее, для Гитлера возникли бы дополнительные затруднения.

В этих условиях Гитлер решил продать генералам подороже свое согласие на расправу с Ремом, которую он, вероятно, осуществил бы и без того. В апреле 1934 г. во время военно-морских маневров на броненосце «Дойчланд» между Гитлером и фон Блом-

---

[86] Ibid. S. 10.
[87] Ibid. S. 2.
[88] Ibid. S. 6.

бергом был заключен своеобразный пакт о взаимной помощи. Фон Бломберг от имени генералов обещал фюреру поддержку его кандидатуры в президенты после смерти Гинденбурга. Гитлер, в свою очередь, взял на себя обязательство раз и навсегда покончить с Ремом [89].

То, что событиям 30 июня 1934 г. предшествовало заключение союза между фюрером и генералами, признавал впоследствии и сам Гитлер. В 1938 г., беседуя с фон Фричем, он многозначительно напомнил: «Я размышлял о том, в чью же пользу принять решение, и предпочел встать на сторону вермахта» [90].

О действительных целях, которых добивался генералитет в борьбе со штурмовыми отрядами, свидетельствовал и выбор им союзника. Этим союзником стал Гиммлер и его эсэсовская «гвардия». Армия и отряды СС и составили ту реальную силу, которая позволила Гитлеру, после того как он принял решение, быстро и энергично покончить со своими недавними друзьями и сподвижниками.

Решение о сотрудничестве рейхсвера и СС было достигнуто во время переговоров, состоявшихся накануне 30 июня, между генералом фон Райхенау, занявшим пост фон Бредова, и Гиммлером. В соответствии с договоренностью между ними ближайший доверенный Гиммлера Гейдрих дал местным эсэсовским руководителям команду немедленно поднять войска СС по тревоге и установить контакты с командующими военными округами [91]. В свою очередь, еще за несколько дней до решающих событий генерал фон Фрич, ссылаясь на возможность нападения штурмовиков на воинские части, предложил некоторым командующим округами незаметно привести войска в состояние боевой готовности [92].

О том, насколько тесным было сотрудничество между СС и рейхсвером в это время, свидетельствует следующая характерная деталь. Охранный батальон СС под командованием Зеппа Дитриха [93], сыгравший решающую роль в резне 30 июня, был переброшен в Виззее, где были собраны и уничтожены руководители штурмовиков, на автотранспорте воинских частей.

В ходе массовых убийств были «ликвидированы» генералы фон Шлейхер и фон Бредов, которым нацистская верхушка так и не простила двойственной позиции, занятой во второй половине 1932 г. Казалось бы, расправа над двумя видными представителями германского генералитета, недавно занимавшими виднейшее положение в рейхсвере, должна была всполошить генералов. В их судьбе военные приспешники нацизма должны были бы увидеть будущее, которое их самих ожидает. Но фон Шлейхер и фон Бредов были хладнокровно списаны со счета. Слишком много крови и грязи свя-

---

[89] *Wheeler-Bennet J.* Op. cit. S. 334.

[90] Kielmansegg. Der Fritsch-Prozess. Hamburg, 1949. S. 135 ff.

[91] *Buchheit G.* Soldaten und Rebellion. Rastatt, 1961. S. 30.

[92] Ibid.

[93] Впоследствии оберстгруппенфюрер, командующий танковой армией.

зывало воедино Гитлера и генералов, чтобы еще две человеческие жизни могли омрачить их «идиллическое» единство.

«Во имя положения единственной вооруженной силы, во имя перспективы превращения в мощную, хорошо оснащенную армию рейхсвер молчал перед лицом преступления», — нехотя констатирует симпатизирующий рейхсверу западногерманский историк Герд Буххайт [94].

Но генералы не просто молчали. Они всячески демонстрировали поддержку режима. 23 июля фон Бломберг на заседании имперского кабинета полностью одобрил действия Гитлера, заявив, что тот «действовал как государственный деятель и солдат». По предложению фон Бломберга расправа 30 июня была определена как «действия по защите государства» [95]. 5 июля 1934 г., выступая перед генералитетом, фон Бломберг закончил свою речь, посвященную событиям 30 июня, следующими словами: «Гитлер сделал так много в интересах германской армии, что ее долг отблагодарить его еще большей верностью и преданностью». Этот призыв военного министра был встречен всеобщим одобрением.

Но дело не ограничилось словесным одобрением. Когда 1 августа 1934 г. стало известно, что смерть Гинденбурга ожидается с минуты на минуту, генералитет поспешил выполнить свое обещание. Генерал Рейхенау немедленно составил текст новой присяги, принципиально отличавшейся от прежней. Если раньше войска клялись в верности государству и конституции, то, согласно проекту Рейхенау, они должны были присягать лично фюреру Адольфу Гитлеру. Генерал фон Бломберг в качестве военного министра, даже не имея на то формальных полномочий, утвердил текст присяги и приказал привести к ней войска, не дожидаясь смерти президента. 2 августа, когда Гинденбург действительно умер, значительная часть армии уже успела присягнуть Гитлеру. Таким образом, на случай возможных осложнений была создана ситуация свершившегося факта.

Фон Бломберг и фон Фрич, естественно, рассматривали события 30 июня не только как победу генералитета и вооруженных сил в целом над штурмовиками, но и как свою личную победу. Но в последнем они как раз и ошиблись. События 30 июня убедительно показали нацистскому руководству, что в унифицированном фашистском рейхе армия оставалась единственной в какой-то мере автономной силой. Это, по мнению нацистского руководства, таило в себе потенциальную опасность: быть может, в другой раз ее действия не будут столь отвечать интересам нацистского режима. Соответственно возникла идея использовать первый же удобный случай, чтобы поставить генералов на место.

Кроме того, разгром штурмовых отрядов способствовал появлению новой влиятельной силы, ставшей опасным конкурентом преобразованного в вермахт рейхсвера. Этой силой стал союзник генералов во время событий 30 июня — организация СС.

---

[94] *Buchheit G.* Op. cit. S. 133.
[95] DZA. Potsdam. Bestand Reichskanzlei. N 698, Bl. 351.

Правда, на первых порах после разгрома СА отношения между генералитетом и руководством СС сохраняли «интимный» характер. Гиммлер и его окружение оказывали командованию рейхсвера самую активную поддержку во всем, что касалось политики в военной области. В свою очередь, генералитет взял на себя оснащение отрядов СС оружием и руководство их военной подготовкой, чтобы «помочь имперскому руководству СС ликвидировать выявившиеся недостатки в обучении, а также другие погрешности в организации специальных отрядов» [96].

Как следует из письма генерала Фрича имперскому руководству СС от 22 октября 1935 г., командование сухопутными войсками предоставило ряду офицеров и унтер-офицеров СС возможность проходить обучение на курсах, организованных военным министерством. Командирам СС было дано разрешение присутствовать на маневрах и тактических играх, проводимых армейскими частями. В распоряжение эсэсовских отрядов были предоставлены армейские учебные полигоны и т. д.[97]

Отношения между союзниками стали портиться тогда, когда Гиммлер решил создать, а затем создал на базе СС отборное, привилегированное войско, подчинявшееся ему лично.

Это, однако, уже было прямым вторжением в сферу компетенции генералов, которую те ревностно оберегали. Естественно, что они вновь решительно воспротивились посягательству «непосвященных». Но на этот раз соотношение сил в нацистской верхушке сложилось не в их пользу. Гитлер только и искал предлог, чтобы укоротить поводок, на котором он держал генералов. Поэтому нашептывания Гиммлера, к которому присоединился Геринг, не желавший подчиняться фон Бломбергу как военному министру [98], нашли у фюрера понимание и поддержку.

Определенную роль в принятии Гитлером окончательного решения сыграла позиция, занятая фон Бломбергом и фон Фричем во время получившего впоследствии широкую известность секретного совещания, созванного фюрером 5 ноября 1937 г. Кроме Гитлера, в совещании приняли участие 6 человек — фон Бломберг, фон Фрич, командующий военно-морскими силами гросс-адмирал Редер, командующий военно-воздушными силами Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат, военный адъютант фюрера полковник Хоссбах. Последний вел протокол, который сохранился и широко используется в научной литературе [99].

Трехчасовая речь, произнесенная на совещании Гитлером, представляла собой изложение программы внешнеполитической

---

[96] Распоряжение командования II армейского корпуса об усилении сотрудничества с руководством СС (DMA. Infanterie Führer. 2. Abteilung. I a Pol. 2).

[97] Ibid.

[98] В числе многочисленных должностей, которые заяимал Геринг, был также пост командующего военно-воздушными силами. В этом качестве Геринг формально должен был подчиняться фон Бломбергу.

[99] Was wirklich geschah. Die diplomatische Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München, 1949.

экспансии. Разумеется, то, что говорил в этот день Гитлер, не было внове его приближенным. Аналогичные идеи фюрер излагал в своей книге «Майн кампф», в предыдущих выступлениях и беседах. Однако на этот раз речь шла уже не об абстрактных целях, а о конкретном планировании на ближайшее время. И в этом было основное значение совещания от 5 ноября.

Как следует из протокола Хоссбаха, ни у кого из присутствовавших на совещании генералов сама постановка вопроса не вызвала возражений. Резкой и серьезной критике гитлеровское внешнеполитическое планирование подвергал лишь генерал Бек, бывший тогда начальником генерального штаба. Но его на совещание не пригласили. А то, что говорили Гитлеру фон Бломберг и фон Фриче, не выходило за рамки делового обсуждения проблемы. Они уточняли вопросы, не освещенные в речи, давали справки, делали оговорки [100].

Ни о каком серьезном сопротивлении Гитлеру, вопреки утверждениям нынешних защитников рейхсвера, не было и речи. Поэтому было бы неверным считать совещание 5 ноября 1937 г. поворотным пунктом в отношениях между Гитлером и генералитетом. Определенное значение для этих отношений оно имело только в одном смысле. Гитлеру, привыкшему за четыре года пребывания у власти к лести и непрерывным излияниям восторга, показалось, что фон Бломберг и фон Фрич недостаточно оценили его идеи. В этой связи он еще больше утвердился в мысли, что для реализации его «великих планов» нужны другие люди. Это окончательно побудило его предоставить Гиммлеру свободу рук, чтобы без особого шума убрать обоих генералов.

И Гиммлер сделал это в типичной для него манере. Было известно, что фон Бломберг намерен жениться на даме с весьма сомнительным прошлым. Гитлер благословил своего военного министра на свадьбу. В то же время гиммлеровские ищейки доставили Герингу подробное досье на будущую фрау фон Бломберг. После того как свадьба состоялась, материалы досье были пущены в ход. Скомпрометированный военный министр подал в отставку.

Интрига против фон Фрича носила не менее грязный характер. Гестапо был разыскан профессиональный шантажист Шмидт, который согласился обвинить командующего сухопутными войсками в гомосексуализме. Гитлер, поддерживавший на протяжении более десяти лет самые дружеские отношения с гомосексуалистом Ремом, разыграл бурное возмущение. И хотя вскоре стало известно, что обвинения против фон Фрича были высосаны из пальца, ему, как и фон Бломбергу, предложили покинуть активную службу.

Если в отношении действий против военного министра и могли быть какие-то сомнения, то в деле фон Фрича сразу же была видна рука гестапо. Тем не менее генералитет практически ничего не предпринял, чтобы встать на его защиту. Минимум солидарности со своим шефом проявил один Бек. Он предложил, чтобы генералы

---

[100] *Buchheit G.* Op. cit. S. 89—97.

потребовали от Гитлера следующих действий: а) полной публичной реабилитации фон Фрича; б) перемещений в гестапо, которые затронули бы Гиммлера, Гейдриха и других, замешанных в этом деле [101]. Однако Браухич, назначенный на место фон Фрича, спустил это предложение на тормозах. Другие генералы также не проявили готовности ломать из-за фон Фрича копья. В конечном итоге все свелось к тому, что, выступая 19 июня 1938 г. перед генералами во время маневров в Померании, Гитлер мимоходом упомянул, что в отношении фон Фрича произошла ошибка, в которой виновны отдельные низшие чиновники. О восстановлении в должности фон Фрича он, разумеется, и не заикнулся [102].

Характерно, что и сам фон Фрич, подвергавшийся унизительным допросам в гестапо, жизни которого грозила опасность [103], даже в этот момент проповедовал «смирение» перед фюрером. «Этот человек — судьба Германии как в добром, так и в злом, — говорил он своим близким. — Если он теперь свалится в пропасть, он увлечет за собой всех нас. Сделать ничего нельзя» [104].

Последнее, кстати, совершенно не соответствовало действительности. На решающем этапе перевооружения и подготовки к войне Гитлер крайне нуждался в сотрудничестве генералов. В нацистской верхушке весьма нервничали из-за возможных последствий провокации против фон Фрича. Геббельс, например, говорил в то время адъютанту Гитлера Видеману: «Если завтра 12 генералов уйдут в отставку, мы погибли» [105].

Но генералы и не собирались покидать свои посты. Еще меньше они хотели, чтобы Гитлер свалился в пропасть. «Интересы профессионального офицерства, — писал впоследствии хорошо знавший германский генералитет участник заговора 20 июля д-р Рейтер, — слишком тесно были связаны с жизнью и смертью третьей империи, чтобы оно могло такой ценой восстановить справедливость и добропорядочность» [106].

«Для большинства из них (генералов. — *А. Г.*), — подтверждал другой участник антигитлеровского заговора Ульрих фон Хассель, — карьера в самом мелком плане, доходы и виды на маршальский жезл гораздо важнее, чем общие идеалы и моральные ценности» [107].

Характерно, что даже для Людвига Бека, первого из германских генералов понявшего губительность, в том числе и для правящих классов Германии, военной политики, которую проводил

---

[101] Ibid. S. 137.
[102] Подробнее см.: *Förtsch H.* Schuld und Verhängnis. München, 1959; Kielmannegg. Der Fritsch-Prozess, 1938. Hamburg, 1949.
[103] Когда организаторы провокации против фон Фрича были разоблачены, возникла опасность, что гестапо в последний момент уберет самого генерала. Чтобы предотвратить зто, его друзья приставили к нему вооруженную охрану.
[104] *Buchheit G.* Op. cit. S. 142.
[105] Ibid.
[106] Die Wandlung, Heidelberg. Juli. 1946.
[107] *Hassel U. von.* Vom anderen Deutschland. Tagebuch. Zürich, 1948. S. 274.

Гитлер, на первых порах речь шла о борьбе не против, а за фюрера, против «губительного влияния» на него СС. «Вероятно, в последний раз, — отмечал он в своем устном докладе фон Браухичу 19 июля 1938 г., — судьба открывает перед нами возможность освободить немецкий народ и самого фюрера от кошмаров чрезвычайных комиссий и засилия бонз, которые подрывают основы и благополучие рейха, вызывают недовольство народа и способствуют возрождению коммунистического влияния» [108].

Эта выдержка не только дает ключ к пониманию позиции Бека, но и объясняет, почему он стал кумиром консервативных сил в Федеративной республике. С одной стороны, он первым среди генералов выступил с открытой критикой внешней и военной политики нацистов. Впоследствии он стал одним из организаторов антигитлеровского заговора и пал жертвой нацистских репрессий. В связи с этим его позиция может быть использована как своеобразное алиби для германского генералитета. С другой стороны, его критика с самого начала была критикой фашизма с позиций крайнего реакционера, направленной не против основ строя, а против ошибок и недостатков, подрывающих его жизнеспособность. В этом отношении она вполне созвучна позиции многих правых западногерманских деятелей [109].

Подобные взгляды были характерны не только для одного Бека. Их разделяли, за небольшим исключением, почти все генералы и офицеры, принимавшие участие в различных формах оппозиции Гитлеру, которые возникали на протяжении последних лет существования «третьей империи», особенно после того как она стала терпеть поражения на полях сражений.

Не менее показательно и другое. Во всех этих формах оппозиции принимало участие незначительное меньшинство генеральского и офицерского состава. В целом же вермахт и его генералитет сохранили верность союзу с фашизмом, заключенному во времена Веймарской республики, вплоть до окончательного краха гитлеровского режима.

Это предопределило и характер оппозиции военных кругов политике Гитлера. Во-первых, сила и влияние этой оппозиции в решающей степени зависели от состояния дел Германии. Если они шли успешно, то даже самые решительные критики из рядов генералитета не только умолкали, но даже присоединяли свой голос к хору славословий в адрес «гениального» фюрера и его «божественной интуиции». Если дела шли плохо, круг критиков расширялся. Но стоило обстановке опять измениться, как критики превращались в восторженных апологетов.

Во-вторых, в основном эта оппозиция носила словесный характер. Осуждая авантюризм тех или иных решений, высмеивая в узком кругу их некомпетентность, генералы-«оппозиционеры», явля-

---

[108] *Buchheit G.* Op. cit. S. 162.

[109] *Foerster W.* Generaloberst Ludwig Beck. Ein General kämpft gegen den Krieg. München, 1949.

ясь на службу, оставляли свое личное мнение дома. Их «оппозиционность», как правило, не мешала им пунктуально выполнять приказы, бессмысленность и гибельность которых была им очевидна. Только немногие решались в знак несогласия уйти в отставку. Большинство из тех, кто в конце войны оказался не на действительной службе, были изгнаны Гитлером из армии за военные неудачи.

В-третьих, в тех немногих случаях, когда оппозиция Гитлеру выходила за рамки разговоров, действия оппозиционеров носили робкий, половинчатый характер. Сначала существовали иллюзии в отношении возможности воздействовать на Гитлера, изолировав его, как предлагал Бек, от влияния СС. Потом предполагалось сделать ставку на Геринга. На более позднем этапе имелось в виду заручиться поддержкой Гиммлера. В любом случае все перемены должны были осуществляться в рамках системы.

В-четвертых, ставка на сохранение существующих порядков предельно сужала возможность заключения союза с другими политическими силами. Связи генеральской оппозиции ограничивались лишь некоторыми группами правящих кругов: промышленников, представителей чиновничьего аппарата [110]. Только на последнем этапе были установлены контакты с антифашистским подпольем. Но эти контакты были очень слабы.

В-пятых, нерушимая приверженность большинства генералитета и офицерства нацистскому режиму обусловила изоляцию военных оппозиционеров от привычного им «своего круга». Это порождало крайнюю неорганизованность действий, обычно столь несвойственную немцам [111].

Эти особенности красной нитью проходят через всю историю генеральского сопротивления.

Когда Людвиг Бек оказался перед необходимостью покинуть пост начальника генерального штаба (лето 1938 г.), он приложил к своему меморандуму, в котором критиковал военно-политические планы правительства, собственноручно написанную страницу со следующим текстом: «Чтобы разъяснить будущим историкам нашу позицию и сохранить в чистоте репутацию Верховного командования, я, как начальник генерального штаба, официально заявляю, что я отказывался одобрять любые национал-социалистские авантюры. Окончательная победа Германии невозможна» [112].

Когда знакомишься с этим текстом, создается странное впечатление. Бека явно интересовала не столько судьба его страны и народа, сколько мнение о нем лично историков и потомков. Чтобы сберечь в чистоте свое имя, он принял необходимые меры. Но о том, что было бы гораздо важнее сказать это вслух и помешать опасному развитию событий, он не хотел и думать.

---

[110] См.: *Ritter G.* Der 20. Juli 1944. Die Wehrmacht und der politische Wiederstand gegen Hitler. Schicksalsfragen der Gegenwart. Bd. I. S. 349—381.
[111] См. подробнее: *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965.
[112] *Westphal S.* Heer in Fesseln. Bonn, 1953. S. 75 ff.

А как действовали в это время другие генералы, понявшие в какую пропасть толкает страну Гитлер? Летом 1938 г. новый начальник генерального штаба Гальдер договорился с генералом фон Вицлебеном о том, чтобы, опираясь на воинские части, произвести перестановки в нацистской верхушке. Выступление намечалось на конец сентября 1938 г. Предполагалось арестовать Гитлера после его возвращения с Нюрнбергского партийного съезда. Согласие на участие в операции дали командир расположенной в Потсдаме 23-й пехотной дивизии генерал-майор Брокдорф-Алефельд и командир 50-го пехотного полка Пауль фон Хазе. В курсе дела были заместитель полицей-президента Берлина Фриц фон дер Шуленбург, генерал танковых войск Хёпнер. О предстоящих событиях был извещен генерал Адам, командовавший тогда немецкими войсками на Западе. В первой половине сентября на квартире у полковника Остера, сотрудника руководителя германской военной разведки адмирала Канариса, состоялось подготовительное совещание, которым руководил генерал фон Вицлебен.

Показательно, однако, что подавляющее большинство руководящих представителей генералитета в заговоре замешано не было. Попытка его руководителей установить контакт с фон Рундштедтом окончилась неудачей. Да и сам заговор в конечном итоге оказался пустышкой. Когда стало известно, что на конец сентября назначена встреча Гитлера с английским и французским премьер-министрами, оппозиционеры вместо того, чтобы ускорить действия, отложили их в ожидании результатов конференции. Поскольку конференция окончилась капитуляцией Англии и Франции, отдавших на съедение Чехословакию, это настолько примирило заговорщиков с Гитлером, что они полностью отказались от своих планов [113].

Окончательный захват Чехословакии и быстрый разгром Польши вызвали новый прилив прогитлеровских настроений среди генералитета. В конце октября—начале ноября 1939 г. обер-квартирмейстер 1-го генерального штаба фон Штюльпнагель совершил инспекционную поездку в перебрасываемые из Польши на Запад армии. Его задачей было выяснить настроения командного состава после «польского похода». В частности, он пытался прозондировать отношение генералов к политическому и военному руководству Гитлера. Генералы были в восторге от фюрера. Об их привлечении к каким бы то ни было акциям против нацистского руководства не могло быть и речи. Согласие на проведение таких акций дали лишь генералы фон Лееб и фон Вицлебен [114].

9 ноября по инициативе генерала фон Лееба в ставке генерала фон Рундштедта в Кобленце состоялось совещание трех командующих группами армий, действовавших на Западном фронте. Фон Лееб предложил своим коллегам совместно отправиться к Гитлеру и потребовать от него, чтобы он воздержался от активных

[113] *Buchheit G.* Op. cit. S. 190—192; Abshagen K. H. Canaris. Stuttgart, 1949. S. 173.
[114] *Buchheit G.* Op. cit. S. 218.

действий на Западе и использовал затишье для дипломатических переговоров [115]. В случае отказа все высокопоставленные генералы должны были подать в отставку. Но генералы фон Бок и фон Рундштедт категорически отклонили зто предложение, утверждая, что такие действия могли бы быть расценены как мятеж [116].

Еще более показательной для настроений, царивших тогда среди германского генералитета, была атмосфера, господствовавшая на совещании высших военачальников 23 ноября 1939 г. На совещании с большой речью о предстоящем «походе на Запад» выступил Гитлер. Вдохновленный своим полководческим дебютом и недовольный оговорками некоторых, на его взгляд, чрезмерно осторожных генералов, он обрушился на «дух Цоссена» [117] и грозил покончить с ним в армии. Тон речи был столь резким, что генералы должны были по меньшей мере оскорбиться. Однако подавляющее большинство присутствовавших встретило речь с восторгом. Демонстрируя преданность генералитета, Гудариан немедленно предложил фюреру прогнать вызывающих у него недоверие генералов, подобно тому, как это делалось и раньше. Фон Браухич, который принял упреки в свой адрес, предложил Гитлеру свою отставку, однако тут же по предложению фюрера взял ее обратно [118].

Все это было еще до начала активных военных действий на Западном фронте. Когда же весной 1940 г. германская армия и там одержала победы, а немецкими войсками были оккупированы Норвегия и Дания, захвачены Голландия и Бельгия, поставлена на колени преданная своими правителями Франция и выброшен с континента английский зкспедиционный корпус, даже самые активные оппозиционеры вернулись в нацистский лагерь. И первым среди них был генерал Гальдер, растерявший свой былой пыл. Об зтом свидетельствует, в частности, запись, которую сделал в своем дневнике 3—4 апреля 1940 г. будущий участник заговора 20 июля 1944 г. уже упоминавшийся выше фон Хассель: «Вскоре после моего прибытия в Берлин пришел он (Герделер [119]) и подтвердил, что у Г. (Гальдера, — *А. Г*) ушла душа в пятки». И в другом месте: «Эти генералы, которые хотят свергнуть правительство, требуют его приказов, чтобы начать действовать» [120].

Горькая ирония, с которой фон Хассель пишет об оппозиционных генералах, вполне понятна. Но она не должна смазывать действительной сути дела. Было бы неверно сводить все к нерешительности или прямой трусости военных. Гораздо важнее то, что к этому моменту генералы, о которых шла речь в дневнике, просто больше не хотели свергать правительство.

---

[115] Предложение фон Лееба отражало точку зрения той части правящих кругов Германии, которая была недовольна тем, что Гитлер обратился против Запада, вместо того чтобы действовать дальше на Востоке, против Советского Союза.
[116] *Erfurth W.* Der deutsche Generalstab, 1918—1945. Göttingen, 1957. S. 236.
[117] В Цоссене размещалась ставка командования сухопутных сил и генеральный штаб.
[118] *Buchheit G.* Op. cit. S. 215—217.
[119] Один из вдохновителей заговора 20 июля 1944 г. — *А. Г.*
[120] *Hassell U.* von. Op. cit. S. 143 und 119.

Дальнейшее развитие военных действий лишь укрепило те бесчисленные нити, которые связывали Гитлера и его генералов. Они получили от него все, о чем мечтали все годы после разгрома кайзеровского войска: почет, славу, власть, деньги. Многим из них были вручены фельдмаршальские жезлы. Некогда заштатные генералы стали наместниками не только провинций, но и целых стран. Им было за что благодарить Гитлера. И у них было достаточно оснований всячески держаться за него.

Эти связи не порвали и первые поражения. Наоборот, они только сблизили Гитлера и его генералов, несмотря на то, что некоторые из них впали в немилость. Но тут уже играло роль сознание совместной ответственности за содеянное. Гитлер ловко сумел побудить генералов разделить с ним не только победы, но и преступления. Охваченные ажиотажем завоеваний, они охотно пошли на это. Когда же наступило отрезвление, путь назад был для многих из них отрезан.

Разумеется, основным инструментом, при помощи которого фашистское правительство осуществляло политику геноцида на оккупированных территориях, была организация СС с ее подразделениями — гестапо, службой безопасности, особыми командами и полевыми эсэсовскими частями. Однако большая часть военных преступлений пришлась и на долю вермахта.

С самого начала генералитетом было санкционировано нарушение Гаагских конвенций о ведении военных действий. Военным командованием активно проводились в жизнь преступные акции, вытекавшие из приказа Кейтеля «Об особой подсудности в районе плана Барбаросса», «Приказа о комиссарах» и приказа «Мрак и туман», которые практически отменяли всякую законность в отношении военнопленных и населения оккупированных областей [121]. За небольшим исключением, командующие соединениями и частями вермахта ревностно выполняли приказ Гитлера «о комиссарах», требовавший расстрела на месте попавших в плен офицеров-политработников, коммунистов и комсомольцев [122]. Немедленному расстрелу подлежали также военнопленные еврейской национальности. Оставшиеся в живых военнопленные содержались в таких условиях, что еще до передачи их армией органам СС значительная часть их гибла от голода и болезней [123].

Военное командование полностью поддерживало оккупационную политику гитлеровского правительства. В этом смысле весьма показателен приказ, изданный 22 июля 1940 г. командующим 18-й армией, переброшенной из Франции в Польшу, генералом фон Кюхлером: «Я прошу также принять меры к тому, чтобы все солдаты армии, особенно офицеры, воздерживались от критики форм национальной борьбы, происходящей в генерал-губернаторстве, в том числе обращения с польским меньшинством, евреями

[121] См.: Судебный процесс по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта: Пер. с нем. М., 1964. С. 116 и след.

[122] Там же. С. 109 и след.

[123] Там же. С. 181 и след.

и церковью. Национальная борьба, бушующая на восточной границе на протяжении столетий, требует для ее окончательного решения в духе нашей нации самых крайних мероприятий» [124].

Под «предельно острыми мероприятиями» генерал подразумевал поголовное уничтожение еврейского населения и организованную планомерную резню среди польской интеллигенции и польского рабочего класса.

Но дело не ограничивалось сочувственным отношением. Чтобы разгрузить не справляющиеся с массовыми экзекуциями эсэсовские отряды, воинские части выделяли им в помощь добровольцев. Соединения вермахта составляли основную ударную силу при проведении так называемого умиротворения, т. е. расправы с гражданским населением в районах, где отмечалось партизанское движение. Военные власти в переданных в их распоряжение прифронтовых районах полностью реквизировали продовольствие, обрекая население на голод. При помощи военного командования население оккупированных областей угонялось на принудительные работы в Германию. Силами вермахта осуществлялась «тактика выжженной земли» на оставляемых территориях [125].

В этих условиях приближающееся поражение означало для многих из генералов приближение возмездия. Поэтому, когда в связи с обострением политической ситуации в стране в 1944 г. перед ними вновь вплотную встал вопрос «за» или «против», большинство снова выбрало Гитлера.

Заговор 20 июля 1944 г., явившийся наиболее крупным выступлением против Гитлера за все годы существования нацистского режима [126], иногда называют генеральским заговором. Это верно в том смысле, что основной костяк заговорщиков состоял из генералов и офицеров. Но это неверно в более широком смысле, ибо он не был выступлением генералитета против Гитлера. В попытке убрать фюрера приняла участие лишь небольшая часть генералов и офицеров вермахта. Если бы антигитлеровские действия действительно нашли бы широкую поддержку военной касты, они бы кончились иначе.

После покушения на Гитлера в правительственных кругах царила полнейшая растерянность. На протяжении многих часов государственная власть фактически не функционировала. Отряды СС, не понимавшие, что происходит, и не получавшие указаний сверху, практически бездействовали. Немного больше решительности — и казавшийся столь мощным государственный аппарат, подточенный потерей веры в победу и привыкший действовать только по указанию сверху, начал бы разваливаться.

Об этом убедительно свидетельствовало, например, развитие событий в Париже. Небольшая, но решительная группа заговор-

---

[124] *Buccheit G.* Op. cit. Anm II. S. 305.

[125] Судебный процесс по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. С. 185 и след.

[126] См. о нем подробнее: *Мельников Д.* Указ. соч.

щиков, состоявших при штабе военного губернатора Франции, в течение нескольких часов полностью овладела положением. Подчиняясь приказу своих офицеров, воинские части атаковали эсэсовские казармы и разоружили всех эсэсовцев. «Внушавшие такой ужас позиции власти рейхсфюрера СС, — пишет в связи с этим западногерманский историк Г. Буххайт, — рухнули как карточный домик»[127].

В тот момент в Германии была лишь одна сила, способная спасти Гитлера. Этой силой был сам вермахт. Именно вермахт, его генералы и офицеры в конечном итоге и подавили выступление 20 июля. Майор Ремер, произведенный затем Гитлером в генерал-майоры, вместе со своим батальоном предотвратил антигитлеровские выступления в берлинском гарнизоне. Генерал-полковник Фромм и офицеры его штаба учинили расправу над Беком, Ольбрихтом, Штауфенбергом и другими руководителями заговора. Главнокомандующие фронтами и группами армий, в том числе и те, кто был в курсе намечавшегося выступления, наперебой спешили поздравить фюрера с чудесным избавлением.

И дело тут было вовсе не в привычке беспрекословно выполнять приказы, как пытаются представить сейчас защитники германского генералитета. Нельзя объяснить это и только страхом, который испытывали генералы при мысли, что тщательное расследование обстоятельств заговора, осуществляемое органами СС, давно конкурировавшими с генералитетом, может скомпрометировать их самих. В еще большей степени их пугала ответственность за деяния, которые совершали они вместе с Гитлером.

Поэтому-то большинство генералов и офицеров выступило в роли не только противников, но и палачей участников заговора.

Гитлеру было важно не только физически уничтожить заговорщиков, но и морально унизить их. Им был отдан приказ подвергнуть попавших в его руки живыми пленников зверским пыткам и предать их самой мучительной казни. Но согласно традиционным канонам офицеры могли быть только расстреляны. Чтобы обойти это формальное препятствие, по приказу фюрера был создан специальный «трибунал чести». Этот трибунал должен был изгонять из армии обвиненных генералов, чтобы их можно было потом судить как обыкновенных граждан. В состав трибунала вошли генерал-фельдмаршал фон Рундштедт (председатель), генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Гудериан, генералы Шрот, Шпехт и Крибель. В качестве «наблюдателей» к работе трибунала были привлечены генералы Бургдорф и Майзель[128]. Никто из них не отказался от предложенной «чести». Все они со спокойной совестью штамповали подготовленные решения о лишении чинов и званий и изгнании из армии, хотя хорошо знали, что за этим последует.

Впрочем, предавая своих коллег во имя союза с фашистами, они лишь следовали традиции, сложившейся в германской армии

[127] *Buchheit G.* Op. cit. S. 405.
[128] Ibid. S. 426.

со времен Веймарской республики. Разве не так поступил фон Шлейхер с Гренером, фон Бломберг с фон Шлейхером, Браухич и другие с фон Бломбергом и фон Фричем?

Неудача заговора 20 июля дала толчок новой волне нацистского террора против различных слоев населения. Поскольку к заговору были причастны правящие классы, террор на этот раз обрушился и против них. Концентрационные лагеря пополнились многими бывшими деятелями Веймарской республики, спокойно проживавшими все минувшие годы на пенсии. Отряды эсэсовцев, снабженные особыми полномочиями, бросали в тюрьмы бывших министров и обер-бургомистров, партийных функционеров и дипломатов. Среди арестованных было немало и военных. Как всегда при массовом терроре, круг лиц, против которого он был направлен, постоянно расширялся. Тут же сводились личные и политические счеты. Эсэсовские чины убирали неугодных им генералов, вне зависимости от того, какое отношение они имели к заговору. Поплатился жизнью, например, генерал-полковник Фромм, отказавшийся присоединиться к заговору и зверски расправившийся с его руководителями. Аналогичная судьба постигла некоторых других генералов.

Первоначально к смертной казни было приговорено 20 генералов. Затем за участие в заговоре и за оппозицию Гитлеру были вынесены смертные приговоры еще 36 генералам. 49 генералов, опасаясь расправы, покончили жизнь самоубийством. Среди казненных был один фельдмаршал, среди покончивших самоубийством — 4. Само по себе зто, конечно, немало. Следует, однако, иметь в виду, что далеко не все из них действительно были, пусть даже умеренными, противниками Гитлера, а еще меньше — активными участниками заговора. И при всем зтом доля офицерского состава, подвергшаяся в эти дни репрессиям, была весьма небольшой. К концу войны гитлеровская армия насчитывала около 2 тыс. генералов. Из них было репрессировано немногим более ста. Несколько сот казненных или осужденных к тюремному заключению офицеров составляли мизерную часть 400-тысячного офицерского корпуса Германии.

Установлено, что многие из генералов, конспирировавших против Гитлера, были близки к нему по взглядам, представлявшим собой «умеренную» форму очищенного от «излишеств» фашизма. Но даже они оказались неприемлемы для германской милитаристской касты. Большинство германских генералов и офицеров следовало за Гитлером до того самого памятного дня, когда фельдмаршал Кейтель от имени германского командования был вынужден подписать акт о безоговорочной капитуляции.

«Это история не чести, а бесчестия», — с полным основанием оценивал итоги союза германской военщины с фашизмом английский исследователь Крэнкшоу [129]. К этому мало что можно прибавить.

---

[129] *Crankshow E.* Die Gestapo. [West] Berlin, 1959. S. 233.

11

ФАШИЗМ И НАРОДНЫЕ МАССЫ

Важную черту фашизма составляет специфика его отношений с народными массами. Любая диктатура эксплуататорских классов нуждается в массовой базе. Отсутствие ее или потеря в ходе осуществления диктатуры приводит к глубокому кризису режима и рано или поздно становится причиной его гибели. Этому не в силах помешать даже самые крайние формы террора. Повисший в воздухе террористический аппарат не может быть эффективным. Оказавшись в изоляции, он подвергается разложению. Сам же террор в такой обстановке вызывает не ужас, а озлобление, способствует подъему революционных настроений и вместо того, чтобы укреплять диктаторский режим, только расшатывает его.

Поэтому эксплуататорские классы всегда заинтересованы в создании таких отношений с определенными, достаточно массовыми социальными слоями, при которых действия диктаторского режима находили бы у них поддержку или по крайней мере не вызывали бы активного сопротивления. Иногда стремящиеся к диктатуре социальные силы обеспечивают такую поддержку заранее, прежде чем приходят к власти. В других случаях они пытаются создать социальную базу после установления своего режима. Но и в том и в другом случае поиски социальной базы являются одним из самых важных направлений их деятельности.

Сказанное относится к фашизму в еще большей степени, чем к какой-либо иной форме диктатуры. Анализ социальных истоков и социальной политики фашизма убедительно свидетельствует, что он представляет собой форму диктатуры, осуществляемой во имя сохранения капиталистических отношений. От других форм диктатуры монополистического капитала он отличается своим особо зверским, особо кровавым агрессивным характером.

Истории человеческого общества известны, однако, диктаторские режимы, созданные во имя спасения капиталистического строя и отличавшиеся крайне зверским характером, но не имевшие отличительных черт фашизма. Такими были, например, белогвардейские режимы в захваченных контрреволюционерами районах России после победы Великой Октябрьской социалистической революции. К их числу можно было бы отнести режим Свинхвуда — Маннергейма, установленный после разгрома пролетарской революции в Финляндии. Аналогичными чертами характеризовалась форма правления, установленная адмиралом Хорти после поражения в 1918 г. Венгерской Советской республики, и др.

Выступая против упрощенческого уподобления различных форм террористической диктатуры эксплуататорских классов, К. Цеткин говорила: «Одно время был распространен и даже преобладал взгляд, отождествлявший фашизм с насильственным буржуазным террором и ставивший его, таким образом, — в смысле исторической сущности и выявления, — на одну ступень с белым террором, царившим в Венгрии господина Хорти. На самом же деле, хотя кровавые террористические методы фашизма и аналогичны с методом Хорти и направлены против пролетариата, однако историческая сущность этих явлений различна»[1].

Что же отличает фашизм от других форм реакционной, кровавой диктатуры буржуазии? Прежде всего — это наличие у него особенно широких связей с определенной, достаточно многочисленной частью населения, не относящейся к правящим классам, способность мобилизовать и политически активизировать эту часть населения в интересах эксплуататорского строя. В этом смысле можно с полным основанием утверждать, что фашизм — есть антинародная, кровавая диктатура в интересах сохранения власти буржуазии, устанавливаемая и осуществляемая при поддержке дезориентированной части массовых групп населения.

Эта особенность фашизма уже давно была отмечена буржуазными исследователями, которые попытались использовать ее, чтобы дать искаженную трактовку фашизма как социального явления. Эти попытки привели к появлению ряда теорий, оценивающих фашизм как «чисто плебейское» движение, как «выражение закономерностей современного массового общества», как «национальную форму пролетарского движения» и т. д.

Особенное распространение подобная трактовка получила после второй мировой войны, когда правящие круги капиталистических стран, в том числе в прошлом весьма тесно связанные с фашизмом, стали открещиваться от него.

В этих условиях оценка фашизма как «народного» движения стала наиболее удобной и эффективной формой оправдания политики правящих классов в отношении фашизма как в значительной степени вынужденной.

Для доказательства справедливости такой оценки наиболее часто применяются два метода. Во-первых, нарочито расплывчато трактуется понятие «народные массы». Отсутствие классовой дифференциации этого понятия позволяет приписывать трудящимся взгляды и поведение деклассированных прослоек, рабочему классу — настроения, характерные для городской мелкой буржуазии и т. д. Во-вторых, значительно преувеличивается влияние фашизма на трудящихся, и в первую очередь на рабочий класс. В-третьих, придается чрезмерно большое значение избирательным успехам НСДАП в приходе Гитлера к власти.

Все это делает особенно важным детальное рассмотрение

[1] *Цеткин К.* Выступление на расширенном пленуме ИККИ 12—23 июня 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1923. С. 207.

проблемы «фашизм и народные массы», начав с анализа динамики парламентских выборов, позволяющего сделать выводы, касающиеся структуры массовой базы фашизма.

ГЛАВА 3

ДИНАМИКА ВЫБОРОВ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Социальная и политическая структура Германии в 20—30-х годах

О социальной структуре Веймарской республики можно судить на основании данных общей переписи 1926 г. и последующих производственных переписей.

Соответствующие расчеты были произведены в свое время группой научных сотрудников советского Института мирового хозяйства и мировой политики и опубликованы в книге «Германский фашизм у власти» под ред. Е. Варги, Ф. Геккерта и Е. Хмельницкой [1], из которой и заимствованы приведенные ниже данные.

С некоторым приближением социальная структура Германии выглядела во второй половине 20-х годов следующим образом (млн человек) [2]:

			В том числе относятся:					
			к пролетариату		к соседним слоям		к буржуазии	
	самостоятельные	с членами семьи	самодеятельные	с членами семьи	самодеятельные	с членами семьи	самодеятельные	с членами семьи
Рабочие	14,4	26,6	14,4	26,6	—	—	—	—
Служащие и чиновники	5,3	10,2	2,0	3,9	3,0	5,9	0,3	0,4
Кустари	0,3	0,5	0,3	0,5	—	—	—	—
Домашняя прислуга	1,3	1,4	0,7	0,8	0,6	0,6	—	—
Без профессии (гражданские и военные пенсионеры и рантье)	3,8	5,7	3,0	4,7	0,6	0,8	0,2	0,2
Самостоятельные (без кустарей)	5,2	12,5	—	—	4,8	11,6	0,7	0,9
Работающие члены семьи	5,4	5,6	—	—	5,2	5,4	0,2	0,2
Всего	35,7	62,5	20,4	36,5	14,2	24,3	1,4	1,7

Рабочий класс имел при этом следующую структуру (млн чел.):

а) 12,2 — занятые в промышленности, ремесле и на транспорте.

[1] Германский фашизм у власти. М.; Л., 1934. С. 22 и след.

[2] Приводимые данные несколько расходятся с данными о численности отдельных классов и социальных прослоек, используемыми в последующих главах. Это связано с тем, что в дальнейшем берутся цифры более поздних переписей.

б) 2,2 — сельскохозяйственные рабочие
в) 2,0 — низшие служащие и чиновники на железных дорогах, почте, телеграфе и т. д.
г) 0,3 — кустари
д) 0,7 — домашняя прислуга
е) 3,0 — пенсионеры

Итого 20,4

Ядро германского пролетариата состояло из 9—10 млн, входящих в группу «а», и из 1—2 млн — в группу «б» и «в» (в общей сложности около 10—12 млн человек).

Рабочие групп «а» — «б» и «в» — «г», занятые на предприятиях с одним наемным работником или не использующих наемный труд, насчитывали 5—7 млн человек.

Средние слои состояли из:

а) примерно 1,8 млн мелких крестьян
б) » 0,7 » средних крестьян
в) » 0,2 » богатых крестьян
г) » 1,2 » ремесленников
д) » 0,5 » торговцев
е) » 0,2 » владельцев кафе и ресторанов
ж) » 0,2 » лиц свободных профессий

Группы «а» — «ж» составляли вместе 4,8 млн человек.

К средним слоям примыкали также:

з) около 5,5 млн помогающих членов семьи — в большинстве жены и дети лиц, входящих в группы «а» — «ж»
и) около 0,6 млн вспомогательных работников из семей крестьян
к) » 3,0 млн чиновников и служащих
л) » 0,6 млн рантье

Итого 14,5 млн

В состав буржуазии входили:

а) около 0,7 млн так называемых самостоятельных (т. е. владельцев крупных и средних предприятий, крупных акционеров, банкиров, председателей и членов наблюдательных советов и т. д.)
б) около 0,3 млн высших чиновников и служащих (государственные чиновники, начиная с регирунгсрата, высший административно-технический персонал на предприятиях, руководящие служащие банков, торговых предприятий и т. д.)
в) около 0,2 млн генералов и офицеров в отставке, находящихся на пенсии высших чиновников, удалившихся от дел капиталистов — рантье.
г) около 0,2 млн членов семей лиц, входящих в группы «а» — «в» и работающих, кроме того, самостоятельно.

Итого 1,4 млн

Подобная группировка является, разумеется, приблизительной. В ней недостаточно учитываются сложные формы переплетения отдельных категорий рабочих со средними слоями и наоборот. Весьма относительна также граница, отделяющая верхушку средних слоев от буржуазии. Тем не менее в целом указанные расчеты дают более или менее правильное представление о расстановке социальных сил в Веймарской республике в то время.

Это подтверждают подсчеты некоторых других советских авторов. Так, в группировке, произведенной А. Сидоровым, социальная структура Германии выглядела, по данным той же переписи, следующим образом (см. табл. 1).

При некотором различии в конкретных цифрах основные пропорции структуры общества совпадают с теми, которые приведены выше.

Подсчеты, которые делали в связи с этой переписью наиболее серьезные западные социологи, несмотря на особенности применяемой ими, во многом спорной методологии, давали примерно то же соотношение между основными группами населения — рабочим классом, средними слоями и буржуазией.

Весьма показательны в этом смысле таблицы, рассчитанные в 1932 г. профессором Т. Гайгером. Согласно его данным, соотношение между основными социальными группами немецкого общества (буржуазией, средними слоями и пролетариатом) составляло 0,84; 24, 39; 74, 77 при группировке по характеру занятий и 0,92; 25, 68; 73, 40 при группировке по профессиональному признаку [3]. Социальная структура немецкого общества, рассчитанная на основании материалов переписи 1933 г., выглядела следующим образом: «самостоятельные» — 19,8 %, «помогающие» члены семей — 9,6, служащие и чиновники — 18,5, рабочие — 52 % [4].

Эта социальная структура находила свое отражение в политической структуре германского общества.

После ноябрьской революции 1918 г., которая привела к существенным передвижкам в политической жизни — расколу или распаду ряда старых партий и появлению новых, — расстановка политических сил в стране была следующей.

Таблица 1

Экономически активное население (тыс. человек)

Род аанятий	Крупная буржуазия	Зажиточные мелкие хозяева	Беднейшие мелкие хозяева	Пролетариат и полупролетариат	Всего
Самостоятельные	588	917	3371	662	5538
Служащие	—	1055	1582	2637	5274
Рабочие	—	—	—	15 759	15 759
Помогающие члены семьи	365	752	2544	1776	5437
Итого	953	2724	7497	20 834	32 008
Лица без профессий	233	423	813	2375	3844
Всего	1186	3147	8310	23 209	35 852
%	3	9	23	65	100

Источник: *Сидоров А.* Фашизм и городские средние слои Германии. М., 1936. С. 25.

[3] *Geiger T.* Die Soziale Schichtung des deutschen Volkes. Stuttgart, 1932. S. 72.
[4] Tatsachen und Zahlen über Deutschland. B., 1941. S. 80.

Организованные рабочие голосовали за три партии: коммунистическую, которая вела за собой авангард рабочего класса, независимую социал-демократическую (за ней шла значительная часть революционно настроенных рабочих, отвергавших установившийся в стране буржуазно-республиканский строй и стремившихся к ликвидации капиталистической системы) и социал-демократическую. Последнюю поддерживали реформистски настроенные рабочие.

После 1920 г., когда независимая социал-демократическая партия раскололась и ее левое крыло вошло в состав КПГ, голоса организованного рабочего класса в основном делились между коммунистами и социал-демократами. При этом соотношение сил между ними постоянно менялось. Распространение реформистских иллюзий, связанное со стабилизацией капитализма, укрепляло социал-демократию, подъем классовой борьбы вел к упрочению позиций коммунистов. Большое значение в укреплении позиций коммунистической партии играл и субъективный фактор: степень сплоченности, соответствие принятой тактики объективной обстановке, эффективность применяемых методов.

В то же время существовала сплоченная группа организованных пролетариев, которая ни при каких изменениях обстановки не голосовала за социалистические партии. Это были религиозные, преимущественно католические рабочие, по традиции отдававшие свои голоса партии Центра. За нее же голосовала часть неорганизованных рабочих, полуремесленного пролетариата и т. д. Остальные рабочие отдавали свои голоса за другие буржуазные партии. Так, сельскохозяйственный пролетариат, находившийся под большим влиянием помещичьих и кулацких сельскохозяйственных союзов, в ряде случаев пополнял ряды избирателей правых «крестьянских партий» — Ландбунд, Ландфольк и т. д. Часть городских рабочих, занятых на мелких и ремесленных предприятиях, голосовала вместе со своими хозяевами за демократическую партию, экономическую партию и т. д.

Сложнее обстояло дело со средними слоями, поставлявшими избирателей для всех партий, как левых, так и правых. Городская мелкая буржуазия предпочитала Демократическую или Немецкую народную партию (ННП), считавшиеся умеренными и респектабельными, имевшие в своих рядах крупных государственных деятелей и способные создавать «эффективно действующие» правительства. Немецкая национальная народная партия (НННП), стоявшая на правом фланге, была оплотом наиболее консервативных сил, и прежде всего юнкерства. За нее отдавала свои голоса часть зажиточного крестьянства, особенно в Восточной Германии. Значительную часть избирателей этой партии составляло среднее и высшее чиновничество, в том числе большая группа чиновных пенсионеров кайзеровских времен.

Весьма разношерстным был состав избирателей, голосовавших на первых порах за крайне правые партии — «фелькише», среди которых ведущую роль с 1924 г. приобрели национал-социалисты.

Частично это были выходцы из тех же слоев, что и избиратели Немецкой национальной народной партии. Сельское население было, однако, представлено среди них в гораздо меньшей степени. Зато несравненно большую роль среди сторонников «фелькише» играли деклассированные элементы, в частности бывшие солдаты и унтер-офицеры периода первой мировой войны, не нашедшие себе места в гражданской жизни. Поддерживали их и группы мелкой буржуазии, разорившиеся в связи с крахом кайзеровской империи и последовавшей хозяйственной разрухой и инфляцией. В партиях «фелькише» их особенно привлекала крайняя радикальность лозунгов и постоянно декларируемая нетерпимость к веймарскому государству, которой, на их взгляд, недоставало Немецкой национальной народной партии.

Особняком среди буржуазных партий стояла партия Центра. За нее, как уже говорилось выше, по традиции голосовала часть рабочих. В ряде районов Германии партия Центра и близкая к ней Баварская народная партия имели большое число избирателей среди католического крестьянства, мелкой и средней буржуазии.

Бóльшая или меньшая идентичность структуры массовой базы большинства буржуазных партий приводила к тому, что она сравнительно легко варьировала свои политические привязанности. Исключение составляла опять же партия Центра, позиции которой были сравнительно стабильными. Другие же буржуазные партии от выборов к выборам как бы качались на качелях. При этом имела место следующая закономерность: по мере стабилизации политической и экономической обстановки буржуазный избиратель обычно склонялся влево. Часть избирателей «фелькише» переходила к Немецкой национальной народной партии, часть избирателей НННП — к буржуазным партиям, находившимся от нее влево, а избиратели этих партий — к социал-демократам. Обострение ситуации вызывало обратное движение — слева направо.

Общая картина была бы неполной без упоминания значительной категории населения, регулярно не участвовавшей в парламентских выборах. В 1919 г. от голосования воздержались или подали недействительные бюллетени 6,4 млн человек (17,3 % имевших право голоса), в 1920 г. — 7,7 млн (21,6 %), в мае 1924 г. — 9,1 млн (23,7 %), в декабре 1924 г. — 8,7 млн (22,3 %), в 1928 г. — 10,4 млн (25,5 %), в 1930 г. — 8,0 млн (18,6 %), в июле 1932 г. — 7,3 млн (16,5 %), в ноябре 1932 г. — 8,9 млн (20,0 %) [5].

Как видно из этих данных, «партия неголосующих» в Веймарской республике была довольно значительной и превосходила по своему числу сторонников большинства действовавших политических партий. Но главное было даже не в этом. Число воздерживавшихся от голосования постоянно менялось, как и менялась их доля среди обладавших правом голоса. Подобные изменения были

---

[5] Die Wahlergebnisse für das Reich von 1919—1933. Striefler H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf, 1946. Tabellen—Anhang (далее: *Striefler H.* Op. cit.)

вполне определенными. При острых ситуациях обычно пассивная масса неголосующих как бы пробуждалась. Это превращало ее в важный политический резерв, мобилизация которого могла в корне изменить соотношение политических сил в парламенте и во всей стране.

Оценить долю различных социальных групп среди избирателей той или иной партии в количественном выражении можно лишь приблизительно. В начале 30-х годов социологом Гансом Нейссером была предпринята попытка такой оценки по данным парламентских выборов 1930 г.[6] Согласно его данным, за Коммунистическую партию Германии голосовали на этих выборах почти исключительно промышленные рабочие. Сложнее был состав избирателей, отдавших свои голоса за социал-демократическую партию. Около 40 % из них не относились к числу промышленных рабочих. За СДПГ голосовало примерно 25 % всех избирателей служащих, около 33 % низших чиновников, лиц, получавших пенсию по социальному страхованию, и сельскохозяйственных рабочих.

Среди избирателей социал-демократической партии насчитывалось также примерно 25 % всех ремесленников и мелких торговцев.

За партию Центра, по тем же подсчетам, голосовало примерно 10 % всех промышленных рабочих. Иными словами, рабочие составляли около трети избирателей, отдавших голоса этой партии. Кроме того, за Центр голосовала примерно одна десятая всего сельскохозяйственного населения Германии (одна восьмая избирателей партии). Примыкавшая к партии Центра Баварская народная партия была преимущественно «сельскохозяйственной» — подавляющее большинство ее избирателей составляли баварские крестьяне.

Определенный интерес представляют подсчеты Нейссера в отношении национал-социалистской партии. Выборы 1930 г. были первыми, принесшими значительный успех НСДАП. На этих выборах за нее, как мы увидим ниже, голосовали уже многие избиратели других партий. Поэтому с точки зрения характеристики первоначальной социальной массовой базы национал-социалистов эти выборы не очень характерны. Тем не менее и эти подсчеты заслуживают внимания. Примерно 30 % избирателей НСДАП составляли чиновники, служащие и рантье, от 20 до 25 % — представители сельского населения (помещики, богатое и среднее крестьянство) и примерно от 15 до 20 % рабочие. При этом, как отмечает Нейссер, под рабочими в данном случае подразумевались все лица наемного труда, занятые физическим трудом в промышленности и торговле, а также молодежь из рабочих семей, не включенная в производственный процесс из-за безработицы.

Такова была общая картина, если брать всю Германию. Однако в отдельных землях и провинциях политическая расстановка сил

---

[6] *Neisser H.* Statistische Analise des Wahlergebnisses // Die Arbeit. 1930. H. 10.

существенно отличалась от общегерманской. Эти особенности легко проследить на основании детальных статистических исследований, проведенных по наиболее характерным парламентским выборам (1924 г.) немецким статистиком и социологом Генрихом Штрайфлером.

На основании официальных данных о результатах выборов по отдельным округам им были составлены карты географического распределения избирателей каждой из политических партий. Это позволило наглядно выделить основные центры влияния каждой из них.

Коммунистическая партия Германии имела наиболее прочные позиции в двух главных пунктах: в рурском промышленном районе и в Центральной Германии. Особенно высокий процент голосов был получен коммунистами в округах Дюссельдорф, Арнсберг, в Тюрингии, в Цвикау, Хемнице, Лейпциге, Мерзебурге, в Берлине, Гамбурге, а также в Мекленбурге-Штрелитц в районе Неккар. Меньше всего голосов (менее 4 %) КПГ собрала в Швабии, Нижней Баварии, Верхней и Нижней Франконии, в Рейн-Гессене, Трире, Миндене, Оснабрюке и Ольденбурге, а также в Шнейдемюлле и Кестлине. Все это полностью отвечало уровню экономического развития соответствующих районов: в первом случае речь идет о наиболее промышленно развитых территориях с многочисленным организованным пролетариатом и богатыми боевыми традициями, во втором — о наиболее отсталых сельскохозяйственных районах.

Некоторое исключение составляли Любек, где доля полученных коммунистами голосов была ниже, чем этого можно было бы ожидать, а также Оппельн, Кёнигсберг и Гумбинен, в которых процент голосов, поданных за коммунистов, был выше, чем можно было предположить.

К этим данным можно добавить, что из 3,9 млн голосов, поданных на этих выборах за коммунистическую партию, 979 тыс. (или 25 %) принадлежало жителям Рейнско-Вестфальского района. В то же время на этот район приходилось лишь 19 % всех лиц, имевших право голоса. 22 % коммунистических избирателей проживало в Центральной Германии, где находилось 17 % имевших право голоса. На Берлин приходилось 12 % избирателей, голосовавших за КПГ, в то время как проживало там 8 % имевших право голоса.

Во всех других районах, за исключением Верхней Силезии, доля голосов, поданных за коммунистов, была меньше доли проживающих избирателей.

Иным было размещение основных центров влияния СДПГ. 24 % ее избирателей проживало в Центральной Германии, где находилось 17 % всех имевших право голоса. Сравнительно сильным было ее влияние в Восточной Германии. Там размещалось 19 % ее избирателей (18 % всех имевших право голоса). В Рейнско-Вестфальской области, где коммунисты были сильнее всего, влияние СДПГ было заметно меньшим. На 19 % всех имевших

право голоса приходилось 12 % избирателей СДПГ. Несколько выше процент избирателей СДПГ в Северо-Западной Германии (15 против 12 %). В Юго-Западной Германии и Берлине процент избирателей СДПГ примерно совпадал с процентом избирателей в целом. В Баварии процент избирателей СДПГ был выше, чем КПГ, однако в общем низок (7 % против 10 %).

В целом, несмотря на определенные различия в структуре избирателей, голосующих за КПГ и СДПГ, их влияние распространялось примерно на одни и те же или близкие социальные слои.

Влияние умеренных буржуазных партий — Демократической и Немецкой народной — географически распределялось примерно так же, как и влияние обеих рабочих партий. Наибольшая доля их избирателей размещалась в Ангальте, Липпе, Бремене, Гамбурге и Любеке, а также в Ольденбурге, Брауншвейге, Рейн-Гессене, Дрездене, Лейпциге и Бауцене. Все это высокоразвитые в экономическом отношении районы со значительным городским населением. В преимущественно сельских районах позиции обеих партий были весьма слабы. Самым меньшим число их избирателей было в правобережной Баварии, Шнейдемюлле, Кестлине, а также в Верхней Силезии.

Характерно, что влияние этих партий в восточноэльбских сельскохозяйственных районах и в правобережной Баварии было слабее, чем даже влияние СДПГ и КПГ.

Если взять более крупные территориальные районы, то влияние этой группы партий распределялось следующим образом: из 5,1 млн избирателей, отдавших свои голоса за умеренные буржуазные партии, около 1,2 млн (21 %) проживали в Центральной Германии. Это на $^{1}/_{3}$ выше, чем доля проживавших в этом районе избирателей. Выше, чем число избирателей вообще, доля голосов, полученных этими партиями в Северо-Западной Германии (14 против 12 %), в Юго-Западной Германии (16 против 15 %) и в Берлине (9 против 8 %). Ниже это соотношение в Рейнско-Вестфальском районе (16 против 19 %), в Восточной Германии (15 против 18 %), в Баварии (6 против 10 %) и в Верхней Силезии.

В целом 69 % поданных за эти партии голосов были получены в Центральной, Северо-Западной, Юго-Западной Германии и в Рейнско-Вестфальской области. Все это подтверждает, что основную массу избирателей центристских буржуазных партий составляли мелкобуржуазные прослойки городского населения: мелкие торговцы, ремесленники, чиновники, а также значительная часть служащих и интеллигенции.

Данные о распределении влияния партии Центра вместе с Баварской народной партией рисуют картину еще большей территориальной концентрации. В отличие от других «умеренных» буржуазных партий главная масса ее избирателей была сосредоточена в Западной и Юго-Западной Германии. В трех западногерманских округах (Мюнстер, Аахен и Трир) за партию Центра голосовало более 40 % всех избирателей. Около 30 % голосов всех

избирателей было собрано партией в Оснабрюке, Кобленце, Нижней Франконии, Верхнем Пфальце, в Констанце, в Дунайском округе Вюртембурга.

В целом 80 % из 4,9 млн избирателей партии Центра проживали в Южной и Западной Германии. Соответственно доля голосов, полученных в этих районах, была существенно выше доли проживающих в них избирателей. В Рейнско-Вестфальском районе это соотношение составляло 41 к 19 %, в Баварии 19 к 10, а в Юго-Западной Германии 20 к 15 %.

Такая концентрация голосов объяснялась, как уже отмечалось, тесными традиционными связями между этой партией и католическим населением, рассматривавшим ее как свое политическое представительство. Не случайно районы самого большого влияния партии Центра были районами преимущественного расселения католиков.

Это, разумеется, не означало, что все лица католического вероисповедания голосовали за партию Центра. Политическое расслоение католической общины зашло к тому времени достаточно далеко, чтобы не найти отражения в результатах выборов. По данным автора детального социологически-статистического исследования «Немецкие католики и партия Центра» Иоганнеса Штауфа, проанализировавшего выборы, состоявшиеся в декабре 1924 г., за партию Центра и Баварскую народную партию проголосовало в это время лишь около 56 % всех католиков, имевших право голоса.

44 % голосов католиков, поданных не за Центр и Баварскую народную партию, распределялись, согласно его подсчетам, следующим образом: 12,1 % приходилось на СДПГ, 6,5 — на коммунистов, 8,4 — на Немецкую национальную народную партию, 4 — на Немецкую народную партию, 3,1 % — на Демократическую партию.

В целом 18,8 % католиков голосовало за рабочие, 12,6 — за «умеренные» буржуазные и 9,3 % — за консервативные правые партии.

Сравнивая долю голосов, отданных католиками за три группы партий, с долей голосов, полученных этими партиями вообще, Штауф приходит к следующему выводу. Среди избирателей рабочих партий католические избиратели были представлены в таком же соотношении, что и любые другие. При этом доля лиц католического вероисповедания среди избирателей коммунистов была даже выше, чем среди избирателей социал-демократов. Среди избирателей правых партий католиков было меньше, чем среди избирателей умеренных буржуазных партий [7].

Сопоставление результатов голосования за партию Центра и Баварскую народную партию в сельских и городских католических

[7] См.: *Schauff J.* Die Deutsche Katoliken und die Zentrumspartei. Köln, 1928. S. 5 ff.

районах позволяет установить совершенно четкую закономерность: чем более развитым в промышленном отношении являлся тот или иной район, тем меньше был процент голосов, отданных католическим населением за партию Центра. И наоборот, округами, в которых зарегистрирован самый высокий процент голосования за партию Центра, были преимущественно сельские округа. Определенную роль играла и степень концентрации католического населения. В районах наибольшей концентрации, где клиру удавалось эффективно контролировать свою общину, католические избиратели голосовали более «дисциплинированно». В районах, где католическое население было вкраплено среди населения других вероисповеданий, оно проявляло бо́льшую самостоятельность и в политической области.

В целом, однако, у партии Центра и у Баварской народной партии была своя достаточно сплоченная прослойка избирателей, верность которой этим партиям обусловливалась религиозными воззрениями.

В отличие от буржуазных партий, о которых шла речь выше, Немецкая национальная народная партия вместе с Ландбундом и другими близкими ей группами опиралась преимущественно на ярко выраженные сельскохозяйственные территории. Свыше 40 % избирателей этой партии проживало восточнее Эльбы, включая Берлин и Верхнюю Силезию. В восточноэльбском районе, Центральной и Северо-Западной Германии находилось свыше 70 % ее избирателей. В остальной Германии доля голосов, отданных НННП и ее союзникам, была значительно ниже доли проживавших там избирателей. В Баварии это соотношение составило 4 к 10 %, в Рейнско-Вестфальской области — 10 к 19 %, в Юго-Западной Германии — 14 к 15 %. В Центральной и Восточной Германии соотношение было обратным: 19 к 17 % в Центральной Германии и 32 к 18 % в Восточной Германии.

Это же можно проследить на примере распределения влияния Немецкой национальной народной партии (без Ландбунда). Самый высокий процент голосов был получен в восточноэльбском районе, и прежде всего в его северо-восточной части. Больше всего избирателей голосовало за НННП в Кестлине, Штетине, Штральзунде, в восточнопрусских округах Западной Пруссии, Гуммбинене, Кенигсберге и Аллештейне, а также в Шнейдемюлле, Лигнице и Потсдаме. Высокий процент избирателей голосовал за эту партию и в отдельных районах земли и провинции Саксонии. На остальной территории Германии округа наиболее высокого влияния НННП были как бы вкраплены островками: Минден, Липпе, Кассель, Центральная Франкония.

Для уточнения позиций отдельных партий в городских и сельских районах Германии сравним приведенные выше данные с результатами выборов в зависимости от размера общин. С этой целью можно использовать дифференцированные в соответствии с размерами населенных пунктов итоги общинных выборов за 1920 г., позволяющие составить следующую таблицу.

Таблица 2

Результаты выборов 1920 г. в общинах различных размеров

	До 2 тыс. человек	С 2 тыс. до 5 тыс. человек	С 5 тыс. до 10 тыс. человек	Свыше 10 тыс. человек
Всего имеющих право голоса	12,6 млн (100 %)	4,0 млн (100 %)	2,5 млн (100 %)	16,9 млн (100 %)
Участие в выборах (%)	77,9	80	82,6	79,7
НННП	18,0	9,3	8,6	8,2
ННП	7,2	9,9	12,5	13,2
ДП	4,5	7,1	7,9	7,6
Партия Центра	11,8	14,8	13,2	8,5
СДПГ	15,2	18,6	18,4	17,6
КПГ и НСДПГ	9,9	14,3	16,7	20,0

При пересчете соотношения доли голосов, поданных за отдельные партии в различных группах общин, получится:

	До 2 тыс. человек	С 2 тыс. до 5 тыс. человек	С 5 тыс. до 10 тыс. человек	Свыше 10 тыс. человек
Имеющих право голоса (100 %)	35	11	7	47
НННП (100 %)	53	9	5	33
НП (100 %)	23	10	8	59
ДП (100 %)	24	12	9	55
Партия Центра (100 %)	39	15	9	37
СДПГ (100 %)	32	12	8	48
КПГ и НСДПГ (100 %)	22	10	7	60

Составлено по: *Striefler H.* Op. cit. S. 55.

Приведенные данные свидетельствуют: степень участия в выборах была неодинаковой в различных общинах. Ниже всего процент участвовавших в голосовании в типично сельских районах. Сравнительно высока доля воздержавшихся в крупных городах. Самая высокая явка на выборы была в малых и средних городах.

В общинах, насчитывающих менее 2 тыс. жителей, т. е. в сельской местности, больше всего голосов собрала Немецкая национальная народная партия, за ней следовали СДПГ и партия Центра. В общинах с населением свыше 10 тыс. человек сильнее всего позиции КПГ и НСДПГ. За ними следовала СДПГ, а затем — Немецкая народная партия. В мелких и средних городах первое место занимала СДПГ, за ней КПГ и НСДПГ, а затем партия Центра.

Если взять более крупные политические группы, то получится следующая картина. В городах с населением свыше 10 тыс. человек голоса избирателей разбивались почти поровну: 37,6 % избирателей, голосовавших за рабочие партии, противостояли 37,5 % избирателей, отдававших свои голоса буржуазным партиям. В средних городах (5—10 тыс. жителей) это соотношение составляло

35,1 к 42,4 %, в мелких городах (2—5 тыс. человек) — 32,9 к 41,1 % и в сельских общинах — 25,1 к 41,5 %.

Разумеется, в различных районах отмеченные пропорции существенно варьировались. Восточнее Эльбы в сельской местности решающие позиции находились в руках НННП. Сильнее всего она была представлена в Померании (39,7 %). В то же время сравнительно низкой была доля полученных ею голосов в Мекленбурге (21,1 %). Зато здесь было необычно высоким влияние СДПГ (36,9 %) и умеренных буржуазных партий (20,8 %). В Центральной Германии НННП обладала самыми сильными позициями на селе. Влияние СДПГ было там сравнительно слабым. Большим, чем это можно было ожидать на основании общих данных по стране, было влияние в сельской местности Центральной Германии КПГ—НСДПГ. В Северо-Западной Германии в сельской местности наблюдалось сравнительно большее, чем в других местах, влияние «умеренных» буржуазных партий. В Рейнско-Вестфальской области наиболее прочные позиции в сельской местности занимала партия Центра. В отдельных округах она собирала до 59 % голосов. В мелких и средних городах ее влияние было также весьма велико, однако слабее, чем на селе. В Южной и Юго-Западной Германии на селе также господствовала партия Центра.

Во всех приведенных выше подсчетах отсутствуют данные о НСДАП. В выборах 1920 г. она вообще не участвовала. В выборах 1924 г. она принимала участие как преимущественно баварская партия, выступавшая в союзе с отдельными разрозненными группами «фелькише» в Северной и Восточной Германии. Поэтому рассмотрение материалов, относившихся к тому времени, не могло дать ничего существенного для изучения распространения влияния НСДАП в различных районах Германии и степени ее популярности среди различных социальных слоев и классов.

Гораздо показательнее с этой точки зрения данные, относящиеся к периоду наибольшего влияния национал-социалистской партии. Для уяснения этого вопроса обратимся к результатам выборов, состоявшихся в июне 1932 г.[8]

Характерно, что даже в это время влияние, которого НСДАП добилось в Западной и Южной Германии, значительно уступало ее влиянию на востоке и севере страны. Доля голосов, полученных национал-социалистами в избирательных округах крупных городов, была значительно ниже, чем процент голосов, полученных ими в среднем. Наиболее высоких результатов национал-социалисты добились в Шлезвиг-Гольштейне, Восточном Ганновере, Южном Ганновере-Брауншвейге, Хемнице-Цвикау, Лигнице и Франкфурте-на-Одере. Сильные позиции были захвачены ими по всей Восточной Германии, в Центральной Германии и в районах Гессена и Пфальца.

Из 13,7 млн избирателей, отдавших свои голоса национал-

[8] Ibid. S. 48a.

социалистам, только 38 % проживало на западе и юге Германии, зато 62 % — на Востоке и Севере. Наиболее высокой была доля поданных за нацистов голосов в районах восточнее Эльбы (38,3 % всех имеющих право голоса). В Северо-Западной Германии эта доля составляла 37,7 %, в Центральной Германии 36,6 %. Ниже всего была доля голосов, полученных национал-социалистами в Рейнско-Вестфальской промышленной области, в Берлине и Баварии (25,2 %).

Чем объяснялось такое специфическое распределение влияния НСДАП? На какие категории оно распространялось? За счет каких групп оно выросло? Чьи избиратели перебежали к национал-социалистам? Ответ на этот комплекс вопросов можно найти, лишь рассмотрев динамику парламентских выборов в Веймарской республике за длительное время.

Динамика парламентских выборов в Германии с 1918 по 1933 г.

Первые выборы в Веймарской республике состоялись в январе 1919 г. Проходили они в обстановке гражданской войны. Авангард рабочего класса вел борьбу за превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую. Лидеры германской социал-демократии большинства, вступив в союз с генералитетом, не считаясь со средствами, пытались отстоять существующий общественный строй. Буржуазные партии, захваченные врасплох ноябрьской революцией 1918 г., только перестраивали свои ряды. В этих условиях многие сторонники капитализма видели единственно реальную защиту от революции в правой социал-демократии и в объединившихся с нею Демократической партии, а также партии Центра («веймарская коалиция»). Этим объяснялась одержанная тогда коалицией внушительная избирательная победа. Социал-демократы собрали на выборах 1919 г. 11,5 млн голосов, Демократическая партия — 5,7 млн, партия Центра —6,0 млн. В целом партии коалиции получили 76,1 % всех признанных действительными голосов. Буржуазные партии, находящиеся правее Центра, собрали вместе 15,6 % голосов[9].

Выборы, состоявшиеся в 1920 г., значительно изменили эту картину. Все три партии «веймарской коалиции» понесли серьезные потери. Соответственно усилилась оппозиция слева и справа. Более других пострадала Демократическая партия. Оправившиеся от первого испуга буржуазные избиратели повернулись лицом к другим партиям, в большей степени привлекавшим их своими позициями и программой. В результате число голосов, поданных за Демократическую партию, сократилось более чем вдвое (с 5,7 млн до 2,3 млн).

В серьезном проигрыше оказалась и социал-демократия. Избиратели отходили от нее как вправо, так и влево. Если в 1919 г.

---

[9] Здесь и дальше данные приводятся по: *Striefler H.* Op. cit.

теснившая СДПГ слева НСДПГ получила 2,3 млн голосов (КПГ бойкотировала эти выборы), то в 1920 г. КПГ и НСДПГ вместе собрали 5,6 млн голосов. Иными словами, 3,3 млн избирателей ушли от СДПГ влево.

В 1919 г. обе рабочие партии получили вместе 13,8 млн голосов. В 1920 г. за СДПГ, НСДПГ и КПГ было подано 11,7 млн голосов. Но это значило, что 2,1 млн. избирателей сдвинулись вправо.

Меньше других были потери партии Центра. Вместо 6 млн голосов она получила 5,1 млн. Соответственно ее доля сократилась с 19,7 до 18,1 %. Тем не менее основное ядро избирателей осталось верным своей партии.

Отмеченная выше тенденция проявилась и во время майских выборов 1924 г. Позиции СДПГ и буржуазных партий «веймарской коалиции» продолжали ослабляться. Число голосов, поданных за Демократическую партию, уменьшилось еще в полтора раза и составило 1,6 млн. Партия Центра потеряла 200 тыс. голосов, а ее доля сократилась до 16,7 %. В действительности передвижка избирателей буржуазных партий вправо была еще большей и была замаскирована притоком голосов, потерянных СДПГ.

За счет бывших избирателей Демократической партии и партии Центра значительно усилился правый лагерь. Впервые выступивший на парламентских выборах Ландбунд собрал 600 тыс. голосов. На 1,4 млн выросло число голосов, поданных за Немецкую национальную народную партию. Впервые участвовавшие в голосовании национал-социалисты собрали вместе с другими «фелькише» 1,9 млн голосов.

Существенные перемены произошли на левом фланге. В 1920 г. произошел раскол НСДПГ. Ее левое крыло объединилось с КПГ и увело с собой большинство избирателей. Если в 1920 г. за КПГ голосовали 600 тыс. человек, то в мае 1924 г. она получила 3,7 млн голосов. Оставшаяся часть НСДПГ потеряла всякий политический вес. На выборах в мае 1924 г. за нее было подано всего 200 тыс. голосов. Остальные избиратели НСДПГ проголосовали за социал-демократов. Но поскольку те потеряли более 2 млн избирателей, число поданных за СДПГ голосов не только не выросло, но даже уменьшилось с 6,1 млн до 6 млн.

Декабрьские выборы 1924 г. происходили в условиях временной политической и экономической стабилизации. Это привело к заметному ослаблению крайне правого крыла. Национал-социалистская партия потеряла по сравнению с предыдущими выборами 1 млн голосов. Практически все эти голоса перешли к считавшейся несколько более умеренной НННП. Однако число голосов, поданных за нее, увеличилось лишь на 0,5 млн. Это свидетельствовало о том, что по крайней мере 0,5 млн избирателей отказали НННП в поддержке и проголосовали за партии, стоящие от нее слева. И действительно, выросло влияние Экономической партии, собравшей 1 млн голосов, на 300 тыс. увеличилось число голосов, поданных за Немецкую народную партию, впервые после 1919 г. наметилось усиление позиций Демократической партии (прирост на

300 тыс. голосов). Заметно укрепила свое влияние и партия Центра, за которую было подано 53 млн голосов (увеличение на 400 тыс.).

Самую крупную победу на этих выборах одержали социал-демократы. Этому в значительной степени способствовала сложная ситуация, создавшаяся в КПГ, руководство в которой было захвачено «ультралевой» фракцией, навязывавшей партии ошибочную тактику и погрязшей во фракционной борьбе. В результате КПГ за полгода, отделявшие майские выборы от декабрьских, потеряла 1 млн голосов. Прирост голосов, поданных за СДПГ, составил 1,9 млн. Поскольку общее увеличение признанных действительными голосов было сравнительно небольшим, можно считать, что почти 0,9 млн избирателей вернулись к СДПГ от буржуазных партий.

Выборы 1928 г. в общем подтвердили прежнюю тенденцию. КПГ, преодолев свою внутреннюю слабость, начала заметно укреплять позиции. Число поданных за нее голосов увеличилось на 0,5 млн. Хотя эти голоса оказались потерянными для СДПГ, она в целом не только не оставила прежних позиций, но, напротив, заметно усилила их. Ее списки собрали 9,1 млн голосов (увеличение на 1,2 млн). Поскольку число действительных голосов и на этот раз выросло незначительно, дополнительные голоса, поданные за СДПГ, свидетельствовали о дальнейших потерях буржуазных партий.

И действительно, во всем буржуазном лагере произошел сдвиг избирателей влево. Продолжали терять голоса национал-социалисты (100 тыс. голосов), немецкие националисты (1,8 млн голосов), Немецкая народная партия (300 тыс. голосов), Демократическая партия (400 тыс. голосов), партия Центра и Баварская народная партия (600 тыс. голосов). За их счет несколько улучшили свои позиции мелкие буржуазные партии, имевшие узкосословный характер,— Экономическая и Ландбунд. Однако главной отличительной чертой этой передвижки влево был переход значительной части избирателей от буржуазных партий к социал-демократии.

Следующие выборы осенью 1930 г. состоялись в условиях, когда временная политическая и экономическая стабилизация сменилась острым экономическим и политическим кризисом. Это внесло серьезные коррективы в политическую расстановку сил в стране. Массы избирателей начали отказывать в доверии партиям, считавшимся опорой столь очевидно доказавшего свою несостоятельность «веймарского режима» и находившимся все это время у власти. Заметно выросло число голосов, поданных за КПГ (на 1,3 млн). Поскольку число признанных действительными голосов резко увеличилось, потери СДПГ оказались гораздо меньшими, чем можно было бы предполагать, судя по усилению КПГ. Потеряв 0,5 млн голосов, СДПГ все же удержалась на более высоком уровне, чем на всех остальных выборах, за исключением самых первых. В целом обе рабочие

партии даже несколько увеличили число собранных голосов (13,2 млн против 12,4 млн в 1928г.)

Зато расстановка сил в буржуазном лагере полностью изменилась. Сенсационный рывок вперед совершила национал-социалистская партия. Она собрала 6,4 млн голосов (прирост 5,6 млн). Доля поданных за нее голосов выросла с 2,6 до 18,5 %. Тем самым НСДАП превратилась во вторую по значению политическую партию в рейхстаге. Все остальные буржуазные партии, за исключением Экономической, Ландбунда и партии Центра, понесли серьезный урон. Немецкая национальная народная партия потеряла 1,9 млн голосов, Немецкая народная партия —1,1 млн, Демократическая —200 тыс.

Во время июльских выборов 1932 г. эта тенденция продолжала действовать с еще большей силой. Позиции КПГ вновь укрепились. Число избирателей, проголосовавших за коммунистов, выросло на 700 тыс. человек. Соответственно на 600 тыс. сократилось количество голосов, отданных за социал-демократическую партию. В целом, однако, обе рабочие партии не понесли потерь (13,3 млн против 13,2 млн).

В буржуазном лагере единственной партией, добившейся значительных успехов, была опять НСДАП. Число поданных за нее голосов возросло еще на 7,3 млн голосов (37,1 %). Конкуренцию национал-социалистов выдержала на этот раз лишь одна партия Центра, даже несколько укрепившая свои позиции (прирост 600 тыс. голосов). Все остальные были сметены политическим ураганом. Ландбунд вообще сошел с политической арены. За Экономическую партию проголосовало всего 100 тыс. человек. Немецкая народная партия потеряла еще 1,2 млн голосов и превратилась в незначительную группу (на этих выборах за нее голосовало лишь 400 тыс. избирателей). То же самое произошло и с Демократической партией. Потеряв еще 900 тыс. голосов, она сохранила только 400 тыс. избирателей. Меньшие, чем у других, потери понесла Немецкая национальная народная партия. Число поданных за нее голосов сократилось с 2,5 млн до 2,2 млн. Практически после этих выборов в качестве серьезной силы на политической арене остались коммунисты, социал-демократы, католики (партия Центра), немецкие националисты и национал-социалисты.

Состоявшиеся через три месяца новые парламентские выборы показали, что господствовавшая прежде тенденция начинает меняться. Событием, наиболее характерным для этих выборов, было заметное ослабление национал-социалистов. Число поданных за них голосов сократилось на 2 млн. За счет НСДАП несколько укрепились позиции немецких националистов (прирост на 800 тыс. человек). Остальные буржуазные партии, за исключением Центра (который, однако, на этот раз тоже понес потери —0,5 млн голосов), по-прежнему пребывали в полном упадке. На левом фланге продолжала уверенно набирать темпы коммунистическая партия. Число поданных за нее голосов увеличилось на 700 тыс. и составило 6 млн. Соответственно несколько уменьшилось количество

избирателей, голосующих за социал-демократов (тоже на 700 тыс. человек). В целом же позиции рабочих партий оказались непоколебленными (13,3 млн).

Последние парламентские выборы, состоявшиеся в марте 1933 г., не могут быть использованы для анализа, ибо происходили уже в обстановке разнузданного террора национал-социалистов, прорвавшихся к этому времени к власти.

Такова в общих чертах картина парламентских выборов в Веймарской республике. Картина эта весьма приблизительна, ибо в ней в недостаточной степени учтены изменения, происходившие среди массы избирателей: рост числа лиц, имевших право голоса, колебания в степени участия в голосовании, изменения в возрастной структуре избирателей и т. д. Тем не менее в целом она более или менее отражает действительные процессы и может быть взята за исходный пункт дальнейших исследований.

Обратимся теперь к динамике парламентского влияния каждой отдельной партии. Для ее определения правильней всего исходить не из сопоставления абсолютных цифр, а из сравнения доли лиц, имевших право голоса и избравших данную партию во время тех или иных выборов. Такой метод исключает искажения, вызываемые изменением абсолютного числа избирателей и большим или меньшим процентом воздержавшихся от голосования.

Для наглядности ниже будут использованы кривые, исчисленные Штрифлером [10].

Рассмотрим с этой точки зрения прежде всего динамику голосования за рабочие партии. Для СДПГ наиболее успешными были выборы 1919 г., когда она собрала 31 % голосов всех избирателей. Затем ее влияние падает. Самого низкого уровня оно достигает в мае 1924 г., когда за партию высказывается лишь 15,7 % всех имевших право голоса. С этого момента вплоть до 1928 г. ее позиции укрепляются. В 1928 г. за нее голосуют 22,2 % имеющих право голоса. Затем идет спад до 16,3 % в декабре 1932 г. Независимая социал-демократическая партия играет заметную роль лишь на первых двух выборах, на которых она получила соответственно 6,3 и 14,0 % голосов.

Динамика парламентского влияния коммунистической партии демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Единственным исключением были выборы в декабре 1924 г., когда доля голосов, полученных коммунистической партией, упала с 9,6 до 6,9 %. Особенно заметным был рост влияния КПГ после 1928 г. В ноябре 1932 г. доля поданных за коммунистов голосов составила 13,5 %. Тем самым впервые с момента своего создания коммунистическая партия приблизилась по своему влиянию к социал-демократической (см. рис. 1).

Среди умеренных буржуазных партий наименьшим колебаниям подвергалось влияние партии Центра. Наиболее высокого

[10] *Striefler H.* Op. cit. S. 26 ff.

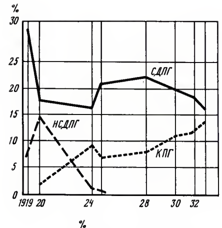
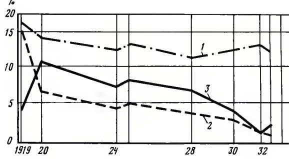

Рис. 1. Динамика влияния социалистических партий на выборах 1919—1932 гг. (% от имеющих право голоса)

Рис. 2. Динамика влияния центристских буржуазных партий на выборах 1919—1932 гг. (% от имеющих право на голоса)

1 — Центр и Боварская народнан партня, *2* — Демократнческая партин, *3* — Немецкая народная партнн

уровня оно достигло в 1919 г. (16,3 %), упало к маю 1924 г. до 12,7 % и держалось на этом уровне с незначительными отклонениями вплоть до 1933 г. Самый низкий уровень влияния приходился на 1928 г. (11,3 %), самый высокий — после декабря 1924 г. (13,1 %) — на июль 1932 г.

История Демократической партии — это история падения. Высший пик ее влияния приходился также на 1919 г. (15,3 %). В мае 1924 г. партии удалось собрать уже только 4,3 % голосов. После незначительного укрепления позиций в декабре 1924 г. уменьшение влияния продолжалось. В ноябре 1932 г. за партию голосовало лишь 0,7 % всех имевших право голоса.

Аналогичным образом складывалась судьба Немецкой народной партии. В отличие от Демократической партии она достигла высшего уровня не в 1919 г., а на выборах 1920 г. (соответственно 3,7 и 10,9 %). Именно ее успехом в 1920 г. в значительной степени объяснялась неудача Демократической партии. Однако затем Немецкая народная партия претерпела то же самое развитие: 7,8 % в декабре 1924 г., 3,7 в сентябре 1930 г., 0,9 % в июле 1932 г. (см. рис. 2).

Весьма различны по характеру кривые, отражающие изменение влияния правых партий. Мелкие правые партии, носившие преи-

мущественно сословный характер (Экономическая партия, Ландбунд и др.) на протяжении всех этих лет не играли сколько-нибудь серьезной роли в политической жизни. Динамика их развития интересна лишь в той степени, в какой она отражала колебания мелкой городской буржуазии, часть которой голосовала за Экономическую партию, и крестьянства, частично отдававшего свои голоса Ландбунду. С 1919 по 1930 г. влияние этих партий постоянно, хотя не очень резко росло. Если в 1919 г. они собрали 0,8 % голосов всех избирателей, то в 1930 г. их доля выросла до 7,5 %. Однако затем эти партии фактически распались. В июле 1932 г. они потеряли почти всех своих избирателей.

Немецкая национальная народная партия с 1919 по 1924 г. непрерывно укрепляла свои позиции. В 1919 г. за нее голосовало 8,5 % всех имевших право голоса, в декабре 1924 г.—15,9 %. После этого влияние партии постоянно падало и составило в июле 1932 г. 5,0 %. В ноябре 1932 г. оно вновь несколько увеличилось (до 6,8 %).

НСДАП, как уже указывалось, выступила на выборах впервые в мае 1924 г. До этого голоса симпатизировавших ей избирателей разбивались между множеством мелких партий «фелькише». Объединив этих избирателей, национал-социалисты собрали в мае 1924 г. 5,0 % голосов. К 1928 г. доля голосов, отданных за НСДАП, упала до 2,0 %. С 1930 г. начинается резкий подъем: 18,5 % в сентябре 1930 г., и 31,0 % в июле 1932 г. В ноябре 1932 г. доля голосов, поданных за национал-социалистскую партию, уменьшается (26,4 %) (см. рис. 3).

Таким образом, знакомство с изменением влияния отдельных партий с учетом колебаний числа избирателей подтверждает основную тенденцию, о которой шла речь выше.

Это позволяет сделать некоторые общие выводы:

1. Начиная с мая 1924 г. число голосов, подаваемых за рабочие партии, оставалось в основном стабильным. Соотношение сил менялось прежде всего между ними преимущественно в пользу КПГ.

2. Несмотря на некоторые колебания, сохраняла стабильной основную массу избирателей и партия Центра вместе с союзной ей Баварской народной партией.

3. Остальные «умеренные» буржуазные партии на протяжении всего этого времени теряли свое влияние, голоса, подаваемые за них, дробились. С 1932 г. эти партии практически растеряли свою массовую базу.

4. Единственной «традиционной» правой буржуазной партией, сохранившей после 1930 г. самостоятельное значение, была Немецкая национальная народная партия.

5. Рост национал-социалистской партии, наблюдавшийся с 1930 г., происходил в решающей степени за счет партий буржуазного лагеря.

Последний вывод особенно наглядно иллюстрирует рис. 4. Из него следует, что на протяжении первых четырех выборов

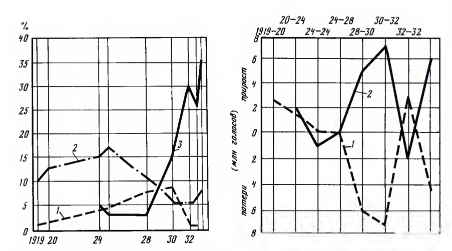

Рис. 3. Динамика влияния правых партий на выборах 1919—1932 гг. (% от имеющих право голоса)

1 — Экономическая партия, Ландбунд и др., *2* — НННП, *3* — НСДАП

Рис. 4. Динамика влияния буржуазных партий и НСДАП на выборах 1919—1932 гг. (% от имеющих право голоса)

1 — НННП, ННП, ДП, Ландбунд, Экономическая партия, мелкие партии, воздержавшиеся от голосования, *2* — НСДАП

динамика электоральных потерь и приобретений буржуазных партий (без Центра) не совпадала с динамикой НСДАП. Однако начиная с 1928 г. картина изменилась. Развитие обеих групп приобрело зеркальную форму: потери одной из них отражались в виде приобретений другой.

Иными словами, рост НСДАП и ее превращение в крупнейшую политическую силу Германии происходили почти исключительно за счет массы избирателей, всегда находившихся правее СДПГ и голосовавших за буржуазные партии. В результате НСДАП стала как бы единой партией немецкой буржуазии и поддерживавшей ее части немецкого населения.

Некоторые западные исследователи утверждают, будто НСДАП пришла к власти благодаря голосам левых избирателей, дезертировавших к национал-социалистам. Характерным для их позиции является, например, заявление Л. Лохнера: «Поразительны были успехи, которые одержал Гитлер среди рядовых членов социал-демократии и католической партии Центра, а также в связанных с ними профессиональных союзах — Всеобщем объединении немецких профсоюзов и в христианских профсоюзах. С ужасом наблюдали за подобным развитием событий руководящие деятели этих партий»[11].

[11] *Lochner L.* Tycoon and Tyrant. German Industry from Hitler to Adenauer. Chicago, 1954.

Однако, как следует из изложенного выше, подобные заключения не подтверждаются фактическими данными.

При оценке причин успеха НСДАП на выборах фигурирует также утверждение, будто поворот в ее сторону значительной части избирателей связан с изменением их возрастного состава. В частности, некоторыми западными авторами было выдвинуто предположение, что к началу 30-х годов среди избирателей было гораздо больше молодежи, чем раньше. Молодежь же всегда склонна к более решительным, радикальным действиям. А именно это и предлагали ей национал-социалисты. Подобное предположение можно опровергнуть или доказать только на основе конкретного статистическо-социологического исследования. Попытку такого исследования и предпринял уже упоминавшийся Штрифлер.

Используя официальные данные, он показал динамику количественного изменения состава имевших право голоса (млн человек)[12]:

Выборы	Число имеющих право голоса	Изменения по сравнению с предыдущими выборами	Убыль в связи со смертью	Прирост за счет молодых избирателей
1919 г., январь	36,8			
1920 г., январь	35,9	—0,9	—	—
1924 г., май	38,4	2,5	—2,2	4,7
1924 г., декабрь	39,0	0,6	—0,2	0,8
1928 г., май	41,2	2,2	—2,0	4,2
1930 г., сентябрь	43,0	1,8	—1,4	3,2
1932 г., июль	44,2	1,2	—1,1	2,3
1932 г., октябрь	44,4	0,2	—0,3	0,5

Из приведенных данных следует, что число избирателей росло от выборов к выборам. С 1920 г. по конец 1932 г. оно увеличилось с 35,9 млн до 44,4 млн, т. е. на 8,5 млн. Этот рост был результатом разрыва между числом впервые голосовавших избирателей и количеством смертей или другой убыли. Но это значит, что за период между 1920 и 1933 гг. произошло не простое увеличение числа избирателей на 8,5 млн, а убыло 7,2 млн старых избирателей и прибыло 15,7 млн молодых.

Было ли это равнозначно резкому увеличению доли молодежи среди избирателей? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним данные о возрастном составе населения Германии в 1925 и 1933 г.

В 1925 г. в Германии насчитывалось (млн):

В возрасте	Всего	Мужчин	Женщин	В возрасте	Всего	Мужчин	Женщин
20—25 лет	6,15	3,06	3,09	20—30 лет	11,46	5,53	5,93
25—30 »	5,31	2,47	2,84	Свыше 30 »	28,34	13,24	15,10

Иными словами, в 1925 г. примерно 29 % обладающих правом голоса были моложе 30 лет и около 71 % — старше 30.

[12] *Striefler H.* Op. cit. S. 16.

В 1933 г. возрастная структура взрослого населения Германии выглядела следующим образом (млн):

В возрасте	Всего	Мужчии	Жеищии	В возрасте	Всего	Мужчии	Жеищии
20—25 лет	6,14	3,08	3,06	20—30 »	12,31	6,16	6,15
25—30 »	6,17	3,08	3,09	Свыше 30 лет	33,18	15,52	17,66

Как мы видим, в 1933 г. доля лиц, обладающих правом голоса, старше 30 лет, не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Если в 1925 г. она составляла 71 %, то в 1933 г.— равнялась 73 %. Соответственно доля избирателей моложе 30 лет сократилась с 29 до 27 %.

Отсюда следует, что «радикализация» избирателей не могла быть объяснена возросшей долей молодежи. Это, конечно, не исключает того, что доля молодых избирателей была у НСДАП выше, чем у других буржуазных партий, ибо нацистам, благодаря псевдореволюционной фразеологии, удалось привлечь на свою сторону значительные отряды молодежи.

Большой интерес представляет с этой точки зрения позиция избирателей-женщин.

В большинстве женщины в Веймарской республике были настроены консервативнее, чем мужчины. Об этом свидетельствуют, в частности, выборочные данные о характере голосования в мае 1924 г. в зависимости от пола. Во время этих выборов было раздельно учтено около 2 млн голосов, в том числе 975 тыс. мужских и 967 тыс. женских.

Из этого количества были отданы за (тыс.):

	Мужчииы	Жеищииы
Народяое освободительное движение (НСДАП)	131,4	125,7
Немецкую национальную народную партию	81,5	93,2
Немецкую яародяую партию . . .	74,7	83,1
Демократическую партию	41,5	39,4
Экономическую партяю	26,3	27,0
Партяю Центра	70,2	100,5
Баварскую народную партию . . .	37,4	63,1
СДПГ	214,7	201,0
КПГ	184,5	127,0

Иными словами, на каждые сто голосов, поданных за соответствующую партию, приходилось:

	Мужских	Женских
Баварская яародная партяя . . .	37	63
Партия Центра	41	59
Немецкая нацяоиальная народяая партяя	46	54
Немецкая народная партия	47	53
Экономическая партия	51	49

	Мужских	Женских
Демократическая партия	51	49
НСДАП	51	49
СДПГ	52	48
КПГ	59	41

Наличие среди женщин тенденции голосовать за более консервативные политические силы вырисовывается вполне очевидно, особенно когда речь идет о партиях, имеющих конфессиональную окраску. Единственное исключение составляет в данном случае НСДАП, получившая меньше женских голосов, чем мужских. Это объясняется тем, что выступившая впервые на выборах национал-социалистская партия еще не приобрела в глазах многих избирателей своего ярко очерченного политического лица. Для не очень сильных в политике женщин она казалась тогда радикальной, или, по крайней мере, недостаточно консервативной.

Впоследствии это исключение исчезает и все становится на свое место. Согласно выборочным данным о голосовании в июле и ноябре 1932 г., например, в Магдебурге, за партию Центра оба раза было продано 56 % женских голосов, за Немецкую национальную народную партию 53 %, за НСДАП —52 %, за Немецкую народную партию соответственно 50 и 51 %, за СДПГ —51 и 50 %, за КПГ —41 %.

В преимущественно евангелических районах, особенно в Шлезвиг-Гольштейне, процент женских голосов, поданных за национал-социалистскую партию начиная с 1930 г., был особенно высоким, ибо там она, благодаря своим связям с так называемым Движением немецких христиан, воспринималась женщинами как близкая к церкви политическая организация. Напротив, в католических районах процент женщин, отдававших голоса за НСДАП, был меньше, чем в целом, ибо там национал-социалистская партия из-за своих столкновений с партией Центра слыла среди женщин антицерковной политической силой. Весьма показательны в этом отношении результаты выборов в июле и ноябре 1932 г. в сугубо католическом Кёльне. Доля женских голосов, поданных за партию Центра, составляла там соответственно 59,6 и 58,9 %, за НСДАП — 45,4 и 44,8 %, за СДПГ —45,5 и 44,6 % и за КПГ —41,2 и 38,8 %[13].

В целом есть все основания считать, что консервативные тенденции среди женщин-избирательниц сыграли определенную роль в сдвиге вправо, который привел к быстрому росту влияния НСДАП, тем более что число женщин, имевших право голоса, было весьма значительно (20 млн в 1925 г. и около 24 млн в 1933 г.). Однако эта роль ни в коей мере не была сколько-нибудь решающей.

Гораздо большее воздействие на динамику выборов оказывало заметное усиление политической мобильности «партии воздержав-

[13] Ibid. S. 19—21.

шихся». Последнее в свою очередь было обусловлено не только обострением обстановки, которое всегда вовлекает в политическую жизнь прежде пассивные слои населения, но и определенными изменениями в возрастной структуре этой категории граждан.

Исследования, проведенные в начале 20-х годов, показали, что участие в выборах среди женщин гораздо слабее, чем среди мужчин. При этом наивысший процент участия наблюдался среди мужчин в возрасте примерно 50—55 лет, а среди женщин — 40—45 лет. У мужчин большой интерес к выборам сохраняется до 60—70 лет, а после этого резко падает. Среди женщин это падение начинается уже после 45 лет. Сравнительно раннее падение интереса к выборам среди женщин старше 45 лет было вызвано не только возрастными особенностями, но и тем, что женщины этого возраста вступили в сознательную жизнь еще до того, как в Германии развернулась борьба за предоставление женщинам права голоса. Соответственно интерес среди них к политике вообще и к выборам в частности был гораздо ниже, чем среди женщин, родившихся позже. Естественная убыль избирательниц старших возрастов увеличила возможность привлечения дополнительных категорий женщин к выборам, особенно при чрезвычайных обстоятельствах.

Большое место среди воздержавшихся от голосования занимала молодежь обоего пола. Данные имперского статистического управления, сопоставленные с возрастной структурой избирателей, дают основания предполагать, что во время майских выборов 1924 г. «партия воздержавшихся от голосования» имела следующую возрастную структуру:

2,9 млн	в возрасте	20—30 лет	1,1 млн	в возрасте	50—60 лет
1,8 »	»	30—40 »	1,1 «	»	60—70 »
1,4 »	»	40—50 »	0,9 »	»	свыше 70

Всего 9,2 млн.

Таким образом, почти одна треть лиц, воздержавшихся от голосования, была в возрасте 20—30 лет. Во время выборов 1928 г. от голосования воздержались 10,4 млн человек. Если предположить, что доля молодых людей среди воздержавшихся от голосования осталась прежней, то получится, что на этот раз не отдали свои голоса 3,5 млн молодых избирателей. Однако как раз эта категория и была наиболее мобильной среди «партии воздерживающихся». В то же время ни политических взглядов, ни политического опыта эта часть населения не имела и, безусловно, представляла собой резерв, который мог быть мобилизован достаточно умелым и опытным демагогом.

И действительно, сопоставление колебаний числа воздержавшихся с динамикой голосов, поданных на различных выборах за национал-социалистскую партию, приводит к любопытным выводам. Выборы, состоявшиеся в сентябре 1930 г., как указывалось, принесли ей первую внушительную победу. Эти же выборы характеризовались наивысшим за все предыдущие годы процентом участия в голосовании (81,4 % по сравнению с 74,5 %

в мае 1928 г.). В абсолютных цифрах число воздержавшихся уменьшилось на 2,4 млн человек.

Выборы в июле 1932 г. ознаменовались дальнейшим укреплением позиций НСДАП. И для них также характерна весьма высокая активность избирателей (83,5 %). Абсолютное число воздержавшихся уменьшилось при этом с 8 млн до 7,3 млн человек.

Следующие выборы (ноябрь 1932 г.) ознаменовали собой серьезную неудачу для национал-социалистов. Менее чем за полгода, прошедшие со времени избрания прежнего рейхстага, НСДАП потеряла 2 млн избирателей. И именно для этих выборов характерно заметное уменьшение интереса к выборам. Процент участия в них упал ниже уровня сентября 1930 г. Число воздержавшихся выросло на 1,6 млн голосов [14].

Подобное совпадение вряд ли можно считать случайным. Очевидно, что определенную, при этом достаточно заметную роль в избирательных победах фашизма сыграла группа населения, обычно воздерживавшаяся от участия в выборах.

Но решающее значение имели голоса не этих избирателей. Как отмечал в свое время левый немецкий публицист и политик Ф. Штернберг, одной из важнейших, если не самых важных причин превращения национал-социалистской партии в крупнейшую политическую силу было вымывание основы, фундамента массовой базы обычных традиционных буржуазных партий. К такому же выводу пришел американский социолог Хеберле, специально исследовавший динамику выборов в Шлезвиг-Гольштейне [15].

Социальный состав этой базы не вызывает никаких сомнений. За буржуазные партии, отдавшие в 1930—1933 гг. своих избирателей нацистам, обычно голосовало большинство крестьян (за исключением твердых сторонников партии Центра и Баварской народной партии в Западной и Юго-Западной, а также сторонников НННП в Восточной Германии, части сельскохозяйственного пролетариата и беднейших крестьян, отдававших голоса рабочим партиям), почти вся городская мелкая буржуазия, подавляющее большинство чиновников и служащих, значительная часть интеллигенции, рантье и пенсионеров, а также часть неорганизованного, полуремесленного пролетариата, издавна по традиции поддерживавшая «национальные» силы. Они-то и составили массовую базу национал-социализма, которую ему в определенных пределах удалось сохранить и после прихода к власти.

---

[14] *Striefler H.* Op. cit.

[15] *Heberle R.* From Democracy to Nazism. Baton Rouge, Louisiana, 1945. P. 119.

ГЛАВА 4
ФАШИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Произведенный выше анализ результатов парламентских выборов в Веймарской республике — лишь отправной пункт для глубокого исследования сложных и противоречивых отношений между национал-социалистами и народными массами Германии. В комплексе этих отношений первостепенное значение имеет проблема: рабочий класс и фашизм. От решения этой проблемы в решающей степени зависели и зависят поныне возможности оказания эффективного сопротивления фашизму, предотвращения распространения его влияния на трудящихся и прихода к власти, его свержения в случае установления фашистского режима.

Наибольший интерес в этой проблеме представляют следующие ее аспекты. Во-первых, место и значение «рабочего вопроса» в стратегии и тактике национал-социалистской партии. Во-вторых, применяемые фашистами методы проникновения в рабочий класс, их специфика и эффективность. В-третьих, отношение различных отрядов классово организованного и неорганизованного пролетариата к фашистской демагогии в области «рабочей политики». В-четвертых, роль и значение авангарда рабочего класса в борьбе против попыток фашистских партий создать себе опору в рабочем классе.

НСДАП и рабочий класс до прихода национал-социалистов к власти

Отношение национал-социализма к рабочему классу и, наоборот, различных групп германского пролетариата к НСДАП неоднократно менялось на различных этапах новейшей германской истории. Уже то обстоятельство, что с самого начала нацистская партия включила в свое название слово «рабочая» свидетельствовало, что одной из важнейших задач, поставленной создателями этого крайне правого политического образования и в решающей степени «оправдывавшей» смысл его существования, было завоевание рабочего класса, его переориентировка с левых позиций в общественной жизни на крайне правые [1].

Именно это и обеспечило национал-социалистской партии поддержку со стороны правящих классов Германии, масштабы которой возрастали по мере нарастания размаха деятельности и влияния НСДАП.

Сама по себе подобная задача не была новой. Правящие круги, причем далеко не одной Германии, давно поняли, что, по словам Штернберга, власть господствующего класса «является наиболее прочной тогда, когда угнетенный класс верит в то, что он причастен к управлению» [2]. Собственно говоря, эта тактика пред-

---

[1] *Kele M.* Nazis and Workers. National-soicalist Appeals to German Labor. Chapel Hill, 1972.

[2] См.: *Sternberg F.* Der Faschismus an der Macht. Amsterdam, 1935. S. 101.

ставляет собой основу функционирования всей буржуазной системы. В соответствии с ней буржуазия издавна создавала многочисленные «народные» партии и организации, главная социально-политическая функция которых состояла в том, чтобы обеспечить массовую базу для капиталистического государства и поддержать миф о его демократичности и народности. Неоднократно предпринимались попытки проникнуть с этой целью и в ряды рабочего класса. Достаточно напомнить о деятельности буржуазных партий среди пролетариата в первой половине XIX в., когда рабочий класс политически еще не эмансипировался, о распространении среди рабочих Франции влияния бонапартистов, о бисмарковской политике заигрывания с Лассалем и т. д. В ряде случаев позиции в рабочем классе пытались завоевать и оппоненты буржуазии справа — феодальные силы. Весьма показательна в этом отношении история создания монархической «зубатовской рабочей партии» в России.

Новым в целях, поставленных перед НСДАП, было то, что ей вменялось в обязанность не просто заручиться поддержкой среди определенных категорий неорганизованных рабочих, и без того находившихся в фарватере буржуазной политики. Задача, которую ей предстояло выполнить, заключалась в том, чтобы осуществить прорыв в ряды организованного рабочего класса, имевшего прочные боевые классовые традиции и воспитанного в духе марксистского учения, хотя и трактуемого в ряде случаев не в революционном, а в реформистском смысле. Более того, ее целью было не только примирить это основное ядро рабочего класса с буржуазным государством (эту функцию с большим или меньшим успехом осуществляло правое руководство социал-демократической партии), но и превратить его в активную силу, действующую против собственных элементарных политических, экономических и социальных интересов.

Традиционные буржуазные партии, политическое и классовое лицо которых было общеизвестно, естественно, не были в состоянии даже претендовать на решение этой задачи. НСДАП и другие партии «фелькише», являясь политическими новообразованиями, могли по крайней мере рассчитывать на выполнение подобной роли.

«Есть только один способ отвратить рабочих коммунистов от марксистского лжеучения,— подчеркивал в начале 20-х годов влиятельный крайне правый журнал ,,Академише штиммен'',— это привести их в лоно движения ,,фелькише'', к которому рабочий-марксист относится не с таким недоверием, как к национальным буржуазным партиям. Ведь рабочий-марксист все же знает, что главная цель движения ,,фелькише'' — это социальная справедливость» [3].

---

[3] Цит. по: Bericht über die Faschistische Bewegung. Frühjahr 1924. Unterbereitet dem V Kongress der Kommunistischen International. B., 1924. S. 33.

Эту же сторону дела особо подчеркивал один из руководителей движения «дойчфелькише», подполковник Алеман. «Если,— говорил он,— нам удастся коренным образом решить социальную проблему в духе нашего немецкого рабочего, мы нанесем тем самым смертельный удар по марксизму» [4].

Следует, однако, учитывать, что о практическом решении этой задачи и о каких бы то ни было серьезных успехах в данной области в первые годы существования национал-социалистской партии не могло быть и речи. Во время ноябрьской революции 1918 года и сразу после нее рабочий класс, с одной стороны, и «фелькише», интегрированную часть которых впоследствии составили национал-социалисты,— с другой, находились по разную сторону баррикады. Это было верно не только в отношении революционного авангарда германского пролетариата — рабочих-коммунистов и независимовцев, но и в отношении реформистски настроенных рабочих, следовавших за социал-демократией большинства.

В ходе политических боев, сотрясавших Веймарскую республику особенно в первые послевоенные годы, подавляющее большинство рабочего класса, в том числе социал-демократические рабочие, выступали в роли главного противника национал-социализма. И это находило свое выражение не только в абстрактной полемике в печати и на политических митингах, но прежде всего в многочисленных, подчас кровавых уличных столкновениях. Национал-социалисты с момента образования своей партии стали главной силой открытого террора против марксистов (т. е. коммунистов и социал-демократов). В свою очередь, рабочие коммунисты и социал-демократы не упускали возможности, чтобы сорвать национал-социалистские собрания или разогнать созванные «фелькише» митинги.

Нацистские идеологи, пытаясь добиться перелома, неустанно оснащали свои программные документы требованиями и лозунгами, которые, по их мнению, должны были оказаться соблазнительными для организованных рабочих. Именно этим объяснялось, в частности, включение в официальную программу партии ряда требований, списанных из документов, выработанных рабочим движением.

Вокруг этих требований была поднята большая пропагандистская шумиха. Ее результатом был приток в ряды НСДАП некоторого количества рабочих. Но это были, как правило, не те рабочие, ради которых прежде всего ломались копья. Рабочий контингент НСДАП состоял в то время исключительно из представителей полуремесленного пролетариата, традиционно придерживавшихся консервативных, крайне националистических взглядов, враждебно относившихся к марксистам, социалистам и «их» государству — Веймарской республике, с которым связывались все послевоенные трудности.

[4] Ibid. S. 38.

Параллельно с этим шло пополнение НСДАП за счет элементов, социальная позиция которых носила двойственный характер. С одной стороны, прежде всего идеологической, они были типичными для Германии представителями «среднего сословия» с характерным для него консерватизмом и национал-шовинизмом. С другой — пролетаризовавшись во время войны, революции и послевоенной инфляции, они в ряде случаев отражали взгляды эксплуатируемых и угнетаемых слоев населения.

На первых порах это пополнение не внесло существенно нового элемента в идеологию и практику национал-социалистского движения. Поэтому первоначально, несмотря на слово «рабочая» в названии и широковещательные требования программы, большинство деятелей НСДАП рассматривало «рабочую проблему» в традиционно пропагандистском плане, считая, что для привлечения на свою сторону пролетариата достаточно абстрактных, демагогических обещаний. Главное же внимание уделялось политическим и экономическим проблемам, представлявшим первостепенный интерес для основных социальных прослоек, образовавших костяк НСДАП,— офицерства, не нашедших себя в новых условиях бывших унтер-офицеров и солдат кайзеровской армии, представителей националистической интеллигенции, мелкой буржуазии.

Однако постепенно пополнение НСДАП за счет новых социальных прослоек начало сказываться и на общих позициях партии. Новые члены хотели видеть в ней то, что они искали, вступая в ее ряды,— националистическую, правую партию, которая не на словах, а на деле, действительно, а не в пропагандистском плане готова решать интересующие их социальные проблемы. Эти люди, оказавшись в рядах НСДАП, усилили позиции тех лидеров партии (фон Равентлов, Грегор Штрассер, Геббельс), которые считали, что борьба за завоевание на свою сторону хотя бы части организованного рабочего класса не будет успешной, если НСДАП не перейдет от примитивной демагогии в «рабочем вопросе» к «конструктивной» рабочей политике. Эта «конструктивная» политика понималась как комплекс реальных социальных требований и конкретных мероприятий, которые бы сумели «убедить» рабочие массы в «рабочем» характере национал-социалистской партии и сломили бы глубоко укоренившееся среди них недоверие к «благодетелям» из чужого политического лагеря. Выражаясь современной терминологией, они стояли на позициях широкого использования политики социального маневрирования во имя ослабления, а затем и разгрома организованного рабочего движения.

Сопротивление, оказанное этой линии большинством лидеров партии, опасавшимся ее чрезмерной «пролетаризации» и «полевения», привело к внутреннему кризису и выделению так называемого «левого» крыла [5], выдвинувшего в «рабочем вопросе»

---

[5] См.: *Kühnl R.* Die nationalsozialistische Linke, 1925—1930. Meisenheim a. Glan, 1966.

более радикальные требования, чем это предусматривали официальные партийные документы. Деятельность этого крыла сыграла впоследствии губительную с точки зрения немецкого рабочего класса роль, ибо способствовала распространению среди части рабочих иллюзий относительно «заслуг» НСДАП в борьбе за их интересы.

Наиболее прочными позиции «левых» нацистов были в северо-западных районах страны (в частности, в Рейнской провинции и в Вестфалии), где им удалось, довольно успешно конкурируя с другими буржуазными партиями, сплотить вокруг себя некоторую часть рабочих, державшихся в стороне от организованного пролетарского движения и поддерживавших прежде либералов или находящиеся справа от них политические группировки. В этих районах местные организации НСДАП имели заметную рабочую прослойку. От них и исходили настойчивые требования к руководству НСДАП внести бо́льшую ясность в «рабочую политику». Южные же организации партии, в том числе ее ядро — НСДАП Баварии, продолжали оказывать сопротивление слишком рискованной, по их мнению, игре с пролетарскими лозунгами.

Весьма характерны с этой точки зрения споры по вопросу об отношении к профсоюзам, развернувшиеся в середине 30-х годов. Различные партии «фелькише» еще в самые первые годы Веймарской республики носились с идеей создания собственного профессионального рабочего движения. В этой области были предприняты и некоторые практические шаги. В 1924 г. небольшие реакционные профессиональные объединения «Националфербанд дойчер беруфсфербенде» и «Дойчер арбейтербунд» образовали совместно с отколовшимися от Христианского профсоюзного объединения группами общегерманский профессиональный союз «Рейхсбунд фатерлендишер арбейтерферейне», находившийся в руках «фелькише». Наряду с ним некоторое время существовал политически связанный с крайне правыми организациями профсоюз «Рейхсбунд фелькишер геверкшафтен» [6]. Однако ни тот, ни другой так и не сумели завоевать сколько-нибудь серьезного влияния.

В самой национал-социалистской партии до 1927 г. твердых взглядов на отношение к профсоюзам не существовало. Ведущая национал-социалистская пресса занимала в этом отношении самые противоречивые позиции. «Фелькише беобахтер» то утверждала, что принципиальным требованием НСДАП является создание национал-социалистских профсоюзов, то рекомендовала членам партии вступать в «желтые», предпринимательские профессиональные союзы, поскольку они стоят на позициях отказа от классовой борьбы, которые поддерживает и НСДАП, то сообщала, что членам НСДАП предоставляется свобода выбора профсоюза, в который они хотят вступить, поскольку «пока не

[6] Bericht über die faschistische Bewegung. S. 60.

существует зкономических предпосылок для создания национал-социалистских профсоюзов»[7].

В июле 1926 г. под нажимом Г. Штрассера и его сторонников во время веймарского партийного съезда НСДАП была созвана специальная национал-социалистская конференция по профсоюзному вопросу. Однако на ней выявились столь острые разногласия, что она не смогла не только выработать решения, но даже предложить какие-либо рекомендации. В следующем, 1927 г. на нюрнбергском партийном съезде НСДАП было выдвинуто предложение о созыве специального конгресса по профсоюзному вопросу. Съезд отклонил зто предложение.

Возникший тупик, мешавший «левым» национал-социалистам укреплять свои позиции среди рабочих, объяснялся в значительной степени позицией Гитлера. Как раз в зто время, восстановив партию, практически распавшуюся после провала мюнхенского путча 1923 г., он начал знергичную кампанию по расширению ее связей с крупными монополистическими кругами. Эта кампания привела к заметным результатам, и прежде всего к значительному усилению финансовой поддержки НСДАП со стороны ряда влиятельных промышленников. Было очевидно, что создание национал-социалистских профессиональных союзов могло в тот момент лишь помешать зтому процессу. Логика профсоюзной борьбы, давление рядовых членов, конкуренция других профсоюзов, необходимость борьбы за завоевание доверия масс могли втянуть нацистские профсоюзы в столкновения с промышленниками и тем самым серьезно подорвать у них кредит НСДАП.

Однако, несмотря на все попытки, полностью обойти зту проблему молчанием так и не удалось. Споры обострялись все больше и больше, грозя свести на нет только что восстановленное единство. В связи с зтим в 1927 г. во вторую часть книги Гитлера «Майн кампф» была включена официальная оценка фюрером проблемы отношения НСДАП к профсоюзам. Оценка зта носила на себе все признаки компромисса. С одной стороны, в ней подчеркивалось, что «вопрос до сих пор окончательно не выяснен», с другой — что идея профсоюзов в принципе заслуживает одобрения; с третьей — давалось понять, что НСДАП рассматривает профсоюзы не как орган борьбы, а как сословное представительство, контролируемое в «интересах народного сообщества»[8].

Последнее было явно рассчитано на уши предпринимателей, которых Гитлер усиленно убеждал в том, что НСДАП «заслуживает полного доверия»[9].

Естественно, что подобное компромиссное решение не могло удовлетворить руководимое Штрассером северогерманское крыло НСДАП. Ясность в вопросе о профсоюзах была для него

---

[7] Völkische Beobachter. 1926. 12. Febr., 27. März, 10. Apr., 1. Mai.
[8] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1936. S. 670.
[9] *Schumann H. G.* National-Sozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover; Frankfurt a. M., 1958. S. 32.

в то время решающей предпосылкой сколько-нибудь перспективной политической деятельности. Поэтому контролируемая им печать, в частности «Националистише брифе» Штрассера и «Рейхсварт» фон Равентлова, игнорируя официальную позицию, изложенную в «Майн кампф», продолжала дискуссию и в 1927 и в 1928 гг., в ходе которой пыталась вырвать у руководства согласие на создание национал-социалистских профсоюзов [10]. Тем не менее никакого сдвига в этом вопросе так и не произошло.

В 1928, и особенно в 1929 г., после начала экономического кризиса, НСДАП удалось распространить свое влияние на новые слои населения. Среди них были и рабочие, попавшие на приманку нацистской оппозиции к Веймарской республике, продемонстрировавшей свою полную несостоятельность. Но больше всего среди них было промышленных служащих, разочаровавшихся в существовавшем режиме и искавших в национал-социалистской партии политического убежища, отвечавшего их антивеймарским и антимарксистским (как форма дистанцирования от рабочего класса) настроениям. Чтобы повести за собой этих новых сторонников, закрепить завоеванные позиции и еще больше расширить их, национал-социалисты должны были развернуть работу непосредственно на предприятиях, где находилось большинство их новых сторонников.

К этому побуждал их и сам естественный ход событий. Вопреки воле большинства руководства на отдельных предприятиях члены НСДАП начали объединяться в местные ячейки. Первой наиболее крупной акцией в этой области явилось создание нацистами, работавшими на заводе «Берлинер Кнорр-Бремзе А. Г.», в 1927 году Союза национал-социалистских избирателей, переименованного в 1928 г. в Национал-социалистский боевой рабочий союз («НС-Арбейтеркампфбунд»). Вслед за этим одна за другой стали образовываться национал-социалистские производственные организации на других предприятиях, где имелись служащие и рабочие — национал-социалисты (заводы Сименса, Борзига, «АЭГ», Берлинского транспортного общества «БФауг», в «Коммерческом и частном банке», в издательстве «Шерль» и т. д.).

Пример Берлина нашел подражание в Мюнхене, Эссене, в Саксонии и Силезии. К концу 1928 г. было сформировано уже 50 ячеек и первичных производственных организаций НСДАП на крупных предприятиях и в учреждениях [11].

Под давлением рядовых членов руководители этих ячеек начали требовать организационного оформления и объединения, которое позволило бы им более успешно конкурировать с классовыми, христианскими и другими профсоюзами, представлявшими в то время хорошо организованную, централизованную силу. Гитлер первоначально был решительно против такого оформления. «Левые», напротив, поддержали эту идею. В частности, ее актив-

[10] Ibid.
[11] *Starke G.* NSBO und DAF. B., 1934. S. 17.

ным приверженцем выступил Геббельс, назначенный руководителем (гаулейтером) берлинской организации НСДАП, влачившей в те годы жалкое существование. Его позицию в решающей степени определяло опасение, что отказ низовым ячейкам на предприятиях в праве на объединение неизбежно приведет к потере контроля над ними и даже к возникновению параллельной организации, способной оспаривать позиции НСДАП, и в частности его самого как ее гауляйтера в Берлине.

С санкции Геббельса на берлинской партийной конференции в июле 1928 г. было объявлено о предстоящем создании в берлинском районе единой профсоюзной национал-социалистской организации. При окружном руководстве был образован специальный Секретариат по рабочим делам. Для обеспечения контроля над создаваемым объединением начальником его организационного отдела был назначен начальник организационного отдела окружного руководства НСДАП [12].

В 1929 г. национал-социалистские «традиционалисты» оказались уже не в состоянии сопротивляться нововведениям. Во время проходившего в этом году нюрнбергского съезда НСДАП была проведена организационная конференция, принявшая решение о создании общенациональной «Национал-социалистской организации производственных ячеек» («Национал-социалистише бетрибсцеллен-организацион» — НСБО).

В то же время «традиционалистам» удалось провести решение, запрещавшее этой организации профсоюзную деятельность. НСБО должна была рассматривать себя лишь как ударный отряд НСДАП на предприятиях. Членам НСБО предлагалось, исходя из собственных экономических интересов, оставаться в прежних профессиональных союзах.

Однако организация была создана, и ее действия начали определяться самой логикой жизни. Победа НСДАП на парламентских выборах 1930 г., показавшая, что она, превращаясь в своеобразную единую партию немецкой буржуазии, по своему социальному составу становится политической организацией средних слоев, продемонстрировала также некоторое усиление влияния партии среди отдельных отрядов рабочего класса. Согласно оценочным данным, за НСДАП в эти годы голосовало до 2 млн рабочих. Около 200 тыс. рабочих состояло в нацистских штурмовых отрядах.

Соответственно выросла доля рабочих среди членов НСДАП. Если раньше рабочая прослойка была заметной только в северо-западных районах, то с 1929—1930 гг. она появилась в берлинской, саксонской и даже в мюнхенской организациях. Оценки удельного веса рабочих в НСДАП в это время расходятся. По подсчетам Шумана, в 1930 г. их доля среди членов НСДАП составляла 15—20 %, по оценкам Хофера,— она доходила до 28 % [13].

[12] *Schumann H. G.* Op. cit. S. 35.
[13] См.: Ibid.; *Hofer W.* Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn des Zweiten Weltkrieges. Konstanz, 19—. S. 15.

По сравнению с представителями других классов и социальных прослоек рабочие были представлены в НСДАП незначительно, даже если принять за основу данные, приводимые Хофером. По его же подсчетам, доля рабочих среди всех занятых составляла в Германии в 1930 г. 45 %, а в НСДАП, как указывалось выше — 28 %, т. е. была меньше чуть ли не в два раза. В то же время доля служащих и самостоятельных ремесленников в НСДАП была в два раза выше, чем их доля среди всех занятых [14]. Согласно данным американского социолога Липсета, относящимся к несколько более позднему периоду, удельный вес промышленных рабочих, представленных в НСДАП, составлял 68 % от их удельного веса в обществе. Для служащих («белых воротничков») это соотношение составляло 169 %, для так называемых самостоятельных (включая предпринимателей и лиц свободных профессий) — 187 % и т. д.[15]

Тем не менее расширение позиций НСДАП среди рабочих требовало дальнейшей интенсификации социальной политики и в связи с этим совершенствования организационной деятельности непосредственно на производстве. В январе 1931 г. в центральном руководстве партии был создан специальный отдел по руководству НСБО — «Рейхс-бетрибсцеллен-абтейлюнг» (РБА) и принято решение, обязывавшее всех членов НСДАП на предприятиях быть также членами НСБО.

Выражением усиленного внимания к деятельности НСБО явилась и последовавшая за этим в середине 1932 г. реорганизация центрального аппарата НСДАП, в ходе которой руководство НСБО было преобразовано в Главный VI отдел организационного управления национал-социалистской партии. К этому времени была разработана и принята более или менее четкая схема организации НСБО. В каждом округе (гау) был создан свой Главный VI отдел, возглавляемый окружным руководителем НСБО. При каждом районном руководстве НСДАП имелся районный отдел производственных ячеек, руководивший местными уполномоченными, стоявшими во главе низовых производственных организаций. Для обеспечения специфических профессиональных интересов членов НСДАП, занятых на производстве, в мюнхенском Главном VI отделе были созданы так называемые главные профессиональные группы, которым подчинялись профессиональные группы, существовавшие при округах.

Полный контроль над НСБО со стороны НСДАП обеспечивался, во-первых, строгим соблюдением двойного подчинения — вертикального (вышестоящему отделу по руководству производственными организациями) и горизонтального (местному руководству НСДАП), во-вторых, неуклонным проведением в жизнь принципа назначения сверху на все руководящие посты в НСБО и, в-третьих,

---

[14] *Hofer W.* Op. cit. S. 15.

[15] *Lipset S. M.* Political Man. Social Bases of Politics. London; Melbourne; Toronto. 1960. P. 148; *Kele M. H.* Op. cit.; *Böhnke W.* Die NSDAP im Ruhrgebiet, 1920—1933. Bonn, 1974.

созданием полномочной группы инспекторов, подчиняющихся исключительно центральному руководству.

Несмотря на эту систему контроля, логика борьбы на предприятиях нередко приводила к тому, что НСБО, вопреки прямым указаниям руководства НСДАП, вступала в конфликт с предпринимателями, принимала участие в забастовках и т. д. В рамках НСБО гораздо яснее и острее ощущались антимонополистические и антикапиталистические настроения, получившие широкое распространение в низах национал-социалистской партии. В ряде случаев эта специфическая, особо радикальная позиция НСБО сознательно использовалась руководителями НСДАП в качестве своеобразного вентиля для разрядки чересчур накалившейся атмосферы в партии, и прежде всего для успокоения некоторых своих чрезмерно нетерпеливых сторонников, требовавших осуществления провозглашенной антикапиталистической программы. Иногда НСБО служила рычагом для воздействия на отдельных промышленников, отказывавшихся финансировать НСДАП и поддержать «национальные», т. е. наиболее крайние, реакционные круги империалистической буржуазии, делавшие ставку на передачу власти фашистам. В то же время, на случай слишком опасной с точки зрения руководства НСДАП эволюции НСБО влево, была разработана система, позволявшая быстро и «безболезненно» убрать любого неугодного высшему руководству функционера национал-социалистских производственных организаций.

Общая благоприятная для НСДАП ситуация и принятые, хотя и с опозданием, организационные меры обусловили сравнительно быстрый рост влияния НСБО на предприятиях. Если еще в марте 1931 г. ее численность немногим превышала 4 тыс. человек, то к концу этого же года она составила 39 тыс., а к середине 1932 г. превысила 100 тыс. человек. По сравнению с основными профессиональными союзами Германии численность эта была весьма скромной. В 1931 г. Всеобщее объединение немецких профсоюзов (АДГБ), находившееся под политическим влиянием социал-демократии, насчитывало 4418 тыс. членов, а примыкавшее к нему Объединение профсоюзов служащих (Афа-бунд) — 452 тыс. членов. Так называемые Рабочие союзы («Арбейтер-фербенде»), входившие в Объединение христианских профсоюзов, охватывали в том же году 577 тыс. членов, а христианские союзы служащих («Гедаг») — 593 тыс. Гирш-дункеровские профсоюзы насчитывали в 1932 г. 168 тыс. рабочих и 327 тыс. служащих.[16]

В то же время нельзя не отметить тот факт, что менее чем за три года своего существования НСБО сумела почти догнать по численности издавна существовавшие «желтые» профсоюзы (123 тыс. в 1931 г.) и значительно превзойти по влиянию Революционную

[16] Данные о численности различных профсоюзов в Германии см.: *Schumann H. G.* Op. cit. Anhang S. 163—165. Близкие к ним, но разнящиеся в деталях цифры приводит К. Фугер. См.: *Fugger K.* Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. B., 1949. S. 288—289.

профсоюзную организацию (РПО), руководимую КПГ (35 тыс. в 1931 г.) [17].

Рост влияния НСДАП, и в частности НСБО, среди рабочих не шел, однако, ни в какое сравнение с ростом ее влияния среди традиционной массовой базы буржуазных партий — городских средних слоев и крестьянства. Развернутая Геббельсом в январе 1932 г. широкая пропагандистская кампания под лозунгом «Ни одного предприятия без нацистской ячейки» не изменила этого обстоятельства. Удельный вес рабочих в национал-социалистских организациях в последние два года Веймарской республики не только не рос, но, напротив, заметно уменьшался. Это, в свою очередь, сказывалось на соотношении сил в руководстве НСДАП. «Левое крыло», делавшее ставку на завоевание влияния среди рабочих и придававшее особое значение успехам НСБО, стало терять позиции, в то время как национал-социалистские «традиционалисты» увеличили свое влияние [18]. Это обстоятельство сыграло очень важную роль накануне прихода Гитлера к власти, когда проблема дальнейшей ориентации НСДАП чуть не привела к расколу партии.

Кризис возник в тот момент, когда стало очевидно, что НСДАП удастся обеспечить себе поддержку большинства монополистических кругов Германии и прийти к власти только в том случае, если она откажется от наиболее крайних, демагогических антикапиталистических лозунгов, все еще пугавших часть буржуазии, и «обуздает» свое «левое» крыло, чрезмерно увязшее, по мнению крупной буржуазии, в «профсоюзной деятельности». Прежде чем передавать бразды правления новому политическому фавориту, крупная буржуазия явно хотела заручиться еще одним залогом его «примерного» поведения.

После того как в конце 1932 г. это требование было высказано в едва прикрытой ультимативной форме, «традиционалистское» крыло, возглавлявшееся, в частности, Герингом, усилило нажим на Гитлера, настаивая на быстром принятии решения. В этот-то момент и сказалась относительная слабость «левых». Их ценность для НСДАП, как и ценность их «рабочего» охвостья вместе с НСБО, не могла идти ни в какое сравнение с ценностью поддержки еще одной фракции монополистической буржуазии или представителей городских мелких буржуа. И «левые» были принесены в жертву. Те из них, которые своевременно оценили реальное положение вещей, например Геббельс, быстро переориентировались, примкнув к «традиционалистам». Другие, упорствовавшие или слишком связанные с прежним курсом, чтобы иметь свободу маневра, вроде Грегора Штрассера, пали жертвой сначала политических, а затем и физических репрессий. Третьи, несоглас-

---

[17] *Schumann H. G.* Op. cit. S. 165.

[18] После июльских выборов 1932 г. в национал-социалистской фракции рейхстага, насчитывавшей 230 депутатов, НСБО представляли только 11 человек. См.: Arbeitertum. 1932. N 13. S. 16 f.

ные с поворотом, но решившие покориться фюреру, вроде лидера НСБО Мухова, временно сохранили свои посты.

Насколько маловлиятельным в результате процессов, происшедших в НСДАП в 1930—1932 гг., стало ее «левое», «рабочее» крыло, видно хотя бы из того, сколь безболезненно прошла для партии расправа со Штрассером. С 20-х годов Грегор Штрассер считался одной из ключевых фигур национал-социализма. Благодаря его деятельности НСДАП удалось выйти за границы Баварии и превратиться в общегерманскую партию. Штрассер создал национал-социалистские организации в Северной Германии, в Заэльбье; представители его непосредственного окружения превратили малочисленную берлинскую организацию НСДАП в одну из самых сильных и массовых. Все эти организации он контролировал много лет подряд. Воссоздание Гитлером НСДАП в 1927 г. стало возможным только благодаря поддержке, которая была оказана ему Штрассером. Возглавляя организационный отдел НСДАП, он занимал ключевые позиции в вопросах кадровой политики. В политических кругах Германии он считался вторым по влиянию лидером НСДАП и всерьез рассматривался в то время в качестве возможного кандидата в нацистские канцлеры, если по какой-либо причине назначение Гитлера не состоится.

Даже сам фюрер, решив добиться капитуляции Штрассера, некоторое время медлил, опасаясь последствий для партии разрыва со столь влиятельным человеком. Однако, ко всеобщему удивлению, свержение Штрассера не вызвало серьезных потрясений. 8 декабря 1932 г. под давлением Гитлера он сложил все свои партийные полномочия. Этот шаг не повлек за собой ни массовых протестов, ни массовых отставок среди его приверженцев. Вместе со Штрассером были выброшены за борт и многие из беспокоивших крупную буржуазию антикапиталистических обещаний, которые столь охотно раздавала НСДАП прежде.

Этот тактический поворот, наметившийся еще в 1930 г., но окончательно завершенный в конце 1932 г., ознаменовал собой окончательный отказ НСДАП от ставки на завоевание большинства рабочего класса до прихода к власти. Решение этой задачи было перенесено на поздний период, когда НСДАП могла рассчитывать на более широкое использование аппарата насилия против своих убежденных противников, с одной стороны, и на применение мер по государственному регулированию для распространения иллюзии о «социалистическом» характере политики НСДАП — с другой.

Фактически национал-социалисты были вынуждены признать, что при сохранении демократических завоеваний трудящихся им, даже в самой благоприятной обстановке, не удается дезориентировать и повести за собой большинство пролетариата. Это было серьезное поражение. И если бы оно было использовано для концентрированного, организованного наступления всех антифашистских сил на национал-социалистские позиции, последующая история Германии и всей Европы, видимо, сложилась бы по-иному. Однако такого

отпора фашизму дано не было, хотя в ряде случаев национал-социалистам то тут, то там наносились чувствительные удары.

Мстя классово сознательным рабочим за отказ следовать в фарватере фашизма, национал-социалисты развернули массовый террор против жителей «красных», преимущественно рабочих районов. Фашистские штурмовые отряды совершали регулярные рейды в пролетарские кварталы Берлина, города Рура, Силезии и других промышленных районов. Для защиты от таких рейдов начали создаваться отряды пролетарской самообороны.

В ряде случаев столкновения между отрядами СА и пролетарской самообороной превращались в настоящие сражения. Так, например, в июле 1932 г. в Вуппертале, в ответ на вооруженное нападение фашистов, рабочие, руководимые коммунистами, разгромили местные штурмовые и эсэсовские отряды, ранив при этом 150 человек. В результате на протяжении полугода улицы этого промышленного города были очищены от фашистов. Ожесточенные стычки происходили во второй половине 1932 г. во многих городах Силезии, в берлинском районе Веддинге и т. д.[19]

Эти столкновения, сопровождавшиеся кровавыми жертвами, еще больше обострили обстановку, создавая атмосферу кануна гражданской войны. Во многих кварталах фашисты не могли появиться в своей форме, не рискуя при этом жизнью. И напротив, были кварталы, где приветствие «Рот фронт!» немедленно вызывало самую жестокую расправу.

Естественно, что в этих условиях сообщение о назначении Гитлера канцлером было воспринято большинством рабочего класса как величайшая угроза своим жизненным интересам. Это чувство превратилось в убеждение, после того как вдохновленные приходом к власти национал-социалисты, и прежде всего штурмовики и эсэсовцы, стали сводить счеты, развязав наряду с официальным еще и полуофициальный террор, жертвой которого пали не только политические лидеры рабочего класса, не только функционеры коммунистической и социал-демократической партий, но и все те, кто за истекшие годы чем-нибудь не угодил тому или иному фашисту.

Даже в этих условиях, когда национал-социалисты уже могли опереться на государственную машину насилия, и в частности на армию, большинство рабочего класса было готово на решительную борьбу против фашизма, если бы эту борьбу возглавило достаточно популярное, достаточно влиятельное, достаточно решительное руководство.

Об этой готовности свидетельствовали, в частности, результаты парламентских выборов, проведенных нацистами в марте 1933 г. Состоявшиеся в обстановке разнузданного террора, открытого нарушения тайны голосования и многочисленных фальсификаций,

---

[19] См.: *Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978. С. 314—316.

они не могут рассматриваться как объективный критерий волеизъявления немецкого народа. Тем не менее даже в зтих условиях за коммунистическую и социал-демократическую партии, являвшиеся главной мишенью национал-социалистов, было подано 12,1 млн голосов (против 13,3 млн, поданных в ноябре 1932 г.), или 30,6 % всех признанных действительными бюллетеней. Иными словами, уже после прихода фашистов к власти, в условиях, когда они полностью овладели аппаратом насилия, около одной трети избирателей, наиболее активных и организованных, продемонстрировали свою готовность продолжать борьбу против фашистской чумы.

В задачу настоящей работы не входит подробный анализ ошибок, допущенных рабочим движением Германии в период прихода фашизма к власти. Эти ошибки были впоследствии рассмотрены и подвергнуты критике на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, на Брюссельской конференции КПГ (1935 г.), в ряде работ, посвященных истории германского рабочего движения, истории Коммунистической партии Германии, истории социал-демократии и профсоюзов.

Для нашего изложения достаточно указать на основные причины ослабления боеспособности немецкого рабочего движения и соответственно немецкого рабочего класса в один из наиболее ответственных моментов его истории.

Безусловно, основную вину за зто несет руководство социал-демократии, что, кстати, вынуждены признать даже многие социал-демократические исследователи. Позиции социал-демократических лидеров по вопросу о фашизме определялись в то время антикоммунизмом, мешавшим видеть реальность фашистской угрозы, необоснованной, слепой уверенностью в незыблемости устоев буржуазной Веймарской республики, безграничной верой в зффективность парламентских комбинаций, упорной приверженностью «легальности», даже в тех случаях, когда зта легальность нарушена противником, органической неспособностью к решительным действиям в нестандартной ситуации.

Все зти качества сыграли особо пагубную роль в связи с тем, что за социал-демократией шло в то время, несмотря на некоторое ослабление ее влияния, большинство организованного рабочего класса Германии. В ее руках был такой инструмент, как АДГБ, — самая организованная и самая массовая профессиональная организация в стране. Социал-демократия располагала военизированными отрядами «Рейхсбаннера» и «Железного фронта». В ее руках была созданная Зеверингом многочисленная хорошо вооруженная прусская полиция, руководство которой состояло из социал-демократов или близких к ним лиц, и т. д. Однако ни один из зтих рычагов так и не был приведен в действие. Нацистскому террору руководство социал-демократии противопоставляло в лучшем случае робкие протесты.

Отрицательную роль при мобилизации рабочего класса

на борьбу против фашизма сыграли и ошибки, допущенные руководством КПГ [20].

При всем этом фашисты крайне опасались организованных выступлений рабочего класса, которые, если бы они состоялись до того как фашистам удалось консолидировать свою диктатуру, могли бы привести ее к краху. Поэтому после первых дней безудержных бесчинств фашистских преторианцев удары по различным отрядам рабочего движения стали наноситься не одновременно, а последовательно.

В то время как террор против Коммунистической партии Германии начался сразу же после 30 января 1933 г., а после провокации с поджогом рейхстага стал всеобъемлющим, преследования СДПГ на первых порах носили спорадический характер, а их степень в значительной степени зависела от настроений и инициативы нацистских организаций и местного руководства штурмовых отрядов. Профсоюзы же, за исключением коммунистической Революционной профсоюзной организации, нацисты на первых порах почти не трогали. На этот счет существовало прямое указание руководства НСДАП, и в частности Гитлера. В первые дни после прихода к власти последний ничего так не опасался, как всеобщей забастовки протеста, объявленной всеми крупными профсоюзами или даже хотя бы одним АДГБ [21]. В его памяти было свежо воспоминание о жалком конце, который постиг Каппа и Лютвица в марте 1920 г., несмотря на то, что им удалось захватить власть, что на их стороне было большинство рейхсвера и что им оказал поддержку весь крайне правый политический лагерь тогдашней Германии.

Согласно планам, разработанным нацистами, профсоюзы должны были быть уничтожены, но не сразу, а спустя некоторое время, когда НСДАП удастся существенно укрепить свои позиции и, ликвидировав безработицу, создать более серьезную опору в рабочем классе.

Однако всеобщая забастовка, которой с таким страхом ждали в правящих кругах тогдашней Германии, не состоялась. После сформирования Гитлером первого кабинета федеральное правление АДГБ ограничилось обращением к членам профсоюзов, в котором говорилось: «Над жизненными интересами всего рабочего класса нависла угроза. Чтобы в случае необходимости эффективно отбить атаки на конституцию и народные права, нужно прежде всего сохранять спокойствие и выдержку». Обращение призывало трудящихся не поддаваться на провокации и воздерживаться от «поспешных и тем самым вредных действий» [22]. Опубликовав подобное

[20] См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., Bd. IV.

[21] На первом заседании нацистского правительства 30 января 1933 г. Гитлер заявил: «Если поставить вопрос, что представляет бóльшую опасность для экономики — связанная с новыми выборами неуверенность и беспокойство или всеобщая стачка, то для экономики всеобщая стачка — намного опасней» (ЦГАОР. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1716. Л. 15—16).

[22] *Schumann H.* Op. cit. S. 55.

обращение, руководство профсоюзов как бы предупреждало нацистов, что оно не намерено давать бой новому правительству. Это сразу же упрочило позиции нацистских властей, развязав им руки.

За первым капитулянтским шагом последовали другие. После поджога рейхстага и мартовских выборов, прошедших в атмосфере разнузданного насилия и беззакония, лидеры АДГБ быстро и без всякого сопротивления стали сдавать оставшиеся позиции. 7 марта нацистским правительством были запрещены и распущены как «Рейхсбаннер», так и созданный СДПГ совместно с профсоюзами «Железный фронт». Ни руководство СДПГ, ни руководство АДГБ даже не протестовали против этого акта.

21 марта руководитель АДГБ Лейпарт писал Гитлеру: «Профсоюзы не претендуют на непосредственное воздействие на политику государства. Их задача состоит в том, чтобы доводить до сведения правительства и законодателей справедливые пожелания рабочих в области социальных и экономических мероприятий и оказывать правительству и законодателям помощь своими знаниями и опытом в этой области» [23]. Иными словами, уже в этом письме руководство АДГБ провозглашало отказ профсоюзов от роли активного борца за непосредственные социальные и экономические интересы рабочего класса.

9 апреля федеральное правление АДГБ опубликовало документ, в котором заявляло о своей готовности «поставить созданную профсоюзами в результате многолетней деятельности организацию самоуправления рабочих на службу новому государству» [24]. Тем самым профсоюзное руководство фактически изъявило готовность не только сохранять лояльность по отношению к нацистскому режиму, но и интегрировать профсоюзное движение в фашистское государство.

Когда нацистское правительство, подготавливая решительный удар по профсоюзам, в демагогических целях провозгласило традиционный революционный пролетарский праздник 1 Мая нерабочим днем — Днем национального труда, федеральный комитет АДГБ выразил свою радость по этому поводу и призвал членов профсоюзов, «сознавая свою роль в рождении майского праздника, принять участие в проводимом правительством торжестве, символизирующем уважение к творческому труду и равноправную роль рабочего класса в государстве» [25].

Капитулянтское поведение руководства АДГБ и еще более правых лидеров других крупных профсоюзов побудило Гитлера и его окружение ускорить расправу с профессиональными организациями.

Каждое отступление, каждая сдача позиций усиливали нажим со стороны нацистов. Правительство перестало оглядываться на профсоюзы. НСБО, значительно активизировавшаяся после прихода НСДАП к власти, всячески оттесняла профсоюзные организа-

---

[23] Ibid. S. 57.
[24] Ibid. S. 39.
[25] Ibid. S. 58.

ции на предприятиях, третировала их, использовала паралич профсоюзного руководства для того, чтобы усилить свои позиции. С января, а особенно с марта 1938 г. начался бурный рост НСБО. Если в 1932 г. эта организация насчитывала около 100 тыс. человек, то летом 1933 г. ее численность превысила 1 млн членов, правда, в основном этот рост происходил за счет профсоюзов служащих.

Но и в этих условиях нацисты продолжали опасаться отпора со стороны организованного рабочего класса. Даже после того как в середине апреля Геббельс и Лей убедили Гитлера, что пришло время одним ударом расправиться с профсоюзами, среди нацистского руководства не было уверенности в том, что эта операция пройдет безболезненно для режима. Объявление 1 Мая Днем национального труда было, в частности, задумано как широкий отвлекающий маневр, призванный убедить рабочих в том, что новый режим выступает не против них, а лишь против их руководителей — «бонз». Не случайно также, что разгром профсоюзов был назначен именно на следующий день после официального рабочего праздника. Неугасшее праздничное настроение должно было парализовать волю к сопротивлению там, где она существовала.

«1 мая мы превратили в грандиозную демонстрацию немецкой народной воли. 2 мая будут захвачены Дома профсоюзов. Вероятно, несколько дней будет шум, но зато они будут принадлежать нам. В этом вопросе нельзя ни с чем считаться», — писал в своем дневнике в то время Геббельс [26].

Если бы профсоюзы использовали официальное празднество для мощных контрдемонстраций, то, вероятно, намеченная на 2 мая акция и не состоялась бы. Однако руководство профсоюзов, как уже указывалось, призвало трудящихся к сотрудничеству с режимом. Далеко не все рабочие последовали этому призыву. В торжественном митинге, проведенном нацистами к 1 мая 1933 г. в Темпельхофе (Берлин), приняли участие лишь коллективы 30 % берлинских предприятий. В том же Берлине, Гамбурге, Галле, Лейпциге, Хемнице, Дрездене и Рурской области были попытки проведения контрдемонстраций. Однако в целом сопротивление оказалось разрозненным, и нацисты все же решились нанести запланированный заранее удар.

Для его нанесения были отмобилизованы отборные группы НСБО, штурмовые отряды и подразделения ОС. Стремясь не допустить выступления рабочих в защиту своих профессиональных союзов, нацистское руководство в обращениях пыталось создать впечатление, будто речь идет не об атаке против профсоюзов, а о смене руководства.

«Рабочий! — говорилось в распространенном в тот день заявлении Лея. — Твои институции для нас, национал-социалистов, священны и неприкосновенны. . . Рабочий! Я клянусь тебе, что мы сохраним в целости и сохранности все существовавшее до сих пор.

---

[26] *Göbbels J.* Vom Keiserhof zur Reichskanzlei. München, 1934. S. 299.

Мы будем дальше развивать систему защиты прав рабочего, добиваясь того, чтобы он мог войти в новое национал-социалистское государство в качестве полноценного и уважаемого представителя народа» [27].

Однако все эти предосторожности оказались в общем и целом излишними. Профсоюзные лидеры не собирались оказывать сопротивления, а рядовые члены профсоюзов, идейно обезоруженные и лишенные руководства, не могли сделать этого. В течение первой половины 2 мая 1933 г. на всей территории Германии были захвачены принадлежавшие АДГБ Дома Профсоюзов, помещение Банка рабочих и служащих и все его филиалы, местные профсоюзные кассы и редакции профсоюзных газет. Руководители профсоюзов, входивших в АДГБ, были арестованы и заменены комиссарами из рядов НСБО.

В тот же день всем остальным профсоюзам было приказано заявить о своем полном и безоговорочном подчинении НСДАП. 3 мая такие заявления были сделаны Объединением христианских профсоюзов, Объединением немецких союзов рабочих, служащих и чиновников (гирш-дункеровские профсоюзы), Союзом немецких промышленных мастеров, Немецким союзом служащих контор государственных учреждений, Организацией взаимопомощи «Стального шлема», Отечественными союзами рабочих («желтые» профсоюзы). На следующий день аналогичное заявление сделало Объединение немецких служащих. Таким образом были унифицированы организации, объединявшие 8 млн человек [28].

10 мая был инсценирован первый конгресс Немецкого трудового фронта (ДАФ), который занял в нацистской системе место профессиональных союзов. Патроном фронта был объявлен Гитлер. Лей, являвшийся руководителем организационного управления (рейхсорганизационслейтер) НСДАП, был провозглашен одновременно и фюрером ДАФ.

Структура Немецкого трудового фронта, созданного на развалинах унифицированных нацистами профсоюзов, выглядела следующим образом: бывшие Рабочие профсоюзы были преобразованы в 14 так называемых Рабочих объединений. Все они были включены во Всеобщий союз немецких рабочих, во главе которого был поставлен один из руководителей НСБО, В. Шуманн. Служащие были объединены в 9 союзов, вошедших во Всеобщий союз немецких служащих (руководитель гаулейтер Данцига А. Фостер). Верхушечной организацией было объявлено Центральное бюро Немецкого трудового фронта, состоявшее из 11 профессиональных отделов. Центральному бюро были подчинены 13 окружных объединений ДАФ, которые, в свою очередь, состояли из районных и местных организаций.

Все ведущие должности в ДАФ были переданы лицам, назначенным руководством НСДАП. Для декорума были созданы два

[27] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr. 1933. B., S. 130—131.
[28] *Schumann H.* Op. cit. S. 70—71.

конвента с совещательными функциями — малый (24 человека), состоявший из руководителей центральных органов ДАФ и некоторых других организаций, и большой — включавший в себя наряду с упомянутыми лицами всех гаулейтеров НСДАП, окружных руководителей ДАФ и т. д. Однако ни один, ни другой конвент практически никакой роли не играли и почти не собирались.

В результате последующих реорганизаций структура ДАФ несколько раз видоизменялась. Впрочем, серьезного значения эти реорганизации не имели. Единственным существенным изменением, происшедшим в их результате, было включение в состав ДАФ предпринимательских организаций — мероприятие, которое должно было окончательно лишить Немецкий трудовой фронт даже видимости профсоюзного органа и придать ему ярко выраженный характер форума по сотрудничеству классов.

На достижение этой же цели был направлен и настойчиво проводившийся руководством НСДАП курс на устранение из руководящих органов фронта захвативших там ключевые посты представителей НСБО и на ослабление НСБО как таковой. Проведение такого курса объяснялось в первую очередь тем, что руководители НСБО в большинстве по своему прошлому опыту и навыкам были профсоюзными деятелями. До прихода Гитлера к власти они принимали участие в работе фабзавкомов, в тарифных переговорах, а в ряде случаев даже в забастовках. Конкурируя с «традиционными» профсоюзами, они выдвигали радикальные требования и, в некоторых случаях, чтобы сохранить влияние, даже добивались их реализации. Наряду с этим новое пополнение, вступившее в НСБО после января—марта 1933 г., рассматривало эту организацию прежде всего как профсоюзную и требовало от руководства соответствующей активности.

Ликвидацию «традиционных» профсоюзов деятели НСБО рассматривали как уничтожение главного конкурента, которое позволит им создать всеобъемлющие национал-социалистские профессиональные союзы. Однако руководство НСДАП вовсе не собиралось создавать такие профсоюзы. Эта идея рассматривалась им как отзвук выброшенных за борт требований «левых», и прежде всего Грегора Штрассера, требований, отказ от которых и открыл национал-социалистам дорогу к власти. Поскольку НСБО продолжала стоять на своих прежних позициях, судьба этой организации, как и ее руководителей, была предрешена.

Уже летом 1933 г. кое-кто из наиболее радикальных представителей НСБО, принявших всерьез антикапиталистические лозунги НСДАП и пытавшихся осуществить их на практике, были изгнаны из этой организации и отправлены в концентрационный лагерь как «марксистские агенты», пробравшиеся в НСДАП. 5 августа 1933 г. под давлением руководства партии глава НСБО Мухов был вынужден издать распоряжение о прекращении приема в НСБО. Согласно этому же распоряжению, максимальная численность организации была установлена на уровне численности, достигнутой к августу 1933 г.: 1100 тыс. членов и 300 тыс. кандидатов.

В дальнейшем прием новых членов мог осуществляться только при условии, если выбывала соответствующая часть старых. Одновременно были распущены и влиты в Союз гитлеровской молодежи молодежные организации НСБО. Все это фактически лишало НСБО возможности добиваться своей честолюбивой цели — превращения в организацию, объединяющую всех рабочих и служащих. Соответственно ее роль и функции становились крайне неопределенными. Пытаясь утихомирить возмутившихся «старых бойцов», руководство партии объявило НСБО «школой руководящих кадров» для Немецкого трудового фронта. Однако назначения на руководящие посты в ДАФ осуществлялись вовсе не за счет представителей НСБО. Это стало особенно заметно после того как глава НСБО Мухов умер в результате ранения, вызванного, как было официально объявлено, несчастным случаем, связанным с неосторожным обращением с огнестрельным оружием [29].

После кровавой расправы над Ремом и его штабом Гитлер и Лей окончательно разделались со старыми руководящими кадрами НСБО. 23 августа 1934 г. приказом Лея были сняты со всех своих должностей в ДАФ как «саботажники» три ближайших сотрудника Мухова — Брукнер, Крюгер и Хаугенштейн. 18 сентября был изгнан из ДАФ один из наиболее известных пропагандистов НСБО, руководитель отдела прессы и пропаганды ДАФ Карл Буш [30]. Вслед за этим последовала решительная чистка нижестоящих организаций от сторонников превращения НСБО или ДАФ в своего рода профсоюзную организацию. НСБО было запрещено какое-либо вмешательство в дела предприятий и учреждений. Распоряжением Лея ей была отведена роль центра пропагандистской, идеологической деятельности в низовых производственных ячейках.

Сам же Немецкий трудовой фронт был превращен в организацию по осуществлению на практике социальной политики государственно-монополистического капитализма, рассчитанной, с одной стороны, на создание наиболее благоприятных условий для функционирования производственной машины, работавшей на военные нужды, а затем непосредственно на войну, и, с другой стороны, на поддержание атмосферы относительного социального мира. Кроме того, ДАФ выполнял роль действенного инструмента политического и идеологического воздействия НСДАП и нацистского правительства на трудящееся население.

В соответствии с задачами, возлагавшимися на ДАФ, численность этой организации всячески форсировалась. Членство в Немецком трудовом фронте было объявлено обязательным. Если в 1933 г. при создании ДАФ в него были включены организации, насчитывавшие около 8 млн человек, то в 1934 г. (данные на 1 марта) численность фронта оценивалась в 14 млн человек, к началу войны — в 22 млн плюс 8 млн членов примыкавших орга-

[29] Ibid. S. 90—91.
[30] Ibid. S. 105.

низаций [31]. Одновременно всячески форсировалась издательская деятельность ДАФ. Издательством ДАФ и под его контролем выпускалась литература общим тиражом в 20 млн экземпляров. Из них 10 млн экземпляров составляли так называемые профессиональные издания, раздававшиеся бесплатно [32].

В определении жизненного уровня трудящегося населения, и в частности рабочего класса, ДАФ серьезной роли не играл. Этот уровень зависел от характера и направленности государственно-монополистических мероприятий, как общехозяйственных, так и непосредственно в области оплаты рабочей силы, и в меньшей степени от общей конъюнктуры на рынке труда. Такой важнейший фактор, определяющий условия продажи рабочей силы в капиталистических странах, как борьба организованного рабочего класса, практически отсутствовал. Это в значительной степени и определило специфику положения рабочего класса.

Рабочий класс Германии в условиях фашистской диктатуры

Всесторонний анализ уровня жизни различных классов современного общества уже сам по себе весьма сложен, ибо он складывается из многочисленных факторов, не всегда поддающихся точному учету. Его исследование неизбежно опирается на официальные статистические данные, отражающие интересы правящих классов.

Но изучение материального положения пролетариата в годы гитлеровской «третьей империи» сопряжено и с рядом специфических трудностей.

Во-первых, фашистские правители, стремясь исказить действительное положение дел в стране, прибегали к фальсификации статистических данных о положении трудящихся, и в частности рабочего класса, в гораздо большей степени, чем это обычно принято в промышленно развитых капиталистических странах. В этом отношении у них были неограниченные возможности, ибо в отличие от условий, существующих при буржуазно-демократических порядках, были полностью исключены хотя бы частичные неофициальные, например проводимые профсоюзами, подсчеты, позволяющие в какой-то мере проверить и скорректировать официальные цифры. Одним из излюбленных способов прикрытия фальсификаций, применяемых фашистскими правителями, было внезапное и необоснованное изменение метода группировки данных, исключавшее какую бы то ни было возможность их сравнения с предыдущими, а также введение неоговоренных «поправочных» коэффициентов.

Во-вторых, установление фашистского господства пришлось на то время, когда экономика Германии переживала глубочайшие

[31] *Hofer W.* Op. cit. S. 128.
[32] *Jeserich K.* Sozialpolitik. B., 1935. S. 40.

потрясения. В этих условиях многие факторы, определяющие материальное положение трудящихся, и в частности рабочих, либо потеряли свое значение, либо существенно изменили его. Так, например, в связи с огромной безработицей на бюджетах рабочей семьи в гораздо большей степени, чем колебания тарифной заработной платы, отражались изменения размеров пособий по безработице и по социальному страхованию, а также условий их предоставления. Наличие «избыточной» рабочей силы привело к широкому распространению так называемых «черных» (т. е. неофициальных) заработков, размеры которых не регулировались никакими договорными отношениями. Практически потеряла прежнее значение проблема продолжительности рабочего дня, ибо рабочий страдал не столько от сверхурочных, сколько от сокращенной рабочей недели, являвшейся одной из форм скрытой безработицы, и т. д. В этих условиях даже более или менее точно вычисленная кривая не только тарифной, но и фактической заработной платы могла отражать действительные изменения только весьма приблизительно.

В-третьих, характерное для германского фашизма самое широкое использование государственно-монополистического регулирования привело к дополнительному изменению роли факторов, из которых складывается материальное положение населения. Так, например, ограничения на импорт, введенные фашистами вскоре после прихода к власти, создали в стране нехватку ряда распространенных продовольственных товаров, что привело к изменению в структуре питания, непосредственно не связанному с изменением заработной платы. Проводимая нацистским режимом политика «ползучей инфляции» уменьшила значение тарифной заработной платы и т. д. Определенные коррективы в жизненный уровень вносили и активно применяемые фашистским государством меры по государственной благотворительности, осуществляемые в основном за счет дополнительных вычетов и «добровольных» пожертвований из заработной платы. В результате роль официальной заработной платы в определении общего материального положения различных слоев населения уменьшилась еще больше.

В-четвертых, из 12 лет фашистского господства почти 6 лет пришлось на войну и примерно четыре года — на непосредственную интенсивную подготовку к ней. Иными словами, на протяжении почти всего периода пребывания национал-социалистов у власти экономика страны развивалась в ненормальных условиях, и эти условия в решающей степени сказывались на динамике жизненного уровня рабочих.

Во время войны полностью потеряла значение денежная сторона вознаграждения за труд. С продолжительностью рабочего времени вообще перестали считаться.

Война собрала огромную кровавую дань с рабочих. В то же время фашистские завоевания открыли для части из них возможности продвижения по службе в случае переселения на территорию, захваченную фашистскими войсками. Аналогичные возможности открылись в связи с прибытием в Германию миллионов на-

сильно угнанных иностранных рабочих, для управления которыми потребовалось огромное число надсмотрщиков, инструкторов и мастеров. В то же время на последнем этапе войны, когда германские армии стали терпеть одно поражение за другим, именно немецким рабочим пришлось вынести на себе основную тяжесть катастрофы, которую навлекли на Германию Гитлер и его клика.

Все это не исключает, однако, возможности определения, с необходимой степенью достоверности, главных тенденций изменения условий материального существования немецкого пролетариата в период фашистского господства. Это связано прежде всего с тем, что указанные тенденции проявлялись с такой силой, что скрыть их не могли никакие паллиативные меры или, тем более, статистические ухищрения.

Характерно в этой связи, что наиболее серьезные и объективные исследователи этой стороны дела из числа западных ученых, оценивая общее направление развития уровня жизни немецкого рабочего класса при фашизме, приходят, с некоторыми отклонениями, примерно к тем же конечным выводам, что и марксисты. Весьма показательны с этой точки зрения работы швейцарского ученого Рене Эрбе и американских исследователей Гильды Оппенгеймер-Блюм и Герхарда Брейя [33].

Характеризуя изменения в положении немецкого рабочего класса при фашизме, следует прежде всего отметить резкое ухудшение условий продажи им своей рабочей силы. В период Веймарской республики эта продажа осуществлялась в ходе более или менее свободной игры сил, упорной борьбы предпринимательских союзов и профсоюзов, исход которой в конечном счете определялся перевесом той или иной стороны. Вмешательство государства в эту борьбу в интересах монополий осуществлялось лишь только в чрезвычайных случаях и не было, как правило, решительным, ибо позиция государственных представителей в значительной мере определялась конъюнктурными политическими соображениями: нежеланием навлечь на себя и свою партию недовольство трудящихся чрезмерно откровенной поддержкой привилегированных классов, опасением за свои парламентские позиции и т. д. Поскольку немецкие профсоюзы были массовыми и хорошо организованными, а входившее в них ядро рабочего класса настроено по-боевому, в борьбе вокруг заработной платы в ряде случаев брали верх рабочие организации.

Фашистский переворот полностью изменил ситуацию. Немецкий трудовой фронт, заменивший распущенные профессиональные союзы, как уже отмечалось выше, фактически не взял на себя функции по регулированию данной стороны отношений между ра-

[33] *Erbe R.* Die nationalsozialistische Wirtschaftspolitik. 1933—1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958; *Oppenheimer-Bluhm H.* The Standard of Living of German Labor under Nazi Rule. N. Y., 1943; *Bry G.* Weges in Germany, 1941—1945. Princeton, 1960; и др.

ботодателями и рабочими. Практически весь комплекс этих вопросов был передан на усмотрение государственных органов.

Передача эта была осуществлена в законодательном порядке почти сразу же после прихода фашистов к власти. Первым шагом на этом пути был изданный 19 мая 1933 г. закон, согласно которому имперскому канцлеру предоставлялось право назначать из числа кандидатов, выдвинутых провинциальными властями, «попечителей труда» для крупных хозяйственных районов. Закон, в частности, предусматривал, что в компетенции «попечителей труда» входит принудительное регулирование условий заключения трудовых договоров. Соответственно, эти функции были изъяты из ведения «объединений лиц наемного труда, отдельных предпринимателей и союзов предпринимателей» [34].

Дальнейшим развитием системы государственно-монополистического регулирования отношений между трудом и капиталом явился изданный 20 января 1934 г. Закон о регулировании национального труда, за которым последовали 19 директивных инструкций по его осуществлению [35]. В соответствии с этим законом решение споров между предпринимателями и рабочими переносилось непосредственно на места, что исключало возможность подключения к решению таких споров центральных профессиональных организаций. Одновременно закон санкционировал ликвидацию на предприятиях фабрично-заводских комитетов, создание которых было в свое время одним из крупнейших завоеваний немецкого рабочего класса. Вместо фабзавкомов, обладавших довольно широкими правами, был введен институт доверенных. Последние под председательством предпринимателя образовывали совет предприятия, обладавший чисто совещательными функциями и имевший своей целью «достижение согласия и сотрудничества на предприятии, повышение производительности труда, разрешение конфликтов» [36].

Этим же законодательным актом были существенно расширены права владельца предприятия, который объявлялся фюрером своего коллектива, с передачей ему прерогатив, вытекающих из принципа «вождизма».

В соответствии с законом от 20 января на всех предприятиях, насчитывавших более 20 рабочих и служащих, должен был быть принят так называемый производственный устав, предусматривавший время начала и окончания работы, продолжительность перерывов, время и формы выдачи заработной платы, а также другие конкретные условия труда (размеры и характер штрафов, условия увольнений в чрезвычайных случаях, выплату компенсации за разрыв трудовых отношений и т. д.). Решающее слово в случае возникновения споров между «вождем» предприятия и «доверенными»

---

[34] См.: Gesetzbuch der Arbeit. München, 1934.

[35] Die Ordnung der nationalen Arbeit. Gesetz mit allen Durchführungsbestimmungen. B., 1941. См. также: Die stufenweise Liquidierung der sozialen Rechte der Lohnabhängigen / Hrsg. von Kühl R., Hardach G. // Ibid. S. 225 ff.

[36] Die Ordnung der nationalen Arbeit. S. XIV, 1 ff.

по вопросу об условиях устава предоставлялось «попечителям труда» [37].

Положение о производственных уставах вместе с решением о децентрализации переговоров об условиях труда открывали самые широкие возможности коренного пересмотра социального законодательства Веймарской республики, бывшего результатом длительной и упорной борьбы рабочих, и изменения социальных условий на предприятиях в худшую сторону. На практике эти возможности были использованы самым широким образом.

Законом были уточнены и существенно расширены функции «попечителей труда». Согласно его параграфам 18 и 19, «попечитель» является имперским чиновником и высшим уполномоченным центрального правительства по социально-политическим вопросам в своем районе, подчиненным имперскому министру труда. В сферу его полномочий входило определение условий заключения договоров, наблюдение за созданием и работой «советов доверенных», при определенных условиях назначение и отзыв «доверенных», принятие решений при спорах, выработка директив и тарифных условий, а также наблюдение за их выполнением. «Попечителю труда» было предоставлено право принятия решений о сроках и масштабах широких увольнений [38].

В соответствии с принципом «вождизма» «попечитель» должен был принимать решения самостоятельно. Существовавший при нем совет экспертов действовал лишь на правах совещательного органа [39].

Разумеется, в законе были также положения, рассчитанные на то, чтобы чрезмерно не провоцировать рабочих, сделать новое законодательство по вопросам труда в какой-то мере приемлемым и для них. Этой цели служили части закона, в которых, во-первых, провозглашалось равенство прав и обязанностей работодателя и лиц наемного труда на предприятии и, во-вторых, намечались определенные мероприятия, выглядевшие как соответствующие интересам рабочего коллектива.

К числу первых относился IV раздел закона, посвященный «социальным судам чести». Эти суды, создание которых предусматривалось законом, должны были рассматривать факты нарушения «социальных обязанностей» как членами коллектива, так и предпринимателями. К нарушениям, подлежащим разбирательству в таком суде, состоявшем из назначенного министром юстиции судьи и двух заседателей — одного от предпринимателей, другого от уполномоченных коллектива, — были отнесены:

1) злонамеренная эксплуатация подчиненных и оскорбление их чести со стороны предпринимателей;

2) нарушение «трудового мира» подчиненными, «незаконное вмешательство» «доверенных» в дела управления предприятием;

---

[37] *Jeserich K.* Op. cit. S. 12.
[38] Die Ordnung der nationalen Arbeit. S. 2 ff.
[39] *Jeserich K.* Op. cit. S. 10, 11.

3) принесение необоснованных жалоб «попечителю труда»;
4) разглашение «доверенными» секретов предприятия.

«Судами чести» могли быть наложены следующие взыскания: предупреждение, выговор, денежный штраф до 10 тыс. марок, лишение права быть фюрером предприятия или «доверенным», увольнение с предприятия без льготного срока [40].

Распространение юрисдикции суда на владельцев предприятий было широко использовано национал-социалистами в демагогических целях.

К числу других мероприятий, предусмотренных этой частью закона, следует отнести положения о системе защиты от увольнений. Рабочие и служащие, проработавшие на предприятии, насчитывающем 10 человек и более, не меньше года, получали право на протяжении двух недель после увольнения подавать в суд по трудовым делам заявления с просьбой о восстановлении. Суд мог принимать решения либо о восстановлении, либо о выплате компенсации. Массовые увольнения, вызванные изменением хозяйственной конъюнктуры или тяжелым финансовым положением предприятия, разрешались только с санкции «попечителя труда». С момента подачи последнему заявления об увольнениях предприниматель был обязан держать соответствующих лиц на работе на протяжении примерно 4 недель. Если по финансовым соображениям он не мог сделать этого, «попечитель» был вправе разрешить перевести намеченных к увольнению лиц на неполный рабочий день, но не менее чем 24 часа в неделю [41].

На практике эта часть закона почти не применялась, ибо улучшение хозяйственной конъюнктуры положило конец массовым увольнениям. Однако пропагандистское воздействие его на рабочих, находившихся на протяжении нескольких лет под гнетом страха потерять работу, было весьма значительным.

Аналогичное воздействие оказало изданное на основе закона от 20 января 1934 г. распоряжение о продолжительности рабочего дня (24 июля 1934 г.), согласно которому рабочий день для промышленных рабочих, в том числе и для рабочих сельских промышленных предприятий, устанавливался протяженностью в 8 часов.

С момента вступления в силу Закона о регулировании национального труда (1 октября 1934 г.) динамика условий труда и жизни немецкого рабочего класса определялась государственными органами. При отсутствии эффективного сопротивления это неизбежно вело к дальнейшему ослаблению его позиций, прежде всего социальных. Одним из следующих шагов в данной области было значительное ограничение свободы передвижения рабочих. Начало ему было положено Законом о регулировании использования рабочей силы от 15 мая 1934 г. Этот закон предоставлял государственным органам право запрещать в определенных районах наем вновь прибывших лиц. Первоначально эта мера была задумана как

[40] Die Ordnung der nationalen Arbeit. S. 14.
[41] Ibid. S. 19.

средство предотвращения бегства сельскохозяйственных рабочих, в которых, несмотря на массовую безработицу, в это время уже ощущался недостаток. Впоследствии, по мере возникновения нехватки квалифицированной рабочей силы в промышленности, ограничения свободы передвижения были распространены и на промышленных рабочих: сперва на металлистов, затем на каменщиков и плотников, потом на всех строительных рабочих, всех занятых в горной, металлургической, химической промышленности и производстве строительных материалов.

Законом от 26 февраля 1935 г. была введена новая трудовая книжка, служившая официальным свидетельством о профессиональном образовании и профессиональном совершенствовании рабочих и служащих. С 1 сентября 1936 г. лица трудоспособного возраста могли быть приняты на работу только при предъявлении такой трудовой книжки, выданной биржей труда. Это практически делало невозможным поступление на работу в обход распоряжений о регулировании рабочей силы [42].

Форсировавшиеся в первые годы фашистского режима различные формы так называемой добровольной трудовой повинности постепенно были превращены в трудовую повинность в полном смысле этого слова. В июне 1935 г. в Германии была повсеместно введена временная трудовая повинность. В декабре 1938 г. трудовая повинность была распространена на женщин. Декрет о всеобщей трудовой повинности, изданный в феврале 1939 г., предоставлял правительству право мобилизовать любого гражданина на неопределенный срок для работы в любом месте.

Антирабочий характер подобного законодательства очевиден. В то же время следует иметь в виду, что осуществлялось это законодательство, особенно на первом этапе, в условиях катастрофической безработицы, когда даже любые формы принудительного труда (исключая, разумеется, принудительный труд в концентрационных лагерях и других местах заключения) воспринимались большинством рабочих не столько как принуждение, сколько как метод предоставления работы.

А о масштабах этой безработицы можно судить на основании следующих данных.

Таблица 3

Размеры безработицы в Германии в 1930—1932 гг. (тыс. человек)

Год	Число занятых по статистике больничных касс	Безработные	Всего
1930 (среднемесячные данные)	16 515	3076	19 591
1931 »	14 337	4520	18 857
1932 »	12 518	5603	18 121

Источник: *Sterenberg F.* Op. cit. S. 8

[42] *Jeserich K.* Op. cit. S. 33.

Как видим, с 1930 по 1932 г. безработица в стране увеличилась на 2,5 млн человек, в то время как число занятых сократилось на 4 млн. Это дает основание предполагать наличие еще 1,5 миллионов так называемых невидимых безработных. Но даже если взять за основу официальные данные, то масштабы безработицы получатся достаточно внушительными. На каждых 2,3 работающих приходился один безработный.

К началу 1933 г. безработица возросла еще больше. В январе, т. е. к моменту прихода нацистов к власти, она даже по официальным данным составила более 6 млн человек, в то время как число занятых упало до 11,5 млн человек. Иными словами, один безработный приходился менее чем на 2 занятых [43].

Одним из наиболее громогласных лозунгов, при помощи которого национал-социалисты проложили себе дорогу к власти, было обещание покончить с безработицей. В сложившихся условиях степень осуществления этого обещания была решающим фактором дальнейшей массовой поддержки НСДАП. Провал провозглашенных ими мероприятий по увеличению занятости неизбежно привел бы к быстрому разочарованию народных масс, обострению политического кризиса, в том числе и кризиса в самой партии. И наоборот, любой успех в этой области привел бы не только к ее укреплению на уже завоеванных позициях, но и к расширению влияния НСДАП среди основного ядра рабочего класса.

Поэтому действия гитлеровского правительства в области занятости были не простой демагогией, как подавляющее большинство их акций, а имели весьма реальное содержание. Сдвиги в этой области значительно облегчались тем, что и само естественное экономическое развитие шло в этом же направлении. К началу 1933 г. циклический кризис, поразивший Германию, прошел стадию самого глубокого спада. Впервые за несколько лет в ряде отраслей наметилось оживление. Начали расти инвестиции. Это неизбежно должно было повлечь за собой и увеличение занятости. Кроме того, увеличение занятости должно было, естественно, сопутствовать реализации главной политической линии, намеченной национал-социалистами, — линии на форсирование милитаризации Германии, на расширение военной промышленности и создание массовой агрессивной армии.

Однако развитие в этом направлении было ускорено серией специальных мероприятий. Первым из них была так называемая «программа создания работ» от 1 июня 1933 г. («программа Рейнхарда»). В рамках этой программы на основании специально изданного имперского закона министерству финансов было предоставлено право выпуска специальных обязательств государственного казначейства («Арбейтсшацанвейзунген») на сумму в один миллиард марок. В сентябре 1933 г. еще одним законом выделенная сумма была увеличена на 500 млн марок.

Полученные в результате этого инфляционистского маневра

---

[43] *Jeserich K.* Op. cit. S. 29.

средства были выделены целевым назначением на ремонт, постройку и расширение административных и жилых помещений и других сооружений, на проведение так называемых общественных работ (мелиорацию, создание поселений, совершенствование водных транспортных путей), на поддержку благотворительных учреждений, на ремонт и постройку жилых и хозяйственных строений сельскохозяйственных предприятий, на земляные работы и т. д. Средства предоставлялись в виде безвозвратных ссуд и субсидий провинциям, общинам, органам социального обеспечения и отдельным владельцам крупных сельскохозяйственных предприятий.

Зимой 1933/34 г. на работах, связанных с реализацией «программы Рейнхарда», было занято около 750 тыс. человек. Оплата труда на таких работах была минимальной. Например, безработный, взятый на земляные работы, получал вознаграждение, не превышавшее размеров пособия по безработице, плюс ежемесячную добавку в 25 марок в виде бон на одежду, белье и предметы домашнего обихода и на горячую пищу один раз в день. Тем не менее многим попавшим на эти работы их положение казалось лучшим, чем прежде.

Бо́льшая часть средств, выделенных в соответствии с «программой Рейнхарда», была потрачена на работы, имевшие военно-стратегическое значение (так называемые «земляные работы»). Но еще более откровенно военный характер имели работы, проводимые под эгидой специального акционерного общества, созданного при Управлении имперских железных дорог. Целью этих работ было создание в кратчайшие сроки имперских автострад, перерезающих Германию в шести направлениях, общей протяженностью свыше 6 тыс. километров.

Определенную роль в уменьшении избытка рабочей силы сыграло расширение нацистами системы добровольной трудовой повинности для молодежи, созданной еще в 1931 г. Уже в 1934 г. в лагерях трудовой повинности было сосредоточено 237 тыс. молодых мужчин. Однако уже с самого начала основной задачей этой системы считалось проведение предварительного военного обучения, которое было официально запрещено Версальским договором. По мере уменьшения безработицы эта задача стала, по сути дела, единственной.

В большей степени уменьшение безработицы среди молодежи имелось в виду при создании организации «сельская помощь» («Ландхильфе»). По программе «сельской помощи» средним и мелким сельским хозяевам через биржи труда выплачивались небольшие дотации за то, что они нанимали направляемых им в централизованном порядке юношей и девушек в возрасте от 16 до 25 лет сроком на 6 месяцев (с правом продления найма до одного года). Работа в рамках «сельской помощи» осуществлялась без всякого денежного вознаграждения, за один лишь пансион. Проблемы занятости программа не решала, однако временно, в самый напряженный момент на рынке труда, часть молодежи была

отвлечена из городов. В 1933—1934 гг. затраты имперского управления «сельской помощи» составили 37,7 млн. марок. Летом 1933 г. в сельских районах Германии работало 150 тыс., а летом 1935 г. — 137 тыс. «сельских помощников» [44].

Аналогичный характер носила связанная с «сельской помощью» система добровольной женской трудовой повинности. В отличие от «сельской помощи» повинность эта отбывалась не в отдельных крестьянских хозяйствах, а в специальных лагерях трех типов: лагерях помощи поселенцам, лагерях помощи на дому и социальной помощи и лагерях с собственным сельскохозяйственным производством [45].

Определенное значение для расширения занятости имели и специальные экономические меры воздействия: снижение налогов на инвестиции, связанные с дополнительным наймом рабочей силы, ограничение машинного труда в табачной промышленности. Была объявлена борьба «двойной занятости» в семье. По закону от 1 июня 1933 г. женщине, вступающей в брак, при условии отказа от работы в течение 5 лет, предоставлялась беспроцентная ссуда в размере до 1 тыс. марок бонами на обзаведение мебелью и домашней утварью. При рождении первого ребенка часть задолженности по ссуде списывалась, а после рождения нескольких детей задолженность аннулировалась полностью.

Общий подъем экономической конъюнктуры в совокупности с перечисленными выше мероприятиями привели к постепенному рассасыванию избыточной рабочей силы. Представление об этом процессе дает следующая таблица.

Таблица 4

Безработица в Германии с 1933 по 1940 г. (тыс. человек)

Год	Число безработных	Год	Число безработных	Год	Число безработных
1933 (январь)	6014	1935	2151	1938	429,5
1934	2718	1936	1593	1939 *	118,9
		1937	912	1940 *	51,8

* без аннексированных областей.

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. B., S. 426.

Рассасывание безработицы происходило крайне дифференцированно. Например, в малых городах искусственные мероприятия по созданию работ дали гораздо больший эффект, чем в больших. В конце марта 1934 г. 64 % зарегистрированных на этот месяц безработных приходилось на общины, население которых превышало 50 тыс. человек, хотя численность этих общин составляла всего 35 % от всей численности населения. В малых общинах

[44] Ibid. S. 31.
[45] Ibid. S. 32.

(менее 50 тыс. человек) на 1000 жителей приходилось в это время 23,6 безработных, а в больших городах (население свыше 100 тыс. человек) — 81 безработный [46].

В связи с широким использованием таких методов создания работ, как «добровольные трудовые лагеря», «сельская помощь» и т. д., рассчитанных прежде всего на молодежь, рассасывание безработицы среди молодежи происходило быстрее, чем среди других возрастных категорий. К 15 июня 1934 г. безработица уменьшилась по сравнению с соответствующей датой предыдущего года на 46,7 %, в то время как среди лиц в возрасте 40—60 лет она сократилась на 36,1 %, в возрасте 25—40 лет — на 44,9 % и в возрасте 18—25 лет — на 67,6 % [47]. После 1935 г., когда был принят закон о всеобщей воинской повинности, который привел к мобилизации в армию большого числа молодежи, безработица среди нее (особенно среди мужской молодежи) свелась к минимуму. Трудоустройство старших поколений, особенно лиц в возрасте 40—60 лет, продолжало наталкиваться на трудности вплоть до 1937—1938 гг., когда в стране в связи с широкой подготовкой к войне в ряде областей наметилась серьезная нехватка рабочей силы.

По-разному проходило рассасывание безработицы и среди представителей различных профессий. На первых порах в связи с развертыванием строительных и земляных (дорожных) работ появился большой спрос на квалифицированных рабочих-строителей и дорожников. Перестройка на военные рельсы промышленности, в частности форсирование производства вооружений, военного снаряжения и политика создания военных запасов привели к оживлению в металлургической, химической, машиностроительной промышленности и соответственно к увеличению потребности в квалифицированных рабочих-горняках, металлургах, металлистах, химиках и т. п. Избыток рабочей силы среди специалистов этой квалификации быстро иссякал, в то время как безработица среди рабочих текстильной, пищевой, табачной и других аналогичных отраслей промышленности рассасывалась очень медленно.

Следует иметь также в виду, что на первом этапе (1933—1935 гг.) уменьшение безработицы, отражавшееся в официальной статистике, имело в значительной степени мнимый характер, ибо в большинстве случаев речь шла о временных чрезвычайных работах, не обеспечивавших постоянной занятости и работы по профессии, или об искусственном создании свободных рабочих мест путем выталкивания из рабочего процесса представителей семей с «двойным заработком», — как правило, женщин.

На последующих этапах в связи с военной конъюнктурой экономика стала требовать все большего количества рабочей силы, временные чрезвычайные работы начали сворачиваться, занятые на них рабочие — переходить на постоянную работу. Более того,

---

[46] Ibid. S. 33.
[47] Ibid. S. 34.

возникшая нехватка рабочих в военной и связанной с ней промышленности побудила власти принять меры обратного порядка — по высвобождению рабочей силы для промышленности. Так, в 1938 г. нацистским правительством было отменено ограничение при поступлении на работу женщин, получивших ссуду на обзаведение мебелью и домашней утварью по закону от 1 июня 1933 г.

Этот процесс можно иллюстрировать на основании следующих статистических данных.

Таблица 5

Занятость рабочих и служащих в 1933—1940 гг. (млн)

Год	Число занятых	Год	Число занятых	Год	Число занятых
1933	13,4	1936	17,6	1939 *	20,8
1934	15,5	1937	18,9	1940 *	19,6
1935	16,4	1938	20,1		

* без аннексированных областей.

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 410.

Из таблицы следует, что с 1933 по 1939 г. включительно (1940 г. не показателен, ибо на данных в решающей степени сказалась мобилизация) число занятых рабочих и служащих увеличилось на 7,4 млн человек. За это же время безработица сократилась примерно на 5,9 млн человек. Иными словами, за семь лет в производственный процесс было дополнительно включено 1,5 млн человек.

В решающей степени это было осуществлено за счет вовлечения в производство женщин.

Таблица 6

Занятость женщин в 1933—1940 гг. (тыс.)

Год	Число занятых	Год	Число занятых	Год	Число занятых
1933	4751	1936	5507	1939 *	6822
1934	5052	1937	5894	1940 *	7115
1935	5246	1938	6306		

* без аннексированных областей.

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 410.

С 1933 по 1939 г. численность женщин, занятых в производстве, увеличилась более чем на 2 млн человек, а с 1939 по 1940 г. — еще почти на 300 тыс. В ряде случаев женский труд заменил мужской в связи с призывом в армию.

Рассасывание базработицы, оказавшее большое психологическое воздействие на значительную часть рабочего класса, сказа-

лось также и на бюджете большего количества семей не только потому, что лица, получавшие мизерное пособие по безработице, стали более или менее регулярно приносить домой заработную плату, но и потому, что, особенно после 1935—1936 гг., число занятых в одной семье, как правило, увеличилось. В этих условиях менее остро, чем это можно было ожидать, была воспринята политика нацистских властей в области заработной платы.

Еще в 1933 г. национал-социалистским правительством было принято решение о замораживании тарифных ставок на уровне кризисного 1932 г.

Это решение строго проводилось в жизнь, о чем свидетельствуют следующие данные.

Таблица 7

Средняя почасовая тарифная заработная плата немецких рабочих по 17 основным отраслям за 1932—1940 гг. (1928—100)

Год	Тарифная заработная плата	Год	Тарифная заработная плата	Год	Тарифная заработная плата
1932	86,2	1935	83,5	1938	84,0
1933	83,6	1936	83,5	1939	84,2
1934	83,5	1937	83,6	1940	84,3

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1938. S. 339; 1941—1942. S. 390.

Несколько иной была динамика номинальной заработной платы. Связанное с преодолением наиболее острой фазы кризиса и военной перестройки экономики расширение промышленного производства привело к более частому использованию предпринимателями сверхурочных работ, а также к некоторому увеличению дополнительных сверхтарифных выплат. В результате номинальная почасовая заработная плата, несмотря на неизменность тарифов, несколько увеличилась.

Таблица 8

Номинальная почасовая заработная плата немецких рабочих за 1932—1940 гг. (1936—100)

Год	Фактическая заработная плата	Год	Фактическая заработная плата	Год	Фактическая заработная плата
1932	97,6	1935	98,4	1938	105,6
1933	94,6	1936	100	1939	108,6
1934	97,0	1937	102,1	1940	111,2

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 384.

Примерно так же изменялась недельная номинальная заработная плата, отражавшая наряду с динамикой почасовой заработной платы и изменение продолжительности рабочей недели.

Таблица 9

Недельная номинальная заработная плата за 1932—1940 гг. (1936—100)

Год	Индекс	Год	Индекс	Год	Индекс
1932	85,8	1935	96,4	1938	108,5
1933	87,7	1936	100	1939	112,6
1934	94,1	1937	103,5	1940	116,0

Источник: Ibid.

Таким образом, даже в 1940 г. недельная номинальная заработная плата рабочих не достигла уровня кризисного 1930 г. (118,1) [48].

Следует иметь при этом в виду, что изменение фактической заработной платы в разных отраслях промышленности было разным. Вот как происходило движение фактической недельной заработной платы в важнейших отраслях промышленности с 1934 по 1937 г.[49]:

Отрасль промышленности	Прирост, %
Приборостроение	31,4
Строительство	29,8
Строительные материалы	28,0
Транспортные средства	23,2
Машиностроение и котлостроение	23,2
Изделия из чугуна и стали	10,9
Чугун и сталь	8,4
Бумажная	8,3
Деревообрабатывающая	7,1
Текстильная	2,9
Пищевая	2,1
Полиграфическая	1,7
Стекольная	0,0
Кожевенная	Уменьшение
Швейная	»

Таким образом, по мере падения значения определенной отрасли для военного производства прирост заработной платы последовательно сокращался, сходя в отдельных отраслях на нет.

Различия в динамике заработной платы в какой-то степени определяли и дифференцированное отношение тех или иных категорий рабочих к конкретным мероприятиям нацистских властей. Впрочем, значение этих различий не следует преувеличивать, ибо развитие номинальной заработной платы в очень слабой мере отражало действительные изменения в уровне жизни населения вообще и рабочего класса в частности.

[48] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1941—1942. S. 384.
[49] *Oppenheimer-Bluhm H.* Op. cit.

Прежде всего для периода фашистского господства весьма характерно увеличение всякого рода вычетов и поборов с трудящегося населения. Одновременно в связи с инфляционистской политикой нацистского правительства на протяжении всех лет господства фашистов происходил постоянный рост стоимости жизни. Если принять уровень 1913/1914 г. за 100, то в 1932 г. индекс стоимости жизни составлял 120,6, в 1934 г. — 121,1, в 1936 г. — 124,5, в 1938 г. — 125,6. В военные годы он, естественно, рос еще быстрее [50].

Динамика реальной заработной платы проявляла все эти годы четкую тенденцию к снижению. В 1933 г. ее индекс равнялся 105,1 (1936 г. — 100), а в 1938 г. — 99,3 [51].

Важным показателем изменения материального положения трудящихся, в частности рабочих, являются сдвиги в структуре потребления пищевых продуктов. В 1937 г. в Германии выросло по сравнению с 1927—1928 гг. потребление преимущественно тех продуктов, использование которых свидетельствует о сокращении бюджета, и, напротив, упало потребление наиболее высококачественных и, соответственно, более дорогих продовольственных изделий. Так, например, резко возросло потребление ржаного и других видов черного хлеба. Зато резко сократилось потребление белого хлеба. Заметно упало потребление натурального молока. В то же время чуть ли не в два раза увеличилось потребление снятого молока. Резко уменьшилось потребление яиц, мяса и мясопродуктов, а также такого традиционного и распространенного напитка, как пиво [52].

Не менее ярким свидетельством действительного характера изменения материального положения рабочего класса и подавляющего большинства лиц наемного труда является изменение за годы фашистского правления доли заработной платы и жалованья в национальном доходе.

Доля заработной платы и жалованья в национальном доходе (%) [53].

1928 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
62	64	63	62	61	59	58	57

Непосредственно накануне войны, а тем более во время войны динамика заработной платы почти полностью перестала отражать действительное изменение уровня жизни лиц наемного труда. Фашистская политика автаркии привела к исчезновению с рынка ряда дефицитных промышленных товаров. Еще хуже сложилось положение с продовольственным снабжением. В 1936—1937 гг.

---

[50] *Bettelheim Ch.* Die deutsche Wirtschaft unter dem Nationalsozialismus. München, 1974. S. 246.

[51] *Henning E.* Thesen zur deutschen Sozial- und Wirschaftsgeschichte 1933—1938. Frankfurt a. M., 1973. S. 210.

[52] *Oppenheimer-Bluhm H.* Op. cit. S. 46.

[53] *Erbe R.* Op. cit. S. 94.

в стране была введена негласная карточная система в виде «постоянных списков потребителей». С началом войны карточная система на все продовольственные товары была введена уже официально.

Следует, однако, иметь в виду, что после захвата гитлеровской армией ряда стран Европы многие жители Германии имели возможность получать продовольствие и неофициальным путем, за счет «неорганизованного» ограбления оккупированных стран. Происходило и организованное ограбление захваченных территорий, которое позволило обеспечить пусть недостаточное, но все же регулярное снабжение всех категорий немецких потребителей.

На более позднем этапе войны, когда Германия начала терпеть серьезные поражения на советско-германском фронте, когда она начала терять одну за другой оккупированные территории, снабжение всех категорий трудящегося немецкого населения стало быстро ухудшаться.

В конце войны средний рацион по калорийности был на 31 % меньше, чем в первом военном году, и на 14,5 % меньше, чем в 1943/44 г. По белковому содержанию рацион ухудшился соответственно на 36,6 и 10,5 %, по жировому содержанию — на 44,6 % и на 21 %.

К началу 1945 г. снабжение населения продовольствием по карточкам в ряде районов вообще было нарушено. В крупных городах, оказавшихся в районе военных действий, начался голод.

Одним из важных показателей положения рабочего класса является изменение продолжительности рабочего дня. В годы фашистского режима эта продолжительность постоянно возрастала.

Таблица 10

Средняя продолжительность рабочей недели в промышленности в 1932—1941 гг. (час.)

Год	Продолжительность рабочей недели	Год	Продолжительность рабочей недели	Год	Продолжительность рабочей недели
1932	41,46	1936	46,7	1939	48,7
1933	42,96	1937	47,6	1940	49,2
1934	44,58	1938	48,5	1941	49,9
1935	44,46				

Источник: *Кучинский Ю.* Условия труда в Германии. М., 1949. С. 469, 492.

Во время войны продолжительность рабочего времени продолжала расти, составив к концу войны 10, 12 и 14 часов в день.

Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что в первые годы нацистского режима увеличение рабочего времени не воспринималось рабочими как усиление эксплуатации и ухудшение положения. Во-первых, общие цифры скрывали за собой постепенное рассасывание частичной безработицы (т. е. повышение происходило за счет ликвидации неполной занятости). Во-вторых, после длительного периода массовой безработицы появление возможности растянуть рабочий день и увеличить тем самым зара-

боток воспринималось как фактор не отрицательный, а положительный.

Однако объективно, в сочетании с ухудшившейся структурой питания, растягивание рабочего дня приводило к повышенному износу рабочей силы. Этот износ был тем большим, что как раз в это время в германской промышленности был проведен ряд мероприятий по дальнейшей интенсификации труда.

Непосредственным результатом хищнического использования рабочей силы при сократившихся затратах на охрану труда явилось увеличение числа несчастных случаев на производстве.

Таблица 11

Число несчастных случаев на каждые 10 тыс. застрахованных занятых рабочих в 1932—1937 гг.

Год	Число случаев	Год	Число случаев	Год	Число случаев
1931	378	1934	441	1936	504
1932	339	1935	472	1937	565
1933	368				

Источник: Amtliche Nachrichten für Reichsversicherung. 1938. 25. Mai.

Таким образом, только за пять лет господства национал-социалистов травматизм среди застрахованных рабочих возрос почти на 70 %. Еще быстрее рос травматизм в военные годы, статистика за которые не публиковалась.

Немецкий рабочий класс был не единственным поставщиком рабочей силы для фашистского режима, особенно во время второй мировой войны. На правящий класс гитлеровской «третьей империи» работали граждане оккупированных областей, военнопленные и иностранцы, угнанные в Германию. Их материальное положение (особенно угнанных «восточных» рабочих и военнопленных) было несравненно хуже, чем немецких, и в отношении питания, и в отношении интенсивности труда, и в отношении продолжительности рабочего дня. Подробное рассмотрение этого комплекса проблемы выходит за рамки исследования положения немецкого рабочего класса. Тем не менее иметь в виду это обстоятельство очень важно. Наличие в стране большой категории лиц, находящихся в гораздо худшем положении, иллюзия более высокого социального положения рабочих немецкой национальности по сравнению с иностранцами зачастую приводили к неправильной оценке немецкими рабочими собственного материального положения, собственных социальных позиций в обществе.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать.

В целом положение рабочего класса при фашистском режиме было хуже, чем в предкризисные годы. Некоторое улучшение произошло лишь по сравнению с периодом наибольшего обострения кризиса. Однако и это улучшение было неравномерным.

Если в сфере занятости обстановка улучшилась, то положение с питанием в ряде случаев стало хуже. Некоторый рост номинальной заработной платы в значительной степени был съеден ростом цен на жизненно важные продукты. Платой за подъем конъюнктуры и возможность дополнительных заработков путем увеличения рабочего дня и большей напряженности труда явилось быстрое изнашивание рабочей силы и резкое увеличение травматизма.

Но самым главным, разумеется, было то, что незначительное улучшение положения рабочего класса по сравнению с кризисными годами было достигнуто в результате перевода страны на военные рельсы, форсированной подготовки к войне и проведения политики агрессии. И счет за эту политику пришлось оплачивать тому же самому немецкому рабочему классу — оплачивать прежде всего своей кровью.

Рабочий класс и НСДАП в годы «третьей империи»

Материальное положение рабочего класса — важный фактор формирования его отношения к строю, при котором он живет и трудится. Но этот фактор не единственный. Не менее важна динамика изменения положения. Если оно улучшается, то абсолютные размеры улучшения и даже абсолютный уровень положения не имеют решающего значения. Эта сторона дела сыграла очень важную роль в формировании отношения ряда отрядов немецкого рабочего класса к фашистскому режиму. По мере рассасывания безработицы и некоторого повышения номинальной заработной платы среди части рабочих, в том числе относившихся прежде резко отрицательно к национал-социалистам, стало прокладывать себе дорогу мнение, что НСДАП в какой-то мере выполняет свои обязательства. То обстоятельство, что это оживление было искусственным и связанным с подготовкой войны, было слишком абстрактным для многих изголодавшихся по работе людей, чтобы оказать на них сколько-нибудь заметное воздействие. Они, конечно, знали, что до кризиса жизнь была лучше. Однако докризисный период отстоял уже достаточно далеко; он стал забываться, и отсчет, как правило, велся от более близкого и памятного периода всеобщего экономического краха.

Огромную роль наряду с динамикой изменений играет субъективное представление о собственном положении, определяемое возможностью как реально сопоставить различные составляющие его факторы, так и сравнить его в целом с положением соответствующих классов и прослоек в других странах. В нацистской Германии возможности более или менее правильной оценки рабочим классом своего положения оказались предельно ограниченными. Во-первых, абсолютная унификация печати при одновременной ликвидации самостоятельных рабочих политических и профессиональных организаций делала невозможным критическое сопоставление своего материального положения с материальным положением рабочих в других промышленно развитых капиталистических

странах. Такое представление сформировалось еще в период кризиса, а его динамика осталась неизвестной. В результате среди немецких рабочих возникло сознательно культивируемое нацистами мнение, что изменения, связанные с окончанием кризиса, коснулись только Германии и что немецкий рабочий значительно превзошел в том, что касается жизненного уровня, своих коллег в других странах.

Во-вторых, действительная оценка рабочими своего материального положения существенно затруднялась в связи с манипуляциями, производимыми национал-социалистами. Так, например, явное несоответствие заработной платы возросшей стоимости рабочей силы маскировалось искусственным уменьшением роли зарплаты в формировании жизненного уровня рабочего класса.

Маскировка эта осуществлялась следующим образом:

За счет увеличения различного рода вычетов, как обязательных, так и «добровольных», была развернута система благотворительности, создавшая иллюзию щедрой социальной политики нацистского государства. Начало созданию этой системы, сыгравшей большую роль в идеологической дезориентации рабочего класса, было положено приказом Гитлера от 4 мая 1933 г. о создании специального фонда жертв труда. К участию в работе этого фонда были торжественно призваны «все слои общества» [54].

Однако вскоре это частичное мероприятие было поглощено другим, всеобъемлющим. В конце 1933 г. нацистским правительством была создана общегерманская организация «зимней помощи», находившаяся под эгидой НСДАП. Членами-учредителями организации были в приказном порядке назначены имперские, земельные, провинциальные и коммунальные власти, союзы немецкой промышленности, торговли и ремесла, а также частные благотворительные организации. По всей стране была развернута кампания по сбору средств, проводившаяся под патриотическими лозунгами «поддержки страдающих соотечественников».

Крупные суммы на «зимнюю помощь» были внесены монополиями, рассматривавшими их как умеренную плату за «социальное умиротворение» общества. На часть промышленников, не проявивших особого рвения, был оказан нажим через государственные и партийные органы. Однако основные средства были собраны с трудящегося населения, подвергавшегося с этой целью постоянной и настойчивой обработке.

О размере средств, собранных в результате кампании по «зимней помощи», можно судить по поступлениям в фонд «зимней помощи» (в рм) [55].

Год	1933/34	1934/35	1935/36
Сумма	350 000 356	360 493 430	371 943 908

[54] *Rühle J.* Das erste Jahr. S. 134.
[55] *Jeserich K.* Op. cit. S. 37.

Всего за первые три года кампании по «зимней помощи» было собрано 1 082 437 694 марки [56].

Первоначально «зимняя помощь» была задумана как единовременная чрезвычайная операция, которая должна была продемонстрировать заботу нацистского режима о безработных. Ее большой пропагандистский успех привел к тому, что эта операция была повторена и в последующие годы. По мере рассасывания безработицы объем клиентуры «зимней помощи» сокращался. Если в 1933/34 г. она охватывала 17 млн человек, то в 1934/35 г. — 13,8 млн, а в 1935/36 г. — 12,9 млн человек. Соответственно уменьшению безработицы среди опекаемых увеличивалась доля многосемейных, больных и т. д.[57]

Суммы, приходившиеся на каждого опекаемого, были невелики и составляли в среднем 27—30 марок. Однако пропагандистский эффект такого рода массовой помощи, предоставлявшейся, как правило, в виде торжественно вручаемых подарков, содержавших предметы одежды и домашнего обихода — иногда подержанные, был весьма велик. И очень часто подарок стоимостью в несколько десятков марок заставлял забывать о вычетах на гораздо бóльшую сумму.

Второй наиболее распространенной формой маскировки несоответствия заработной платы стоимости рабочей силы была организация удешевленного массового отдыха «Крафт дурх фройде» — КдФ («Радость — сила»). Создана она была в конце ноября 1933 г. по образцу итальянской фашистской организации «Дополаворо» в виде сложного бюрократического аппарата, состоявшего из семи имперских управлений: 1. Отпусков, путешествий и туризма. 2. Эстетики и достоинства труда. 3. Физической культуры и спорта. 4. Обучения и образования. 5. Культуры. 6. Народных обычаев и традиций. 7. По делам молодежи [58].

КдФ руководила работой Домов немецкого труда, организовывала доступ «простым людям» к ценностям культуры (создание любительских театров, распространение удешевленных билетов в театры и на концерты и т. д.), культивировала массовый спорт, организовывала путешествия, способствовала развитию туризма как формы проведения отпуска [59].

Организацией «Крафт дурх фройде» были созданы собственные театры, закуплены или построены туристские пароходы (во время войны они оказались вполне подходящими для использования в качестве военных транспортов или госпитальных судов), возведены многочисленные дома отдыха и пансионаты на побережье Балтийского и Северного морей, в частности на острове Рюген (в военных условиях они были быстро приспособлены для госпиталей) [60].

---

[56] Ibid.
[57] Ibid.
[58] *Ley R.* Durchbruch der sozialen Ehre. München, 1940. S. 129.
[59] Ibid. S. 25—33. См. также: Kdf. Einrichtung und Organisation. B., 1934.
[60] *Schumann H.* Op. cit. S. 140.

Масштабы деятельности КдФ были весьма значительны. В 1934 г. в поездках, организованных обществом, участвовало 2 млн человек, в 1935 — 3 млн, в 1936 г. — 6 млн и т. д.[61]

В финансовом отношении участие в мероприятиях КдФ было вполне доступным для лиц с низкой заработной платой. При среднем заработке в промышленности в 130—140 рм 14-дневная поездка по маршруту Берлин—Женевское озеро стоила вместе с питанием и обслуживанием 65,50 рм, недельная поездка Берлин—Северное море — 35,00 рм, круиз вокруг Италии — 155,00 рм и т. д. Стоимость билетов на театральную постановку или симфонический концерт, распределяемых через КдФ, составляла 0,70 рм на любое место. Посещение заводских концертов, заводских вечеров, спортивных курсов, специальных киносеансов ДАФ, участие в туристских группах, в вечерах народного искусства и развлекательных и танцевальных вечерах было бесплатным [62].

Национал-социалисты широко использовали деятельность этой организации для проведения военно-спортивной работы, идеологической обработки трудящихся, в частности культивирования идеи социальной общности немецкого народа и т. д. Но все же главное свое воздействие КдФ оказывала на рабочий класс тем, что как бы впервые делала доступной для него такую форму отдыха, как путешествия, посещение морских курортов и т. д. И хотя этой формой отдыха могли воспользоваться далеко не все, а ее сравнительная дешевизна обеспечивалась за счет страхового и пенсионного фондов [63], а также вычетов из заработной платы, деятельность «Крафт дурх фройде» стала восприниматься значительной частью рабочих как подтверждение тезиса о возрастании роли рабочего класса в фашистском государстве, о социальной эмансипации рабочих, их врастании в «национальное общество».

Все это привело к определенному перелому в отношении рабочего класса к режиму, установленному национал-социалистами. Если, как отмечалось выше, саму передачу власти Гитлеру большинство рабочих восприняло глубоко враждебно и не выступило на борьбу только потому, что было дезориентировано и демобилизовано, то через некоторое время после установления фашистского господства и среди этой части рабочего класса начались колебания. Откровенно враждебное отношение к фашизму стало сменяться настороженно-выжидательным, а у некоторых даже терпимым.

Процесс этот происходил постепенно и тормозился или форсировался различными привходящими факторами.

В течение первого года своего господства нацистам, насколько можно судить, не удалось добиться сколько-нибудь серьезных успехов в завоевании на свою сторону большей части рабочего класса. Выдвинутая Гитлером в его правительственном заявлении

---

[61] *Jeserich K.* Op. cit. S. 41.
[62] *Schumann H.* Op. cit. S. 140.
[63] Большую роль в формировании бюджета КдФ составляли дотации ДАФ: 24 млн рм в 1933/34 г., 17 млн рм — в 1934/35 г., 15 млн рм — в 1935/36 г.

от 23 марта 1933 г. задача «привлечь симпатии немецкого рабочего к национальному государству» [64] оказалась не выполненной. Именно в это время Геринг говорил в одном из своих выступлений на нацистском собрании в Эссене: «Пожар все еще продолжается, но он ушел в подполье. С нашей стороны было бы безумным закрывать глаза на этот факт. Но мы отдаем себе отчет, что одного кулака, одного насилия недостаточно. Нужно нечто более сильное, нечто возвышенное: доверие народа должно гарантировать нас от возвращения этой (марксистской. — *А. Г.*) опасности» [65].

Более того. Как только прошел первый шок, вызванный молниеносным развалом веймарской системы, быстрой унификацией всей общественной жизни и волной национал-социалистского террора, проявления недовольства начали заметно нарастать. Количественная оценка этого процесса весьма затруднена, ибо в то время уже не существовало форм выражения общественного мнения, которые могли бы послужить достоверным материалом для анализа. Тем не менее имеется немало косвенных доказательств, подтверждающих этот вывод.

Во-первых, в его пользу свидетельствует то, что на протяжении всего 1933 г., а также большей части 1934 г. Коммунистической партии Германии, на которую обрушилась основная тяжесть фашистского террора и которая понесла наибольшие жертвы, удавалось сохранить характер массовой организации. По данным, приводившимся на XIII пленуме Исполкома Коминтерна, численность КПГ в это время составляла около 100 тыс. человек — цифра огромная для подпольной партии [66]. Несмотря на потери, понесенные партией в первые месяцы 1933 г., ей сравнительно быстро удалось восстановить свою организацию в большинстве промышленных районов страны и развернуть активную пропагандистскую деятельность. Весьма показательно, что первые номера нелегального центрального органа КПГ газеты «Роте фане» распространялись в количестве около 300 тыс. экземпляров.

Во-вторых, на протяжении всего 1933 и 1934 г. нацистские руководители проявляли в отношении рабочего класса, по крайней мере на словах, подчеркнутую предупредительность, граничившую с заискиванием, что явно свидетельствовало о их неуверенности и опасениях. В частности, была официально провозглашена политика «национального примирения». «Бывшему врагу, который искренне верил пустым фразам о классовой борьбе и фантазиям интернационала, — заявил в одном из своих инструктивных выступлений руководитель нацистского трудового фронта Р. Лей, — мы протягиваем руку и помогаем ему тем самым подняться» [67]. По инициативе Лея на протяжении всего 1933 и в 1934 г.

---

[64] *Rühle G.* Op. cit. S. 60.
[65] Цит. по: Германский фашизм у власти. М., 1934. С. 6.
[66] См.: XIII пленум ИККИ: Стенографический отчет. М., 1934. С. 50.
[67] *Ley R.* Op. cit. S. 17.

состоялась серия визитов нацистских лидеров на крупнейшие предприятия, в ходе которых высокопоставленные посетители вступали в беседы с рабочими, известными в прошлом своими связями с социал-демократами и коммунистами, убеждая их в готовности нового режима забыть прежние разногласия и т. д.

Вопреки позиции части национал-социалистских лидеров, требовавших после разгона профсоюзов ликвидации какой бы то ни было формы организации рабочих, нацистское руководство, считая положение с рабочим классом крайне опасным, сочло необходимым сохранение пусть фиктивных, но все же формально рабочих объединений.

Отражая те споры, которые происходили в первые месяцы после прихода Гитлера к власти среди нацистского руководства, Лей говорил впоследствии в одном из своих выступлений: «Легче всего было бы просто запретить любые объединения, будь то союзы предпринимателей, будь то профессиональные союзы, разгромить их, создать на их месте хаос... Однако, с точки зрения перспективы, подобный путь был бы неправильным. Нет ничего опаснее для государства, чем бездомные люди, которых лишили органов по защите их интересов (а именно такими считали рабочие свои профсоюзы) и отстранили от участия в возрождении государства.

Такие люди неизбежно стали бы жертвой беспардонных клеветников и источником постоянных волнений. При помощи насилия можно убить человека, но не изгнать из его ума, из его сердца идеи».

Был избран другой путь, «путь руководства и помощи сближению рабочих с новым государством и национал-социализмом» [68].

При обращении с рабочим классом в гораздо меньшей степени применялся безудержно хвастливый тон, господствовавший в нацистской пропаганде в целом, всячески подчеркивались трудности, с которыми приходится сталкиваться немецкому рабочему, в связи с этим превозносились его терпеливость и самоотверженность. Показательно с этой точки зрения выступление Геббельса по радио 13 апреля 1934 г.

«В эти месяцы, — говорил он, — рабочий, налаживая наше производство, был вынужден удовлетворяться такой заработной платой, которая ни в коей мере не была достаточна для поддержания жизненного стандарта, соответствующего высокому культурному уровню нашего народа. И он выполнил поставленную перед ним задачу с беспримерным героизмом» [69].

Всякого рода славословий в адрес рабочего класса было немало и на более поздних этапах фашистского господства. Однако более поздние славословия, при всей их слащавости, не носили на себе такого отпечатка внутренней неуверенности, как в 1933—1934 гг.

Некоторые выводы позволяет сделать и сравнение результатов

---

[68] Ibid. S. 13.
[69] Frankfurter Zeitung. 1934. 14. Aprl.

избирательных фарсов, разыгрывавшихся время от времени нацистскими руководителями.

В ноябре 1933 г. гитлеровское правительство, чтобы создать видимость всеобщей поддержки своего политического курса, провело плебисцит, в ходе которого был поставлен вопрос о «доверии». Плебисцит проходил в обстановке крайнего террора и беспардонной фальсификации. Официальные данные о результатах голосования выглядели следующим образом [70]:

Число имевших право голоса	45 127 978
» ответивших «да»	40 588 804
» ответивших «нет»	2 100 181
» недействительных голосов	750 061
» воздержавшихся от голосования	1 688 932

Поскольку воздержание от голосования требовало в царившей тогда обстановке большого гражданского мужества, всех или по крайней мере большинство из тех, кто не принял участие в плебисците, следует причислить к числу явных противников режима.

Вместе с недействительными голосами число немецких граждан, отказавших в доверии нацистскому режиму, составило, таким образом, даже по официальным данным, около 4,5 млн человек.

В августе 1934 г. был инсценирован еще один плебисцит, в ходе которого на «голосование» было поставлено утверждение Гитлера на посту президента и канцлера. Плебисцит проходил точно в такой же атмосфере, что и предыдущий. Тем не менее его результаты заметно отличались от результатов первого [71].

Число имевших право голоса	45 202 667
» ответивших «да»	38 124 030
» ответивших «нет»	4 275 248
» недействительных голосов	868 543
» воздержавшихся от голосования	1 934 846

За 9 месяцев, отделявших первый плебисцит от второго, количество граждан, выступивших, несмотря на террор, нарушение тайны голосования и прямую фальсификацию, против фашистского режима, возросло более чем в два раза. Одновременно увеличилось число воздержавшихся и подавших недействительные бюллетени. Всего число отказавшихся поддержать гитлеровские порядки превысило 7 млн человек (рост на 2,5 млн).

В марте 1933 г. в соответствии с еще не отмененным законодательством Веймарской республики на предприятиях и в учреждениях состоялись перевыборы фабрично-заводских комитетов. Перевыборы эти обернулись серьезной политической неудачей для национал-социалистов. НСБО получила в среднем по стране

[70] Quellen zur Geschichte. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur, 1933—1939. B., 1962. S. 98.
[71] Ibid.

около 25 % поданных голосов. Но и этот результат был достигнут лишь благодаря высокому проценту голосовавших за кандидатов НСБО на предприятиях, на которых большинство коллектива составляли технические специалисты и служащие.

Итоги голосования вызвали среди деятелей НСДАП такой переполох, что они распорядились отложить выборы на предприятиях, на которых они еще не были проведены. 4 апреля был издан закон, откладывавший все выборы в фабзавкомы до конца года. Затем фабзавкомы были вообще распущены [72].

Аналогичные по характеру результаты показали проведенные по распоряжению фашистских властей весной 1934 г. выборы в «советы доверенных». Несмотря на тщательную подготовку, выдвижение «популярных» кандидатов, запугивание инакомыслящих и т. д., эти выборы закончились сокрушительным поражением национал-социалистов. Поскольку выдвигаться могли только нацистские кандидаты, рабочие ряда предприятий либо уничтожали розданные им бюллетени, либо вписывали в них фамилии членов прежних фабрично-заводских комитетов, в том числе узников концентрационных лагерей, либо подавали незаполненные или перечеркнутые бюллетени. По данным журнала «Коммунистический Интернационал», на кабельном заводе Сименса из 5200 розданных бюллетеней 790 были перечеркнуты, а 1040 подано пустыми. На металлическом заводе «Гаспар» из 1800 рабочих, имевших право голоса, 490 воздержались от голосования, а 889 бюллетеней оказались перечеркнутыми. На электроламповом заводе «Осрам» из 5500 бюллетеней 1100 были порваны, 2112 перечеркнуты. На шахте «Вольфсбанк» — из 1357 бюллетеней недействительными оказались 1116 и т. д.[73]

Общие результаты выборов оказались настолько уничтожающими, что нацистские власти запретили прессе даже упоминать о том, что выборы вообще состоялись. Только примерно через год в своем майском обращении 1935 г. Р. Лей был вынужден признать, что в 1934 г. в выборах на предприятиях приняли участие едва 40 % всех имевших право голоса [74]. А о том, сколько из них проголосовало против, Лей даже не упомянул. По неофициальным же данным, в целом на выборах в «советы доверенных» национал-социалисты получили от 7 до 20 % голосов всех рабочих и служащих, участвовавших в голосовании [75].

Выборы, проведенные весной 1935 г., несмотря на еще более активную подготовку к ним со стороны нацистских властей, опять-таки показали, что большинство рабочего класса не приемлет нацистский режим.

В майском обращении 1935 г. тот же Лей хвастливо заявил,

---

[72] *Schumann H.* Op. cit. S. 66.
[73] *Бланк А. С.* КПГ в борьбе против фашистской диктатуры, 1933—1945. М., 1964. С. 88.
[74] *Schumann H.* Op. cit. S. 128.
[75] *Бланк А. С.* Указ. соч. С. 88.

что во время вторых выборов в «советы уполномоченных» за кандидатов НСДАП проголосовало 82 % рабочих и служащих. Информационная служба ДАФ еще больше приукрасила цифры, выдвинув утверждение, что выборы 1935 г. принесли НСДАП 84,5 % голосов при участии в голосовании 90 % имевших право голоса [76]. Однако, как следует из секретного донесения Мартина Бормана от 27 апреля 1936 г., ставшего известным уже после войны, на многих предприятиях в выборах участвовало менее 50 % всех работников. Сам Борман утверждал, что официально опубликованные цифры «фальсифицируют картину» [77].

По неофициальным данным, итоги выборов на отдельных крупных предприятиях выглядели следующим образом [78]:

	Имеющих право голоса	Голосовавших «за»
«Ашингер» (Берлин)	3 500	1 416
«Хапаг»	5 100	2 120
«Демаг» (Дуйсбург)	12 000	5 973
«Даймлер-Бенц»	1 470	878
«Блом унд Фос»	6 000	3 960
«Лойна»	15 472	10 390
«Сименс» (Берлин)	52 000	39 275
«Крупп» (Эссен)	35 334	29 437

На ряде предприятий нацистские кандидаты вообще были провалены. Не случайно выборы «советов уполномоченных», проведенные в 1936 г., стали последними в фашистской Германии.

В то же время выборы 1935—1936 гг. показали, что, несмотря на стойкую антифашистскую позицию ряда крупных отрядов рабочего класса, сила сопротивления рабочих гитлеровскому режиму стала ослабевать. Сказавшееся к этому времени общее улучшение конъюнктуры, заметное уменьшение безработицы в сочетании с всеобъемлющей фашистской пропагандой начали оказывать свое дезориентирующее влияние. Возможности же противостоять этому воздействию постоянно уменьшались. Серия новых тяжелых ударов по подпольному коммунистическому движению, значительное совершенствование нацистского аппарата слежки существенно затруднили деятельность нелегальной КПГ и сохранившихся подпольных групп социал-демократической партии.

С наибольшей силой все это сказывалось на молодых рабочих, попавших под влияние национал-социалистов еще школьниками и получивших работу, как они считали, благодаря мероприятиям нацистского режима. Возросшая дезориентация молодого поколения приводила к множеству семейных трагедий: было зарегистрировано большое число случаев, когда дети не только выступали

---

[76] DAF-Informationsdienst. Lief. 1. S. 17.
[77] Vierteljahreschefte für Zeitgeschichte. 1955. H. 3. S. 314 ff.
[78] Quellen zur Geschichte. S. 100.

против родителей, стойко придерживавшихся революционных, классовых убеждений, не только рвали с ними, но и доносили на них.

К 1936 г. этот процесс заметно усилился[79]. Через систему ДАФ и КдФ национал-социалистам удалось добиться той или иной формы «консенсуса» с большинством рабочего класса. В этом свете вывод Брюссельской конференции КПГ, которая отмечала в своей резолюции, относящейся к этому времени, что недовольство масс «сопровождается начавшимся процессом активизации рабочих на предприятиях, что, в свою очередь, оказывает влияние на остальные слои населения и создает возможность сплочения всех сил, направленных против гитлеровской диктатуры»[80], выглядел чересчур оптимистичным.

Стачечные выступления немецких рабочих, состоявшиеся в 1935—1936 гг, при всем своем героическом характере (участие в забастовках при фашистском режиме требовало очень большого мужества) были не столько предвестниками нового мощного подъема антигитлеровской борьбы, сколько арьергардными боями рабочего класса, понесшего серьезное политическое и идейное поражение.

Об этом свидетельствовало очень многое. Со все большими трудностями начала сталкиваться массовая работа подпольной компартии. Пополнение расстроенных нацистской охранкой рядов происходило уже не так быстро. Стала заметно сокращаться численность нелегальной КПГ, количество ее ячеек на предприятиях. То же самое, но в еще большей степени, происходило с социал-демократическими организациями.

Заметно более уверенным и решительным стал тон нацистских деятелей, занимавшихся рабочим вопросом.

Отражением этого процесса можно в какой-то мере считать и результаты выборов в районах с немецким населением, находившихся за пределами Германии. Так, например, саарский плебисцит со всей очевидностью показал, что на этот раз, в отличие от прежних выборов, нацистам удалось осуществить серьезный прорыв в ряды рабочих, прежде голосовавших за коммунистов и социал-демократов. Значительная часть рабочих-избирателей высказалась за нацистский лозунг «Домой в империю», хотя присоединение Саара к Германии означало в тех условиях распространение на эту область системы тоталитарного террора и ликвидацию традиционных демократических и социальных завоеваний рабочего класса.

Выборы, происходившие в эти годы в данцигский сенат, свидетельствовали о постоянном росте позиций местной НСДАП, происходившем сперва за счет данцигских буржуазных немецких

---

[79] См.: *Mason T.* Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Dokumente und Materialen zur deutschen Arbeiterpolitik, 1936—1939. Opladen, 1975.

[80] *Piek W.* Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. B., 1954. S. 145.

партий, а затем, спустя несколько лет после прихода Гитлера к власти, и за счет рабочих, и прежде всего социал-демократической партии. Конечно, как в Сааре, так и в Данциге нацисты перед выборами создавали атмосферу террора. Однако в целом их итоги отражали истинное положение вещей.

Нарастание недовольства и соответственно антифашистских настроений наметилось несколько позже — в 1938—1939 гг. в связи с перебоями в снабжении продовольствием, резким усилением интенсивности труда и ослаблением эффективности главного пропагандистского козыря нацизма — ликвидации безработицы, воспоминания о которой начали со временем покрываться дымкой.

Однако предвоенные внешнеполитические успехи гитлеровского правительства, обусловленные политикой умиротворения, проводимой правящими кругами Англии, Франции и Соединенных Штатов, а затем военные успехи «третьей империи» на первом этапе войны вызвали такую волну национализма и шовинизма, что она на время смыла проявления недовольства и, более того, привела в фашистский лагерь новые отряды населения, в том числе и рабочего класса.

Отход рабочих от позиции «консенсуса» на следующем этапе был уже связан с переломом в ходе войны в результате поражений нацистских армий на советско-германском фронте и со все более очевидным приближением неизбежного краха «третьей империи».

В целом можно сказать, что рабочий класс Германии проявил наибольшую устойчивость против фашистской инфекции, поразившей германское общество, последним из всех классов и прослоек поддался ей и первым начал выздоравливать. Тем не менее было бы неверным замалчивать, что на определенном этапе большинство рабочего класса Германии, в том числе и его организованной части, став в условиях победы нацизма объектом обработки, как практической, так и идеологической, потеряло ориентировку и, пусть на небольшое время, склонилось к поддержке режима, являвшегося самым смертельным врагом трудящихся.

Это обстоятельство имеет важнейшее значение с точки зрения объективной оценки возможностей фашистской диктатуры. С одной стороны, оно показывает, что при определенных условиях режим фашистского типа может прийти к власти путем прямого насилия, вопреки воле подавляющего большинства населения, и в частности рабочего класса, а затем, уже после этого, прибегая к разнообразным методам государственного социального маневрирования, привлечь на свою сторону бóльшую или меньшую часть трудящихся. С другой стороны, из него следует, насколько велики в нынешних условиях возможности идеологической обработки и дезориентации масс, в том числе и их наиболее организованной части. Возможности эти тем больше, чем меньше или менее эффективно противодействие этой обработке со стороны классовых, революционных сил, ибо одно только положение рабочего класса в обществе и его место в производственном процессе сами по себе не предопределяют ни выработки адекватной идеологии, ни выбора правильных политических позиций.

Реалистическая оценка позиции большинства рабочего класса в период нацистского господства ни в коей мере не умаляет значения той героической, самоотверженной борьбы, которую вели все эти годы лучшие представители немецкого пролетариата, его авангарда. Напротив, на этом фоне она только и может быть оценена должным образом. Ведь бороться приходилось не только против настоящих врагов — национал-социалистов и стоявших за их спиной правящих классов, против их аппарата насилия, превосходившего по своим масштабам и эффективности все, что-либо известное в истории. Бороться приходилось и против настроений безысходности и капитулянтства, распространившихся среди значительной части организованных рабочих, против идейного замешательства и прямого ренегатства, за обманутых людей, в том числе и носивших ненавистную коричневую форму со свастикой на рукаве.

Эта борьба велась на протяжении всех лет фашистского господства [81]. Кровавые репрессии время от времени ограничивали размах борьбы, но положить ей конец они были не в состоянии. Нацисты сталкивались с сопротивлением повсюду: на предприятиях, в жилых кварталах, в массовых фашистских организациях, в которых проводили работу антифашисты. В эмиграции и внутри страны, на свободе и в заключении они делали все, чтобы помочь немецкому народу, немецким трудящимся очнуться от фашистского наваждения, возвратить ясность взгляда и трезвость суждений [82].

Серьезным испытанием для антифашистского авангарда немецкого рабочего класса явилась гражданская война в Испании. В этой первой большой вооруженной схватке с фашизмом немецкие атифашисты убедительно доказали свою решимость довести до победного конца борьбу с силами крайней реакции, овладевшими Германией и грозившими всему человечеству. Из 6 тыс. немецких антифашистов, защищавших Испанскую республику, погибла почти половина. Среди них были виднейшие деятели немецкого рабочего движения вроде Ганса Баймлера — комиссара XI Интернациональной бригады.

Фашистская интервенция в Испании, активное участие в ней германского фашизма дали толчок новому подъему движения сопротивления в самой Германии, ослабленному в результате нескольких лет непрерывного террора. Свидетельствами этого подъема явились, в частности, массовая явка добровольцев из Германии в испанскую республиканскую армию и успешный сбор средств в пользу Испанской республики среди немецкого населения.

В ходе совместной борьбы против врагов Испанской респуб-

---

[81] См., например: *Peukert D.* Ruhrarbeiter gegen den Faschismus: Dokumentation über den Wiederstand im Ruhrgebiet, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1976.
[82] См.: *Gossweiler K.* Faschismus und antifaschistischer Kampf. Frankfurt a. M., 1978.

лики крепло единство антифашистов, и прежде всего антифашистского рабочего движения [83].

Следующей высшей точки волна борьбы против фашизма достигла после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и особенно после первых крупных поражений фашистских армий на Восточном фронте. Усиление забастовочного движения весной 1942 г., активизация подпольной деятельности многочисленных групп антифашистов — Шульце-Бойзена—Харнака [84], Зефкова—Якоба—Бастлейна [85], Нойбауэра—Позера [86], антинацистского немецкого народного фронта, антифашистской рабочей группы Средней Германии, Европейского союза и т. д., создание в 1943 г. немецкими военнопленными Национального комитета «Свободная Германия» [87], участие немецких антифашистов в партизанском движении в Советском Союзе, а также в Польше, Югославии, Франции, Норвегии и других оккупированных нацистами странах — все это свидетельствовало о том, что антифашистский дух немецких трудящихся, и прежде всего немецких рабочих, жив, несмотря на долгие тяжелые годы нацистского господства [88].

И если в целом рабочий класс до конца войны так и не освободился от нацистского дурмана и не поднялся на активные и решительные действия, направленные на свержение фашистского режима и революционный выход Германии из развязанной нацистами второй мировой войны, то во всяком случае все бóльшие отряды рабочих переходили на позиции активного сопротивления нацистам, создавая тем самым условия для развертывания подпольного движения сопротивления. Соответственно на эти отряды рабочих и обрушивалась вся тяжесть репрессий нацистского режима.

«Кто вынес главную тяжесть освободительной борьбы? Все исследования и источники дают ясный и недвусмысленный ответ. Наибольшую активность проявили рабочие, которые также, это необходимо отметить со всей объективностью, понесли наибольшие жертвы». Автор этих слов — известный западногерманский публицист и исследователь Г. Вайзенборн достаточно глубоко изучил историю германского движения сопротивления фашизму, чтобы с полным основанием сделать такой вывод [89].

---

[83] *Гинцберг Л. И., Драбкин Я. С.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры. М., 1961. С. 46.

[84] *Boysen E.* Harro Schulze-Boysen. Das Bild eines Freiheitskämpfe. Düsseldorf, 1947; *Röder M.* Rote Kapelle. Hamburg, 1952.

[85] *Nitzche G.* Die Saefkow—Jakob—Bästlein Gruppe. Berlin, 1957; *Puls U.* Die Bästlein—Jacob—Abshagen Gruppe. B., 1959.

[86] *Glondajewski G., Schumann H.* Die Neubauer—Poser Gruppe. B., 1957; *Hammer F.* Theodor Neubauer. B., 1956.

[87] *Weinert E.* Das Nationalkomittee «Freies Deutschland». Bericht über seine Tätigkeit und seine Auswirkung. B., 1957.

[88] Zur Geschichte der deutschen antifaschisten Wiederstandebewegung. B., 1958.

[89] *Weisenborn G.* Der lautlose Aufstand. Hamburg, 1954. S. 250.

ГЛАВА 5

СРЕДНИЕ СЛОИ КАК МАССОВАЯ БАЗА ФАШИЗМА

Проблема фашизма как социального явления неразрывно связана с вопросом о средних слоях капиталистического общества. Социальные группы, занимающие промежуточное положение между буржуазией и рабочим классом, в кризисных ситуациях проявляют склонность к поддержке идей, выдвигаемых фашизмом, составляют его массовую базу и являются резервуаром, из которого он пополняет свою элиту.

Это обстоятельство, очевидное уже на первоначальных этапах развития фашистских движений, породило ряд теорий, рассматривавших фашизм как выражение политических и социальных устремлений средних слоев, и прежде всего городской и сельской мелкой буржуазии, как проявление бунта мелкого буржуа против капиталистического общества.

«В центре фашистского движения, — писал один из самых ранних буржуазно-либеральных исследователей фашизма, Ниринг, — стоит средний класс, пытающийся спастись от уничтожения и гибели путем захвата власти и установления своих собственных политических и социальных органов. Фашистскому движению свойственны поэтому основные черты социального революционного движения, ибо его успех означает переход власти от одного класса к другому. . . Фашизм вырастает на основе бунта среднего класса против невыносимого гнета капиталистического империализма» [1].

«Классический фашизм — это движение имущего среднего класса», — утверждает американский социолог Липсет [2].

Аналогичная трактовка фашизма получила широкое распространение среди социал-демократических теоретиков. На первых порах подобные взгляды находили поддержку и среди части коммунистов [3].

. По мере того как фашистские режимы в ходе развития все больше обнажали свою истинную суть как формы капиталистической диктатуры, число сторонников теорий такого рода среди серьезных и объективных исследователей постоянно сокращалось. Одновременно возрастал интерес к этим теориям среди откровенных апологетов капитализма, видевших в них удобное средство реабилитации монополистических группировок, оказавших поддержку фашистскому режиму, и всего капиталистического строя, породившего фашизм [4].

---

[1] *Nearing S.* Fascism. N. Y., 1933. P. 42.

[2] *Lipset S. M.* Political Man. L., 1960. P. 174.

[3] В одном из выступлений на расширенном пленуме ИККИ в апреле 1925 г. утверждалось, например, что «фашизм приобретает преимущественно крестьянский характер». См.: V пленум ИККИ. Стенографический отчет, М.; Л., 1925. С. 347.

[4] См., например: *Leppert-Fögen A.* Die deklassierte Klasse. Studien zur Geschichte und Ideologie des Kleinbürgertums. Frankfurt a. M., 1974.

Несостоятельность подобных теорий видна из следующего. Прежде всего городская и сельская мелкая буржуазия на протяжении длительного периода развития капиталистического общества была социальной основой буржуазно-демократических порядков и питательной средой либерально-демократических иллюзий. Она составляла также массовую базу буржуазной демократии, на что, как известно, не раз указывал В. И. Ленин.

В условиях государственно-монополистического капитализма эта особенность политических позиций мелкой буржуазии и средних слоев в целом не претерпела принципиальных изменений. Во всех промышленно развитых капиталистических странах и городская, и сельская мелкая буржуазия в своем большинстве оказывает поддержку так называемым умеренным буржуазным партиям и только отдельные ее отряды принимают участие, с одной стороны, в организованном рабочем движении, а с другой — в деятельности праворадикальных групп и организаций.

В недавно освободившихся, развивающихся странах мелкая буржуазия, преимущественно сельская, возглавляемая мелкобуржуазной интеллигенцией, играет роль важнейшей силы в социальных преобразованиях, носящих прогрессивно-демократический, а в ряде случаев — социалистический характер.

Иными словами, если и существует связь между средними слоями и фашизмом как социальным и политическим явлением, то она не является ни обязательной, ни органической. Установление такой связи возможно только в особых условиях, при весьма специфической ситуации и на сравнительно ограниченное время.

Еще большее значение с этой точки зрения имеет практическая деятельность фашизма. Ни в одной стране, ни на одном из этапов своего развития фашизм, придя к власти, не проводил политики, отражавшей и защищавшей интересы мелкой городской буржуазии и крестьянства. Меры, проводимые фашистами в этой области, никогда не выходили за рамки, определяемые потребностями сохранения и развития капиталистических отношений в данной конкретной стране, интересами отдельных монополистических группировок либо монополистической буржуазии в целом. В результате этих мер могло быть более или менее значительно улучшено положение отдельных групп мелкой буржуазии, приостановлен процесс ее разорения или созданы условия для приложения ее сил в новых областях деятельности. Однако в конечном счете система фашистского управления и вся фашистская социальная и экономическая политика должны были неизбежно прийти и действительно на практике, как правило, приходили в резкое столкновение с истинными потребностями промежуточных социальных слоев.

Наконец, характеристика фашизма как мелкобуржуазного течения игнорирует огромную роль, которую обычно играют в фашистских движениях другие социальные классы и группировки буржуазного общества: потомственная аристократия, привносящая в фашизм элементы своеобразного «феодального социализма»,

связанные с ней военные круги с характерным для них культом казармы, влиятельные группы немонополизированной средней и крупной буржуазии, видящие в фашизме с его антибанковской фразеологией инструмент борьбы за сохранение своих самостоятельных позиций, группировки монополистической буржуазии, нуждающиеся в сильной власти, городской люмпен-пролетариат и т. д.

При всем этом роль средних слоев в зарождении и развитии фашистского движения, в установлении и сохранении фашистской диктатуры действительно значительна. Особенно заметна она в странах с «классическим» фашистским режимом, какой была гитлеровская Германия.

Средние слои в Веймарской республике

Последние годы Веймарской республики, как мы уже установили, характеризовались массовым переходом представителей средних слоев на сторону фашистской партии. Благодаря избирателям этой социальной группы НСДАП удалось стать одной из самых крупных, самых массовых партий тогдашней Германии. Чтобы уяснить причины этого явления, необходимо прежде всего иметь в виду особенности материального положения данных слоев населения.

Общим для всех отрядов средних слоев было резкое ухудшение условий существования [5]. Поскольку, однако, в каждом из отрядов этот процесс происходил по-разному, рассмотрим его дифференцированно.

а) Городская мелкая буржуазия

Ремесло. Процесс концентрации значительно сократил удельный вес ремесленного производства в общем выпуске продукции в Германии. За период с 1907 по 1925 г. число предприятий с количеством занятых до 5 человек уменьшилось на 0,3 %, в то время как число предприятий, на которых было занято свыше 50 человек, выросло на 31,1 %. Число занятых на ремесленных предприятиях (до 5 человек) увеличилось за эти же годы на 1,2 %, а число занятых на крупных предприятиях (свыше 50 человек) — на 46,1 %. Некоторые виды ремесла почти полностью исчезли, а занятые в них ремесленники превратились в наемных рабочих. Это произошло, например, с ткачами, которых осталось в 1925 г. лишь 21 тыс., дубильщиками (5 тыс.), пивоварами (8 тыс.) и т. д.

При всем этом в ряде отраслей производства, особенно в производстве одежды, обуви и т. д., в пищевкусовой, строительной и деревообрабатывающей промышленности, а также в производстве металлических изделий, ремесло по-прежнему занимало заметное место.

---

[5] См.: *Heimel B.* Mittelschichten — Brutstätten des Faschismus? // Die Zerstörung der Weimarer Republik / Hrsg. von Kühnl R., *Hardach G.* Köln, 1977. S. 183 ff.

Об этом свидетельствуют, в частности, данные переписи 1933 г.[6]

		%
Число всех предприятий в промышленности	1 917 793	
из них:		
ремесленных (с числом занятых от 1 до 5)	1 743 453	90,9
Число занятых в промышленности	9 152 201	
из них:		
в ремесленных предприятиях	3 074 093	33,6
Всего самодеятельного населения	32 296 000	
из них:		
в ремесле	3 074 093	9,5

В 1928 г. весь товарооборот в Германии равнялся 224 млрд марок. Оборот ремесла составил в это время 20 млрд марок, т. е. 9 % всего товарооборота.

О социальном составе лиц, занятых в ремесленном производстве, можно судить на основании следующего [7].

	Число	%
Из 1 743 453 ремесленных предприятий работали без подмастерьев	1 017 726	58,3
с 2—3 занятыми	553 475	31,7
с 4—5 »	172 252	9,9

Число подмастерьев, учеников и помогающих членов семьи, занятых в ремесленном производстве, составляло 1 330 640 человек [8].

Таким образом, речь шла о довольно многочисленной группе населения, отношение которой к существующему строю было важным фактором его социальной и политической стабильности.

В первые годы Веймарской республики положение ремесла несколько стабилизировалось. Конъюнктура первых послевоенных лет, находившаяся под большим воздействием отложенного опроса и повысившейся покупательной способности масс, обусловленной социальными и экономическими завоеваниями ноябрьской революции 1918 г., благоприятствовала сбыту ремесленной продукции. Сознательная политика инфляции, проводимая первыми республиканскими правительствами до того, как денежная масса, находившаяся в обращении, не вышла из-под контроля, также до определенного момента устраивала ремесленников. Она, правда, затрудняла им приобретение сырья, цены на которое постоянно росли. Однако, с другой стороны, она ставила их как производителей и владельцев реальных ценностей в привилегированное положение по сравнению с группами населения, получающими за свой труд

---

[6] Исчислено по: Statistik des Deutschen Reiches, Bd. 470/4. Die Hauptergebnisse der Volks-, Berufs- und Betriebszälung im Deutschen Reich (einschl. Saarland) auf Grund der Zählung vom 16. Juni 1933, H. 4. Die gewerbliche Niederlassungen im Deutschen Reich. B., 1937. S. 4—16; Statistik des Deutschen Reiches, Bd. 458; Die Berufliche und soziale Gliederung des Deutschen Volkes. B., 1937. S. 15.

[7] Statistik des Deutschen Reiches. Bd. 470/4. S. 4/16.

[8] Ibid.

деньги, покупательная способность которых постоянно падала. Кроме того, инфляция позволила большинству владельцев ремесленных предприятий без большого труда избавиться от долгов, оплата которых производилась потерявшими прежнюю ценность купюрами.

Укрепление материальных позиций ремесла сказалось в некоторой степени и на положении учеников и подмастерьев. Чтобы удержать их от перехода на крупные предприятия, на которых рабочему классу удалось добиться определенных завоеваний, владельцы ремесленных предприятий несколько улучшали условия труда и своей наемной силы, тем более что для этого появились и некоторые экономические возможности.

Прекращение инфляции в 1924 г., стабилизация экономических условий в стране, а затем высокая конъюнктура 1925—1928 гг. серьезно осложнили положение ремесленных предприятий. Отставание в капиталовложениях и соответственно в уровне механизации и электровооруженности от крупных предприятий резко ослабило конкурентоспособность товаров ремесленного производства. Чем острее становилась борьба за сбыт, тем бо́льшие потери несли ремесленные предприятия.

Вновь начала расти задолженность ремесла. Этот процесс был вызван падением доходов, с одной стороны, и возросшей необходимостью расширения капиталовложений в производство — с другой. Тяжесть задолженности была тем большей, что условия предоставления кредитов банковскими учреждениями значительно ухудшились. Если в 1914 г. в больших городах процентная ставка краткосрочного кредита составляла около 7 %, а вексельного — 6—7 %, то в 1928 г. она равнялась соответственно 12 и 10—12 %. Существенно возросла процентная ставка также в средних и мелких городах.

Чем сложнее было материальное положение владельцев ремесленных предприятий, тем бо́льшую тяжесть представляло для них налоговое бремя, также заметно выросшее по сравнению с довоенным периодом. Так, промысловый налог, составлявший заметную статью в налоговом обложении ремесла, увеличился с 1913 по 1925 г. примерно в три раза. Выросли, хотя и меньше, подоходный налог, налог на строения, на землевладения. Всего в 1927 г. ремеслом было выплачено 750 млн марок налогов, что составляло 10 % всех налоговых поступлений в стране [9].

Тем не менее в это время ремесло еще не переживало острого кризиса. Процесс разорения наиболее слабых ремесленных предприятий не выходил за рамки, характерные обычно для капиталистического строя, потери от конкуренции покрывались за счет усиления продолжительности и интенсивности собственного труда, труда помогающих членов семьи и усиления эксплуатации подмастерьев и учеников. Определенную подпорку создавали широко

[9] *Сидоров А.* Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936. С. 52, 53.

развитые побочные занятия. Около 350 тыс. самостоятельных ремесленников (26,5 %) работали одновременно в сельском хозяйстве. Многие из них имели побочные занятия и в промышленности.

Ухудшение экономического положения ремесла вызывало серьезное недовольство связанной с ним группы населения. Однако в целом оно не было еще столь глубоко, чтобы перерасти в недовольство большинства ремесленников всем режимом.

С началом мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. положение резко изменилось. Крах крупнейших германских банков нанес большой материальный ущерб многочисленным мелким вкладчикам, в том числе многим ремесленникам. Резкое сокращение платежеспособного спроса еще больше сузило рынок сбыта товаров ремесленного производства. Вызванное кризисом решительное свертывание промышленного и жилищного строительства нанесло тяжелый удар ремесленникам-строителям, составлявшим большую долю всех занятых в ремесле (около миллиона человек). В связи с мировым характером кризиса в трудное положение попали и те ремесленные предприятия, которые работали преимущественно на экспорт (мастерские, выпускающие изделия точной механики, оптику, хирургические инструменты, игрушки, музыкальные инструменты и т. д.).

В 1932 г. оборот ремесленного производства сократился по сравнению с 1928 г. в строительстве — на 68 %, в металлообработке — на 52, в деревообработке — на 50, в швейном и обувном деле — на 48 % и т. д. В целом оборот ремесла уменьшился почти вдвое. Степень падения ремесленного производства была выше, чем снижение общего индекса промышленного производства [10].

В условиях кризиса резко уменьшились возможности побочного заработка, который помогал многим ремесленникам держаться на поверхности. Массовая безработица резко сократила отток от ремесла излишней рабочей силы: молодежь, не имевшая возможности найти себе работу, оставалась на родительских предприятиях, образуя своеобразную промышленную резервную армию ремесленного производства. С другой стороны, безработица резко усилила конкуренцию между самими ремесленными предприятиями. Часть безработных, потеряв надежду устроиться, занялась ремеслом. В связи с этим появилось большое количество так называемых «новых» ремесленников-одиночек, готовых работать на любых условиях и сбивавших цены на продукцию постоянных ремесленников. В свою очередь, разорившиеся ремесленники не ликвидировали своего производства, ибо массовая безработица лишала их возможности найти где-либо в другом месте применение своим знаниям и умениям, своему труду.

Оказавшись перед угрозой подрыва самой основы своего материального существования, ремесленники и непосредственно свя-

[10] Там же. С. 97, 98. См. также: *Winkler H. A.* Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik. Köln, 1972. S. 33 ff.

занные с ними группы населения в своем большинстве стали особенно восприимчивы к критике существовавших порядков, в том числе и господствовавшей социально-экономической системы.

В основном гнев был направлен в адрес банков, требовавших погашения платежей и отказывавших в новых кредитах, в адрес крупных промышленных предприятий, создававших для ремесла невыносимые условия конкуренции, диктовавших ему невыгодные цены как на сырье, так и на готовые изделия.

Кипевшее недовольство обрушивалось и на государство, оказавшееся неспособным обеспечить нормальную экономическую жизнь и создать для ремесла более или менее приемлемые условия существования. Поскольку это государство было детищем ноябрьской революции и ассоциировалось в значительной степени с социал-демократией, недовольство принимало форму протеста против «марксистской» власти. Поскольку речь шла о парламентском государстве, недовольство существующим строем выливалось в отрицательное отношение к парламентаризму.

Так возникли политические условия, вызвавшие переход этой значительной группы немецкого населения от поддержки левых и умеренно буржуазных партий к позициям правого радикализма.

Мелкая розничная торговля. В отличие от ремесла численность лиц, занятых в торговле, заметно возрастала. С 1907 по 1925 г. количество торговых предприятий в Германии увеличилось на 36 %, а число занятых в них — на 54 %[11]. Эта же тенденция проявлялась и впоследствии. С 1925 по 1933 г. количество розничных торговых предприятий возросло на 7,6 %, а число занятых на них — на 11,5 %[12]. Всего в торговле в 1933 г. действовало 1,4 млн предприятий (включая посреднические организации, рестораны и гостиницы), на которых было занято 3,85 млн человек[13].

Значительную часть этих предприятий составляли мелкие магазины и посреднические конторы. По данным переписи 1933 г., из 1 003 314 чисто торговых предприятий, существовавших тогда в Германии, 478 321 (т. е. 47,7 %) работали без использования наемной силы, а 397 658 (39,6 %) имели двух-трех занятых[14].

Владельцы этих предприятий по характеру своего труда и размерам получаемой прибыли немногим отличались от торговых служащих.

Так же, как и ремесленники, эта категория населения сталкивалась с ожесточенной конкуренцией крупных предприятий. При этом условия конкуренции были для нее еще более трудными, чем для ремесла. Если ремесленники сумели в межвоенный период сохранить сильные позиции в отдельных специфических отраслях производства, где на них не давили или почти не давили крупные

---

[11] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 57.
[12] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1934. B., 1934. S. 104.
[13] Statistik des Deutschen Reichs, Bd. 470/4. S. 4—16.
[14] Ibid.

фирмы, то мелкая розничная торговля оказалась со всех сторон блокированной мощными соперниками [15].

Особенно большой ущерб наносили мелким предприятиям новые методы торговли. Главным типом мелких торговых предприятий был розничный специализированный магазин с твердо устоявшимся традиционным кругом покупателей. По мере стандартизации производства, с одной стороны, роста городов и связанной с этим передвижкой населения — с другой, такая организация торговли становилась все менее эффективной. В связи с этим все большую популярность стала получать система универсальных магазинов. Если до первой мировой войны универсальные магазины только завоевывали себе место под солнцем и считались новинкой, то в 1925 г. в Германии насчитывалось 640 универмагов с 64,7 тыс занятых. В последующие годы число универмагов быстро возрастало. В 1933 г. имелось уже 1508 универсальных магазинов с 114,6 тыс. занятых.

Соответственно возрастала и их доля в товарообороте: в 1913 г. — 500—600 млн рм.; в 1926 г. — около 1500 млн рм.; в 1928 г. — около 1650 млн рм.[16]

Почти все эти универмаги принадлежали крупным концернам. Только три ведущих торговых концерна Германии — «Вертхайм», «Титц», «Карштадт» контролировали более половины оборота универмагов. На 5 же крупных концернов приходилось $^2/_3$ всего оборота универсальных магазинов.

Широко применявшие механизацию и другие модернизированные методы обработки и транспортировки товаров универмаги значительно сокращали издержки обращения, что позволяло им устанавливать более низкие розничные цены, чем это могли сделать мелкие торговцы [17]. Универмаги предлагали покупателю более широкий ассортимент товаров и могли организовать более искусную, более эффективную рекламу. Это привело к заметному оттоку покупателей от небольших магазинов и лавок, постоянными клиентами которых они некогда были.

Сильный удар по мелкой розничной торговле нанес рост филиальных торговых предприятий. В послевоенные годы крупные торговые фирмы начали создавать по всей стране сеть филиалов. Таким путем осуществлялась торговля преимущественно продуктами питания, табачными изделиями, обувью и другими товарами массового потребления, составлявшими некогда основной ассортимент мелкой розничной торговли. В конце 20-х годов на главных улицах крупнейших городов филиалы составляли до 40 % всех действующих магазинов.

Успешно конкурировали с мелкими торговцами посылочные торговые организации, рассылавшие товары — преимущественно

---

[15] *Müller M.* Der Interessenkampf zwischen grosskapitalistischem und mittelständischem Einzelhandel. Ilmenau in Fhür, 1933. S. 17 ff.
[16] Ibid. S. 98.
[17] Ibid. S. 74 ff.

текстиль, одежду, парфюмерию и косметику — по заказам, торговые предприятия, созданные при фабриках и заводах самими промышленными фирмами, магазины стандартных цен, продававшие дешевые товары по округленным ценам, магазины по продаже в рассрочку и сеть уличной розничной торговли, организованная крупными торговыми фирмами.

Серьезную озабоченность вызывал у мелких розничных торговцев рост потребительской кооперации. Рост этот был, действительно, заметным. В 1915 г. один из крупнейших кооперативных союзов Германии, Центральный союз германских потребительских обществ, имел 4881 торговую точку, а выручка его собственных предприятий составляла 472 млн марок. В 1928 г. число торговых точек увеличилось до 9605, а сумма выручки до 1046 млн марок. Другой крупный кооперативный союз — Всегерманский союз потребительских обществ имел в 1913 г. 599 торговых точек, а его выручка составляла 38,6 млн марок. В 1928 г. союз имел 2212 торговых точек и 180,5 млн марок выручки [18].

Угроза со стороны потребительской кооперации казалась мелким торговцам тем большей, что ее торговые точки размещались преимущественно в мелких городах и в сельской местности, куда еще не проникли щупальцы крупных торговых концернов и где мелкая розничная торговля еще могла рассчитывать на успех.

Серьезное бремя создавала для мелких торговых предприятий налоговая политика. В послевоенные годы уровень налогов на торговые предприятия значительно — иногда в 10 раз — превосходил довоенный.

Резкое ухудшение условий деятельности привело к значительному росту задолженности мелких торговых предприятий. Банковский кредит мелкой торговле был очень дорог, его процентная ставка составляла 11—12, а иногда 15—17 годовых. Слабая ликвидность мелких торговых предприятий увеличивала их прямую зависимость от оптовых торговцев и поставщиков-фабрикантов. В ряде случаев эта зависимость была такова, что формально независимый торговец фактически становился простым посредником, агентом оптовика или фирмы, производившей товары.

В условиях высокой конъюнктуры это тормозило развитие мелкой розничной торговли по сравнению с крупной, вызывало разорение наименее устойчивых торговых предприятий, однако еще не создавало катастрофической ситуации для всей мелкой розничной торговой сети. Такая ситуация возникла с началом экономического кризиса, до предела заострившего все противоречия экономической системы.

Общий товарооборот резко сократился. Об этом свидетельствовали данные, характеризующие динамику оборота розничной торговли в годы кризиса (%) [19]:

---

[18] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 63.
[19] См.: Там же.

1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1932 к 1929 г.
36,3	36,6	33,1	28,5	23,0	62,8

Иными словами, оборот розничной торговли сократился за четыре года более чем на одну треть.

Связанное с этим значительное увеличение товарных запасов торговых предприятий вызвало финансовые трудности даже у торговых концернов типа «Титца». Пытаясь упрочить свою ликвидность, они пошли на крупные убытки, лишь бы сбыть товарные излишки.

Соответственно уровень цен у крупных торговых фирм был ниже, чем у мелкой розничной торговли. В этих условиях товарооборот в последней падал гораздо быстрее, чем у крупных торговых предприятий [20].

Уменьшение товарооборота ведет к увеличению издержек обращения. Для мелкой розничной торговли с и так уже высокими издержками оно означало прямой вычет из скудных доходов. В 1929 г. из суммы 9 млрд марок, составлявших разницу между покупными и продажными ценами в розничной торговле, 6,6 млрд приходилось на издержки обращения, 0,8 млрд — на уплату процентов, 0,9 млрд — на уплату долгов. Остаток — 0,7 млрд составлял доход торговцев. В 1932 г. разница между покупными и продажными ценами равнялась уже только 6 млрд марок: из них издержки обращения — 5,2 млрд, на уплату процентов уходило 0,7 млрд и на уплату долгов 0,6 млрд. Таким образом, имел место прямой дефицит в 500 млрд марок.

В аналогичном положении находились мелкие хозяева, занятые в ресторанно-гостиничном деле, оборот которого упал с 6,6 млрд марок в 1929 г. до 4,5 млрд марок в 1931 г.[21] Их положение было настолько отчаянным, что они, подобно утопающим, были готовы ухватиться за любую соломинку, оказывающуюся у них под руками.

б) Служащие

Уже в 20-е годы процесс сближения большинства категорий служащих и рабочих, особенно проявившийся позднее, после второй мировой войны, дал заметные результаты. Отдельные отряды служащих уже влились в состав рабочего класса, другие по ряду существенных показателей заметно сблизились с ним.

Тем не менее в целом разрыв между основной массой служащих и фабрично-заводским пролетариатом был еще весьма велик. Особенно ярко проявлялось это в идеологической области, где сословно-социальные перегородки, исчезавшие в материальной жизни, почти полностью сохранились. Особенности оплаты за труд

---

[20] У объединений магазинов стандартных цен оборот даже возрастал: У фирмы «Эхапе АГ» он увеличился с 1928 по 1931 г. с 32,9 млн рм. до 66,5 млн рм., у «Эпа АГ» — с 97,7 млн рм. до 100,0 млн рм., у «Вулворт Гмбх» — с 16,4 млн рм. до 50,0 млн рм. (*Müller M.* Op. cit. S. 107).

[21] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 102.

(месячный оклад в отличие от еженедельной зарплаты рабочего), специфический характер работы, отдельная привилегированная система социального обеспечения, специальные выплаты и т. д. поддерживали среди служащих специфическое умонастроение и чувство большей близости к буржуазии, чем к неимущим пролетариям [22].

Это находило свое выражение и в отношении служащих к организованной классовой борьбе, и в их политических симпатиях. Если, например, из 100 организованных рабочих более $^4/_5$ состояли в классовых (пусть реформистских) профсоюзах и лишь $^1/_5$ — входила в буржуазные профессиональные объединения, то у служащих соотношение было обратным. Только немногим более 27 % служащих состояли в союзах, входивших в АДГБ. Остальные были членами различных буржуазных профессиональных объединений [23]. 60 % служащих вообще не входили в профсоюзы.

Политически большинство служащих стояло значительно правее социал-демократии, а часть из них оказывала постоянную поддержку правоцентристским и правым партиям.

Все это сближало большинство служащих со средними слоями, особенно в том, что касалось социально-политической ориентации.

В то же время значение этой группы в политической жизни Германии определялось постоянным и быстрым увеличением удельного веса в обществе [24]. С 1895 по 1933 г. число служащих в Германии выросло в 2,6 раза, в то время как число рабочих увеличилось в 1,5 раза, а самостоятельных — в 1,15 раза. Соответственно доля служащих и чиновников (в % ко всему самодеятельному населению) возросла с 10,8 в 1895 г. и 13,2 в 1907 г. до 17,1 в 1933 г. Всего к 1933 г. в Германии насчитывалось 5517 тыс. служащих и чиновников, а вместе с членами семей их было 10,2 млн человек.

Рост числа служащих происходил в основном за счет быстрого расширения низших категорий этой прослойки. Выборочные проверки, проведенные в конце 20-х годов профсоюзами служащих, показали, что 46 % всех служащих получали заработную плату до 200 марок в месяц, около 29 % — от 201 до 300 марок и около 25 % — свыше 300 марок. Иными словами, немногим менее половины всех служащих еще до начала экономического кризиса 1929—1933 гг. получали оклад, не превышавший заработную плату квалифицированного рабочего, а иногда даже более низкий [25].

Если на основе этих данных произвести группировку всех

---

[22] *Schumann H.-G.* National-Sozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover; Frankfurt a. M., 1958.

[23] *Sternberg F.* Der Faschismus an der Macht. Amsterdam, 1935. S. 30—31.

[24] *Steiner H.* Strukturveränderungen im modernen Kapitalismus. Zur Klassenanalyse der Angestellten in Westdeutschland. B., 1967. S. 31 ff.

[25] Подробнее см.: Die wirtschaftliche und soziale Lage der Angestellen. Ergebnisse und Erkenntnisse aus der grossen sozialen Erhebung des Gewerkschaftsbundes der Angestellen. B., 1931. S. 106.

служащих и чиновников, то получится следующая картина (млн человек)[26]:

Высший слой	1,1
Средний слой	1,6
Низший слой	2,6

Служащие относились к тем прослойкам населения Германии, которые больше всего пострадали от политики инфляции, проводимой первыми правительствами Веймарской республики. Их традиционная консервативность приводила к тому, что растущее недовольство этой политикой находило свое выражение не в революционизации, а в сдвиге вправо. После прекращения инфляции положение служащих заметно улучшилось, поскольку получаемые ими в виде оклада денежные знаки вновь приобрели ценность. Это примирило большую часть служащих с существующим строем и привело к заметному расширению поддержки ими партий правительственной коалиции.

В то же время условия материального существования большинства лиц этой категории оставались достаточно плохими. Около 50 % всех служащих получали оклады, не обеспечивавшие прожиточного минимума. Заработная плата около 30 % чиновников и служащих находилась на грани прожиточного минимума. Даже на высшей точке относительной стабилизации экономической обстановки в Германии уровень зарплаты низших групп служащих составлял лишь около 75 % довоенного. Весьма велики были обязательные отчисления: налог на зарплату, взносы на страхование по инвалидности, болезни и безработицы. Так, вычеты у холостого служащего с окладом в 150 марок составляли 13 % оклада, у семейного с окладом в 200 марок — 12 % оклада.

Новым явлением была заметная безработица среди служащих, сохранившаяся даже в условиях высокой конъюнктуры. С января 1925 по март 1929 г. она колебалась в пределах 108—238 тыс.

Экономический кризис привел прежде всего к быстрому росту безработицы среди служащих. Если в апреле 1929 г. в Германии было 232 тыс. безработных служащих, то в апреле 1932 г. их насчитывалось 526 тыс., а в апреле 1933 г. — 597 тыс. В эти годы безработных служащих было больше, чем вообще безработных в Германии до первой мировой войны[27]. Около половины всех безработных служащих не получали никакого пособия по безработице.

Рост безработицы среди служащих ускорил начавшийся еще ранее процесс массовой замены мужского труда в этой области нижеоплачиваемым женским. Одновременно пожилые служащие заменялись менее высоко оплачиваемой молодежью. Это, в свою очередь, привело, с одной стороны, к появлению застойной безработицы среди определенной категории служащих и, с другой — к общему заметному уменьшению их средней заработной платы.

---

[26] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 80.
[27] *Sternberg F.* Op. cit. S. 16.

По некоторым оценкам, доход служащих упал в 1931 г. по сравнению с докризисным периодом на 20—25 %. Фонд заработной платы служащих сократился на 4 млрд — 4,5 млрд марок, или на 25 — 30 %.

Ускорилась и социальная дифференциация служащих. Низший слой вместе с безработными составлял уже не около 50 %, как в докризисные годы, а 70—75 % всего состава служащих [28].

Положение, в котором оказались служащие и чиновники, отражало и положение интеллигенции в целом. Многие лица интеллектуального труда были по своему положению служащими. Это относилось, в первую очередь, к технической интеллигенции, но также и к учителям, определенной части медицинских работников и т. д. Экономический кризис ударил по их материальному благосостоянию точно так же, как и по материальному благосостоянию других отрядов чиновников и служащих [29].

Но немногим лучше было положение и той части интеллигенции, которая занималась так называемыми свободными профессиями. В то время в Германии насчитывалось около 23 тыс. артистов, 13,4 тыс. адвокатов, 12,5 тыс. художников, 4,5 тыс. писателей, 46,1 тыс. врачей и т. д. Только незначительная часть их сумела сохранить в кризисные годы прежний уровень жизни.

Возросшая нищета широких слоев населения сузила и так весьма небольшой спрос на продукты творческого труда. Тиражи изданий резко сократились. Ни государство, ни частные меценаты, испытывавшие резкую нехватку ликвидных средств, не интересовались произведениями живописи. Один за другим терпели финансовый крах театры. Постоянно сокращалась частная практика врачей.

С особой силой все это сказывалось на молодежи. По данным союза немецких инженеров, из 8 тыс. лиц, окончивших средние и высшие технические училища в 1931—1932 гг., 1500 человек работали разносчиками, судомойками и т. д., а 4 тыс. не имели вообще никакой работы. Непосредственно по специальности была занята только 1 тыс. человек [30]. Как сообщало прусское министерство просвещения, из 22 тыс. учителей выпуска 1931/32 г. получили место только 990 человек [31]. Среди берлинских художников 32 % (преимущественно молодежь) зарабатывали в месяц менее 50 марок, что не обеспечивало даже полуголодного существования.

В 1932 г. не имели работы 45 тыс. человек с высшим образованием. При сохранении подобных темпов роста безработицы среди этой группы населения число безработных специалистов, окончив-

---

[28] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 103—104.

[29] *Boedecker M., Leisewitz A.* Intelligenz und Arbeiterbewegung. // Soziale Stellung und Bewußtsein der Intelligenz // Hrsg. von Kievenheim, Leisewitz. Köln, 1973. S. 34 ff.

[30] XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 533—534.

[31] *Палм Датт Р.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935. С. 75.

ших высшие учебные заведения, должно было возрасти к 1935 г. до 105 тыс.

в) Крестьянство

К середине 20-х—началу 30-х годов социальное расслоение немецкого крестьянства зашло весьма далеко. В 1933 г. все взрослое самодеятельное население в сельском хозяйстве Германии распределялось следующим образом (тыс. человек) [32]:

Самостоятельные хозяева и их служащие	2296
Сельскохозяйственные рабочие	2531
Члены семей, участвующие в сельскохозяйственных работах	4516
Итого	9343

Уже из этих данных, в которых перемешаны различные социальные классы сельскохозяйственного населения, ясно видно, какую значительную силу представлял в немецком селе сельскохозяйственный пролетариат.

Еще более рельефную картину классового расслоения немецкого сельского хозяйства дает разбивка отдельных хозяйств по размерам земельных владений. Во всей Германии насчитывалось тогда 3046 тыс. хозяйств. Парцеллярные хозяйства размерами до 2 га, не способные прокормить своих владельцев, составляли 27,4 % всех хозяйств. В то же время принадлежавшая им площадь равнялась лишь 2,3 % общей обрабатываемой площади. Мелкие крестьянские хозяйства (с площадью от 2 до 5 га) — 25,8 % всех хозяйств (6,2 % всей площади). Средние и зажиточные крестьянские хозяйства (от 5 до 20 га) — 35,1 % всех хозяйств (25,7 % всей площади). Крупные, капиталистические крестьянские хозяйства (20—100 га) составляли 10,6 % всех хозяйств и занимали 27,9 % площади. Доля помещичьих имений, размером свыше 100 га, равнялась 1,1 %, а доля занимаемой ими площади — 37,9 % [33].

Налицо четкое разделение так называемых самостоятельных хозяев на три социальные группы. С одной стороны, феодально-капиталистические элементы, представленные 88 тыс. помещичьих и капиталистических владений. С другой стороны, 1600 тыс. бедняцких хозяйств. И, наконец, очень крупная прослойка середняцких и зажиточных хозяйств, владеющих более чем половиной всей обрабатываемой земельной площади [34].

Разумеется, в различных районах Германии соотношение между основными классовыми группами в деревне было неодинаковым. В так называемой Восточной Эльбии, и прежде всего в провинциях Восточная Пруссия, Померания, Мекленбург, Бранден-

[32] Statistik des Deutschen Reiches, Bd. 458. S. 25.
[33] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1934. S. 60.
[34] Ibid.

бург, наиболее широко было представлено помещичье землевладение (юнкерство) и гораздо слабее — среднее и зажиточное крестьянство. Если в среднем по Германии в руках владельцев поместий, превышающих 100 га, находилось 37,9 % всей обрабатываемой земли, то, например, в Мекленбурге владельцы этих поместий владели 64,3 % земельных массивов, а в Померании — 57,5 %. В свою очередь, если в среднем по Германии средним и зажиточным хозяйствам (от 5 до 20 га) принадлежало 25,7 % всей обрабатываемой земли, то в том же Мекленбурге им принадлежало 10,4 % всей площади, в провинции Бранденбург — 17,1 а в Померании — 19,1 %.

Иным было положение в западных и юго-западных районах Германии. Там основную силу в деревне составлял средний, зажиточный крестьянин и фермер капиталистического типа. Крупные поместья встречались реже. Беднейшее крестьянство было менее многочисленно и больше связано с дополнительными источниками доходов. Гораздо чаще встречалось в этих районах и занятие сельским хозяйством в качестве побочного промысла [35].

Из этого следует, в частности, что если в целом для германского крестьянства проблема малоземелья стояла весьма остро, то в различных районах Германии ее острота была разной. На востоке страны в решении этой проблемы были жизненно заинтересованы самые широкие слои населения. В Западной и Юго-Западной Германии требование перераспределения земельной собственности поддерживалось лишь меньшинством сельского населения и вызывало сопротивление со стороны весьма влиятельных групп крестьянства, которые видели в этом требовании покушение на право их собственности на землю.

Если земельный голод был неравномерным в разных районах, то тяготы финансового гнета в территориальном отношении распределялись равномерно.

В период инфляции подавляющая часть задолженности сельского хозяйства (в первую очередь, помещичьих, зажиточных и середняцких владений) была погашена с помощью потерявших ценность купюр. Долги остались лишь у мелких сельских хозяев, прибегавших к натуральным ссудам. После денежной реформы 1923—1924 гг. задолженность вновь начала накапливаться. Этот процесс шел тем быстрее, чем острее становился аграрный кризис.

О росте задолженности сельского хозяйства можно судить по следующим данным (млн марок) [36]:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Учтенные кредиты	6 831	7 342	7 780	7 915	7 575
Кредиты, не поддающиеся учету	4 000	4 050	3 850	3 850	3 850
Всего кредитов	10 831	11 392	11 630	11 765	11 425

[35] Ibid.

[36] Германский фашизм у власти. М.; Л., 1934. С. 86.

Если к этой чистой задолженности прибавить 1,9 млрд марок ренты, получится, что общая сумма задолженности германского сельского хозяйства превышала к концу 1932 г. 13 млрд марок. Действительное значение этой суммы видно из того, что в 1932/33 хозяйственном году стоимость всей продукции германского сельского хозяйства оценивалась в 8,8 млрд марок. По исчислению Германского конъюнктурного института, одни лишь процентные платежи по задолженности превышали миллиард марок ежегодно (до первой мировой войны — 750—800 млн марок) [37].

Ввиду более низкой технической оснащенности и меньшей рентабельности мелкого хозяйства задолженность бедных и беднейших крестьян возрастала гораздо быстрее, чем задолженность середняцких, зажиточных и капиталистическо-помещичьих хозяйств [38].

Это видно из следующих данных:

Величина хозяйств (га)	Звдолженность на 1 гв (в марках)	Суммв процентных плвтежей на 1 га (в марках)
От 0,5 до 2	1 593	123
От 2 до 5	1 050	84
От 5 до 10	752	60

Вместе с налоговыми платежами, составлявшими не меньшую сумму, эти выплаты создавали такую финансовую нагрузку на один гектар, что не только исключали возможность необходимых капиталовложений, но и не обеспечивали крестьянину минимального жизненного уровня.

Положение сельского хозяйства к началу 30-х годов было столь угрожающим, что сменявшие друг друга имперские правительства были вынуждены принять ряд программ помощи сельскохозяйственному производству. Одной из таких программ был так называемый план «восточной помощи». Однако в обстановке полного засилья крупных аграриев в имперском министерстве сельского хозяйства и в низовых сельскохозяйственных органах львиная доля средств, отпущенных как по «восточной помощи», так и по другим программам попадала в руки наиболее крупных землевладельцев.

Это видно, в частности, из распределения средств, выделенных на «восточную помощь» [39]:

Величина хозяйств (гв)	Число ссуд	Сумма ссуд (млн марок)
До 4	2671	7,9
От 5 до 20	7760	24,9
От 20 до 100	4834	53,5
Свыше 100	1093	99,8

---

[37] *Sternberg F.* Op. cit. S. 18.
[38] Германский фашизм у власти. С. 87.
[39] Там же.

Кредиты и субсидии, все же попавшие в руки бедных и средних крестьян, как правило, не использовались для новых капиталовложений, а шли обычно на покрытие процентных, налоговых и иных платежей. Большинство же крупных землевладельцев, особенно прусских юнкеров, тратило ссуды на личные нужды. В результате наличный основной капитал в сельском хозяйстве таял, что вело к дальнейшему ослаблению и деградации сельскохозяйственного производства в Германии.

Наступление экономического кризиса еще больше обострило все эти разрушительные процессы, происходившие в немецкой деревне. Обнищание в городах привело к заметному сокращению потребления качественных сельскохозяйственных продуктов. В этих условиях, с одной стороны, обострилась конкуренция с иностранными поставщиками на германском внутреннем рынке, а с другой — началось заметное падение цен на сельскохозяйственные продукты. Особенно резко упали в 1930—1932 гг. цены на продукты животноводства, производимые преимущественно мелкими хозяйствами.

Несмотря на протекционистские меры, цены на сельскохозяйственные продукты падали во время кризиса быстрее, чем цены на промышленные товары. Индекс цен на промышленные и сельскохозяйственные товары составлял (1913—100) [40] на:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Аграрные продукты	130,2	113,1	103,8	91,3
Промышленные изделия	117,4	150,1	136,2	117,9

В результате ножницы между ценами на промышленные товары и продукты сельскохозяйственного производства постоянно расширялись.

В условиях крайне высокой задолженности сельского хозяйства уменьшение доходов, связанное с расширением ножниц цен, привело к заметному ускорению разорения менее устойчивых мелких крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствует, в частности, динамика принудительных продаж крестьянских дворов [41]:

Годы	Число проданных дворов [42]	Площадь (га)	Годы	Число проданных дворов [42]	Площадь (га)
1927	2 554	36 713	1930	4 350	128 707
1928	2 299	48 376	1931	5 061	152 648
1929	3 173	91 153	1932	6 497	140 591

В тех случаях, когда крестьянам удавалось уберечь свое хозяйство от принудительной продажи, это достигалось, как правило, за счет строжайшей экономии на самых насущных нуждах семьи и путем величайшего напряжения всех сил.

[40] *Варга Е.* Новые явления в мировом экономическом кризисе. М., 1934. С. 110.
[41] Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung. 1933. N 11. Цит. по: Германский фашизм у власти. С. 88.
[42] Кроме Бадена, Мекленбурга и Берлина.

Экономическое положение определяло и основные требования, все более настойчиво выдвигавшиеся крестьянством. Сельскохозяйственные рабочие добивались улучшения материально-бытового положения, и прежде всего повышения зарплаты. Важное место в их требованиях занимало проведение мероприятий, направленных против безработицы, а также обеспечение свободы организаций. Среди малоземельного крестьянства большой популярностью, как уже указывалось, пользовался лозунг наделения землей. Однако основная масса крестьянства добивалась прежде всего освобождения от задолженности, а также от возросших процентных и налоговых платежей, прекращения массовых принудительных распродаж крестьянских хозяйств, ликвидации ножниц путем установления стабильных цен на сельскохозяйственную продукцию и более решительного проведения протекционистской политики.

Средние слои и приход нацистов к власти

Анализ положения средних слоев в Веймарской республике показывает, что ее экономическая политика, особенно в последние годы существования, навлекла на нее враждебность со стороны этих категорий населения. Подобная враждебность вовсе не обязательно должна была вылиться в поддержку фашизма. Напротив, по целому ряду важных вопросов интересы большинства средних слоев совпадали с интересами организованного рабочего движения, что создавало — уже на том этапе — объективную возможность единства действий между ними.

Этому, однако, препятствовал ряд объективных и субъективных факторов. Враждебность к существовавшему режиму и антикапиталистические настроения, получившие в то время распространение среди средних слоев населения, не были и не могли быть последовательными. Мелкий буржуа, писал К. Маркс, «составлен из „с одной стороны“ и „с другой стороны“. Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие» [43]. Его жизненные условия, отмечал в свою очередь В. И. Ленин, таковы, «что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату» [44].

В конкретных условиях конца 20-х и начала 30-х годов в Германии эта противоречивость мелкого буржуа, или, беря шире, средних слоев, проявлялась в следующем.

В экономической области. Возмущение политикой правительства, явно покровительствовавшего крупным монополиям и аграриям и проявившего полную неспособность справиться с кризисной ситуацией, породило стремление к созданию принципиально нового социального порядка, при котором сильная госу-

---

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 31.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 40.

дарственная власть, обуздав капиталистов и помещиков, смогла бы, с одной стороны, оздоровить экономическую конъюнктуру, а с другой — создать наиболее благоприятные условия для процветания среднего сословия.

Ремесленники стремились к максимальному ограничению крупных концернов, трестов и особенно синдикатов, навязывавших ремеслу невыгодную систему цен на сырье и готовые изделия. Они требовали проведения государством благоприятной для мелкой промышленности политики цен, дешевого кредита и уменьшения выплат по существовавшей задолженности.

Для мелкой розничной торговли главным врагом были универмаги и другие крупные торговые предприятия. Одним из главных мероприятий, которое должно было осуществить государство, они считали ликвидацию или, по крайней мере, резкое ограничение сферы деятельности универсальных магазинов. В списке их требований фигурировало также снижение налогов и предоставление дешевого кредита.

Относящаяся к средним слоям часть самостоятельных сельских хозяев (т. е. большинство сельского населения Германии) сталкивалось прежде всего с оптовыми торговцами, сбивавшими цены на сельскохозяйственные продукты, с импортерами, обострявшими конкуренцию на внутреннем рынке, с банками, взыскивавшими проценты по задолженности и осуществлявшими принудительные продажи. Их требования предусматривали установление государством стабильных цен на основные виды сельскохозяйственных товаров, проведение протекционистских мер по отношению к сельскохозяйственному импорту, запрещение принудительного взыскивания задолженности, списание долгов или, по крайней мере, объявление моратория на них.

Служащие, чиновники, творческая интеллигенция добивались в первую очередь принятия решительных мер по ликвидации безработицы среди этих категорий населения. Поскольку возникновение безработицы, естественно, связывалось с экономикой «свободного рынка», т. е. с капиталистическими отношениями, их позиция также носила заметные антикапиталистические черты. В то же время гораздо бо́льшую роль в их требованиях играла тяга к сильному государству, которое бы, обеспечив стабильность в экономической области, гарантировало высокую занятость, устойчивость денежного обращения, выполнение обязательств по отношению к чиновничеству и, проводя активную политику в области науки, техники, искусства и литературы, предоставляло бы значительные субсидии научным и творческим учреждениям и заказы отдельным творческим работникам.

С другой стороны, при всей радикальности требований различных групп среднего сословия они не выходили за рамки капиталистических отношений. Антикапитализм ремесленников не шел дальше призывов ограничить власть крупного капитала. Они всячески подчеркивали священность и неприкосновенность частной собственности на средства производства и были крайне враж-

дебны любым попыткам расширительного толкования их же экономической программы. Более того, они проявляли откровенную враждебность к рабочему классу, и прежде всего к профсоюзам, на засилье которых ремесленники, особенно применявшие наемный труд, не переставали жаловаться.

Мелкая розничная торговля настаивала на ограничении не только крупных торговых фирм, но и кооперативов. Зажиточное крестьянство, добивавшееся защиты от оптовиков и банков, требовало в то же время от правительства мер по обузданию «самовольничания» и ограничению «необоснованных притязаний» сельскохозяйственных рабочих. Несмотря на острый земельный голод, требование перераспределения земельной собственности путем проведения аграрной реформы поддерживала лишь некоторая часть крестьянства, нуждавшегося в земле. Это было связано с присущим немецкому крестьянину пиететом к земельной собственности, страхом перед тем, что посягательство на нее обернется в конечном счете против него самого. Отсюда популярность идеи решения аграрной проблемы путем проведения государственной политики поселения в менее обжитых восточных районах страны.

Экономические взгляды большинства служащих определялись, как правило, стремлением сохранить материальные перегородки, отделяющие служащих от фабрично-заводского пролетариата, законсервировать свое привилегированное положение.

В политической области. Недовольство Веймарской республикой поставило средние слои в положение оппозиции к существующему режиму. Разочаровавшись в своем прежнем кумире, они стали рассматривать этот режим как прогнивший, показавший свою непригодность, созревший для насильственного свержения. Однако атаки на Веймарскую республику велись с позиций не революционных, а реакционных. Особая склонность мелкой буржуазии к поддержке сильной государственной власти, способной обеспечить ей «защиту» перед лицом более организованных и сплоченных классов справа и слева, о которой говорил в свое время еще Маркс, приняла в сложившихся условиях форму апологетики тоталитаризма. Со свойственной мелкой буржуазии готовностью к шараханью от крайности к крайности недавние сторонники неограниченной индивидуальной свободы превратились в апологетов всеобщего бесправия. Критикуя недейственность демократических институтов, представители средних слоев видели корни зла не в недостаточной демократичности системы, которую они до сих пор поддерживали, а в ее чрезмерной демократизации [45].

Явления коррупции, разъедавшей веймарский государственный аппарат, расценивались не как следствие слабого контроля за государственной машиной снизу, а как результат отсутствия должного порядка, основанного на авторитете бесспорного руководителя. Правая социал-демократия, ассоциировавшаяся с веймарским ре-

---

[45] См.: *Neurohr J.* Der Mythos vom Dritten Reich. Stuttgart, 1957. S. 38 ff.

жимом, подвергалась нападкам не за свои действительные вины, а за вымышленные: социальное экспериментирование, насаждение «марксистского» духа, разжигание классовой борьбы и т. д. [46] Среди средних слоев имели широкую популярность идеи революции. Однако большинство их представителей вкладывало в понятие революции свое весьма специфическое содержание. Революция в их представлении не должна была затрагивать ни основных экономических основ существующего строя, ни традиционных государственных установлений. Она должна была быть направлена не только против господствующих классов, но и против «засилья профсоюзов» и политических организаций рабочего класса в экономической и политической жизни страны. В общих чертах она представлялась как смена правительства и перестройка политического управления на принципах авторитарности в экономических и политических интересах среднего сословия.

Эта позиция делала средние слои или, по крайней мере, значительные отряды средних слоев политическими союзниками аристократических, феодальных группировок, также атаковавших Веймарскую республику и буржуазно-парламентский режим, установившийся в Германии, с правых, реакционных позиций. Этот союз приобретал тем более реальные формы, что в прошлом, в кайзеровской Германии, значительные группы мелкой буржуазии воспринимали как само собой разумеющееся «авторитарную монархическую форму политического режима и его буржуазно-феодальную структуру» [47].

Поскольку на политической арене Веймарской республики не было достаточно влиятельной и популярной политической партии, которая, не будучи ни реакционной, ни связанной с веймарским режимом, могла бы отразить интересы и чаяния средних слоев, их политические симпатии начали во все большей степени обращаться к «радикальным» силам, стоявшим на крайне правом фланге.

В идеологической области. По некоторым вопросам идейные позиции, занимаемые представителями средних слоев, приближались к идейным позициям организованного классово сознательного пролетариата. Антикапиталистические настроения, враждебность к монополистическому капиталу и находящемуся на его службе государству создавали многочисленные точки соприкосновения. Это находило свое выражение и в политической терминологии. Социализм, социальная справедливость, всеобщее благосостояние, революция — все эти понятия были близки многим представителям средних слоев населения. При всем различии смысла, который вкладывался в эти понятия мелкими буржуа и классово сознательными рабочими, они создавали ощущение близости и в идеологическом плане.

---

[46] *Grebing H.* Der National-sozialismus. Ursprung und Wesen. München, 1959. S. 33—37.
[47] *Neurohr J.* Op. cit. S. 38.

В то же время по многим принципиальным вопросам идеологии между рабочим классом и средними слоями существовал глубокий ров. Это прежде всего относилось к подходу обеих социальных сил к проблеме национализма и интернационализма. В немецком рабочем классе на протяжении многих десятилетий получили широкое распространение интернационалистские взгляды. С самого начала своего зарождения немецкое рабочее движение развивалось как движение интернационалистское. Под этим знаменем немецким рабочим классом были одержаны многие победы внутри страны. И наоборот, все атаки на организованное рабочее движение в Германии начиная с антисоциалистического законодательства Бисмарка прикрывались национальным флагом. Поэтому для организованного, классово сознательного рабочего понятие «националист» всегда было традиционно связано с понятием «враг пролетариата».

Националистическое падение руководства германской социал-демократии во время первой мировой войны, естественно, ослабило эти позиции. Однако уроки войны, опыт, приобретенный рабочим классом во время империалистической бойни, а также уроки революции привели к новому возрождению интернационалистских идеалов не только среди революционной части рабочего движения, но и среди его отрядов, стоявших на реформистских позициях. Поэтому рабочий класс сравнительно туго поддавался националистической пропаганде, видя в ней орудие своего классового врага.

В свою очередь, немецкие мелкие буржуа города и деревни издавна считались основными носителями национальной или, точнее, националистической идеологии. Идеи германской Срединной Европы, пангерманизма, колониальная и имперская фразеология всегда находили в этих кругах самую широкую поддержку и одобрение. Позорный крах программы территориальных захватов на континенте и за океаном, выдвинутой германской монополистической буржуазией, несколько приглушил шовинистическое рвение немецких обывателей, но не подорвал его основы. В свою очередь, тяжелые условия Версальского договора привели к новому подъему националистических страстей среди средних слоев, имевших теперь возможность оправдывать свой национализм несправедливым отношением со стороны держав-победительниц.

Естественно, эта волна национализма имела под собой и экономическую базу, поскольку трудное положение, в котором оказались средние слои, было в определенной степени связано с санкциями, предусмотренными мирным договором, хотя их действительное воздействие в ряде случаев значительно преувеличивалось. При этом, чем сильнее были экономические тяготы, чем бедственней становилось положение средних слоев, тем сильнее разгорался свойственный им национализм.

Поэтому с самого начала антикапиталистические и бунтарские лозунги немецкой мелкой буржуазии носили ярко выраженный националистический характер: речь шла не просто о революции, а о национальной революции, не просто о социализме, а о нацио-

нальном социализме, не просто о социальной справедливости, а о возвращении к традиционным социальным порядкам германских племен и т. д. И эта сторона идеологии средних слоев смыкалась с идеологией их главного врага — монополистической буржуазии и крупных аграриев.

Выражением идеологической непоследовательности средних слоев был и так называемый психологический барьер, сознательно воздвигаемый ими между собой и рабочим классом. Даже стоявшие близко к пролетариату или влившиеся в его ряды отряды средних слоев категорически отрицали этот факт. Рабочий класс рассматривался ими как социальная категория, стоящая гораздо ниже на общественной лестнице, а причисление к пролетариату — как глубокое падение. Даже в условиях полного разорения и обнищания многие представители средних слоев пытались сохранить видимость прежнего социального положения, не смешиваясь с окружением и видя цель своей жизни в том, чтобы возвратиться в прежнюю среду [48].

«Нежелание „скатиться" до уровня наемного рабочего приводило часто к тому, что ненависть разоренного мелкого буржуа направлялась не столько против виновников его трудного положения, сколько против самих рабочих, с которыми его объединяли общие интересы» [49].

На это чувство социального превосходства, построенного на иллюзии, рабочий класс, в свою очередь, отвечал враждебностью — враждебностью сознающего свое место в обществе и свою силу организованного пролетария к высокомерному нищему обывателю или просто люмпену.

Все это существенно затрудняло осуществление политики союза между рабочим классом и средними слоями. Однако объективные трудности могли быть преодолены, если бы организованный рабочий класс сумел выступить инициатором такого союза, разработать приемлемую для всех или большинства отрядов средних слоев экономическую и политическую программу и объединить вокруг нее широкие массы. Этого, однако, не произошло.

В исключительно трудных условиях, сложившихся в то время в Германии, рабочий класс оказался, как отмечалось на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, расколотым, политически и организационно разоруженным [50]. Единый рабочий фронт, о необходимости которого неоднократно говорилось в документах международного коммунистического движения, так и не стал в Германии действительностью. В отдельности же каждая рабочая партия не могла повести за собой средние слои. Социал-демократы — потому, что их многолетняя политика пактирования с буржуазией сделала их в глазах бунтующего мелкого буржуа сим-

---

[48] *Schumann H.-G.* Op. cit. S. 28.
[49] *Grebing H.* Op. cit. S. 33 ff.
[50] *Димитров Г.* Доклад на VII конгрессе Коминтерна. М., 1935. С. 18.

волом того самого капиталистического государства, против которого он выступал. Коммунисты — потому, что они «были недостаточно сильны, чтобы помимо и против социал-демократии поднять массы и повести их на бой. . .»[51]

Немалую роль сыграло и то, что коммунисты серьезно недооценивали в то время значение работы среди средних слоев города и деревни. Программы в этой области, разработанные в то время, страдали узостью — игнорировали ограниченность революционности мелкого буржуа, специфику его интересов, приверженность частной собственности, настороженное отношение к руководящей роли рабочего класса, силу националистических предрассудков и т. д., т. е. не брали массы такими, какими они были на самом деле[52].

В результате возникло такое положение, когда пролетариат оказался изолированным от своего возможного союзника. И напротив, смертельные враги рабочего класса — национал-социалисты смогли расширять свое влияние среди промежуточных социальных групп, не встречая почти никакой конкуренции.

Как уже говорилось выше, национал-социалистская партия возникла как организация, рассчитанная на проникновение в ряды рабочего класса, на отрыв его отдельных отрядов от организованного рабочего движения, на использование их в качестве опоры капиталистического строя. В этом состоял главный политический смысл существования НСДАП. Ради этого ей оказывали поддержку и рейхсвер, и буржуазные круги. Однако уже на первых этапах деятельности национал-социалистов стало очевидно, что они в состоянии выполнить зту задачу только частично. К НСДАП тянулись лишь те представители наиболее отсталых прослоек рабочего класса, которые и так занимали консервативные позиции, поддерживая буржуазные, в том числе и правые политические партии. Зато с самого начала нацисты сумели пустить корни среди мелкой буржуазии. Средние слои дали партии большинство ее лидеров. Они поставляли ей солдат для отрядов СА. Крайне националистическая позиция НСДАП находила наиболее сочувственные отклики в преимущественно мелкобуржуазной аудитории.

И хотя на первых порах успехи зти были сравнительно ограниченны, а затем почти сведены на нет в результате кризиса, охватившего партию после 1923 г., это наложило заметный отпечаток на дальнейшее развитие НСДАП[53]. Ориентация на мелкобуржуазную публику вопреки слову «рабочая», фигурировавшему в названии партии, с течением времени стала преобладающей. В мелкобуржуазной аудитории агитаторы НСДАП чувствовали себя вольготнее, чем в рабочей, легче находили общий язык, легче устанавливали контакты. Немалую роль в переключении внимания на средние слои играло и то, что работа среди них избавляла руководство

[51] Там же.
[52] См.: Там же. С. 40.
[53] *Winkler A.* Op. cit.

НСДАП от необходимости чрезмерно акцентировать внимание на радикальных «социалистических» лозунгах, вызывавших настороженность среди крупнокапиталистических кругов, финансировавших национал-социалистов.

«Как только Гитлер понял, — пишет западногерманский исследователь Шуман, — что его водянистые социалистические фразы не производят никакого впечатления на организованный рабочий класс и что его псевдосоциалистические эскапады закрывают ему доступ к организованной финансовой силе, он стал приспосабливать свои пропагандистские тезисы во все большей степени к идеологическому болоту, расположенному между двумя блоками, ориентируясь на среднее сословие» [54].

Значительную роль в реализации этого маневра, как и в дальнейших успехах нацистского движения, сыграла националистическая интеллигенция.

В Германии, в отличие от ряда других стран, прослойка лиц с высоким уровнем образования, занимающихся умственным трудом, в своем большинстве не была ни либеральной, ни прогрессивной. Тесно связанная с бюрократическим государственным аппаратом, крупными монополиями и аграриями, она занимала крайне шовинистические, империалистические позиции, создавая идейную опору для правых сил. Немецкие ученые и профессура поставляли кадры для всех националистских организаций, начиная с Пангерманского союза. Лучшая часть немецкой интеллигенции, примкнувшая к организованному рабочему движению, составляла меньшинство, а либеральное крыло было совсем слабым.

Среди консервативной же интеллигенции с самого возникновения Веймарской республики бытовало отрицательное и даже враждебное отношение к демократическим порядкам. Это отношение было окрашено явно антисемитскими настроениями, обостренными усилившейся конкуренцией среди работников умственного труда. В этих условиях консервативным представителям немецкого «образованного сословия» было нетрудно найти общий язык с гитлеровской партией. Уже к 1932 г. немецкие университеты стали своего рода прообразом будущей «третьей империи». В аудиториях господствовал дух расовой нетерпимости. Лекции профессоров еврейской национальности подвергались бойкоту. Евреев-студентов избивали и не допускали к занятиям. Педагогам, заподозренным в либеральных симпатиях, устраивали обструкции [55].

4 марта 1933 г. 300 профессоров высшей школы опубликовали предвыборное обращение в пользу нацистской партии. В то время как на улицах городов и сел Германии свирепствовал зверский террор против всех инакомыслящих, эти представители «немецкого духа» утверждали, что приход Гитлера к власти представляет

---

[54] *Schumann H.-G.* Op. cit. S. 28.

[55] *Faust A.* Der Nationalsozialistische Deutsche Studentenbund. Studenten und Nationalsozialismus in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1973. 2 Bde.

собой единственный путь спасения немецкого народа. 11 ноября 1933 г., уже после того как нацистская партия попрала последние остатки буржуазной законности и установила в стране открыто диктаторский режим, большая группа немецких ученых с мировым именем обратилась «ко всем образованным людям» во всем мире с призывом проявить понимание к «борьбе Гитлера за равноправие Германии». Среди подписавших этот призыв были крупнейший хирург Зауэрбрух, искусствовед Пиндер, ректор Берлинского университета антрополог Ойген Фишер, ректор университета во Фрайбурге философ Хейдеггер и др. [56]

Многие известные ученые сразу же после прихода Гитлера к власти активно включились в идеологическую и политическую деятельность национал-социалистской партии. В их числе были проф. Фридрих Гримм (международное частное и процессуальное право), проф. Карл Хаусхофер, географ и геополитик, президент Немецкой Академии (Мюнхен), лауреат Нобелевской премии проф. Филипп Ленард (теоретическая физика), лауреат Нобелевской премии физик проф. Иоханнес Штарк и др.

Аналогичное положение сложилось и в других областях творческой деятельности. Активную поддержку нацистскому режиму оказали композитор Рихард Штраус, ставший председателем созданной фашистами так называемой имперской культурной палаты, известный музыкант и дирижер Фуртвенглер, многие писатели и художники [57].

Открыто антифашистские позиции заняло лишь меньшинство интеллигенции, часть которой — такие, как Карл Осецкий, — стала жертвой нацистского террора, а часть — Томас Манн, Генрих Манн и другие — эмигрировала за границу. В целом эмиграция интеллигенции в годы фашистской власти была значительной. Однако в основном эмигрировали либо лица, активно занимавшиеся политической деятельностью, либо представители еврейской национальности, лишенные в Германии средств к существованию и подвергавшиеся там самым изощренным издевательствам.

* * *

Расширение влияния НСДАП среди мелкобуржуазных слоев города и деревни проявлялось не только в переходе на ее сторону части избирателей, голосовавших прежде за центристские буржуазные партии. Оно наложило свой отпечаток и на социальную структуру самого национал-социалистского движения.

Некоторое представление об этой структуре дает таблица 12.

Разбивка на классы и группы, на основе которой построена таблица, не отвечает полностью требованиям научности. В ней не

[56] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr. B., 1934. S. 152, 156.

[57] Значительная часть гаулейтеров и штадтхальтеров в «третьей империи» (в том числе Ю. Штрейхер, Р. Вагнер, И. Вагнер, Ф. Вехтлер, Г. Симон, Р. Иордан) были в прошлом учителями.

Таблица 12

Сопоставление социальной структуры НСДАП и немецкого общества в 1930 г. [58]

Классы и социальные группы	Доля в НСДАП (%)	Доля в обществе (%)	Соотношение структур (общество—100)
Рабочие	28,1	45,9	61,2
Служащие	25,6	12,0	213,3
Самостоятельные	20,7	9,0	230
Чиновники	8,3	5,1	162,7
в том числе:			
обычные чиновники	6,6	4,2	157,1
учителя	1,7	0,9	188,9
Крестьяне	14,0	10,6	132,0
Разные	3,3	17,4	18,9

дифференцируется категория «самостоятельных», в которую включены как крупные промышленники, так и мелкие ремесленники и лица свободных профессий. Не дифференцирована категория крестьян, объединяющая как помещиков, так и сельских пролетариев и полупролетариев. Зачисление в ту или иную группу производится на основе произвольно выбранных критериев, в связи с чем социальная структура общества отличается от структуры, исчисленной исследователями-марксистами. Тем не менее в качестве сравнительного материала эта таблица пригодна. Приводимые в ней данные позволяют прийти к следующим выводам.

Во-первых, большинство членов НСДАП по своему социальному положению должно быть отнесено к средним слоям.

Во-вторых, из числа средних слоев особенно широко были представлены в НСДАП «самостоятельные». Их доля по сравнению с удельным весом в обществе особенно велика, даже если сделать скидку на то, что в эту графу включены и представители крупной и средней буржуазии. Весьма высок удельный вес служащих, доля которых среди членов НСДАП более чем в два раза превышала долю служащих в обществе. Третье место в этом ряду занимали учителя. Гораздо меньше, чем можно было бы предполагать на основании косвенных данных, были представлены в НСДАП крестьяне.

После прихода нацистов к власти в социальной структуре НСДАП произошли некоторые изменения.

[58] *Hofer W.* Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1957. S. 23.

Таблица 13

Сопоставление социальной структуры НСДАП и немецкого общества в 1935 г. (%) [59]

Классы и социальные группы	Доля в НСДАП	Доля в обществе	Доля членов НСДАП в соотв. группе
Рабочие	32,1	46,3	5,1
Служащие	20,6	12,4	12,0
Самостоятельные	20,2	9,6	15,2
Чиновники	13,0	4,8	20,7
в том числе: учителя	3,6	0,9	30,9
Крестьяне	10,7	10,0	7,7
Разные	3,4	16,9	1,5

Заметно увеличилась доля чиновников, особенно учителей. Доля крестьян уменьшилась, а рабочих возросла. В целом, однако, основные пропорции остались прежними. В то время как в среднем члены НСДАП составляли 7,3 % самодеятельного населения, их доля среди рабочих равнялась 5,1 %. Доля же среди служащих составила 12,0 %, самостоятельных — 15,2 %, чиновников — 20,7 %, а учителей — даже 30,9 %. Иными словами, подавляющее большинство членов НСДАП составляли по-прежнему представители средних слоев.

То же самое можно сказать и о составе корпуса функционеров НСДАП [60].

Социальные группы	Крейслейтеры		Ортсгруппенлейтеры		Штуцпунктлейтеры	
	число	%	число	%	число	%
Рабочие	62	8,0	1810	9,3	850	13,0
Служащие	288	37,1	2991	21,2	486	7,5
Самостоятельные	138	17,8	3390	24,0	1216	18,7
Чиновники	166	21,4	2250	17,9	1141	17,6
Крестьяне	92	11,8	3508	24,9	2677	40,9
Разные	30	3,9	387	2,7	153	2,3

Среди крейслейтеров — партийных функционеров районного масштаба наиболее широко были представлены служащие, чиновники и самостоятельные. Среди ортсгруппен- и штуцпунктлейтеров, руководивших небольшими городскими и сельскими организациями НСДАП, чаще встречаются крестьяне и в какой-то степени рабочие. Но и здесь засилье представителей средних слоев совершенно очевидно [61].

[59] *Schäffer W.* NSDAP. Marburg; Lahn, 1957. S. 38—40.
[60] Ibid. S. 47.
[61] См.: *Kater M. H.* Sozialer Wandel in der NSDAP im Zuge der nationalsozialistischen Machtergreifung // Faschismus als soziale Bewegung / Hrsg. von Schieder W. Hamburg. 1976. S. 25—67.

Естественно, что первыми общественными организациями, завоеванными национал-социалистами еще до их прихода к власти, были организации средних слоев. Еще летом 1931 г. на всегерманской конференции студентов национал-социалисты одержали серьезную победу, добившись избрания первым председателем Союза немецкого студенчества нациста Линау, которого впоследствии сменил нацист Герхард Крюгер. С этого момента ведущую роль в студенческом движении захватил так называемый Национал-социалистский немецкий студенческий союз.

Вслед за этим значительно укрепились позиции национал-социалистов в профессиональных организациях профессоров высшей школы, учителей, юристов и т. д.

Быстро укрепились позиции специализированных нацистских организаций по работе среди различных отрядов мелкой буржуазии. Примером этого может служить деятельность созданного гитлеровцами в 1932 г. Боевого союза промыслового среднего сословия. Менее чем за год Союз сумел собрать под свои знамена более ста тысяч активных членов и стать наиболее влиятельной силой среди немецких ремесленников. Несколько успешных кампаний в защиту интересов ремесленников, проведенных им еще в период пребывания у власти правительства Папена и Шлейхера, еще больше повысили его популярность. Поэтому сразу же после захвата власти гитлеровцами Союз, не встречая практически никакого сопротивления, сумел быстро унифицировать все другие ремесленно-промысловые объединения и стать единственным представителем ремесленников и мелких предпринимателей.

Сильные позиции были завоеваны национал-социалистами в профессиональных организациях служащих. После 30 января 1933 г. это также обеспечило нацистам возможность беспрепятственного овладения ключевыми постами во всех этих организациях. Уже 11 апреля правление Немецкого союза банковских чиновников подало в отставку и было заменено новым, состоящим из одних национал-социалистов. В тот же день Профессиональный союз служащих, входивший в гирш-дункерковские профсоюзы, обратился к Гитлеру с планом объединения немецкого профессионального движения вокруг национал-социалистской партии, а затем избрал национал-социалистское правление. В конце апреля о своем переходе в нацистский лагерь объявили профсоюзы служащих, входившие в христианское Немецкое профсоюзное объединение [62].

Нечто подобное происходило с союзами торговцев, с крестьянскими организациями и т. д.

Было бы, разумеется, неверным утверждать, что к моменту прихода к власти национал-социалисты вели за собой все средние слои Германии. Еще в январе 1933 г. среди средних слоев существовали более или менее влиятельные группы, по тем или иным причинам отвергавшие фашистскую теорию и практику. В некоторых

[62] *Schumann H.-G.* Op. cit. S. 57—58.

районах фашистской демагогии успешно противодействовали коммунисты. Среди части служащих и в отдельных сельских местностях было велико влияние социал-демократов. Сохраняли свои позиции и многие католические организации, действовавшие среди средних слоев населения. В то же время очевидно, что подавляющее большинство средних слоев видело в то время в НСДАП свою партию и связывало с ее победой свои надежды и чаяния.

Средние слои в «третьей империи»

Назначение Гитлера канцлером вызвало в рядах мелкой буржуазии бурю ликования. Она видела в этом акте начало того коренного поворота в своем положении, о котором мечтала и которого добивалась все последние годы Веймарской республики. Желая дать выход заряду бунтарства и ненависти, накопившемуся у своих многочисленных последователей и почитателей, нацистское руководство, подобно средневековым полководцам, отдало страну на произвол коричневой солдатни. Для «победителей» не существовало ни законов, ни правопорядка. При этом, однако, были приняты меры, чтобы бесчинства последователей нацизма были бы канализированы влево. Поскольку активное сопротивление нацизму шло только слева, прежде всего от коммунистов, а ненавистная Веймарская республика также, правда, без достаточных оснований, ассоциировалась с левыми силами, это оказалось нетрудной задачей.

На страну опустилась мрачная завеса террора.

Почувствовав себя хозяевами, некоторые группы и организации средних слоев пытались самочинно осуществить программу, под знаменем которой НСДАП пришла к власти. Особую активность в этом отношении проявил Боевой союз промыслового среднего сословия, попытавшийся поднять руку на святая святых общественного строя, господствовавшего в Германии, — позиции крупной и средней буржуазии. Союзом по собственной инициативе было присвоено право распределения заказов в муниципалитетах, в управлениях округов и провинций. При осуществлении этого права преимущества предоставлялись ремесленным предприятиям, и прежде всего тем, владельцы которых являлись членами Союза. Это привело к ущемлению интересов крупных фирм. Союз активно вмешивался в деятельность промышленно-торговых палат, оттесняя от участия в руководстве ими представителей крупных предприятий.

Попытки осуществить свои традиционные требования были предприняты и организациями мелкой розничной торговли. Не ограничиваясь разгромом магазинов своих небогатых еврейских конкурентов, они пытались громить и универмаги. В ряде районов крупным магазинам был нанесен серьезный ущерб: ряд филиалов больших торговых компаний был закрыт.

Но если террор, направленный влево, находил всяческую поддержку нацистской верхушки и подстрекался ею, то эта сторона

деятельности сбросивших узду мелких буржуа вызвала немедленные контрмеры. Уже в начале июня 1933 г. Геринг в письме председателю Боевого союза Вагнеру обращал внимание последнего на «непрекращающиеся жалобы на вмешательство Союза в хозяйственную жизнь». Действия Союза, отмечал Геринг, вызывают в оттесняемых кругах волнение, вредное для развития хозяйства [63].

Законом от 15 июля 1933 г. имперское правительство запретило Союзу заниматься распределением заказов. Одновременно были объявлены незаконными попытки Союза превратить все ремесленные организации в картели и использовать сословное построение ремесла для повышения цен. Поскольку Союз в ряде случаев игнорировал эти запреты, 8 августа 1933 г. он был распущен.

Холодным душем были окачены и мелкие торговцы. В циркуляре имперского министра хозяйства от 1 сентября 1933 г. указывалось, в частности, что правительство не допустит своевольного вмешательства в хозяйственные дела торговых предприятий. «Надо пресекать, — писал он, — идущие с чьей бы то ни было стороны бойкот и иные мероприятия, вносящие помеху в деловые сношения с поставщиками или покупателями, а также препятствовать нажиму в целях прекращения торговли определенными сортами товаров. Вмешательство такого рода категорически воспрещается всем членам и учреждениям партии и смежным с нею организациям» [64].

Однако Гитлер и нацистское руководство не могли в то время позволить себе роскошь оттолкнуть средние слои, составлявшие основной костяк массовой базы национал-социализма. Поэтому наряду с шагами, имевшими целью поставить мелкобуржуазный плебс на место, был осуществлен ряд законодательных актов, представлявших собой определенные уступки средним слоям населения [65].

Для успокоения ремесленников имперским правительством был принят закон от 12 мая 1933 г., запрещавший открытие новых ремесленных мастерских при универмагах, магазинах стандартных цен, потребительской кооперации и при заводских лавках. 11 июля того же года закон был дополнен декретом, ликвидировавшим существование самостоятельных ремесленных мастерских при универмагах. В частности, было запрещено производство колбас и кондитерских изделий, хлебопечение, производство шорных, обойных, портновских, сапожных и мебельных работ, содержание часовых мастерских, фотоателье и парикмахерских.

Одновременно в рамках планов по ликвидации безработицы были предусмотрены меры по расширению заказов, предоставляемых ремесленным, прежде всего строительным, предприятиям.

---

[63] Frankfurter Zeitung. 1933. 3. Juni.
[64] Цит. по: *Сидоров А.* Указ. соч. С. 150.
[65] *Winkler H. A.* Mittelstandsbewegung oder Volkspartei? Zur sozialen Basis der NSDAP // Faschismus als soziale Bewegung. См. также: *Schüler F.* Das Handwerk in Dritten Reich. Bad Wörishofen, 1951.

С одной стороны, были отпущены крупные кредиты на развернутое промышленное и жилищное строительство. С другой — были выпущены специальные гарантийные обязательства для кредитования ремесленников, производящих строительные работы, субсидируемые государством.

Мероприятием, призванным дать дополнительную работу ремеслу, считалось и предоставление государством кредита в 1 тыс. марок женщинам-работницам, которые, выходя замуж, оставляли работу. Таким путем предполагалось создать дополнительные рабочие места. В то же время, поскольку кредит мог быть использован лишь на покупку мебели и предметов домашнего обихода, он должен был оживить спрос на эти товары, выпускавшиеся преимущественно ремесленными предприятиями.

В области торговли одним из первых мероприятий гитлеровского правительства был запрет открывать новые торговые предприятия, содержавшийся в Законе о защите розничной торговли от 12 мая 1933 г.[66] Этим же законом было запрещено до сентября 1933 г. расширять существующие торговые предприятия и увеличивать продажу продуктов питания в магазинах, торгующих другими товарами. Торговые предприятия, владельцы которых применяли методы «нечестной конкуренции», в соответствии с этим законом могли быть закрыты на один год. Действие закона неоднократно продлевалось, а с 1934 г. он был объявлен бессрочным.

Изданный 15 июля 1933 г. так называемый Дополнительный закон о защите розничной торговли предоставлял провинциальным правительствам право полностью или частично аннулировать разрешение на содержание питейных заведений и ресторанов при универмагах и других предприятиях, если только эта мера не вредила предприятиям в целом. Законом 12 мая была запрещена выдача премий и придач к купленным товарам. Законом от 14 августа, дополненным законом от 6 июля 1934 г., были введены ограничения на продажу с использованием автоматов[67]. В Законе о скидках с цены, принятом 25 ноября 1933 г., запрещалось предоставлять при уплате наличными скидку, превышающую 3 % стоимости покупки. Предоставление таких скидок универмагами и магазинами стандартных цен не допускалось вообще. Специальным декретом от 21 декабря 1934 г. имперскому комиссару по ценам было предоставлено право наказывать тюремным заключением или крупным денежным штрафом лиц, продающих товары ниже себестоимости.

В законодательном порядке была запрещена уличная торговля. Законом о регулировании налога на универмаги и филиалы (от 15 июля 1933 г.) провинциальным правительствам было предоставлено право, с согласия министра хозяйства, вводить налоги на универмаги и филиалы там, где их до сих пор не было, и увеличивать существующие налоги на них, но не выше чем в два раза.

---

[66] *Noack E.* Die Gesetzgebung des Dritten Reiches. B., 1938. S. 111.
[67] Ibid. S. 112.

Своим сторонникам среди служащих фашистское правительство бросило подачку в виде Закона о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля 1933 г., дополненного впоследствии законами «О чиновничестве» (от 26 января 1937 г.) и «Об имперском гражданстве» [68]. Этот закон предписывал проведение чистки в государственном аппарате Веймарской республики. В соответствии с его положениями увольнению с государственной службы подлежали: а) лица, поступившие на нее после 9 ноября 1918 г., в случае отсутствия образования, требуемого для выполнения служебных обязанностей, б) лица неарийского происхождения, в) лица, прежняя политическая деятельность которых не свидетельствует об их готовности в любой момент безоговорочно встать на защиту национального государства [69].

Практически этот закон санкционировал неприкрытый произвол. Но, поскольку его острие было направлено против той категории чиновников и служащих, которая считалась опорой прежнего режима, а его практическое осуществление создавало огромное количество свободных вакансий и тем самым благоприятную возможность для получения хорошо оплачиваемого места и повышения, он был воспринят чиновничеством, настроенным в своем большинстве консервативно, вполне благожелательно.

Увольнения из государственного аппарата на основе этого закона не могли, конечно, ослабить напряжения на рынке труда, ибо он постоянно пополнялся за счет лиц, уволенных с работы. Тем не менее конкуренция среди служащих в борьбе за рабочее место несколько ослаблялась, ибо уволенные на основании закона от 7 апреля уже не могли претендовать на «чистую» работу и были вынуждены заниматься неквалифицированным или малоквалифицированным трудом.

Расширение возможностей трудоустройства для служащих, чиновников и других представителей профессий умственного труда было связано также с резким увеличением бюрократического аппарата. С приходом фашистской партии к власти наряду с государственными органами возникла целая сеть параллельных систем управления с большим количеством платных служащих. Существовал большой, постоянно раздуваемый аппарат самой нацистской партии и примыкающих к ней организаций. Количество возникших дополнительных штатных мест оценивалось более чем в 100 тыс.

На умиротворение сторонников НСДАП из средних слоев было направлено и распоряжение заместителя фюрера Рудольфа Гесса о порядке трудоустройства «заслуженных» нацистов. «Все имеющие влияние национал-социалисты, — говорилось в этом распоряжении, датированном 24 июля 1934 г., — вне зависимости от того, занимают ли они партийный пост или работают в частном порядке, обязаны использовать любые возможности, чтобы обеспечить безработным членам НСДАП, вступившим в партию до 30 ян-

---

[68] Ibid. S. 46.
[69] *Rühle G.* Op. cit. S. 112–113.

варя 1933 г., преимущественное право устройства на работу. Среди старых членов партии следует отдавать предпочтение особенно активным борцам, положительно проявлявшим себя в общественной деятельности (например, членам СА и СС), а также пожилым людям, подвергавшимся в последнее время преследованиям и дискриминации... При этом следует помнить, что очень часто менее ценные деловые качества старых членов партии компенсируются характерным для них энтузиазмом и стремлением трудиться на пользу национал-социалистского государства» [70].

Распоряжение, строго проводившееся в жизнь, фактически превратило всех нацистов, вступивших в НСДАП до прихода Гитлера к власти, в привилегированную касту, представителям которой было обеспечено не только трудоустройство, но и быстрое продвижение по службе.

Для закрепления позиций на селе нацистским правительством были предприняты следующие меры.

1 июня 1933 г. был издан Закон о регулировании проблемы сельскохозяйственной задолженности. Он предусматривал три пути финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий, не способных собственными силами избавиться от долгов. Первый путь представлял собой форму облегчения выплаты задолженности. На долги, возникшие до большого банковского краха 13 июля 1931 г., процент снижался до 4,5. Требования фиксировались и определялась (в спорных случаях судом) форма их погашения в рассрочку. Долги, возникшие позже, прежде всего по заработной плате и за поставки ремесленников, подлежали выплате полностью.

Второй путь — частичное освобождение от долгов путем принудительного арбитража. Прибегая к нему, можно было добиться сокращения задолженности наполовину. Третий путь — погашение задолженности путем передачи в качестве покрытия долга части земли [71].

14 февраля 1933 г. было объявлено о введении до 31 октября запрета на принудительное взыскание долгов для большинства категорий сельских хозяев. 22 апреля Законом о защите арендаторов положения этого чрезвычайного распоряжения были подтверждены и расширены. В соответствии с законом временно, до конца года, был запрещен односторонний разрыв землевладельцами контрактов об аренде. Законом от 27 октября 1933 г. этот запрет был продлен до середины 1934 г.[72]

Одновременно были предприняты попытки расширить спрос на отечественные сельскохозяйственные продукты. 23 марта 1933 г. правительством было издано распоряжение о стимулиро-

---

[70] *Sternberg F.* Op. cit. S. 104—105.
[71] *Noack E.* Op. cit. S. 78 ff.
[72] *Rühle G.* Op. cit. S. 138.

вании потребления животных жиров и кормов местного происхождения. На основании распоряжения маргариновым фабрикам было предписано приобретать в качестве сырья лишь сало скота германских хозяйств. Подобное же предписание было отдано мыловаренным заводам и аналогичным предприятиям, потреблявшим сало для технических нужд.

Для стимулирования потребления сливочного масла производство маргарина было ограничено, а цены на него повышены почти в три раза.

Специальным распоряжением была преобразована вся система зернового хозяйства. Была также введена имперская монополия на распределение как местных, так и импортных жиров и масла. Имперскому министру было предоставлено право устанавливать твердые цены на соответствующие сельскохозяйственные товары [73].

Во внешнеторговой области были значительно повышены тарифные пошлины на ввоз живого скота, свежего мяса и смальца, сыров и яиц. Затем были увеличены пошлины на зерновые хлеба, свинину, гречиху, горох и т. д. Для поощрения экспорта зерновых была введена система экспортных премий.

Все эти мероприятия не могли привести к коренному улучшению условий жизни и труда средних слоев населения. Большинство из них носило чисто паллиативный характер и не выходило за рамки чрезвычайных мер по подстегиванию конъюнктуры. Основные причины бедственного положения средних слоев, не связанные с фазой цикла, ими не затрагивались. И дальнейшее развитие событий действительно показало, что в положении мелкой буржуазии города и деревни не произошло каких бы то ни было серьезных изменений.

Тем не менее психологическое воздействие всей этой серии законов, распоряжений и мероприятий было значительным. Гитлеровскому правительству удалось создать впечатление, что оно намерено всерьез выполнить свои обещания, что оно проводит последовательную политику в интересах средних слоев, что принятые меры — это лишь начало, за которым последует более внушительное продолжение. Это позволило сохранить контроль над хлынувшими на улицу мелкобуржуазными массами, не допустить их перехлестывания за рамки «положенного», изолировать чрезмерно радикальные, с точки зрения нацистского руководства, элементы и предотвратить перерастание антикапиталистической демагогии, характерной для национал-социалистской партии, в антикапиталистическую практику.

В исторической литературе, посвященной этому периоду, в том числе и в марксистской, иногда преувеличивалась степень недовольства мелкой буржуазии политикой гитлеровского правительства после его прихода к власти, в частности его откровенно «прокапиталистической политикой». Это недовольство действительно

---

[73] Ibid. S. 139.

имело место. Свидетельство этому — и серьезные трения, возникавшие на первом этапе консолидации фашистского режима между правительственными органами и национал-социалистскими союзами и объединениями, представлявшими средние слои населения, и частые стычки между руководством партии и «штурмовыми отрядами» как самой массовой в то время организацией НСДАП. Свидетельство этому также — распространение в партии недовольства Гитлером и растущая популярность идеи «второй революции», получившей особое распространение в первой половине 1934 г.

Однако при всем этом недовольство и обусловленные им кризисные явления в НСДАП не выходили за пределы, характерные для режима, переходящего от захвата власти и реорганизации машины управления к консолидации своих позиций и стабилизации экономической и политической обстановки. Учитывая коренное противоречие между интересами массовой базы НСДАП и социальным содержанием ее политики, приходится лишь удивляться, что недовольство проявлялось столь слабо.

О том, насколько поверхностны были разговоры о «второй революции», насколько малый отклик среди большинства средних слоев находили призывы к новому перевороту, свидетельствовала реакция мелкой буржуазии, и прежде всего ее представителей в «штурмовых отрядах», на резню, организованную Гитлером 30 июня 1934 г. Даже большая популярность, которой пользовался Рем и его приближенные среди солдат коричневой армии, не побудила кого-либо из них активно проявить свои чувства. Сообщения о подпольных организациях, созданных оппозиционно настроенными национал-социалистами в «штурмовых отрядах», и о напряженных отношениях между партийным аппаратом и штурмовиками после событий 30 июня оказались вымыслом. Решительно поставленные на место штурмовики немного притихли, но не потому, что собирались с силами для отпора, а потому, что, определив пределы отпущенной им «свободы действий», заняли свое место в государстве, которое их на первых порах вполне устраивало.

Не было оказано никакого сопротивления и при реорганизации структуры экономических и политических взаимоотношений между различными отрядами средних слоев и фашистской государственной машиной.

После роспуска Боевого союза промыслового среднего сословия была создана Национал-социалистская организация ремесленников, торговцев и кустарей. Она уже не обладала самостоятельностью Боевого союза и представляла собой лишь своеобразную передаточную инстанцию между руководством НСДАП и массовой профессиональной организацией — Союзом ремесленников, торговцев и кустарей, вошедшим в Немецкий трудовой фронт.

На основании Законов о временной структуре германского ремесла от 29 ноября 1933 г. и 18 января 1935 г. для руководства этой отраслью была создана громоздкая бюрократическая машина

сословного управления [74]. Было образовано Имперское сословие немецкого ремесла, во главе которого был поставлен имперский мастер. Ему были подчинены Имперская группа ремесла и Союз немецких ремесленных палат. В состав Имперской группы ремесла вошли 52 имперских цеховых союза, объединявших 16 тыс. цехов. Низовая ремесленная организация — цех — была принудительной для всех занятых в ремесле лиц — хозяев, рабочих, служащих, учеников. Во главе цеха стоял обер-мастер, наделенный дисциплинарными правами. Наряду с мастером в управлении цеха участвовал вождь подмастерьев, в обязанности которого входило руководство подмастерьями. Как обер-мастер, так и вождь подмастерьев, а также казначей и попечитель над учениками назначались сверху.

Союз немецких ремесленных палат представлял собой верхушечную организацию, в которую входили территориальные объединения ремесленных предприятий различного профиля — палаты.

В рамках этой жесткой бюрократической системы и решались все вопросы, касающиеся ремесла, — устанавливалось распределение заказов и предоставление сырья, определялись цены на различные ремесленные изделия, решались конфликты между отдельными ремесленными предприятиями, между владельцами предприятий и подмастерьями, служащими, учениками. В то же время этот аппарат служил средством идеологического воздействия на членов сословия, а также органом политического контроля.

Аналогичная система была образована и в других отраслях.

Наиболее развитая и всесторонняя система бюрократического регламентирования была создана в немецком сельском хозяйстве, в котором опека государственно-монополистических органов над непосредственным производителем была доведена до крайнего предела.

Важнейшим инструментом упрочения позиций национал-социалистов в деревне был принятый 29 сентября 1933 г. Закон о наследственных дворах. В основе этого закона лежала идея создания широкой привилегированной прослойки зажиточных сельских хозяев, своего рода «крестьянской аристократии».

В соответствии с законом статус наследственного двора приобретали лишь такие хозяйства, минимальные размеры которых составляли 7,5 га, а максимальные — 125 га. Иными словами, в эту категорию включались все немецкие кулацкие хозяйства и подавляющее большинство середняцких. Однако размеры хозяйства были не единственным условием объявления крестьянского двора наследственным. Необходимо было еще, чтобы его владелец был германским гражданином и мог доказать, что в поколениях его семейства с 1 января 1800 г. не было смешения с «неарийской кровью».

Признание за хозяйством статуса «наследственного двора» сопровождалось присвоением его владельцу почетного звания

[74] См.: Das Handwerk in Staat und Wirtschaft. Berlin; Lichterfelde, 1939. S. 246 ff.

«крестьянин» (бауэр) в отличие от остальных землевладельцев, именовавшихся сельскими хозяевами (ландвирте). Дробление «наследственного двора» запрещалось. Его владелец имел право передать его по наследству лишь одному человеку, преимущественно старшему сыну. Остальные дети могли жить за счет доходов двора лишь до совершеннолетия или же в случае особой нужды. Продажа «наследственного двора» или его части разрешалась лишь по решению специального наследственного суда.

Эти ограничения существенно ущемляли свободу действий владельцев «наследственного двора». В то же время приобретенный статус предоставлял им и определенные привилегии. Хозяйства лиц, имевших звание «крестьянина», освобождались от поземельно-наследственного налога. Им были предоставлены особые преимущества при списании задолженности. Владельцы «наследственных дворов» были гарантированы от принудительной продажи или описи их имущества. Им отдавалось предпочтение при снабжении хозяйств техническими средствами. Из «крестьян» рекрутировался аппарат сельскохозяйственного управления, они же поставляли кадры для всех командных постов в деревне [75].

Всего в результате осуществления закона 29 сентября 1933 г. статус «наследственных дворов» был предоставлен 700 тыс. крестьянских дворов [76]. Все они, за небольшим исключением, стали главными опорными пунктами национал-социалистского влияния в деревне.

Начало созданию государственно-монополистической системы управления сельским хозяйством было положено еще в начале апреля 1933 г., когда правления Ландбунда, Немецкой партии сельских жителей, Немецкой крестьянской партии и всех других действовавших в деревне организаций объединились в национал-социалистское Имперское руководящее сообщество немецкого крестьянского сословия. Во главе этой организации, с самого начала получившей господствующие позиции в деревне, встал руководитель аграрно-политического отдела национал-социалистской партии рейхсфюрер Вальтер Дарре.

После отставки Гугенберга 29 июня 1933 г. Дарре был назначен также имперским министром продовольствия и сельского хозяйства и одновременно руководителем прусского министерства сельского хозяйства. Таким образом, сосредоточив в своих руках всю полноту государственной, партийной и «общественной» власти, Дарре стал единоличным полновластным хозяином немецкой деревни.

Аппарат реализации этой власти был создан Законом о временной структуре Имперского сословия питания и о мероприятиях по регулированию рыночных отношений и цен на сельскохозяйст-

---

[75] См.: *Rühle G.* Op. cit. S. 141.
[76] *Rehberg G.* Hitler und NSDAP im Wort und Tat. B., 1946. S. 48.

венные продукты (13 сентября 1933 г.)[77]. На основании этого закона в течение 1933—1934 гг. был издан ряд декретов и распоряжений, окончательно оформивших систему «сословного» управления сельским хозяйством Германии.

В окончательном виде эта система выглядела следующим образом: во главе всего административного аппарата Имперского сословия питания стоял назначаемый фюрером и рейхсканцлером Имперский вождь крестьянства, являвшийся одновременно имперским министром продовольствия и сельского хозяйства. В его непосредственном подчинении находились 2 имперских управления — административное и штабное. Штабное, не имевшее подчиненных организаций, занималось разработкой общих проблем руководства сельским хозяйством, а также определением предпочтительной сельскохозяйственной политики. Административное управление осуществляло непосредственное руководство всем нижестоящим аппаратом сословия.

Административное управление, в свою очередь, подразделялось на три внутренних (А, Б, Ц) и три внешних (I, II, III) имперских главных отдела. Внутренние главные отделы решали общие организационные вопросы и вопросы кадров (отдел А), занимались финансовыми и имущественными отношениями (отдел Б) и руководили газетно-издательской, пропагандистской и рекламной деятельностью (отдел Ц).

Главную роль играли, однако, внешние главные отделы. В функции первого отдела входило осуществление опеки над крестьянами и другими сельскими хозяевами в «личном плане». В качестве основного идеологического центра отдел занимался проблемами «экономического, социально-политического, общественного, духовного и психического развития» всех лиц, занятых в сельском хозяйстве. Его задача состояла в поддержании и развитии «традиционных крестьянских обычаев», «крестьянской культуры и морали», в «сохранении мира в трудовых отношениях» и поддержании «правового порядка», в повышении профессиональной квалификации всех занятых в сельском хозяйстве, в их идеологической и политической обработке. В сферу деятельности первого отдела входило также обеспечение «добрых отношений» между владельцами хозяйств и лицами наемного труда, забота о переселенцах, работа с женщинами и молодежью[78].

Второй отдел занимался производственными проблемами. Его задача состояла в том, чтобы обеспечить наивысшую продуктивность сельскохозяйственных предприятий. Подразделения этого отдела решали проблемы повышения культуры обработки земли, выведения новых пород скота и новых сортов. В их ведении находились сельскохозяйственные школы и выставки. Отдел ведал также созданием показательных хозяйств, опытных станций и т. д.

---

[77] *Häberlein L.* Das Verhältnis von Stadt und Wirtshaft. Bd. 11: Bauertum, Reichsnärstand und landwirtschaftliche Marktordnung. B., 1938. S. 22—23.
[78] *Haberlein L.* Op. cit.

В функции третьего отдела входило руководство сельскохозяйственными кооперативами, а также принадлежавшими Имперскому сословию продовольствия сельскохозяйственными торговыми и перерабатывающими предприятиями. Кроме того, ему были переданы все полномочия, необходимые для эффективного регулирования рыночных отношений. Он осуществлял надзор над рынком, производил оценку рыночных перспектив, принимал решения по вопросу о рыночных кредитах и рыночном праве, осуществлял меры по обеспечению равновесия на рынке и увеличению его емкости. Третьим отделом решались также все вопросы, связанные с кредитной политикой в сельском хозяйстве, с транспортом и страховым делом [79].

Для придания Имперскому сословию продовольствия видимости самоуправляющейся организации в число ее центральных органов были включены Имперский крестьянский совет, выступавший в качестве совещательного органа при Имперском вожде крестьянства, и Имперский крестьянский съезд. Ни один, ни другой никакой практической роли не играли.

Территориально Имперское сословие продовольствия подразделялось на 30 земельных крестьянских сообществ, возглавляемых земельными крестьянскими вождями. Земельные сообщества состояли из районных, а последние — из местных крестьянских сообществ. Аппарат каждого из них, вплоть до районного сообщества, с небольшими вариациями повторял структуру административного управления. Местное крестьянское сообщество возглавлялось, как правило, одним из владельцев «наследственного двора», выполнявшим свои обязанности на «общественных началах». Однако в его подчинении был небольшой аппарат специалистов, находящихся на твердой зарплате. [80] Членами Имперского сословия продовольствия в обязательном порядке состояли все лица, постоянно занятые в сельскохозяйственном производстве, в сельской торговле и в первичной переработке сельскохозяйственного сырья, крестьяне и все другие землевладельцы, арендаторы и их семьи, сельскохозяйственные рабочие, служащие и чиновники. Коллективными членами сословия считались сельскохозяйственные кооперативы, рыночные объединения и т. п.

Деятельность всей этой громоздкой машины была направлена на то, чтобы обеспечить продовольственное снабжение страны как в мирных условиях, так и особенно в случае войны, развязывание которой было целью фашистской внешней политики. Формально крестьянин оставался полным владельцем своего хозяйства. Он сам решал вопрос о структуре производства, типе своего хозяйства, выбирал необходимые ему культуры, определял систему агротехнических мероприятий. Фактически же даже в этих вопросах он не был полностью самостоятельным. Имперское сословие продовольствия, оперируя находящимися в его руках рычагами материаль-

---

[79] Ibid. S. 55—57.
[80] Ibid. S. 58—59.

ного воздействия и действуя прежде всего через цены, толкало крестьянина на выбор именно той продукции, которая была необходима с точки зрения интересов фашистского государства. Но дело не ограничивалось воздействием материальных рычагов. В случае необходимости пускались в ход методы «идейного воздействия», которые практически оборачивались насилием над сельским хозяином, пытавшимся отстоять остатки своей самостоятельности.

Право же крестьянина распоряжаться произведенными продуктами полностью отрицалось. В соответствии с положением об Имперском сословии продовольствия вся сельскохозяйственная продукция, за исключением произведенной в непрофессиональном порядке, подлежала, за вычетом количества, необходимого для личного потребления, обязательной сдаче органам сословия продовольствия по твердым ценам. В мирное время собственное потребление крестьян и других сельских хозяев не ограничивалось; во время войны оно определялось установленными законом нормами. Однако и в том и в другом случае продажа любого количества сельскохозяйственной продукции на сторону рассматривалась как уголовное преступление и жестоко каралась.

Подобная система по мере своего развития и упрочения все больше ущемляла интересы всех слоев крестьянства, в том числе и аристократии «наследственных дворов». Однако последняя, как и более богатые землевладельцы, играя большую роль в аппарате Имперского сословия продовольствия, имела возможность смягчать последствия этой системы, воздействуя на политику цен и закупок, определяя в своих интересах уровень заработной платы сельскохозяйственным рабочим, используя аппарат для ущемления своих менее состоятельных и менее влиятельных конкурентов.

Тем большим было давление сословия продовольствия на менее зажиточную часть деревни — мелких сельских хозяев, арендаторов и сельскохозяйственных рабочих.

Уже до войны фашистская сельскохозяйственная политика привела к заметному ухудшению положения крестьянских хозяйств размером до 10 га. Во всех этих хозяйствах количество скота, игравшего первостепенную роль в немецком сельскохозяйственном производстве, заметно уменьшилось. Во время войны эта тенденция проявилась еще более очевидно.

Хотя количество принудительных продаж земельных владений по сравнению с годами кризиса сократилось, оно оставалось достаточно большим. Принудительные продажи сельскохозяйственных и лесных участков в 1933—1939 гг. составляли[81]:

Год	Всего продаж	До 5 га	Год	Всего продаж	До 5 га
1933	1662	943	1937	1882	1421
1934	1518	1180	1938	1711	1251
1935	2270	1718	1939	827	588
1936	1972	1470			

[81] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1934. S. 386; 1935. S. 316; 1936. S. 394; 1937. S. 408; 1938. S. 429; 1940. S. 447.

Большинство принудительных продаж приходилось на земельные владения размером до 5 га.

Иными словами, оздоровление немецкой деревни, которое пытались поставить себе в заслугу нацистские руководители, было в значительной степени мнимым. Система Имперского сословия продовольствия более или менее выполняла свои функции как организация военного контингентирования продовольственного снабжения. Однако она оказалась не в состоянии ни помешать дальнейшему прогрессирующему классовому расслоению немецкой деревни, ни обеспечить роста сельскохозяйственного производства. В конечном итоге сугубо бюрократические методы управления сельским хозяйством серьезно сковывали инициативу производителей, терявших материальный стимул к расширению производства. А никакого другого стимула в условиях фашистского государства вообще не могло существовать. Практически, несмотря на все меры, направленные на достижение автаркии, фашистскому правительству ни до войны, ни во время войны не удалось обеспечить даже минимального продовольственного самоснабжения страны. Поддержание более или менее регулярного снабжения населения по карточной системе в военное время стало возможным только благодаря использованию фашистской Германией продовольственных ресурсов сначала союзников, а затем — захваченных территорий.

В целом опыт сельскохозяйственной политики национал-социалистов убедительно показал, что она по своей сути была глубоко враждебна интересам подавляющего большинства крестьянства и могла устраивать — и то до определенных пределов — лишь его наиболее зажиточную часть.

Подобный же опыт пришлось приобрести за эти годы и другим категориям средних слоев населения. Паллиативные меры, предпринятые в первые месяцы фашистского господства, не изменили и не могли изменить положения ремесла и мелкой розничной торговли в целом. Вслед за некоторым улучшением, связанным преимущественно с оживлением экономической конъюнктуры, ремесло и мелкая розничная торговля стали сталкиваться с прежними, еще более обострившимися трудностями.

Дальнейшее развитие крупного производства и продолжающаяся концентрация капитала, форсируемая военной подготовкой, привели к новому усилению конкуренции. Поскольку возможности использования ремесла для военных поставок были ограниченными, все бóльшая доля заказов и соответственно сырья передавалась крупным фирмам. Приостановившийся было процесс усиления задолженности мелких предприятий возобновился с прежней силой.

То же самое происходило с мелкой розничной торговлей, напрасно ожидавшей похода против крупных торговых фирм и универмагов. Осуществленные на первых порах частичные меры либо не дали никакого эффекта, либо были отменены как препятствующие нормальному процессу распределения. Поскольку стаби-

лизация экономических условий произошла на более низком уровне, чем до кризиса, розничный оборот возрос незначительно, не достигнув прежнего объема. Ставка на автаркию и протекционистская политика нарушили нормальные товаропотоки и вызвали перебои с поставками ряда товаров, что также нанесло серьезный ущерб мелкой розничной торговле.

Результаты всего этого не замедлили сказаться. Согласно даже приукрашенным официальным данным, с 1933 по 1939 г. в Германии закрылось или потерпело банкротство 700 тыс. ремесленных предприятий [82], более чем 100 тыс. в год. Например, с 1 апреля 1938 по 1 апреля 1939 г. число ремесленных предприятий уменьшилось с 1548 тыс. до 1471,6 тыс. Поскольку за это время было создано определенное количество новых предприятий, действительное число разорившихся ремесленников было, видимо, значительно больше [83].

После начала войны разорение ремесленников происходило еще быстрее. Ремесленные предприятия не получали брони. Поставки сырья для них постоянно сокращались.

С февраля 1943 г., когда в Германии была объявлена так называемая тотальная мобилизация, политика удушения ремесла приняла особенно острые формы. По распоряжению министра хозяйства Функа (4 февраля 1943 г.) все ремесленные предприятия были подвергнуты специальной проверке для выяснения их необходимости для военного хозяйства. Предприятия, военная целесообразность которых не была установлена, подлежали немедленному закрытию. Для немецкого ремесла это распоряжение было равнозначно смертному приговору.

К началу войны в Германии насчитывалось 833 тыс. мелких торговых предприятий, в которых было занято примерно 2,2 млн человек. Мобилизация вынудила владельцев многих либо закрыть их, либо свернуть торговлю. Еще до объявления «тотальной мобилизации», по официальным данным имперского министерства хозяйства, закрылось 84 тыс. (10 %) мелких магазинов.

Распоряжение Функа от 4 февраля 1943 г. значительно ускорило этот процесс. Оно предписывало ликвидацию всех торговых точек, существование которых не являлось, по мнению нацистских властей, необходимым для нормального снабжения населения; предусматривалась также консервация ресторанов, кафе и гостиниц, деятельность которых не была связана с нуждами военного хозяйства или снабжения населения.

В соответствии с этим распоряжением в начале 1943 г. было закрыто 19 400 магазинов хозяйственных товаров и предметов домашнего обихода, 19 тыс. цветочных магазинов, 16 500 парфюмерных лавок, 15 тыс. кондитерских, 3900 ювелирных магазинов, 1300 магазинов по продаже почтовых марок, 300 магазинов по про-

---

[82] *Rehberg G.* Op. cit. S. 59.
[83] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1939—1940. B., 1940. S. 163.

даже игрушек — всего 75 400 торговых предприятий. Были ликвидированы все магазины по продаже ковров, мехов, спортивных товаров, музыкальных инструментов и музыкальных товаров, большинство табачных, мебельных, книжных, посудных, обувных и текстильных лавок [84].

В связи с «тотальной мобилизацией» владельцам закрытых ремесленных и торговых предприятий было запрещено продавать инвентарь или оставшиеся запасы товаров. И то и другое должно было быть сдано государственным органам по твердым ценам.

Даже фашистская пресса была вынуждена признать: «Нельзя закрывать глаза на то, что закрытие предприятий влечет за собой исключительно тяжелые жертвы со стороны тех, кого оно затрагивает. По-иному будет использован не только владелец. Новому использованию подлежат производственные помещения, товарные запасы, производственные и организационные средства. Нормированные товары и вместе с ними с трудом завоеванная на протяжении многих лет клиентура будут переданы другим предприятиям. Следует со всей настоятельностью подчеркнуть, что речь идет об очень далеко идущем вмешательстве и что владельцы закрываемых предприятий приносят жертвы, значительно превосходящие все те трудности и ограничения, с которыми приходится иметь дело другим слоям народа в ходе тотальной войны» [85].

В неменьшей степени от политики фашистов страдала интеллигенция, обреченная на бесплодность творческого труда в условиях идейного и физического террора, мелочного регламентирования со стороны некомпетентного, но всевластного бюрократического аппарата.

Все это, естественно, вызывало недовольство, которое усугублялось общими бедствиями, обрушившимися на страну в связи со второй мировой войной. Еще накануне войны начали появляться первые признаки отхода средних слоев от безоговорочной поддержки нацистского режима. Война и первые казавшиеся триумфальными победы фашистской армии, возбудив шовинистический ажиотаж, серьезно затормозили этот процесс. Возобновился он уже после крупных поражений немецких войск на Восточном фронте, и прежде всего после битвы у Сталинграда. Тем не менее решительного разрыва между большинством средних слоев и фашистским режимом до самого конца «третьей империи» так и не произошло.

Чтобы уяснить причины этого, следует иметь в виду ряд привходящих обстоятельств.

Ф. Штернберг писал в свое время: «Если национал-социализм, как это совершенно очевидно, не в состоянии решить социальную проблему, то он, во всяком случае, может решить ее для части своих организованных сторонников» [86].

---

[84] *Rehberg G.* Op. cit. S. 60–61.
[85] Frankfurter Zeitung. 1943. 7. März.
[86] *Sternberg F.* Op cit. S. 103.

Эта констатация относится прежде всего к средним слоям населения. Условия жизни крестьян, ремесленников, мелких торговцев, чиновников, служащих, интеллигенции в целом, как социальной группы, ухудшились. Однако положение ряда представителей этих слоев изменилось к лучшему.

«Старые борцы» нацизма из средних слоев, использовав пребывание НСДАП у власти, сделали карьеру — государственную, партийную или военную. Даже самые бездарные неудачники получили теплые местечки и синекуры. Большая группа чиновников и служащих, воспользовавшись чисткой 1933—1934 гг., добилась небывалого для обычных условий быстрого повышения в должности [87]. Множество мелких торговцев и ремесленников нажилось на «аризации» имущества еврейских конкурентов и использовании «партийных связей» для получения выгодных заказов. Часть интеллигенции, избавившись при помощи нацистской партии от более способных коллег, сумела захватить не принадлежавшие ей по праву ведущие позиции в своей области деятельности.

Но дело было не только в тех, кто сделал карьеру на несчастье народа и видел в фашистском режиме гаранта этой карьеры. Нацистский режим создал в стране невиданный по масштабам аппарат. По своему социальному составу он был мелкобуржуазным. «Именно мелкая буржуазия, — писал В. И. Ленин, — привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом» [88].

Расширение аппарата открывало большие возможности для мелкобуржуазной и прежде всего крестьянской молодежи. «Как раз крестьянская молодежь, — говорил в своем выступлении на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала Е. Варга, — в первую очередь является человеческим материалом аппарата насилия буржуазного государства... Жандармы, карабинеры, полицейские, тюремщики рекрутируются преимущественно из сыновей крестьянских семей... Крестьянские же сыновья составляют профессиональные кадры унтер-офицеров» [89].

Большие возможности устройства и продвижения по службе создавали широко распространенную иллюзию «социальной мобильности» нацистского общества. Это сближало значительную часть средних слоев с фашистским режимом, побуждало их, несмотря на глубокое недовольство теми или иными мероприятиями властей, видеть в нем «свой строй».

Отход средних слоев от поддержки нацистского режима был заторможен также воздействием шовинистической идеологии, которой была отравлена германская мелкая буржуазия. Подогре-

[87] См.: *Mommsen H.* Beamtentum im Dritten Reich. Stuttgart, 1966.
[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 30.
[89] XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 420.

тый в ходе войны зоологический национализм немецкого мелкого буржуа толкал его в объятия государства, являвшегося воплощением этого национализма на практике. Но не менее важное значение имело ощущение общности судеб с нацистским государством, основанной на совместной ответственности за преступления.

Одной из причин устойчивости фашистского режима в Германии было также то, что ему удалось втянуть в преступную деятельность довольно широкие круги населения. Еще в 1935 г. Ф. Штернберг отмечал, что прежние сторонники нацистов поддерживают Гитлера, в частности, потому что их участие в зверских насилиях заставляет их бояться смены режима [90]. Но с 1935 г. круг лиц, замешанных в преступлениях, расширился в огромной степени. Мелкие буржуа, нажившиеся на «аризации», штурмовики и эсэсовцы, замаранные кровью многочисленных жертв, владельцы «наследственных дворов», измывавшиеся над даровыми рабынями с востока, унтер-офицеры вермахта, «организовывавшие» посылки с захваченных территорий, и им подобные, составлявшие вместе со своими семьями достаточно многочисленную прослойку, знали, что от ответственности за содеянное их может освободить только победа. Поэтому они цеплялись за иллюзию победы и за тот строй, который обещал принести ее.

И так продолжалось вплоть до того, как часы пробили 12.

---

[90] *Sternberg F.* Op. cit. S. 105.

III

ФАШИСТСКАЯ СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ

ГЛАВА 6

ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Вопрос об идеологии фашизма, ее генезисе, степени ее эффективности и ее социальном содержании с самого начала привлекал большое внимание антифашистов — как политиков, так и исследователей.

Еще в 1923 г., оценивая политическое положение в Италии, Клара Цеткин обратила внимание на определяющее значение идеологического фактора в победе итальянского фашизма над организованным итальянским пролетариатом и всеми демократическими силами страны. «Не следует забывать, — говорила она, — что задолго до подавления рабочего движения при помощи террористических актов фашизм сумел одержать идеологическую и политическую победу над движением, и надо отчетливо понять, чем это объясняется. Весьма опасно пренебрегать значением идеологической и политической победы над фашизмом»[1].

Впоследствии на эту сторону дела обращал внимание и Г. М. Димитров, подчеркивавший на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, что фашизм не только разжигает глубоко укоренившиеся в массах предрассудки, но и играет «на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях». «Фашизм, — говорил он, — стремится к самой безудержной эксплуатации масс, но подходит к ним с искусной антикапиталистической демагогией, эксплуатируя глубокую ненависть трудящихся к хищнической буржуазии, к банкам, трестам и финансовым магнатам и выставляя наиболее заманчивые для политически незрелых масс в данный момент лозунги». И далее: «Силу идеологической заразы фашизма мы ни в коем случае не должны недооценивать»[2]. Речь идет о враге, который так изощренно, так иезуитски эксплуатирует национальные чувства и предрассудки масс и их антикапиталистические настроения в интересах крупного капитала.

VII конгресс Коминтерна в своей резолюции обратил серьезное

[1] *Цеткин К.* Речь на расширенном пленуме ИККИ 23.VI. 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1923. С. 218.

[2] *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. С. 12, 80.

внимание на необходимость систематической идеологической борьбы против фашизма [3].

Тем не менее в практической деятельности значение идеологической борьбы против фашизма нередко недооценивалось, а само ее содержание упрощалось. Это было обусловлено рядом причин, как объективных, так и субъективных.

Немалую роль, например, играло то, что коммунисты, идеология которых основана на строго научном учении, привыкли понимать под ней более или менее обоснованную или, по крайней мере, стройную и логическую систему взглядов, а идеологическую борьбу с противником рассматривать как доказательство ложности его взглядов путем выявления их противоречивости, научной несостоятельности, неверности исходных предпосылок и т. д. Но фашистская идеология с самого начала не отвечала ни одному из этих критериев. Априорность и ненаучность ее посылок были очевидны любому мало-мальски разбирающемуся в своем деле специалисту. Отдельные составные части идеологического «учения» фашизма не только противоречили друг другу, но были просто несовместимы. Беспринципная, прагматическая смена одних лозунгов другими, осуществлявшаяся по мере изменения курса, еще больше запутывала картину.

На эту особенность фашистской идеологии обращали внимание и многие ее буржуазные критики: «Смесь бушующих чувств и необузданного стремления к активности играющих в индейцев детей с цинизмом, оппортунизмом, жестокостью, лживостью, ненавистью, завистью, честолюбием, бесчестием, интригами и повышенной сексуальностью. Варварство, порожденное не незрелостью, а ленью. Отвратительное рыло недоучки, прикрывающегося псевдонаучными формулами. Истерический транс безответственных и декадентных интеллектуалов, подстегивавших массы своими фразами, морочивших им головы при помощи фразеологии, к которой когда-то прибегали Лессинг, Гете и Шопенгауэр» — так характеризовал фашистскую идеологию Вильгельм Репке [4].

«Критика идеологии, представляющая собой „испытание ее собственной правдой“ (Адорно), — пишет западногерманский исследователь Петер Фурт, — не может быть применена к идеологии правого радикализма, ибо у нее нет рациональной сердцевины, которую можно было бы подвергнуть критике. Уровень праворадикальной идеологии просто ниже любой критики... Задача этой идеологии не убеждать людей, а организовывать их» [5].

Эта особенность фашистской идеологии иногда порождала, как порождает и сейчас, недооценку эффективности ее воздействия на массы, а в некоторых случаях даже стремление отрицать сам факт ее существования.

---

[3] Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935. С. 19.

[4] *Röpke W.* Die deutsche Frage. Zürich, 1945. S. 18.

[5] *Fürt P.* Ideologie und Propoganda // Rechtsradikalismus im Nachriegsdeutschland. [West] Berlin, Frankfurt a. M. 1957. S. 198.

Практическим последствием недооценки воздействия фашистской идеологии и тем более отрицания ее самостоятельного существования было ослабление внимания к идеологической стороне борьбы против фашизма. Сравнительная легкость доказательства ненаучности фашистских «теорий» создавала иллюзию их сокрушительного разгрома, исключающего возможность оживления. Возникал соблазн упрощения позиций идейного противника. Атакам подвергались наиболее уязвимые, но далеко не самые важные стороны его мировоззрения. Недостаточно учитывалась его способность к лавированию, к трансформации оказавшихся несостоятельными позиций и лозунгов.

Не было обращено достаточно внимания и на то, что ненаучность идеологии, являясь причиной ее слабости в стратегическом отношении, с точки зрения исторической перспективы может оказаться выгодной в тактическом плане. Практика же показала, что эта сторона дела сыграла большую роль в успехах, которые были на определенном этапе достигнуты фашистами. «Неясная программатика, — с полным основанием отмечает Вальтер Хофер, — позволила национал-социалистам выступать одновременно и в антикапиталистическом, и в антипролетарском облачении, изображать себя в качестве и реставраторской, и революционной силы, провозглашать себя националистами и в то же время социалистами. В результате партия сумела приобрести себе сторонников во всех социальных слоях немецкого народа» [6].

На эту сторону дела указывал и Герман Раушнинг, сам состоявший одно время в нацистской партии и хорошо знакомый с особенностями ее идеологии. Для национал-социалистов, писал он, «чем противоречивей и иррациональнее учение, тем лучше, тем эффективнее оно». Национал-социалистское руководство полностью отдавало себе отчет в том, что его сторонники «воспринимают какую-либо одну сторону учения, что масса никогда не в состоянии охватить его в целом. Тот, кто в состоянии сделать это, должен был либо войти в состав элиты, либо подвергнуться избиению как интеллигент и либерал» [7].

О противоречивости и ненаучности фашистской идеологии как выражении ее «жизненности» и «силы» не раз откровенно говорили и сами нацистские лидеры. «Национал-социализм не может быть доказан и не нуждается в доказательствах, — констатировалось в официальных тезисах, разработанных так называемой Высшей политической школой национал-социалистской партии. — Он обосновывает сам себя своей деятельностью, обеспечивающей жизнь общества. Тот, кто пытается прийти к национал-социализму лишь при помощи ученических (теоретических) доказательств, тот

---

[6] *Hofer W.* Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1957. S. 14.

[7] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich; New York, 1938. S. 78.

не ощущает непознаваемого духовного смысла истинной, т. е. национал-социалистской политики» [8].

При такой трактовке идеологии даже самое убедительное доказательство ее ненаучности, несмотря на всю важность этой стороны идеологической борьбы с фашизмом, не могло быть ее решающим фронтом, ибо большинство ударов наносилось мимо цели.

Важной чертой фашистской идеологии, вытекавшей из ее противоречивости и непоследовательности, была особая приверженность к примитивизации, рассчитанной на эффективное воздействие на пассивные, политически неопытные и отсталые слои населения. С этим было связано и характерное для идеологии фашизма подразделение на идеологию масс и идеологию элиты. Обе эти идеологии не были полностью оторваны друг от друга. Да это было бы и невозможно. «Этикетка системы взглядов, — как указывал К. Маркс, — отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [9]. Многие из фашистских идей, рассчитанных на массовое потребление, определяли мировоззрение и соответственно поведение представителей элиты. Антигуманизм, расизм, преклонение перед грубой силой были рассчитаны на потребление не только вовне, но и внутри руководящей группировки. Тем не менее фашистская идеология, рассчитанная на элиту, во многом отличалась от «массовой продукции». «Доктрина существует для массы. . . Она инструмент господства над массами, — писал Раушнинг. — Элита сама стоит выше доктрины. Она использует ее наиболее целесообразным путем для осуществления своих стремлений» [10].

Для идеологии фашистской элиты был характерен аристократизм, основанный на ницшеанском презрении к простому человеку, к плебсу, к больным и слабым. Идеология, рассчитанная на массовое потребление, выдвигала на первый план принципы примата простого человека, человека труда, социальной справедливости и народности. Для элиты расовая теория имела прежде всего социальный смысл, ибо оправдывала ее особое положение в обществе с помощью дополнительных, биологических аргументов. Для массового потребления внутринациональная сторона расовой теории всячески затушевывалась. Зато постоянно подчеркивалась ее межнациональная сторона, позволявшая воспитывать чувство превосходства своего народа над другими и тем самым подводить идеологическую базу под политику агрессии и национального угнетения и т. д.

Не меньшее значение имели различия в форме выражения идеологии для элиты и масс. В рамках элиты допускалось идеологическое мудрствование, попытки логического обоснования тех

---

[8] *Wagner J., Beck A.* Hochschuhle der Politik der NSDAP. Ein Leitfaden. München, 1933. S. 33.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 405.

[10] *Rauschning H.* Op. cit. S. 38.

или иных положений, разработка аргументации и т. д. В идеологии, рассчитанной на массы, это считалось не только излишним, но и вредным.

В одной из своих речей, произнесенных в конце 20-х годов в Гамбургском национальном клубе перед представителями местной крупной буржуазии, Гитлер излагал взгляды на массовую идеологию следующим образом: «Прежде всего необходимо покончить с мнением, будто толпу можно удовлетворить с помощью мировоззренческих построений. Познание — это неустойчивая платформа для масс. Стабильное чувство — ненависть. Его гораздо труднее поколебать, чем оценку, основанную на научном познании. . . Широкие массы проникнуты женским началом: им понятно лишь категорическое „да" или „нет". . . Массе нужен человек с кирасирскими сапогами, который говорит: этот путь правилен! . .» [11]

Соответствующий принцип был положен фашистским руководством в основу пропаганды, о которой пойдет речь ниже. Однако не только пропаганда, но и сами идеологические концепции подгонялись под эту установку. «Мы, национал-социалисты, — писал Геббельс, — не отцы церкви, а агитаторы и борцы за наше учение» [12]. Под предлогом борьбы с опостылевшей народу пустой велеречивой болтовней, ставшей неотъемлемой отличительной чертой Веймарской республики, «агитаторы и борцы» из НСДАП низводили любую концепцию до простого лозунга, ощущение неопровержимости которого создавалось путем непрестанного повторения.

Подобным предельно очищенным от рефлексии лозунгам, действовавшим не столько на разум, сколько на чувство, антифашисты часто противопоставляли убедительные, хорошо аргументированные, научно обоснованные возражения, обладавшие, однако, одним существенным недостатком: они просто не воспринимались большинством из тех, кому они были адресованы.

На ходе и исходе идеологической борьбы против фашизма сказалась также неясность в определении самого понятия фашистской идеологии. Эта неясность была вызвана отсутствием четкого научного отграничения фашизма от других реакционных и просто буржуазных политических течений. Все они на том или ином этапе объявлялись фашистскими. Но тем самым исчезала специфика фашизма как политического и социального явления, а вместе с ней — и специфика фашистской идеологии.

Все это не может ни в коей мере затушевать или ослабить огромного положительного значения идеологической борьбы против фашизма и его мировоззрения, которую вели на протяжении десятилетий и ведут поныне последовательные антифашисты. Эта борьба помогла народам многих стран распознать истинное лицо фашизма прежде, чем это стало слишком поздно. Благодаря ей на

[11] Цит. по: *Hindels J.* Hitler war kein Zufall. Wien; Zürich, 1962. S. 97.
[12] *Göbbels J.* Vom Kaisershof zur Reichskanzlei. München, 1934.

пути продвижения фашизма удалось поставить преграды в виде антифашистского фронта. Выкованная в этой борьбе идеология антифашизма оказала и оказывает до сих пор большое влияние не только на политическую обстановку в отдельных странах, но и на ход мировых событий.

Генезис нацистской идеологии

Нацистские идеологи упорно пытались создать впечатление, будто их мировоззрение является законным наследником чуть ли не всего возвышенного и высокоидейного, что существовало в интеллектуальной жизни Германии на протяжении ее истории. В разношерстной толпе официальных и полуофициальных классиков «третьей империи» мы встречаем и крупнейших философов Германии от Гегеля до Ницше, и просветителей типа Ульриха фон Гуттена, и таких всемирно известных деятелей национальной культуры, как И. Т. Гердер, Р. Вагнер, Эрнст Мориц Арндт и братья Гримм, и менее известных за пределами страны Фридриха Людвига Яна, Клопштока и т. д.

Большинство исторических личностей, возведенных нацистами в ранг своих классиков, в действительности не имело никакого отношения — ни прямого, ни косвенного — к фашистской идеологии. Обращение нацистов к их памяти носило весьма утилитарный характер и преследовало цель поспекулировать на их памяти. В то же время нацистскую идеологию действительно нельзя понять, не учитывая той национальной почвы, на которой она возросла и которая в значительной степени предопределила ее специфику, отличие от других идеологических течений в фашизме.

Множество напластований и полное отсутствие какой бы то ни было логической системы взглядов крайне затрудняют выявление всех истоков и составных частей нацистской идеологии. Тем не менее важные из них легко поддаются определению.

Прежде всего бросается в глаза прямая преемственная связь, существовавшая между национал-социализмом как мировоззрением и традиционным пангерманским шовинизмом, возникшим в 80—90-х годах прошлого века как идейное выражение имперских устремлений германской буржуазии. Три основные идеи, определявшие деятельность пангерманистов, — господствующее положение Германии в континентальной Европе, объединение всех говорящих по-немецки народов и национальных групп в рамках Германской империи и расширение германских колониальных владений — были приняты на вооружение нацизмом без каких бы то ни было существенных коррективов [13].

Принята на вооружение идейный багаж пангерманизма [14],

[13] См., например: *Hartwig E.* Alldeutscher Verband, 1891—1939 // Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Leipzig, 1968. Bd. 1; Europastrategien des deutschen Kapitals, 1900—1945 // Hrsg. von Opitz R. Köln, 1977.

[14] *Frymann D.* Wenn ich der Kaiser wär? Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig. 1912.

национал-социалисты перемешали его со специфической формой феодальной критики капитализма, получившей широкое распространение в Германии еще в первой половине прошлого века и ставшей с течением времени традиционным направлением в идейной жизни Германии.

Источником всех бед страны феодальные критики капитализма, иногда называвшие себя социалистами, считали развитие общественных отношений после революции 1848 г. и особенно после 1871 г. Приветствуя создание Германской империи и политику Бисмарка, который добился этой цели, они в то же время атаковали «железного канцлера» справа, обвиняя его в излишнем либерализме и содействии насаждению в Германии торгашеского духа.

Источником этого духа объявлялась Англия. В качестве антипода ей противопоставлялась Пруссия. Англия — либеральный хаос, Пруссия — порядок; Англия — отсутствие внутреннего мира, Пруссия — образец содружества сословий; Англия — символ отчуждения человека от общества, крайний индивидуализм и эгоизм, Пруссия — образец развитого общественного сознания и чувства долга. Положительные качества Пруссии связывались с ее историческими, солдатскими традициями. Соответственно критика капитализма сопровождалась неприкрытой апологетикой милитаризма.

Одним из наиболее известных выразителей подобных взглядов считался Карл Родбертус Ягетцов (1805—1875).

В начале XX в. этот комплекс идей всячески популяризировали «почвеннические движения» — так называемые «фелькише». Через их посредство важнейшие компоненты реакционного феодального социализма были восприняты идеологами нацизма [15].

Немалое влияние на формирование национал-социалистской идеологии оказали теории, заимствованные из-за рубежа. Так, иностранное происхождение имела расовая теория, родившаяся в середине прошлого века в качестве учения, оправдывавшего колониальную политику, в работах Ж. А. Гобино, де Ляпужа и их французских и английских последователей.

В Германии, перед правящими классами которой стояли тогда совсем другие национальные и политические задачи, она не нашла на первых порах сколько-нибудь серьезного отклика. Положение изменилось в последней трети XIX в., когда германский империализм почувствовал себя достаточно сильным, чтобы приступить к проведению имперской политики. Внезапно почва для идей Гобино оказалась весьма плодородной, и они дали в Германии мощные поросли.

Волей случая главным «садовником», пересадившим это иностранное растение на немецкую почву, оказался тоже не немец, а принявший германское подданство натурализовавшийся англичанин — Хаустон Стюардт Чемберлен. Женившись на дочери

[15] См.: *Opitz R.* Faschismus und Neofaschismus. Köln, 1984.

великого Вагнера, он с усердием новообращенного адепта воспринял идеи германской исключительности, «оплодотворив» их мешаниной из взглядов французских расистов. Работы Чемберлена не отличались оригинальностью. Их значение определялось главным образом тем, что они представляли собой своеобразный идеологический мостик между взглядами старой, прежней реакции и наследующего ей фашизма.

У Чемберлена мы находим и расизм, и многие другие идеи, ставшие впоследствии неотъемлемой составной частью идеологического багажа национал-социализма. Высокомерный аристократ, он был ярым врагом демократии и парламентской системы, что сам неоднократно подчеркивал. «До тех пор, пока господствует парламентская система, — писал он, уже будучи глубоким стариком, Гитлеру, — ничего достигнуто не будет: немцы для парламентаризма, бог свидетель, совершенно непригодны» [16].

Чемберлен был противником официальной христианской религии — как католической, так и протестантской. Он противопоставлял ей идею «немецкого христианства», «освобожденного от еврейского духа». Эти взгляды легли впоследствии в основу фашистского религиозного движения «немецких христиан» и оказали решающее влияние на воззрения одного из главных теоретиков национал-социализма, Розенберга.

Было бы, разумеется, неверным полностью проводить знак равенства между системой взглядов Чемберлена и идеологией национал-социализма. Чемберлену была чужда идея заигрывания с социализмом. Свойственный ему антисемитизм не носил столь патологически-биологического характера, который придали ему национал-социалисты. Тем не менее очевидно, что национал-социалистскую идеологию просто невозможно себе представить без взглядов, проповедовавшихся Чемберленом.

В своих изысканиях в области расизма Чемберлен был в Германии своего рода пионером, но не одиночкой. Вскоре после появления его первых работ, посвященных разработке германского варианта расовой теории, на немецкий книжный рынок хлынул поток аналогичных трудов, в которых идеи, высказанные натурализованным англичанином в дилетантской форме, уже подавались в научном облачении. Наибольшую известность среди этих трудов получили книги Людвига Вольфмана, и прежде всего его «Политическая антропология» [17].

С работами такого рода тесно смыкалась чисто антисемитская литература как иностранного, так и «истинно германского» происхождения [18]. Весьма заметное место в ней занимали работы Евгения Дюринга, превратившегося к концу своей жизни в веду-

---

[16] *Schott G.* Hauston Stewart Chamberlain. Der Seher des Dritten Reiches. München, 1934. S. 12.

[17] *Wolfmann L.* Politische Antropölogie. Eisenach; Leipzig, 1903.

[18] См.: *Mohrmann W.* Antisemitismus: Ideologie und Geschichte im Kaiserreich und in der Weimarer Republik [West] Berlin, 1972.

щего теоретика германского антисемитизма [19]. Для изучения истоков фашистской идеологии его работы особенно интересны потому, что в них особенно ярко представлен элемент соединения антисемитизма и «социализма» — прием, широко использованный впоследствии национал-социалистскими идеологами и пропагандистами.

Немало почерпнули национал-социалисты и от российских антисемитов — Карла-Амалии Грингмута, Крушевана, Окрейца и Пуришкевича. На формирование взглядов самого Гитлера, родившегося и выросшего в Австрии, решающее воздействие оказали теории австрийских расистов и антисемитов конца XIX в., и прежде всего венского обер-бургомистра Карла Люэгера [20].

Впрочем, австрийское влияние на национал-социалистскую идеологию было гораздо более широким, чем только воздействие на взгляды антисемитов. Австро-Венгерская монархия со специфической для нее остротой национальной проблемы породила своеобразную форму националистического рабочего движения, давшего затем германскому фашизму его имя и основной набор инструментов социальной демагогии.

Сторонников такого движения мы находим уже среди последователей Шернерера, отколовшихся в начале 80-х годов XIX в. от австрийской конституционной партии и принявших в 1882 г. в Линце программу, находившуюся под сильным воздействием взглядов Дюринга, Оттокара Лоренца и Билротса [21]. Независимо от этого отдельные группы и организации националистски настроенных рабочих начали возникать в различных районах Чехии, особенно в Судетской области, где национальные отношения были особенно напряженными, что крайне затрудняло единство пролетарского движения [22].

К началу XX в. в результате слияния различных политических, профессиональных и молодежных групп в Австрии образовалась партия, которая первой приняла название национал-социалистской. Этой партией была также выработана система взглядов, изложенная в программных заявлениях, а также главным образом в работах теоретика австрийского «национального социализма» Рудольфа Юнга.

Во взглядах Юнга причудливо сплетались лозунги, навеянные интересами политической и экономической борьбы стоявших за

[19] См., например: *Duhring E.* Die Judenfrage als Rassen-, Sitten und Kulturfrage. Dresden, 1881.

[20] *Jenks W. A.* Vienna and the Young Hitler. N. Y., 1960.

[21] *Metnitz G. A. von.* Die deutsche Nationalbewegung, 1871—1933. B., 1933. S. 112 ff.

[22] В мае 1885 г. в южночешском городке Будвайс был основан «Дойче генеленферейн», в декабре 1885 г. в Рейхенберге — «Дойче гехильфенферейн». В 1888 г. в Рейхеяберге состоялся первый съезд объединеяия «Дойче гехильфенферейн» Богемии и Моравии. В октябре 1899 г. был основан «Бунд дойчер арбайтер» всей Богемии — и т. д. Все они противопоставляли себя социалистическому рабочему движению и имели ярко выраженные националистические черты. См.: *Tiller A.* Vorläufer des Nationalsozialismus. Wien, 1932. S. 23, 27, 29 ff.

партией отрядов рабочего класса, с реакционными предрассудками мелко-буржуазного национализма и шовинизма.

Отдельные идеи были заимствованы национал-социалистами у своих итальянских единомышленников. Однако в целом влияние итальянских чернорубашечников на НСДАП носило не столько идеологический, сколько политический характер [23].

Исследование генезиса национал-социалистского мировоззрения было бы неполным, если бы мы не уделили особого внимания некоторым отдельным теоретикам, сыгравшим особую роль в пополнении идейного багажа германского фашизма, но стоявших несколько особняком.

Прежде всего речь должна идти, разумеется, о Ницше. Вопрос этот сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Если идеологи, речь о которых шла выше, не представляли собой сколько-нибудь крупной величины в научном смысле и чаще всего были явными дилетантами даже в той области, в которой они составили себе имя, то Фридрих Ницше — это, бесспорно, крупное явление в истории немецкой и не только немецкой философии. Как всякий крупный философ, Ницше сложен и противоречив. На протяжении жизни взгляды его претерпели глубокую эволюцию. Поэтому его нельзя рассматривать однозначно, как Ж. А. Гобино, Х. С. Чемберлена и им подобных. И тем не менее многие стороны учения Ницше — свойственный ему антидемократизм, отрицательное отношение к парламентаризму, презрение к слабым, апологетика аристократии тела и духа — сыграли немалую роль в формировании атмосферы, благоприятной распространению фашистских взглядов.

Ницшеанский взгляд на действительность воспринимался главным образом через призму последователей и толкователей Ницше, важную роль среди которых играл О. Шпенглер.

Разумеется, как оригинальный мыслитель Шпенглер не годился и в подметки своему мэтру. Однако в роли компилятора и популяризатора он добился больших успехов. Благодаря ему из философии аристократических салонов учение Ницше стало составной частью идеологии больших аудиторий [24].

После прихода нацистов к власти отношения между Шпенглером и НСДАП быстро ухудшились. Мнивший себя духовным отцом «нового режима», Шпенглер пытался активно вмешиваться в его действия, выступая с поучениями и критикой. Нацистское руководство ответило на это резкой отповедью, которая создала

---

[23] «Неверно, что события в Италии не оказали на нас влияния, — говорил своим приближенным в доверительной беседе Гитлер. — Движение коричнерубашечников не смогло бы возникнуть без движения чернорубашечников. . . Один тот факт, что дело может удастся, дал нам огромный толчок. Я не уверен, смогли ли бы мы удержаться, если бы марксистам удалось бы тогда взять верх над Муссолини» (*Picker H.* Hitlers Tischgespreche. Bonn, 1951, S. 41).

[24] См.: *Petzold J.* Wegbereiter des deutschen Faschismus. Die Jung-Konservativen in der Weimarer Republik. Köln, 1978. S. 44 ff.

бывшему кумиру национал-социализма репутацию «впавшего в немилость». Определенную роль в столкновении между Шпенглером и национал-социалистами сыграли разногласия, возникшие вскоре после прихода Гитлера к власти между НСДАП и так называемыми «вильгельминистами», рассматривавшими нацистский режим как промежуточный этап на пути к реставрации монархического строя. Обманувшись в своих ожиданиях, «вильгельминисты», которым симпатизировал Шпенглер, заняли сдержанные позиции по отношению к нацистской «третьей империи».

Все это, однако, ни в коей мере не может изменить того обстоятельства, что шпенглеровские работы не только стали составной частью идейного багажа национал-социализма, но и сыграли решающую роль в подготовке значительной части немецкого бюргерства к приятию нацистской идеологии [25].

Шпенглер спустил с небес абстрактного и полуутопического ницшеанского сверхчеловека. Он придал ему вполне земную стать современного цезаря и кондотьера, которому выпала «историческая задача» — взять на себя ответственность за судьбы цивилизации в условиях «заката Европы». При такой трактовке несколько абстрактные призывы к насилию и отрицание гуманизма, характерные для Ницше, приобрели вполне конкретный смысл.

«Человек — это хищное животное. Я буду утверждать это постоянно, — писал Шпенглер в одной из своих книг, оказавших наибольшее воздействие на идеологию национал-социализма. — Все эти добродетельные ханжи и проповедники социальной этики, которые пытаются закрыть глаза на данный факт, тоже хищные звери, но с вырванными зубами, ненавидящие других за агрессивность, от которой они сами благоразумно воздерживаются... Называя человека хищным зверем, кого я обижаю: человека или зверя? Ведь великие хищные звери — это благородные создания совершенного типа, чуждые лживой человеческой морали, порожденной слабостью» [26].

Ницше обычно ограничивался подобной декламацией; Шпенглер делал из нее конкретные, практические выводы. Он рекомендовал «во имя оздоровления общества» полностью свернуть социальное законодательство и социальную благотворительность. И прежде всего, утверждал он, необходимо ликвидировать общественные заведения, облегчающие жизнь слабым, больным и неполноценным и тормозящие тем самым естественный процесс освобождения общества от всего, что ему мешает.

Отношение Шпенглера к борьбе, воспринимаемой как неограниченное применение насилия во имя реализации стремления к власти и господству, — это примитивный перепев Ницше: «Борьба — основной источник жизни, сама жизнь. И даже жалким пацифистам не удается вытравить из собственных душ по-

---

[25] См.: *Koktanek A. M.* Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968.
[26] *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. München, 1933. Erster Teil. S. 14.

зывы к борьбе»[27]. То же самое можно сказать об отношении Шпенглера к народным массам: «Рожденный для господства может использовать массу, но он презирает ее»[28].

Однако Шпенглер стремится не просто повторять Ницше, но и дополнить его. Ницшеанская критика капитализма с феодальных позиций вполне устраивает Шпенглера, ибо для него самого с его высокомерным аристократизмом капиталистические отношения представляются «слишком плебейскими». Однако эта критика кажется ему чересчур абстрактной и негативной, и он пытается дополнить ее своеобразной положительной программой, взятой напрокат у «феодальных социалистов». Именно эта смесь ницшеанства и феодальных утопий середины XIX в. и дала идейный суррогат, получивший название «прусского социализма».

Основное назначение этого суррогата Шпенглер формулировал весьма откровенно: «Задача состоит в том, чтобы освободить немецкий социализм от Маркса. Немецкий, ибо другого не существует». . .[29]

Уже из этой цитаты нетрудно представить себе, какое содержание вкладывает в понятие «социализм» Шпенглер. Социализм столь тесно связан для него с «немецким», или, точнее, «прусским» духом, что просто становится иным наименованием порядков, царивших в Пруссии со времен великих курфюрстов. В ряде случаев он говорит об этом прямо: «Старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ненавидящие друг друга братской ненавистью, являются в действительности единым целым»[30].

Отсюда и более конкретные дефиниции «прусского социализма» — «Социализм — это сила, сила и еще раз сила»[31]. «Социализм, если рассматривать его с технической точки зрения, — это принцип чиновничества. В конечном итоге каждый рабочий приобретает статус чиновника вместо статуса продавца. То же самое происходит с предпринимателем. Подобно тому как существуют военные и транспортные чиновники, появляются промышленные и торговые чиновники»[32].

В общественном плане социализм для Шпенглера — это логический антипод «либерализма», т. е. капитализма на стадии свободной конкуренции, и его порождения — парламентской системы. Центр «либералистского» общества, рассуждает Шпенглер, индивидуум, личность. Поэтому социализм — есть отрицание индивидуума, его поглощение обществом, персонифицированным в лице государственного руководства. «„Либерализм“ — это анархия, отсутствие ясно выраженной цели, свободная игра сил. Социализм, напротив, — это дисциплина, твердый государственный порядок, иерархия»[33].

---

[27] Ibid.
[28] Ibid. S. 145.
[29] *Spengler O.* Politische Schriften. Preussentum und Sozialismus. München, 1933. S. 4.
[30] Ibid.
[31] Ibid. S. 105.
[32] Ibid. S. 80.
[33] Ibid. S. 39.

Соответственно в качестве «социалистического идеала» в писаниях Шпенглера фигурирует солдатская казарма, а символом истинного социализма становится прусский фельдфебель.

Аналогичную метаморфозу Шпенглер пытается произвести и с другими понятиями, похищенными им из арсенала революционного пролетарского и демократического движения. Так, наряду с социализмом он охотно оперирует термином интернационализм. В отличие от примитивных шовинистов, просто отвергающих интернационализм, он пытается приспособить его к нуждам германской империалистической политики. Для этого он призывает на помощь расовую теорию. На ее основе он строит «новую» концепцию «расового интернационализма»: «Истинный интернационал, — пишет он, — возможен лишь в результате победы идеи одной расы над всеми другими, а не путем растворения всех точек зрения в едином, бесцветном целом» [34].

Итак, не просто замкнутость в национальных рамках, а фашистский «интернационал» на службе империалистической Германии. Этот идеал Шпенглера стал впоследствии основой практической политики эсэсовского руководства, пытавшегося расширить массовую базу своего «государства в государстве» путем создания инонациональных фашистских организаций и воинских соединений.

Практическая цель шпенглеровского «социализма» очевидна: объединить, как он пишет сам, «наиболее ценную часть немецких рабочих с лучшими носителями старопрусской государственной идеи». Это объединение, отмечает он далее, «должно покоиться на едином чувстве долга, осознании величия задачи, готовности подчиняться, чтобы господствовать, умереть, чтобы победить, на способности принести величайшие жертвы для достижения своей цели» [35]. Иными словами, речь идет о том, чтобы, используя популярность идеи социализма среди немецкого рабочего класса, повести его по пути, угодному правящим классам, заставить его во имя социализма подчиняться чужому господству, умирать ради чужой победы и нести величайшие жертвы для достижения целей господствующих классов. Поскольку рабочий класс Германии представлял собой хорошо организованную, мощную силу, бывшую главным препятствием для осуществления воли власть имущих, подобная теория была для них истинной находкой. Впоследствии в модифицированном виде она стала идеологическим стержнем, обеспечившим относительную стабильность национал-социалистского режима.

Если Шпенглер делал основной упор на «социалистическую» сторону своих идеологических построений, то у его современника — другого кумира правого крыла германской буржуазии Меллера ван ден Брука любимым коньком был гипертрофирован-

---

[34] Ibid. S. 89.
[35] Ibid. S. 105.

ный национализм [36]. И для Шпенглера и для Меллера ван ден Брука идеалом цивилизованного общества и образцом внешней политики была Пруссия. Однако последний считал излишним приписывать прусские «достоинства» социализму. Для него пруссачество «великолепно» и без социалистической маскировки.

В отличие от Шпенглера Меллер ван ден Брук не был «западником», сторонником идеи общности судеб Западной Европы. Напротив, Запад для него источник разложения и упадка. Глубокая ненависть к Франции как державе-победительнице, навязавшей Германии Версальский договор, побудила его даже к корректировке политико-географических понятий. Границу между Западной и Восточной Европой ван ден Брук проводил по Рейну, относя Германию полностью к «Востоку». Это позволило ему сконструировать теорию о немцах как «восточном», т. е. в его трактовке «молодом», а значит динамичном народе. Динамичность, по словам ван ден Брука, открывает перед немцами неограниченные возможности и освобождает их от груза старческих немощей, характерных для Западной Европы [37].

Подобно Чемберлену, Шпенглеру и другим идеологам немецких крайне правых, Меллер ван ден Брук был расистом. Однако его расизм не имел столь примитивно биологического характера, как во многих предшествовавших и последующих расистских работах. Делая ставку на образованного, интеллектуально развитого читателя, Меллер ван ден Брук не мог полностью игнорировать широко известные научные данные относительно происхождения, развития и смешения рас. Поэтому он полемизировал против примитивизма в этом вопросе, который, как он утверждал, способен только скомпрометировать идею. Для самого Меллера ван ден Брука была важна не расовая чистота, а расовое единство. Раса, постоянно подчеркивал он, — это не столько прошлое, сколько будущее народа: она должна вызревать в борьбе [38].

Если Шпенглер видел лучшее средство привлечения трудящихся, и прежде всего рабочего класса, на сторону правящей элиты в использовании его тяги к социализму, то Меллер ван ден Брук считал, что наиболее эффективным рычагом является национализм. «Националист, — подчеркивал он постоянно, — не должен смиряться с тем, что имеются миллионы немцев, которых марксизм отвратил от идеи нации. Он должен бороться против такого положения» [39].

Во имя привлечения этих миллионов немцев он был готов признать даже классовую борьбу, однако, трактуя ее, мягко говоря, весьма своеобразно. Внутри общества такую борьбу он допускал, но только в других, преимущественно западных странах. Для Германии он допускал ее только в виде исключения.

---

[36] См.: *Möller van den Bruck A.* Das dritte Reich. B., 1923.
[37] *Möller van den Bruck A.* Das Recht der Jungen Völker. München, 1919. S. 24.
[38] *Möller van den Bruck A.* Rassenanschauung // Der Tag. 1923. 9 Juli.
[39] Gewissen. 1923. 25. Juni.

В том, что касается Германии, классовая борьба переносилась им в область внешней политики. Национализм, утверждал Меллер ван ден Брук, «принимает в расчет с политической точки зрения и классовую борьбу, однако понимает ее не столько социально, сколько национально, как борьбу угнетенных народов — восточных против западных, молодых против старых» [40].

Став к началу 20-х годов наиболее популярным бардом германского национализма, Меллер ван ден Брук создал школу энергичных крайне правых, националистически настроенных публицистов вроде Эрнста Юнгера и Эдгара Юлиуса Юнга [41]. Публицистическая деятельность этой школы сыграла важнейшую роль в подготовке идейной почвы для распространения идеологии нацизма, особенно среди считавшей себя образованной публики.

Особое место среди видных идейных предшественников национал-социализма занимает и известный германский географ Фридрих Ратцель. Как и многие другие немецкие ученые времен кайзеровской Германии, он был человеком консервативного образа мышления, к тому же зараженным крайним националистическим духом. Свойственные ему образ мышления и мировоззрение сказывались не только на его политических взглядах, но и на направлении научных исследований. Лишь этим и можно объяснить то обстоятельство, что наряду со множеством действительно ценных с научной точки зрения работ Ратцель выпустил книгу «Политическая география», положившую начало системе географических оправданий политики экспансии и захватов [42].

Одно из самых важных мест концепции, которую развивал Ратцель в этой книге, была теория «роста пространственных размеров государства», который, согласно Ратцелю, представляет собой неизбежное следствие процесса роста народов. В качестве главного аргумента для доказательства своей теории Ратцель использовал ссылку на постоянное увеличение населения. Это увеличение, утверждал он, оказывает давление на границы государства, которые соответственно проявляют постоянную тенденцию к расширению. Стимулирующее воздействие на эту тенденцию, согласно взглядам Ратцеля, оказывают и другие факторы: географические открытия, совершенствование средств транспорта и связи, создающее возможность эффективного управления все большей территорией, развитие экономики и т. д.

Чтобы приспособить эту теорию к конкретным интересам германской буржуазии, Ратцель пополнил ее тезисом о соответствии размеров государств уровню культуры народа. Согласно его утверждениям, народы, стоящие на низкой ступени культуры,

---

[40] Впоследствии эта идея была подхвачена группой праворадикальных литераторов, объединившейся вокруг журнала «Ди тат» и возглавляемой Гансом Церером, а затем стала «теоретической» основой фашистской внешней политики. См.: *Rauschning H.* Op. cit. S. 357.

[41] См.: *Petzold J.* Op. cit. S. 160 ff.; см. также: Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962.

[42] *Ratzel F.* Politische Geographie. München; Berlin, 1923.

образуют, как правило, малые государства, в то время как для высококультурных народов характерно стремление к образованию больших государственных организмов. Отсюда следовал вывод, что поглощение малых государств крупными — это неизбежное следствие и показатель роста культуры [43].

Впоследствии идеи Ф. Ратцеля были подхвачены шведским профессором Рудольфом Челленом и отставным немецким генералом Карлом Хаусхофером, сформулировавшими основы так называемой «геополитики», науки, широко использованной нацистами для оправдания внешнеполитических захватов в 30—40-х годах.

Изложение главных идейных течений, теорий и взглядов, сыгравших важную роль в генезисе идеологии национал-социализма, не являясь полным, дает все же некоторое представление о том, откуда черпали свою «премудрость» идеологи германского фашизма, на какую устоявшуюся систему взглядов и предрассудков они могли опираться в своей идеологической, пропагандистской деятельности [44]. Однако оно не дает еще ответа на чрезвычайно важный вопрос: в какой степени и в какой форме использовались национал-социалистами все эти теории, идеи и взгляды и, что самое важное, какими критериями руководствовались они при сортировке доставшегося им идейного наследства. Получить такой ответ можно, только подробно рассмотрев социальное содержание идеологии германского фашизма.

Социальное содержание нацистской идеологии

Выше уже говорилось о крайней противоречивости взаимоисключающих теорий и тезисов, составляющих нацистскую идеологию. Действительно, как предварительное, так и более глубокое ознакомление с идеологией национал-социализма создает ощущение беспрецедентного эклектизма. Аристократизм и «народность», национализм и идея наднациональной общности фашистов, антикапитализм и теория созидательного капитала, проповедь автаркии и идеи единого европейского рынка, расистское оправдание кастовости и проповедь народной общности, возведенное в теорию презрение к массе и провозглашение человека труда солью фашистского общественного строя [45].

Даже если учесть, что нацистская идеология находилась в постоянном движении, которое, не будучи развитием, тем не менее характеризовалось частой сменой лозунгов, и сделать скидку на демагогию, насквозь пронизывавшую фашистские идейные концепции, несопоставимость отдельных частей идеологии национал-социалистов остается предельно очевидной. Тем не менее было бы неверным видеть в этом идеологическом месиве один лишь эклек-

---

[43] Ibid. S. 162.

[44] См.: *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968.

[45] См.: *Broszat M.* Der Nationalismus. Weltanschaung: Programm und Wirklichkeit. Stuttgart, 1960.

тизм. При всей несовместимости отдельных идей, принятых на вооружение фашизмом, они были не просто взяты из реакционного идеологического наследия, но тщательно отобраны под определенным углом зрения. Главным принципом этого отбора был антимарксизм.

Нацистские руководители постоянно подчеркивали особую важность этой стороны своей идеологии. Выступая в мае 1933 г. на конгрессе Немецкого трудового фронта в Берлине, Гитлер говорил: «14—15 лет тому назад я заявил немецкой нации, что вижу свою историческую задачу в том, чтобы уничтожить марксизм. С тех пор я постоянно повторяю сказанное. Это не пустые слова, а священная клятва, которую я буду выполнять до тех пор, пока не испущу дух» [46].

Определяя задачи нацистской идеологии, главный эксперт НСДАП по этим вопросам Розенберг подчеркивал: «Выбор пути всеми государствами и народами зависит в первую очередь от их отношения к марксистской идеологии... Мы, национал-социалисты, можем с гордостью сослаться на то, что с самого начала наша борьба (против марксистского мировоззрения. — *А. Г.*) велась с неуклонной целеустремленностью и неослабевающим ожесточением» [47].

Антимарксизм нацистской идеологии позволял создавать видимость ее цельности. Но главное, разумеется, заключалось не в этом. Оно состояло в том, что только под лозунгами антимарксизма и можно было в тех условиях хотя бы временно объединить в интересах правящих классов различные социальные группы тогдашней Германии с их противоречивыми экономическими и политическими интересами.

Прежде всего антимарксистские лозунги полностью устраивали германскую крупную буржуазию, позиции которой постоянно подвергались атакам со стороны организованного рабочего движения, выступавшего под знаменем марксизма. В условиях политической неустойчивости, особо обострившейся в результате экономического кризиса 1929—1933 гг., антимарксизм национал-социалистов казался ей «добродетелью», которая уже сама по себе полностью компенсировала «неприятные», с ее точки зрения, свойства НСДАП — политический авантюризм, чрезмерную склонность к демагогии и т. д.

Антимарксизм открывал путь для сотрудничества, а затем и слияния НСДАП с традиционными консервативными правыми силами в политической жизни Германии, и в частности с дворянством, высшим кайзеровским чиновничеством и другими социальными группами, тесно связанными в прошлом с феодальной государственной машиной «второй империи». Для всех них Веймарская республика была не только «незаконным детищем»

---

[46] Цит. по: *Günter H.* Der Herren eiginer Geist. Die Ideologie des National-Sozialismus. Moskau. 1935. S. 49.

[47] Völkischer Beobachter. 1934. 21, 22. Mai.

«ноябрьского преступления» (так в крайне правых кругах называли ноябрьскую революцию 1918 г.), но прежде всего порождением марксизма, результатом «марксистского эксперимента». Патологический антимарксизм национал-социалистов отодвигал для представителей этих кругов на задний план то обстоятельство, что по некоторым немаловажным вопросам — будущая форма правления, отношение к социальной демагогии и т. д. — их взгляды существенно отличались от взглядов НСДАП.

Для мелкобуржуазных масс, недовольных своим положением в обществе, озлобленных экономическими неурядицами и явной неспособностью веймарского режима справиться с ними, антимарксизм национал-социалистов был формой выражения оппозиции к государству, которое благодаря активному участию социал-демократов в создании и деятельности республики расценивалось многими как «марксистское». Враждебность нацистов к «марксистскому государству» воспринималась этими массами как свидетельство совпадения их интересов с теорией и практикой НСДАП.

Показательно в этой связи, что идеологи НСДАП предпочитали говорить об «антимарксизме», а не об «антикоммунизме», хотя на практике их борьба была направлена прежде всего против КПГ, а машина нацистского террора была нацелена в первую очередь против коммунистов. Понятие «антикоммунизм» казалось им тогда слишком узким, ибо исключало возможность мобилизовать в своих интересах недовольство широких слоев населения Веймарской республикой, ассоциировавшейся с социал-демократами, но никак не с коммунистами, глубокая враждебность которых к существовавшему строю была хорошо известна.

Антимарксизм как идеологический принцип позволил нацистским идеологам осуществить своеобразную аккумуляцию националистических настроений, получивших в тогдашней Германии очень большое распространение. Марксизму как интернациональному учению противопоставлялся антимарксизм как учение национальное. Империалистическая политика держав-победительниц подавалась как свидетельство несостоятельности ставки на интернациональное взаимопонимание и солидарность. Крах пацифистских иллюзий, распространявшихся социал-демократами, выдавался за крах идеи взаимопонимания между народами, а провал так называемой «политики выполнения», проводимой правительствами «веймарской коалиции», — за провал внешнеполитической линии «марксистского государства».

На основе антимарксизма и строилась вся пирамида нацистских националистических теорий.

Учитывая традиции и силу националистических настроений, порожденных Версальским договором и обостренных экономическими потрясениями конца 20-х—начала 30-х годов, национал-социалистские идеологи с самого начала сделали ставку не просто на подчеркивание справедливости национальных чаяний народа и необходимости их осуществления — этим занимались и другие

партии, как правые, так и левые, но на проповедь достижения национальных целей «решительными методами», путем применения силы. Именно культ силы как средства решения национальных проблем и стал отличительной чертой нацистской идеологии с самого начала.

Культ силы, проповедуемый национал-социалистами, включал в себя определенный набор примитивных идей: восхваление зверских инстинктов, утверждение, что борьба (понимаемая как применение грубого насилия) является важнейшим фактором развития и совершенствования человечества, а гуманизм, отрицающий насилие, — выражением либо полного непонимания человеческой натуры, либо теоретическим оправданием трусости.

Распространение подобных взглядов сыграло важнейшую роль в подготовке населения, особенно молодежи, к восприятию идеи агрессивной войны и широкому развитию неприкрытого садизма, нашедшего свое выражение в зверствах по отношению к военнопленным, на оккупированных территориях, в концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Эта очень важная сторона дела не ускользнула от внимания исследователей и уже давно всесторонне разобрана и освещена в антифашистской литературе. Гораздо меньше внимания было уделено другой стороне вопроса. Почему пропаганда культа силы, культа зверя с самого начала, еще до того, как была осуществлена массовая пропагандистская обработка, не оттолкнула, а в ряде случаев привлекла широкие слои населения Германии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду общую психологическую атмосферу, царившую тогда в Германии. Попранное чувство национального достоинства, связанное с проигранной войной, было обострено бесцеремонным обращением победителей с поверженной Германией. Непрерывные дополнительные требования, особенно со стороны Франции, создавали постоянное ощущение слабости и беспомощности своей страны перед лицом вооруженных до зубов победителей.

В этих условиях проповедь идеи вечного мира и господства разума в отношениях между народами, с которой выступали многие представители веймарской коалиции, в том числе и теоретики социал-демократии, вызывала внутреннее сопротивление и раздражение. Малая эффективность проводимой веймарскими партиями «политики выполнения» способствовала распространению отрицательного отношения к мирным путям решения национальной проблемы. Но компрометация мирных лозунгов создавала условия для благожелательного отношения к методам крайнего насилия.

Разумеется, среди разных социальных групп подобные настроения проявлялись неодинаково и в разной степени. Дворянство, офицерство, кайзеровское чиновничество и часть крупной буржуазии, находившиеся в оппозиции к Веймарской республике, с самого начала выступали за военные методы. Поэтому-то из их рядов и вышли первые апологеты культа силы. Весьма близка по взгля-

дам к ним была и националистическая интеллигенция, склонявшаяся к пангерманизму и поэтому особенно болезненно воспринимавшая как сам факт поражения, так и последующее унижение Германии.

Для мелкой буржуазии в целом проповедь культа силы не играла решающей роли до тех пор, пока у нее не было оснований быть недовольной существовавшим режимом. Однако как только она пришла в конфликт с властью, характерный для мелкого буржуа национализм, сдобренный свойственной ему склонностью к насилию, сразу же принял самые крайние формы. Поскольку экономические неурядицы, связанные с последствиями кризиса 1929—1933 гг., воспринимались также как следствие национального гнета (хотя воздействие Версальского договора на экономическое положение Германии, особенно после 1924 г., было, как выяснилось впоследствии, минимальным), озлобленные до предела представители мелкой буржуазии требовали решительных действий. В этих условиях культ силы, который проповедовал нацизм, казался им гораздо привлекательнее, чем рассуждения об умеренности и постепенности.

То же самое можно сказать и о той части рабочего класса, которая по традиции находилась под воздействием буржуазных, в том числе правых партий.

Крупную монополистическую буржуазию культ силы устраивал потому, что облегчал формирование армии ландскнехтов для осуществления контрреволюционного террора внутри страны и проведение политики экспансии вовне.

Аналогичная роль отводилась в идеологии фашизма и расовой теории.

Приняв на вооружение взгляды Гобино, Ляпужа, Чемберлена и их последователей, национал-социалистские идеологи превратили их в основу основ своего мировоззрения. Однако фашистская расовая теория не была простым повторением взглядов «основоположников» расизма. Свойственная идеологии фашизма склонность к упрощению, примитивизации, превращению идей в предельно доступные лозунги проявилась и в данном случае. Если для Чемберлена, Шпенглера, Мёллера ван ден Брука, Фробениуса раса носила отвлеченно мистический характер и определяющим фактором в ней считалась душа, то для национал-социалистов расовая теория свелась к чистой биологии, а учение о расах приобрело все внешние признаки племенной селекции.

Наиболее распространенным среди идеологов национал-социализма было представление о расе как сумме внешних признаков, определяемых кровным родством. Решающее значение среди этих признаков придавалось форме черепа (различие между брахицефалами — круглоголовыми как представителями низшей расы и долихоцефалами — представителями высшей), цвету волос, глаз, форме носа, осанке и т. д. Представители высшей расы, к которой были в первую очередь отнесены германцы, наделялись всеми добродетелями, в то время как низшие расы, которыми были

объявлены все цветные народы, евреи, славяне, изображались носителями всевозможных пороков. На этих «принципах» основывались все многочисленные псевдонаучные исследования фашистских специалистов «по расовой гигиене», а также ряд практических действий нацистского правительства в области расовой политики.

Из расовой теории вытекал и тезис о «недочеловеке», одним из ярых сторонников которого был руководитель СС Генрих Гиммлер [48]. «Недочеловек, — утверждал он, — это биологически на первый взгляд полностью идентичное человеку создание природы с руками, ногами, своего рода мозгом, глазами и ртом. Но это совсем иное, ужасное создание. Это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос диких необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость. Одним словом, недочеловек. Итак, не все то, что имеет человеческий облик, равно. Горе тому, кто забывает об этом» [49].

Отсюда делались и весьма конкретные выводы. «Живут ли другие народы в изобилии или дохнут от голода, — говорил Гиммлер, — интересует меня лишь в той степени, в какой мы нуждаемся в рабах для поддержания нашей культуры... Мы, немцы, единственные в мире, кто хорошо относится к животным. Мы будем прилично относиться и к этим людям-зверям. Однако было бы преступлением перед собственной кровью заботиться о них и внушать им какие бы то ни было идеалы и тем самым еще больше затруднять нашим детям и внукам обращение с ними» [50].

Расовый фактор трактовался фашистскими идеологами и как решающая движущая сила развития нации и человеческого общества. «Расовый вопрос, — писал один из наиболее известных нацистских деятелей, особо интересовавшийся расовой проблемой, Вальтер Дарре, — это ключ к пониманию мировой истории» [51].

Согласно утверждениям Розенберга, борьба различных рас всегда составляла основное содержание как мировой истории, так и истории культуры [52].

В свою очередь, Гитлер использовал расовую теорию для объяснения всех происходящих в мире идеологических процессов. Все мировоззренческие проблемы, согласно его утверждениям, носили сугубо расовый характер. Выступая на Нюрнбергском партийном съезде осенью 1933 г. с речью, посвященной вопросам культуры, он утверждал, что единственной предпосылкой выработки

---

[48] См.: *Ackermann J.* Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970. S. 98.
[49] Цит. по: *Wulf J.* Heinrich Himmler. [West] Berlin, 1960. S. 23.
[50] Ibid. S. 25.
[51] *Darre W.* Um Blut und Boden. München, 1941. S. 293.
[52] Nationalsozialistische Monatshefte. 1931. N. 4. S. 147.

правильного мировоззрения является степень чистоты расы. Мысль опыт, знания, исследования — все это имеет второстепенное значение по сравнению с инстинктом, если это инстинкт чистого в расовом отношении народа. «Поэтому в инстинкте даже самого примитивного, но неиспорченного народа заложено естественное мировоззрение» [53]. «Народ, чистый в расовом отношении, в соответствии со своей чистой сущностью инстинктивно занимает адекватные позиции во всех жизненно важных вопросах. . . руководствуясь лишь врожденным чувством самосохранения» [54]. Если народ состоит из различных расовых элементов, то в этих условиях решающее значение приобретает то обстоятельство, мировоззрение какого расового элемента возьмет верх в идеологической борьбе. Заслуга национал-социализма, утверждал Гитлер, состоит прежде всего в том, что он помог одержать победу мировоззрению, отражавшему инстинктивные потребности германской крови [55].

В такой трактовке расовая теория превращалась в универсальную отмычку, позволявшую объяснить в интересах фашистов любое явление, подтвердить любую политическую линию, найти оправдание любой неудаче, любому провалу. Направленная вовнутрь, она служила объяснением реальных противоречий, существующих в обществе (борьба различных расовых элементов). При ее помощи оправдывались любые репрессии (борьба против расово чуждых элементов, подрывающих жизненную силу и будущее нации). Примененная в области внешней политики она создавала выгодные позиции для воинственной и экспансионистской пропаганды (право высшей нации повелевать низшими, происки низших наций, обусловленные завистью к высшей, и т. д.).

В этом важнейшая причина того, почему расовая теория с самого начала заняла такое видное место в идеологии германского фашизма. На эту сторону дела с полным основанием обращали внимание многие исследователи. Следует, однако, иметь в виду, что этой причиной дело не исчерпывается. Наряду с пропагандистскими мотивами в выборе той или иной теории в качестве мировоззренческой основы важную роль играют социологические моменты. В данном случае расовая теория заняла определяющее место в идеологическом багаже фашизма и потому, что она в большей степени, чем любые другие, соответствовала настроениям, чувствам и предрассудкам той части населения, которая составляла массовую базу национал-социализма.

Расизм — не просто лжетеория, порожденная фантазией квазитеоретиков-реакционеров. Это, кроме того, и наиболее крайнее выражение национализма и шовинизма, носителями которого, как известно, в массовом масштабе являются наряду с остатками феодальных классов и консервативным чиновничеством широкие круги мелкой буржуазии. В социально-психологическом плане

---

[53] Völkischer Beobachter, 1933. 3, 4. Sept.
[54] Ibid.
[55] Ibid.

крайний национализм, переходящий в расизм, — своеобразная форма преодоления «комплекса неполноценности», свойственного мелкому буржуа и вообще обывателю, особенно остро воспринимающему неустойчивость своего социального положения, свою неспособность одолеть барьеры, отделяющие его от того общества, того образа жизни, к которому он всей душой стремится. Для этих категорий населения расизм — это метод самоутверждения, позволяющий даже самому опустившемуся обывателю — люмпену — чувствовать себя существом высшего порядка по сравнению с другими — быть может, более умными, образованными и даже преуспевающими людьми, но зато не имеющими «привилегии» родиться от лиц объявленной более ценной национальности или расы.

В социально-экономическом плане крайний национализм, переходящий в расизм, — это форма отражения экономической неустойчивости мелкой буржуазии и вообще средних слоев, их стремления облегчить себе условия конкуренции. Показательно, что вспышки в Германии расизма, и прежде всего антисемитизма, сыгравшие на руку национал-социалистам, точно совпадали по времени с периодами обострения экономического положения в стране, в то время как спад расистских пароксизмов приходился на периоды относительной стабилизации.

Как расизм, так и культ насилия, чтобы быть эффективными с точки зрения сил, их использующих, должны иметь конкретную сферу приложения, объект, на котором они сфокусированы. В качестве такого объекта фашистами с самого начала были избраны, с одной стороны, евреи и цыгане, с другой — славянские народы. Выбор этот был не случайным. В Германии имелось значительное еврейское меньшинство. В результате ноябрьской буржуазно-демократической революции 1918 г. евреи получили гражданское равноправие. Усилилась экономическая активность еврейского населения в сфере мелкого предпринимательства и торговли. Ряд граждан еврейской национальности занял заметные позиции в области культуры, в публицистике, в политической жизни.

Консервативная часть населения Германии, особенно те, кто не принял ноябрьскую революцию 1918 г., наблюдали за этим процессом с глубоким недовольством. Это недовольство способствовало оживлению бытового антисемитизма, укоренившегося в сознании части населения страны еще со времен средневековья. Конкретизация расизма в форме антисемитизма воздействовала в этих условиях особенно эффективно. Социальная неудовлетворенность, характерная в те годы для самых различных слоев населения, сублимируясь в понятии «заговор евреев», который нередко отождествлялся с «заговором масонов», находила свое псевдорешение в нарастающей враждебности к согражданам иудейского вероисповедания.

Цыганам в этом процессе отводилась роль довеска. В Германии их было сравнительно немного. Однако их особый образ жизни, упорное сопротивление ассимиляции породили в немецкой обыва-

тельской среде множество предубеждений, которые облегчали отнесение цыган к категории «расово вредных элементов».

И евреи и цыгане находились как бы под рукой. На них можно было «оттачивать» расистские теории на практике, провоцируя межрасовые столкновения, личные конфликты, практикуя дискриминацию, организовывая погромы, и т. д. По-иному обстояло дело со славянами. Славянское меньшинство в Германии было незначительно. Там, где оно существовало, его основная часть была германизирована. И не оно было основной мишенью антиславянских теоретических конструкций расистских идеологов. Если антиеврейская и антицыганская кампании фашистов имели первоначально преимущественно внутренний адрес, то антиславянская струя в фашистском расизме была ориентирована на «внешние» объекты.

Славяне — восточные и юго-восточные соседи Германии — населяли те земли, которые, по замыслу фашистов и тех, кто стоял за их спиною, должны были стать ее первоначальной добычей. Провозглашение славян низшей расой, призванной унавозить почву для германцев, было в этих условиях, с одной стороны, формой психологической подготовки к нападению на восточных соседей, «недостойных» той земли, которую они населяют, а с другой, — создания атмосферы, делающей возможными не только завоевания на Востоке, но и «очищение» от автохтонного населения захваченных территорий. При этом употребление широкого понятия «славяне» расширяло масштабы предполагаемых завоеваний до предела.

Нацистские идеологи рано увидели большие возможности, которые открывает расистская теория, и широко использовали их [56]. В этом им существенно помогло то, что, будучи в своем большинстве выходцами из мелкобуржуазных средних слоев, они сами были насквозь проникнуты расистской идеологией, воспринимали ее как свою, постоянно находились под ее влиянием.

Поэтому расовая теория была для них не только средством воздействия на массы, не только пропагандистским инструментом, но и внутренней пружиной, определявшей их поведение и многие политические акции. Например, принятый нацистским правительством в июле 1933 г. расистский Закон о предотвращении передачи потомству наследственных заболеваний, создавший «юридическую базу» для широкого применения стерилизации, а затем — для уничтожения неизлечимых, прежде всего психических, больных [57], вряд ли можно было считать оправданным для НСДАП с пропагандистской точки зрения. Как средство расправы с политическими противниками он был излишним, ибо, во-первых, для этого были созданы концентрационные лагеря, а, во-вторых, нацистские терро-

---

[56] См.: *Mohrmann W.* Op. cit. См. также: *Pätzold K.* Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung. Eine Studie zur politischen Strategie und Taktik des faschistischen deutschen Imperialismus, 1933—1945. B., 1975.

[57] *Lemme H.* Die Verhütung erbkranken Nachwuchses. B., 1939. S. 9 ff.

ристы имели возможность разделаться с инакомыслящими, не прибегая к этому закону. На население принятие закона и особенно его широкое применение оказали отрицательное воздействие: вызвали панические слухи, недовольство и т. д. Отрицательными для нацистского режима, заинтересованного на первых порах в благожелательном отношении заграницы, были и зарубежные отклики.

Очевидно, что, осуществляя данное мероприятие по «расовой гигиене», национал-социалистское правительство руководствовалось не столько прагматическими, сколько «эмоциональными» соображениями.

В ряде случаев нацистская «элита» пыталась практически применить принципы расового отбора. Гиммлер, например, не только мечтал о создании правящей аристократии нордическо-германской расы, но и усиленно выводил ее. Так, отбор волонтеров в СС происходил в строжайшем соответствии с требованиями евгеники. Прежде всего им предписывалось представить документы о чисто расовом происхождении. Затем производился антропологический отбор. И только после этого рассматривались все остальные качества кандидата. Для обеспечения «полноценного» в расовом отношении пополнения были созданы специальные школы-интернаты «Наполас» (Национал-социалистские воспитательные учреждения). Отбор в эти школы, считавшиеся привилегированными заведениями, происходил также на основе строгих «расовых принципов» [58].

Особое значение придавал Гиммлер опытной организации «Лебенсборн», главной целью которой было содействие массовому появлению на свет «высококачественных» в расовом отношении внебрачных детей. Организация полностью брала на себя расходы по их содержанию и воспитанию. Выразившим соответствующее желание холостым женщинам подбирались арийские производители. Предполагалось, что после войны организация развернет свою деятельность в самых широких масштабах. Чтобы обеспечить ее заказами, планировалось введение закона, обязывавшего всех женщин в возрасте до тридцати лет (в том числе и холостых) подарить государству по ребенку. В порядке подготовки к этому закону Гиммлер издал приказ, обязывавший каждого эсесовца произвести на свет как минимум одного потомка [59].

Подобные идеи не были манией одного рейхсфюрера СС. Они имели широкое хождение среди нацистской верхушки. Жена Бормана, известная как крайняя фанатичка, постоянно и настойчиво выступала за официальное введение для «расово высокоценных» арийских мужчин института побочных жен и, желая подать пример, добровольно санкционировала наличие «побочной жены» у своего мужа. Кальтенбруннер в кругу единомышленников неоднократно высказывался за установление такого порядка, при

---

[58] *Wulf J.* Op. cit. S. 21—22.
[59] Ibid.

котором немецким женщинам в возрасте до 35 лет было бы вменено в обязанность родить не менее 4 расово полноценных детей. Семьи, выполнившие эту норму, должны были бы выделять мужчин для обслуживания одиноких и малодетных женщин и т. д.[60]

Нет сомнений, что если бы не поражение фашистской Германии, нацистским руководством были бы предприняты энергичные меры для осуществления в широких масштабах подобной политики, основанной на расово-биологическом психозе.

Важное место в «национальной» идеологии германского фашизма занимали и конкретные внешнеполитические концепции, в основу которых были положены идеи геополитической школы. Пропагандистско-идеологическое преимущество подобных идей, с точки зрения НСДАП, состояло в том, что они, дополняя расовую теорию, давали доступные для рядового обывателя аргументы в пользу проведения политики экспансии и агрессии. Их наукообразие и внешняя логичность, воздействуя на ставшие традиционными в Германии представления о ее праве на «место под солнцем», привлекали на сторону национал-социалистов не только заведомо воинственно настроенные слои немецкого населения (дворянство, офицерство, круги, связанные с колониальной политикой, и т. д.), но и многих из тех, кто просто считал, что территориальные положения Версальского договора, навязанного Германии после ее поражения в первой мировой войне, попрали ее национальное достоинство, либо связывал с политикой экспансии перспективы своего материального благополучия. Так, геополитические идеи находили благоприятный отклик среди разоряющихся мелких буржуа, части деклассированных безработных, малоземельного или безземельного крестьянства, потерявшего надежду на возможность решения проблемы земельного голода в результате проведения аграрной реформы или же осуществления разрекламированной, но малоэффективной политики создания поселений на территории Восточной Германии. Геополитические идеи импонировали и многочисленной прослойке младших крестьянских сыновей, оказавшихся лишенными наследства после вступления в силу закона о «наследственных дворах», и т. д.

Широкое использование национал-социалистами идейного багажа традиционного германского национализма во многом облегчило нацистам привлечение на свою сторону обывателей, видевших в мировоззрении НСДАП своеобразную квинтэссенцию привычных идей, теорий и взглядов. Однако это обстоятельство имело для нацистов и свою отрицательную сторону. Традиционная националистическая идеология, издавна политически связанная с монархическими силами (отсюда и ее широко распространенное название «вильгельминизм»), пользовалось репутацией идеологии реакционной, отражающей интересы правящих классов. Для национал-социалистов, основная политическая задача которых со-

[60] *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. [West] Berlin, 1959. S. 542.

стояла в мобилизации под свои знамена народных масс, и прежде всего отрядов трудящихся, которые поддерживали левые или центристские силы, это было большим неудобством. Клеймо реакционности грозило парализовать попытки НСДАП выдать себя за партию прогресса, партию революции, партию социальных изменений.

Отсюда постоянное стремление НСДАП по возможности замаскировать свое близкое родство с националистами консервативного толка. На различных этапах развития национал-социализма и соответственно нацистской идеологии это стремление проявлялось по-разному. В периоды политических столкновений между НСДАП и национально-консервативными партиями оно выливалось в публичные «острые дискуссии» между ними. Во времена союза всех фракций «национальной правой» открытые дискуссии не практиковались. Однако как в одном, так и в другом случае национал-социалистские идеологи «теоретически» обосновывали своеобразие своего, фашистского национализма.

Результатом этих потуг явилась концепция старого и нового национализма. Старыми националистами объявлялись деятели (например, Гугенберг), стоявшие на позициях реставрации кайзеровских порядков и видевшие именно в этом истинную победу «национальной идеи». Им противопоставлялись «новые националисты», позволявшие себе критиковать вильгельминизм, с одной стороны, за асоциальность и кастовость, а с другой. . . за излишнюю приверженность демократизму.

Узости и династизму традиционного национализма национал-социалистские идеологи противопоставляли «национализм социальный», опирающийся не на узкую касту, а на широкие массы, национализм, проникнутый «сознанием своей ответственности перед обществом». И здесь они перебрасывали мостик ко второй части своей мировоззренческой пирамиды, части, которую кощунственно называли «социализмом».

Фашистскому «социализму» посвящена обширная критическая литература. В ней доказано глубокое лицемерие использованных национал-социалистами лозунгов, вскрыты несостоятельность, внутренняя противоречивость и антинародная сущность фашистских «социалистических концепций». Что собой представлял «социализм» нацистов, убедительно показала также практика их 12-летнего пребывания у власти.

Поэтому сейчас, на исходе 20-го столетия, излишне доказывать, что гитлеровский «социализм» не имел ничего общего с какой-либо формой социализма в общепринятом смысле этого слова. Социализм был для национал-социалистов лишь популярной этикеткой, приклеенной к конгломерату идей, представлявших собой апологетику государственно-монополистических отношений в их специфически германской бюрократической форме, сдобренную набором лозунгов, навеянных рядом конкретных социальных и экономических требований пришедших в движение средних слоев населения.

Соответственно основное ядро, основной стержень нацистского «социализма» составляла не антикапиталистическая демагогия, как это иногда не совсем верно считают. Эта демагогия занимала подчиненное место, и поэтому наметившийся с начала 30-х годов отказ гитлеровского руководства от особого упора на эту сторону дела прошел для нацистской партии сравнительно безболезненно. Главным в нацистском «социализме» всегда был этатизм: высшая форма апологетики всеобъемлющей, тоталитарной роли централизованной власти. Сам социализм фашистские идеологи, как правило, определяли, следуя за Шпенглером, как форму общественной организации, при которой государству принадлежат важнейшие функции во всех областях жизни — начиная с политики, кончая культурой и личной жизнью граждан. В этой связи в качестве прямого прообраза «социалистического строя» принималось прусское феодальное государство времен Фридриха-Вильгельма и Фридриха II, а также система военного регулирования, получившая широкое развитие в Германии во время первой мировой войны.

Подобная трактовка социализма отражала вполне определенные настроения, взгляды и интересы достаточно широких социальных прослоек тогдашней Германии. Последние годы Веймарской республики были периодом далеко зашедшей компрометации буржуазно-демократического государства. Во-первых, чересчур явная связь между крупными монополиями и последними правительствами веймарского режима, откровенно демонстрировавшая истинное назначение правительственного аппарата, подрывала столь важный для правящих классов миф о надклассовости государственной машины. Во-вторых, связанная с этим процессом далеко зашедшая коррупция серьезно расшатала авторитет государственной власти. В-третьих, экономический и последовавший за ним политический кризис наглядно показали слабость существовавшего режима, его неспособность решать насущные проблемы, перед которыми оказалась в то время страна. Эта неспособность воспринималась тогда многими как выражение несостоятельности строя, основанного на демократических принципах, на парламентаризме.

Все это вызывало среди большинства населения Германии, не готового еще воспринять идеи пролетарской социалистической революции, особенно среди средних слоев, тягу к сильному, авторитетному государству, свободному от колебаний, связанных с парламентскими манипуляциями, и способному на решительные действия. Идея сильного государства, тем более облаченная в популярную социальную оболочку, имела в таких условиях все шансы на массовую поддержку, и прежде всего тех категорий трудящихся, которые стояли в стороне от организованного рабочего движения.

Для части правящих классов, в том числе и влиятельных групп монополистической буржуазии, эта оболочка была в какой-то степени препятствием для принятия нацистской идеологии: ведь

социализм на протяжении многих десятилетий был для них самым страшным пугалом. Однако более близкое знакомство с нацистским «социализмом» сняло многие препоны. Трактуемый как сильная государственная власть, фашистский «социализм» в сложившихся условиях устраивал германскую буржуазию. Ведь в ее рядах в не меньшей, а, быть может, в гораздо большей степени проявлялась тяга к твердой власти [61]. При всем влиянии крупнейших монополий на политику Веймарской республики свойственная ей политическая неустойчивость действовала монополистам на нервы. Приходилось постоянно тасовать политические карты, считаться с влиянием левых партий и профсоюзов и т. д. В обстановке экономической стабилизации все это, по мнению хозяев германской промышленности, не выходило за приемлемые рамки. В условиях же кризиса и последовавшего за ним паралича парламентской системы их симпатии к идее всесильной государственной власти стали оказывать решающее воздействие на их политические взгляды.

Учтя эти настроения, национал-социалистские идеологи внесли соответствующие коррективы в свои «социалистические» теории. В их программных документах «социализм» стал фигурировать прежде всего как антипод хаоса, неразберихи, беспорядка. «Воля к форме, воля к ликвидации хаоса, к наведению порядка в вышедшем из-под контроля мире — вот что характерно для национал-социалистов, поставивших перед собой величайшую задачу — быть. . . стражами порядка», — особо подчеркивалось в официальном комментарии к программе НСДАП [62].

«Национальный социализм Адольфа Гитлера, — писал В. Дарре, — это создание порядка, соответствующего жизненным законам народного организма, и государственных средств установления и поддержания этого порядка» [63].

В соответствии с подобной трактовкой национального «социализма» фашистские идеологи уделяли основное внимание доказательству естественного права государства определять все стороны общественной и личной жизни своих граждан. Это право выводилось прежде всего из характеристики национал-социалистского государства как высшей формы организации всего народа.

«Государство, — подчеркивал официальный историограф „третьей империи“ Г. Рюле, — представляет собой организационную форму народной жизни. Оно — предпосылка народной жизни и уходит своими корнями в народ. В национал-социалистском государстве преодолено противоречие между государством и народом. Государство — это организованный народ. Поэтому-то в

---

[61] См.: *Schmitt C.* Politische Theologie. München; Leipzig, 1922; *Idem.* Politische Romantik. München; Leipzig, 1925; *Idem.* Der Begriff des Politischen. München; Leipzig, 1932.

[62] *Feder G.* Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulichen Grundgedanken. München, 1930. S. 15.

[63] *Darre W.* Um Blut und Boden. Reden und Aufsätze. München, 1941. S. 291—292.

национал-социалистском государстве нет места для либеральной многопартийной системы» [64].

«Если раньше частная сфера мало-помалу поглощала государство, — писал нацистский теоретик Вильгельм Штапель, — то теперь государство без оглядки вторгается во все частные отношения и ставит себе на службу все стороны жизни: экономику, профессию, семью, союзы. Развитие экономики определяется государством. Государство оказывает влияние на выбор профессии. Семья подчинена государству в вопросе расовой гигиены. Союзы унифицируются государством. Тотальное включение всех сторон жизни в государственную деятельность имеет активизирующий смысл: оно служит наращиванию немецкой мощи» [65].

Поскольку организованность и всевластие государства, доведенные до полного отрицания прав и свободы личности, были провозглашены основным содержанием «социализма», высшей формой управления был объявлен принцип вождизма, «обеспечивающий наилучшую реализацию функций общества и государства».

«Человек должен признавать авторитет. На этом покоится принцип вождизма и общности. Общность без авторитета немыслима. Раса и кровь сами по себе еще не создают общности... Поэтому фюрер, который воплощает авторитет нашего общества, для нас непререкаем. Фюрер нации стоит выше критики для любого немца на вечные времена... Никто не имеет права задаваться вопросом: прав ли фюрер и верно ли то, что он говорит? Ибо, повторяю еще раз: то, что говорит фюрер, всегда верно» [66].

Принцип вождизма толковался нацистскими идеологами не только как необходимость подчинения верховному вождю, но и как основная форма построения всей государственной иерархии сверху донизу. Нацистский государственный или партийный чиновник на любой ступени не просто пользовался самыми широкими полномочиями, но и провозглашался полновластным вождем в своей области. На практике это превращалось в своеобразную ленную систему, при которой каждый вассал, сохраняя верность сюзерену, был полным господином в своем поместье. Теоретически же это объявлялось лучшей формой централизованного управления страной и обществом, и более того, высшим проявлением народовластия.

Подобная система организованного самоуправства и беззакония, исключавшая любые формы самоуправления и инициативы снизу, прикрывалась ссылками на народные истоки неограниченной власти верховного вождя. Фюрер объявлялся олицетворением воли народа, выразителем его национального и расового духа. Соответственно воля фюрера приравнивалась к воле народа, а бес-

---

[64] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr. 1933. B., 1934. S. 37—38.
[65] *Stapel W.* Die Kirche Cristi und der Staat Hitlers. Hamburg, 1933. S. 14.
[66] Речь Р. Лея на курсах подготовки руководящих кадров для НСДАП и ДАФ. Цит. по: *Poliakov L., Wulf J.* Op. cit. S. 19.

прекословное выполнение его приказов или приказов подчиненной ему иерархии — осуществлению чаяний и нужд народных [67].

Для теоретического обоснования концепции сильного государства нацистские идеологи использовали примитивную, но пропагандистски выигрышную так называемую органическую теорию государства. В соответствии с этой теорией общество, конституировавшееся как государство, во всех своих проявлениях подобно живому организму, в котором отдельный человек составляет первичную клетку, а сословия отдельные органы. Подобное уподобление позволяло нацистским идеологам выводить все свои принципы государственной жизни из закономерностей жизни органической. Отрицание классовой борьбы, характерное для фашизма, как и для любого другого вида буржуазной идеологии, и провозглашение принципа внутреннего единства нации подтверждались с помощью ссылки на организм, который-де может существовать только как единое целое [68].

Из органической теории общества обычно выводились и такие характерные для идеологии фашизма принципы, как сословность и корпоративность. Сословие трактовалось как антипод классу: если существование класса предполагало классовую борьбу, то подмена класса сословием позволяла говорить о возможности его органического сотрудничества с другими сословиями. Создание корпоративной системы рассматривалось как форма организации сословий и обеспечения их эффективного взаимодействия с общественным организмом в целом [69].

Характерный для фашистского «социализма» этатизм накладывал глубокий отпечаток и на так называемую социальную проблематику. Исходя из необходимости сохранить массовую базу, фашистские идеологи всячески подчеркивали роль труда и соответственно трудящихся в фашистской общественной системе. Был провозглашен своеобразный культ «рабочих рук» (трудящихся, занимающихся физическим трудом) и «рабочих мысли» (лиц умственного труда). Они были объявлены главной опорой, костяком народного организма. Однако в конечном итоге перед всеми этими опорами ставились вполне определенные задачи: им надлежало выполнять функции органов труда, в то время как нацистской верхушке отводилась роль головы.

Проповедуя национальный «социализм», нацистские идеологи не могли обойти острые социальные проблемы, существовавшие в тогдашней Германии, ибо ставка на один лишь этатизм при всей его важности не обеспечила бы им поддержки масс, для которых идея сильного государства была неразрывно связана с перспективой ликвидации социальной несправедливости. Естественно по-

---

[67] См.: *Schmitt C.* Positionen und Begriffe in Kampf mit Weimar—Genf—Versailles, 1923—1939. Hamburg, 1940. S. 199—203.
[68] *Lung P.* Op. cit. S. 19.
[69] *Spann O.* Der wahre Staat. Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft. Leipzig, 1923. S. 268 ff.

этому, что в фашистской идеологии мы находим набор рецептов «социального оздоровления общества». Отличительной чертой всех этих рецептов был, однако, государственно-благотворительный характер намечаемых мероприятий. Не социальная справедливость как общественный принцип, не создание условий, при которых обеспечивается равенство условий жизни и социальных возможностей для всех слоев населения, а широко организованная система подачек сверху — вот тот социальный конек национал-социализма, который был использован им для завоевания масс. И на определенном этапе эта система оказалась довольно эффективной.

На практике социальный патернализм фашистского режима выражался в проведении серии демагогических, но в то же время материально фундированных акций социальной благотворительности. В идеологии он приобрел форму учения о «социальных функциях» национал-социалистского государства. Требуя от граждан беспрекословного выполнения долга, утверждали нацистские идеологи, государство в свою очередь берет на себя гарантию законных прав каждого кровного сына своего народа [70]. И хотя фашистская действительность на каждом шагу противоречила этим обещаниям, уже одно провозглашение принципа социальной ответственности нацистского государства перед гражданами привлекало к нему симпатии части населения, травмированного социальными бедствиями периода кризиса.

Значение антикапиталистической демагогии в нацистском социализме было разным на различных этапах. Особенно сильно проявлялся антикапитализм на первом этапе. Это было время, когда национал-социалисты делали главную ставку на завоевание организованного рабочего класса, шедшего за левыми партиями. Именно тогда и приобрели среди нацистов особую популярность взгляды Г. Федера, его филиппики против власти денег («мамонизма»), ростовщичества, против всесилия монополий, против униженного положения истинных создателей реальных ценностей — рабочих, трудящихся [71].

Этот этап идеологического развития национал-социализма нашел свое отражение в основных программных документах НСДАП, и прежде всего в программе из 25 пунктов. В этой программе мы находим и требование ликвидации нетрудовых доходов (пункт 11), и призыв к полной конфискации всех военных прибылей (пункт 12) и лозунг национализации всех уже практически обобществленных трестов (пункт 13), и требование участия трудящихся в прибылях крупных предприятий (пункт 14), и призыв к проведению аграрной реформы (пункт 17), к беспощадной борьбе против спекулянтов (пункт 18) и т. д. [72]

---

[70] См.: *Lung P.* Op. cit. S. 26 ff.

[71] См.: *Feder G.* Das Manifest zur Brechung der Zinsknechschoft des Geldes. München, 1932; *Idem.* Kampf gegen die Hochfinanz. München, 1933.

[72] Das Programm der NSDAP. München, 1930. S. 9.

К этому же времени относится и принадлежащая Г. Федеру характеристика национал-социализма как «мировоззрения, находящегося в самой решительной оппозиции к нынешнему миру капитализма и его прислужников» [73].

Конечно, уже на самых первых порах «антикапитализм» национал-социалистов сопровождался такими оговорками, которые практически сводили его к пустому сотрясению воздуха. Уже в первых комментариях к программе, принадлежавших Федеру и представлявших собой практически новую программу, в качестве одного из важнейших пунктов фигурировало признание принципа частной собственности и обязательство обеспечить ей государственную защиту [74]. На «реабилитацию» капитализма как системы была направлена также теория Федера, различавшая так называемый созидательный («шаффенде») и паразитический («раффенде») капитал. Согласно Федеру, борьба должна была вестись не против всего капитала как такового, но лишь против паразитического капитала (преимущественно банков). С этим была связана и другая идея Федера — относительно ликвидации «процентного рабства» как средства освобождения от «паразитического капитала».

При всем этом антикапиталистические лозунги составляли тогда важную часть идеологической деятельности национал-социалистов, особенно их так называемого левого крыла [75].

Сравнительно незначительные успехи НСДАП среди организованных рабочих показали, однако, что нацистская антикапиталистическая демагогия не находит среди них большого отклика. В то же время чрезмерный упор на антикапитализм отталкивал от НСДАП мелкую городскую и сельскую буржуазию и вызывал настороженность в наиболее влиятельных кругах монополистического капитала. Поэтому уже к концу 20-х—началу 30-х годов НСДАП произвела определенную идеологическую перестройку. Лозунг аграрной реформы как не нашедший достаточно широкой поддержки среди среднего и зажиточного крестьянства был выброшен за борт. Антикапиталистические лозунги были сохранены, однако отодвинуты на второй план с тем, чтобы не пугать ни богатых покровителей НСДАП, ни ее мелкобуржуазных последователей. В целом как в политике, так и в идеологии курс был взят на завоевание в первую очередь мелкобуржуазной массы. Практически это нашло свое выражение в том, что антикапиталистическая агитация была сведена почти исключительно к нападкам на банки и универсальные магазины, деятельность которых вызывала ненависть разорявшихся мелких буржуа. При этом был резко усилен антисемитский элемент, с самого начала доминировавший в антикапиталистической пропаганде национал-социали-

---

[73] Ibid.
[74] Ibid. S. 23.
[75] См.: *Kühnl R.* Die nationalsozialistische Linke, 1925—1930. Meisenheim, 1966.

стов. В таком виде «антикапитализм» НСДАП оказался вполне приемлемым и для крупной буржуазии.

После прихода фашистов к власти и особенно после унификации ими государственной машины, общественных организаций и управления экономикой антикапиталистическая струя в фашистской идеологии еще больше ослабла. Нацистское руководство и монополии были заинтересованы в стабилизации обстановки. Эта заинтересованность нашла свое выражение в утверждении, что антикапиталистическая часть национал-социалистской программы уже фактически реализована в результате ликвидации еврейского паразитического капитала, унификации предпринимательских организаций и передачи национал-социалистскому государству основных функций управления экономикой. Остальные обещанные мероприятия (например, ликвидация «процентного рабства») были объявлены программой дальней перспективы. Антикапиталистические лозунги вытаскивались на поверхность только в отдельных случаях — прежде всего когда возникала необходимость припугнуть некоторых чересчур строптивых капиталистов.

Характерно, что вместе с антикапиталистическими лозунгами были «задвинуты» и их главные проповедники. Тот же Федер, считавшийся нацистской звездой первой величины, после прихода Гитлера к власти получил, и то ненадолго, лишь второстепенный пост статс-секретаря в министерстве хозяйства. Потом его отправили в университет на преподавательскую работу. А после его смерти нацистские владыки, на протяжении многих лет клявшиеся его именем, не позаботились даже о некрологе.

Аналогичную трансформацию претерпел и религиозный аспект нацистского мировоззрения. Поскольку официальные каноны христианства противоречили основным мировоззренческим принципам национал-социализма, теоретики НСДАП на первых порах занимали фронт против церкви.

В национал-социалистской литературе была развернута кампания против религии и церкви. «Религия любого вида, — писал нацистский теоретик, ректор университета Гете во Франкфуртена-Майне Э. Крик, — берет свои истоки из Азии. Религия чужда нам по своему характеру и смыслу... Характеру и целям германцев соответствует живая вера в бога и судьбу... Вера крепит волю и силу, религия разрушает волю и силу; религия жизненно чужда нашей расе. Вера, воля, сила — факторы здоровья. Религия с ее чудесами, потусторонним миром и искуплением — причина болезни» [76].

«Христианство, — утверждал нацистский профессор Бергман, руководитель так называемого Немецкого движения верующих, — явилось не только большевизмом в вопросах собственности, в от-

---

[76] Heil und Kraft. Leipzig, 1943. S. 200; Цит по: *Poliakov L.*, *Wulf J.* Op. cit. S. 173.

ношении к народности и отечеству, во всех его формах отношения к миру. Эта самая античеловеческая из всех религий большевизировала прежде всего человеческое тело, которое всячески насиловал аскетический христианский дух, стремящийся поскорее освободиться от телесной оболочки как ненужной вещи» [77].

Враждебность к христианской религии была характерна и для личных взглядов многих фашистских лидеров. Широко известна антицерковная направленность нашумевшей книги Розенберга «Миф XX столетия». Близок к Розенбергу в том, что касалось отношения к церкви, был и Борман.

Практика, однако, быстро показала, что антихристианская струя в нацистской идеологии скорее ослабляет, чем усиливает ее воздействие на широкую публику. Правда, среди определенной части немецкого населения, уже порвавшего с религией, и прежде всего среди молодежи, эта сторона нацистского учения вызвала определенные симпатии. В целом же объявление войны христианству не одобрялось по разным причинам ни правящими кругами, в частности крупной буржуазией, видевшей в религии важное средство идеологического воздействия на массы, ни мелкой буржуазией города, не желавшей порывать с церковью, ни традиционно религиозным крестьянством. Антихристианская позиция затрудняла нацистам проведение политики союза с другими правыми силами и тем самым приход к власти.

Это побудило руководство НСДАП еще накануне 1933 г. приглушить антихристианскую пропаганду как не отвечавшую взглядам социальных сил, интересы которых представляли нацисты. После заключения 20 июля 1933 г. конкордата с Ватиканом эта тенденция начала проявляться еще заметнее.

Одно время национал-социалисты пытались реформировать протестантскую церковь, сделав ее «выразителем» идей национал-социализма. Реализация их плана облегчалась тем, что среди представителей клира, как католического, так и особенно протестантского, преобладало положительное отношение к гитлеровскому режиму.

Для этой цели было использовано выделившееся из протестантской церкви религиозное движение «Немецких христиан». Уже первый руководитель этого движения епископ Хозенфельдер придал ему явно выраженное национал-социалистское направление (отрицание Ветхого завета, признание так называемого арийского параграфа и т. д.). После того как опеку над движением взял тесно связанный с нацистским руководством имперский епископ Мюллер, оно вообще превратилось в своеобразный религиозный филиал НСДАП [78].

Однако в конечном итоге эксперимент с созданием нацистской

---

[77] *Bergmann E.* Deutschland—das Bildungsland der neuen Menschheit. Breslau, 1933. S. 87—89.

[78] *Poliakov L., Wulf J.* Op. cit. S. 250—251.

церкви не принес успеха. Протестантская церковь, в которой были не только пронацистские, но и антинацистские силы, в целом не пошла на поводу у национал-социалистов, и «Немецкие христиане» оказались в изоляции.

После этого далеко идущие планы в отношении реорганизации церкви были отставлены. Борман, носившийся сначала с идеей отмены преподавания религии в школе и замены 10 заповедей церкви новыми нацистскими заповедями (храбрости, чистоты крови и т. д.), категорически отверг выдвинутое министром культов предложение о коренной реформе церкви под эгидой национал-социалистского государства, сославшись на возможность волнений и усиления раздоров в стране.

Гитлер в своем правительственном заявлении от 28 марта 1933 г. счел необходимым специально подчеркнуть: «Национальное правительство видит в обоих христианских вероисповеданиях важнейший фактор существования нашей народности» [79]. Хотя враждебная христианству линия в идеологической работе была сохранена, ее ослабили еще больше. Книга Розенберга «Миф XX столетия» была объявлена выражением личной точки зрения автора. Многие национал-социалистские руководители, несмотря на недовольство некоторых своих последователей, стали подчеркивать свою приверженность христианским обрядам.

В этих условиях и был заключен союз между национал-социалистским государством и церковным руководством обеих конфессий. В обмен на обещание НСДАП не вмешиваться во внутренние дела церкви и ее прихожан руководство клира гарантировало нацизму политическую и идеологическую поддержку [80]. Отвечая на приведенное выше заверение Гитлера, председатель католической партии Центра прелат Каас, выступая в рейхстаге, заявил: «Перед лицом глубочайшего бедствия, которое переживает в настоящее время народ и государство. . . мы из германской партии Центра протягиваем руку всем, в том числе нашим бывшим врагам, чтобы обеспечить осуществление дела национального подъема». (Пометка в протоколе: «Бурные аплодисменты, в том числе со стороны национал-социалистов. Аплодирует рейхсканцлер Гитлер» [81].)

Фракция партии Центра в Кёльне, заседавшая под председательством К. Аденауэра, приняла незадолго до своего роспуска резолюцию следующего содержания: «Утвержденное успешным ходом национальной революции правительство не должно подвергаться опасности, иначе трудно будет представить себе последствия этого. Мы приветствуем подавление марксизма» [82].

---

[79] Цит. по: *Lang L., Schenck E. von.* Porträt eines Menschneits — Verbrechers. St. Gallen. 1947. S. 97.

[80] *Lewy G.* Die Katholische Kirche und das Dritte Reich. München, 1965; *Norden G.* van. Kirche in der Kriese. Die Stellung der evangelischen Kirchen zum nationalsozialistischen Staat im Jahre 1933. Düsseldorf, 1964.

[81] Цит. по: Der Spiegel. 1960. N 50. S. 42.

[82] *Herrmann H. G.* Verraten und Verkauft. Fulda, 1958. S. 33.

Буржуазный публицист Э. Бекенферде, анализируя в 60-х годах в левокатолическом журнале «Хохланд» тогдашнюю позицию католического клира, вынужден прийти к следующему не очень приятному для себя выводу: «Немецкие католики получали от своих епископов официальные авторитетные советы и указания, которые лучше бы не надо было выполнять».

И далее: «Они (ведущие деятели политического католицизма. — *А. Г.*) пытались защищать принципы нового порядка, констатировать более или менее фундаментальное единство взглядов католиков и национал-социалистов и оценивать возникновение нацистского рейха как крупный и положительный поворот» [83].

В то же время несоответствие между нацистским мировоззрением и христианским учением создавало объективные условия для превращения верности последнему в форму выражения оппозиции нацистскому режиму и фашистской идеологии. Для многих верующих несовместимость нацистского учения с христианской моралью стала катализатором, ускорившим их отход от национал-социализма и даже сопротивление ему. В свою очередь, попытки НСДАП покончить с подобными настроениями неизбежно принимали характер религиозных преследований.

Все это способствовало сплочению антифашистских сил, и прежде всего сближению верующих антинацистов и антифашистов-атеистов. Это сближение в ряде случаев принимало весьма конкретные формы, о чем, между прочим, свидетельствовал процесс, организованный фашистским режимом против католического капеллана Йозефа Россаннта и других католических священников и функционеров (апрель 1937 г.). О масштабах репрессий, связанных с этим процессом, можно судить на основании сводки Главного имперского управления безопасности от февраля 1936 г., согласно которой в одном только Дюссельдорфе по делу Россаннта было арестовано 54 человека, в том числе 8 капелланов, генеральный председатель Католического союза молодежи и др. Всем им инкриминировалось тайное сотрудничество с коммунистами.

«Было бы крупной ошибкой, — писала в это время подпольная „Роте фане“, — если бы пролетарские антифашисты не поняли значения религиозной деятельности католиков и протестантов за расширение освободительной борьбы, за движение Народного фронта против Гитлера» [84].

Поскольку в данном случае особенности идеологии национал-социализма способствовали не объединению правящих классов, как во многих других случаях, а разъединению их, на последних этапах фашистского господства антихристианская сторона нацист-

---

[83] Hochland. 1961. Febr. N 3. S. 239, 225. Цит. по: *Майер Г., Штир П.* Фашизм и политический клерикализм. М., 1963. С. 152, 163.
[84] Die Rote Fahne. 1937. N 3.

ского мировоззрения была практически «положена на лед». Показательно в этой связи, что другие национальные формы фашизма (в частности, испанский, португальский) не только не взяли на вооружение антихристианские догматы НСДАП, но, напротив, попытались при активной помощи клира сконструировать клерикальную модель фашизма.

* * *

Анализ особенностей нацистской идеологии еще раз показывает, насколько недостаточна одна лишь ее моральная оценка, на которой обычно концентрируют свое внимание ее критики из лагеря буржуазных антифашистов. Когда Хофер утверждает, что «национал-социалистский миф (как он называет нацистское мировоззрение) антирационалистичен, антигуманистичен, антидемократичен, антилиберален и антиисторичен» [85], с ним можно согласиться. Более того, перечисление отвратительных качеств нацистской идеологии можно было бы без труда продолжить. Совершенно прав и В. Репке, констатировавший, что «цивилизованный мир, достойный этого названия, должен с ужасом, презрением и отвращением отвернуться от системы взглядов, родившихся в самых потаенных, грязных уголках человеческой души и представлявших собой мешанину крайней жестокости, сентиментальности, лжи и холодного расчета, ставшей основой отвратительнейшей тирании всех времен» [86].

Все это, однако, не помогает уяснить самое главное: почему эта идеология, будучи квинтэссенцией всего самого низкого, грязного и отвратительного, что было когда-либо порождено человеческой фантазией, оказалась столь заразительной? Почему она сумела найти распространение в ряде государств с высоким культурным уровнем, в частности в Германии — стране цивилизованной, имевшей, быть может, недостаточно прочные, но все же немалые культурные, гуманистические традиции?

Ответ на эти вопросы можно найти только в том случае, если рассматривать фашистскую, и в частности нацистскую, идеологию как выражение весьма сложного переплетения социальных сил в условиях острого кризиса общественно-экономической системы.

Фашистская идеология — это буржуазная идеология, вынужденная выступать не открыто, а под чужим флагом. Само по себе явление это не новое. Еще Плеханов, ссылаясь на Маркса, постоянно подчеркивал, что, «чем больше развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитывается лицемерием идеология господствующего класса; и чем более обнаруживает жизнь лживость этой идеологии, тем возвышеннее и нравственнее становится язык этого класса» [87]. Более того, известны целые

[85] *Hofer W.* Op. cit. S. 13.
[86] *Röpke W.* Op. cit. S. 17.
[87] *Плеханов Г.* Основные вопросы марксизма. М., 1931. С. 68.

«эпохи предательства народа, скрытого под поэтическими цветами и риторической мишурой»[88].

Фашистская идеология возвела подобное лицемерие в систему и довела его до высшей степени изощренности. Как справедливо отмечал Гюнтер, «истинное классовое содержание фашистской идеологии внешне или вообще не проявлялось, или проявлялось очень неясно»[89]. Это, естественно, создавало особенно благоприятные условия для ее распространения. Речь при этом шла не о простом мелочном обмане, который было легко разоблачить при первом же сопоставлении обещаний и действительности. Специфика нацистского лицемерия состояла в том, что игра велась по крупному счету: фальсифицировались направление движения, цели и идеалы; непосредственная же социальная демагогия в той или иной степени подкреплялась соответствующей социальной практикой.

Типично фашистская идеология отражает далеко идущую готовность господствующих классов принять даже претящие им, частично идущие против их интересов, элементы идеологии других социальных сил во имя упрочения своей власти. На этой базе и возникает беспринципный конгломерат идей и взглядов, полностью лишенных нравственной основы, подобранных исключительно прагматически, по принципу наибольшей результативности. А в области идеологии прагматизм, освобожденный от морали, неизбежно аккумулирует все самое низменное, все идейные отходы тысячелетнего развития человечества. Подобно изысканному джентльмену, нанимающему убийцу, чтобы убрать с дороги неугодного человека, правящие классы, чтобы достичь цели, разбавляют свою «аристократическую» систему ценностей идеологической мутью, порожденной дикостью и невежеством не пробужденной к интеллектуальной жизни толпы. Иногда, морщась от гадливости, они принимают это месиво, ибо при определенных условиях без этого они не могли бы сохранить своих позиций.

Естественно, что на этот путь правящие классы в своем большинстве становятся лишь при крайних с точки зрения их интересов ситуациях. Следует, однако, иметь в виду, что в наше время такие ситуации возникают достаточно часто.

ГЛАВА 7

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ НАД ОБЩЕСТВОМ

Спецификой фашистского режима как политического выражения развитых государственно-монополистических отношений была особая форма организации общества, характеризовавшаяся стремлением к максимальному контролю над всеми проявлениями

---

[88] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 46.
[89] *Günther H.* Op. cit. S. 54.

общественной и личной жизни граждан. Она представляла собой решающее условие относительной прочности влияния фашистской идеологии и стабильности фашистского режима.

На роль организации как важнейшей предпосылки успеха фашистского движения не раз ссылался фашистский фюрер. «Первейшая задача пропаганды, — писал он в «Майн кампф», — завоевать на свою сторону людей, чтобы иметь возможность организовать их. Первейшая задача организации людей состоит в том, чтобы закрепить их приверженность, получив, таким образом, возможность продолжать и углублять пропаганду» [1].

Большое внимание, уделявшееся организации, сыграло важную роль в превращении НСДАП из небольшой секты в массовую политическую партию. В критические дни конца 1932—начала 1933 г. оно помогло фашистским лидерам убедить колебавшиеся круги монополистической буржуазии в том, что НСДАП — это единственная сила, способная положить конец политическому кризису и восстановить пошатнувшиеся основы капиталистической системы в Германии. После образования кабинета Гитлера—Папена, в котором национал-социалисты составляли меньшинство, наличие необходимой организации позволило им в течение кратчайшего срока захватить в свои руки решающие рычаги власти, изолировать своих партнеров и обеспечить себе роль единственной политической силы, контролирующей государственную и общественную жизнь страны.

Однако наиболее важную роль наличие разветвленной организации сыграло на более позднем этапе, когда после первых месяцев пребывания у власти НСДАП оказалась перед необходимостью платить по векселям, выданным ею, будучи в оппозиции. Эти обещания были столь противоречивы и нереальны, что никакая социальная демагогия сама по себе не выдержала бы напора социальных сил, требовавших хотя бы их частичной реализации. И если бы не созданный к тому времени механизм фашистской диктатуры, явившийся дальнейшим развитием организации, созданной НСДАП прежде, нацистский режим не смог бы удержаться у власти.

Механизм этот был весьма разветвленным. С одной стороны, это был аппарат террора, основной задачей которого было подавление и физическое уничтожение всех действительных и потенциальных противников. С другой — аппарат организационного воздействия на население, который обеспечивал контроль над всеми формами общественной деятельности. С третьей — это был аппарат по пропагандистской обработке широких народных масс, занимавшийся формированием общественного мнения и идеологии. Функции этих трех аппаратов тесно переплетались. Палачи и тюремщики выступали в роли руководителей общественных организаций и занимались пропагандой. Пропагандисты принимали участие в террори-

---

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1930. S. 654.

стических акциях и т. д. Однако в основном каждый все же занимался своим делом. Поэтому деятельность всех трех аппаратов заслуживает того, чтобы быть рассмотренной отдельно.

Фашистский аппарат террора

Первоначально основу фашистского аппарата террора составляли штурмовые отряды (СА). Возникшие в августе 1921 г. из небольшой организации по охране митингов и собраний НСДАП, они быстро превратились в своеобразные партийные вооруженные силы, использовавшиеся национал-социалистами, с одной стороны, для подготовки фашистского переворота, а с другой — для осуществления террора, направленного против политических противников, и прежде всего против организованных, классово сознательных рабочих.

Как уже говорилось, провал фашистского путча 1923 г., вызвавший глубокий кризис в национал-социалистской партии, привел к фактическому распаду штурмовых отрядов. Однако после реорганизации партии Гитлером в 1925 г. они опять возродились в качестве массовой полувоенной, террористической организации. Данные о численности СА в конце 20-х—начале 30-х годов весьма противоречивы. Известно, однако, что в параде штурмовиков, организованном в 1926 г. в связи с нацистским партийным съездом, приняли участие, по разным источникам, от 10 до 30 тыс. человек [2]. Даже если взять за основу наименьшую цифру, она говорит о том, что уже через год после воссоздания НСДАП штурмовые отряды были довольно многочисленными.

Последующие годы привели к дальнейшему росту численности СА. В 1928 г. в параде, приуроченном к съезду НСДАП, приняло участие уже от 30 до 60 тыс. штурмовиков. В 1931 г. на парад, организованный в честь создания Гарцбургского фронта, было выведено, по разным данным, от 50—60 до 104 тыс. членов штурмовых отрядов. В докладной записке о деятельности НСДАП, подготовленной в начале 1932 г. прусским министерством внутренних дел, численность штурмовых отрядов определялась в 225 тыс. человек [3]. К моменту прихода нацистов к власти они располагали армией штурмовиков, насчитывавшей около 500 тыс. человек [4].

После 30 января 1933 г. штурмовые отряды росли еще быстрее. Они поглотили многочисленные военизированные союзы, примыкавшие прежде к другим правым партиям. В них массами шли деклассированные элементы, спешившие урвать свою долю государственного пирога. Ношение коричневой формы штурмовиков стало своего рода модой в высших слоях общества, демонстрировавших тем самым поддержку «нового режима».

Согласно данным партийной статистики НСДАП, на 1 января

---

[2] См.: *Bennecke H.* Hitler und die SA. München; Wien, 1962. S. 140.
[3] Ibid. S. 174.
[4] Ibid. S. 213.

1935 г. в организации СА насчитывалось 3 543 099 человек. В том числе: в штурмовых отрядах — 1 499 034, в морских штурмовых отрядах — 64 428, в воздушных штурмовых отрядах — 105 256, в 1-м резерве СА — 497 610, во 2-м резерве СА — 1 376 771 человек.

При этом члены НСДАП составляли всего лишь 23,8 % членов организации СА [5].

Еще до прихода Гитлера к власти на счету СА были многочисленные нападения на рабочие митинги и демонстрации, организация побоищ в рабочих кварталах, похищения, избиения и убийства активистов рабочего и особенно коммунистического движения [6]. Однако особенно развернулись штурмовые отряды после назначения Гитлера рейхсканцлером. В первые же дни после создания кабинета министров с участием национал-социалистов на СА были возложены функции вспомогательной полиции. Этот формальный акт, засвидетельствовав безнаказанность погромщиков из штурмовых отрядов, развязал волну разнузданного коричневого террора, подобной которой не знала не только Германия, но ни одно цивилизованное государство.

Преследования политических противников и всех «неугодных» лиц приняли массовый характер. Штурмовики врывались в квартиры активистов рабочего движения и демократически настроенных деятелей прежнего режима, вытаскивали их на улицу, избивали, подвергали унижениям. Под шумок сводились личные счеты: ликвидировались недруги, соперники, кредиторы. Начались массовые преследования по расовому признаку — предтеча последующего массового уничтожения еврейского населения.

Стали возникать концентрационные лагеря, превратившиеся впоследствии в неотъемлемую составную часть нацистского режима. Их создавали всюду, где только находилось помещение, пригодное для тюремных целей. Список организованных штурмовиками в 1933 г. наиболее крупных концентрационных лагерей, приводимый Г. Кюнрихом, автором книги «Государство концентрационных лагерей», насчитывает 26, из них 3 в самом Берлине [7]. Но это, как подчеркивает Г. Кюнрих, только наиболее известные. Практически в первые месяцы 1933 г. концентрационным лагерем была почти каждая казарма штурмовых отрядов.

После того как первая волна террора спала, нацистские власти, напуганные бурной реакцией мировой общественности, грозившей подорвать еще непрочные позиции фашистского режима, попытались снять с себя ответственность за него, объявив наиболее отвратительные эксцессы результатом «подстрекательской деятельности» пробравшихся в СА «враждебных национал-социализму элементов». Для видимости некоторые наиболее усердствовавшие в зверствах штурмовики были изгнаны из СА. В дей-

---

[5] Ibid. S. 214.

[6] См.: *Engelsbrechten A. von.* Eine braune Armee entsteht. Die Geschichte der Berlin — Brandenburger SA. München; Berlin, 1937.

[7] *Kühnrich H.* Der KZ-Staat. [West] Berlin. 1960. S. 17.

ствительности же волна террора, несмотря на ее неорганизованный характер, была результатом сознательно планировавшейся политики нацистского правительства и преследовала две основные цели. Во-первых, она должна была создать в стране атмосферу паники, парализовать противников фашизма, обеспечив тем самым благоприятные условия для стабилизации власти национал-социалистского правительства. Только в такой атмосфере нацистская партия и могла в кратчайший срок осуществить унификацию всего государственного аппарата. Во-вторых, она должна была дать выход низменным страстям сторонников национал-социализма, ждавших «реальных результатов» от прихода к власти своей партии. Возможность безнаказанного сведения политических и личных счетов, с одной стороны, отвлекала массы штурмовиков от социальных требований, а с другой — связывала их по рукам и ногам с нацистским режимом, непосредственными участниками преступлений которого они тем самым становились.

Однако в качестве орудия постоянного, организованного террора, в котором нуждались фашистские власти, СА использовать было трудно. Для этого они были чересчур многочисленными и рыхлыми. Это был не только инструмент политики террора, но и своеобразная массовая организация со своими специфическими требованиями и устремлениями.

Участие в терроре временно отвлекло штурмовиков от интересовавших их социальных проблем, но заставить забыть о них не могло. Уже летом 1933 г. недовольство политикой правительства, не спешившего с реализацией своих обещаний, особенно в социальной области, и всячески подавляющего антикапиталистические настроения, проявлявшиеся в рядах партии, и прежде всего в штурмовых отрядах, приобрело острые формы. В середине года произошли бунты в штурмовых отрядах Берлина, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, Дрездена, Эссена, Дортмунда, Касселя, Кёнигсберга и Фрайбурга [8]. В связи с этим национал-социалистскому руководству пришлось предпринять экстраординарные меры. Началась массовая чистка штурмовых отрядов. В августе 1933 г. были распущены все отряды СА во Франкфурте-на-Майне. В одном только Берлине из СА было исключено 3870 человек. Всего же к концу 1933 г. из СА было изгнано около 200 тыс. штурмовиков [9]. Некоторые из них вскоре оказались в тех самых концентрационных лагерях, которые создавали своими руками.

Уже первая чистка серьезно ослабила значение штурмовых отрядов как главного инструмента фашистского террора. Однако наиболее сильный удар по ним нанесли события 30 июня 1934 г., завершившиеся физическим уничтожением почти всей их верхушки. После этой варфоломеевской ночи фактическое значение

---

[8] *Schumann H.* National-Sozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover; Frankfurt a. M. 1958. S. 90.
[9] Ibid.

СА в иерархии нацистских организаций постоянно падало. Главным инструментом государственно организованного террора стала выросшая в недрах штурмовых отрядов организация, получившая широкую известность как СС [10].

СС, или «охранные отряды», возникли из небольшой группы личных телохранителей Гитлера, созданной в марте 1923 г., в период активной подготовки нацистской партии к путчу. Впервые они начали приобретать значение как самостоятельная организация в 1925 г., когда в связи с запретом СА им было поручено выполнение функций, принадлежавших прежде штурмовым отрядам, и в частности охрана собраний и митингов НСДАП и разгон собраний и митингов ее политических противников [11]. Отмена запрета СА в 1926 г. сразу же ослабила значение «охранных отрядов», численность которых составляла тогда всего 200 человек. Они были влиты в СА в качестве их неотъемлемой составной части.

Начало нового подъема СС было связано с решением Гитлера превратить эту организацию в заслуживающую особого доверия «отборную часть» и с назначением на пост руководителя «охранных отрядов» секретаря Грегора Штрассера — Гиммлера [12].

С этого времени значение и влияние СС в НСДАП постоянно увеличивается. Если в 1929 г., к моменту назначения Гиммлера, «охранные отряды» насчитывали всего 280 человек, то в 1930 г. их численность составила 2 тыс., в 1931 г. — 10 тыс., в 1932 г. — 30 тыс. человек. Ко дню прихода Гитлера к власти «охранные отряды» насчитывали уже 52 тыс. человек [13].

В отличие от СА, не ставивших никаких препон для вступления в свои ряды (чем и объяснялся их более быстрый рост), «охранные отряды» с самого начала производили тщательный отбор кандидатов, стремясь таким образом сохранить характер особо доверенной организации.

Еще до того как НСДАП стала правящей партией, СС, благодаря изощренной тактике Гиммлера, сумевшего завоевать особое доверие фюрера, присвоила себе двойственные функции. С одной стороны, она выступала в роли хранителя расовой чистоты НСДАП, главного источника формирования нацистской элиты. В этой связи особое значение получило созданное Гиммлером в рамках СС так называемое «Расовое и поселенческое управление» («Рассе-унд-зидлунгсамт»). С другой — она во все большей степени превращалась в своеобразную внутреннюю партийную полицию, в задачи которой входила борьба против «подрывной деятельности» в самой

---

[10] См.: *Buchheim H.* SS und Polizei im NS-Staat. Duisdorf bei Bonn, 1964; *Höhne H.* Der Orden unter dem Toten Kopf. Die Geschichte der SS. Hamburg, 1966; *Ramme A.* Der Sicherheitsdienst der SS. [West] Berlin, 1970; *Aronson S.* Reinhard Heydrich und die Frühgeschichte der Gestapo und SS. Stuttgart, 1971.

[11] *D'Alquen G.* Die SS Geschichte, Aufgabe und Organisation der Schutzstaffeln der NSDAP. B., 1939. S. 7.

[12] Das Dritte Reich im Aufbau. B., 1939. Bd. III. S. 204.

[13] *Bramstedt E.* Dictatorship and Political Police. N. Y., 1945. P. 72.

партии, т. е. против оппозиционных партийных групп. Для осуществления этой функции Гиммлером была создана собственная контрразведка, маскировавшаяся первоначально под «службу информации и печати» («ИЦ-динст» и «ПИ-динст»), а затем получившая известность как «служба безопасности» («Зихерхайтсдинст-СД»)[14].

«Заслуги» «охранных отрядов» перед Гитлером, особенно в полицейской и контрразведывательной области, позволили Гиммлеру сразу же после захвата нацистами власти наложить руку на государственные органы полиции. Уже в апреле 1935 г. имперский фюрер СС был назначен начальником политической полиции Баварии. Вскоре после этого Гиммлеру было поручено руководство политической полицией в других немецких землях. Исключение составляла Пруссия, где политическая полиция находилась в руках Геринга как прусского премьер-министра. Однако в апреле 1934 г. Гитлер, вопреки желанию Геринга, назначил Гиммлера его заместителем в качестве шефа тайной государственной полиции Пруссии. В результате к середине 1934 г. в руках имперского фюрера СС оказалась сконцентрированной вся полицейская власть в стране. Тем самым были заложены основы того практически неограниченного влияния, которым вскоре стали пользоваться СС в «третьей империи».

Важнейшее значение для дальнейшего укрепления позиций СС имела роль, которую сыграла эта организация в событиях 30 июня 1934 г. Приняв решающее участие в расправе над руководителями штурмовых отрядов, СС не только продемонстрировала свою непоколебимую верность Гитлеру, готовность безоговорочно выполнить любое его распоряжение, но и одним ударом расправилась со своим главным соперником в борьбе за господствующие позиции. Непосредственным результатом этого был указ Гитлера от 13 июля 1934 г., согласно которому «в ознаменование огромных заслуг» «охранные отряды» были выделены из состава СА и объявлены самостоятельным подразделением национал-социалистской партии[15].

Уже к 1935 г. СС представляла собой разветвленную организацию, щупальцы которой проникали во все отрасли государственной и общественной жизни.

К этому времени она насчитывала около 165 тыс. членов. В начале 1937 г. в СС состояло 210 тыс. человек, а к началу войны — около 260 тыс.[16]

Основу организации составляли три главных управления, символизировавшие три основные сферы деятельности СС, — общее Главное управление, Главное управление по расовым и поселенческим вопросам и Главное управление имперской безопасности.

Общему Главному управлению подчинялись созданные к тому

[14] *D'Alquen G.* Op. cit. S. 22—23.
[15] *Neusüss-Hunkel E.* Die SS. Hannover; Frankfurt a. M., 1956. S. 14.
[16] Ibid. S. 18.

времени три группы эсэсовских соединений: «общие отряды» («Альгемайне СС»), «караульные отряды» («СС-вахфербенде»), или, как их иначе называли, «отряды мертвой головы» («Тотенконффербенде»), и «отряды для поручений» («СС-ферфюгунгструппе»).

Каждая из перечисленных групп имела особую структуру и особые задачи.

«Общие отряды» были своего рода клубом «нацистской элиты», пребывание в котором открывало неограниченные возможности продвижения по чиновной государственной и партийной лестнице. Из числа членов «общих отрядов» вербовались офицеры для полиции и других карательных органов. Члены «общих отрядов» назначались на руководящие должности в многочисленные «общественные» организации, созданные национал-социалистами. Сам факт членства в СС расчищал путь для успешной деловой карьеры, ибо свидетельствовал, что за спиной данного человека стоит столь мощная и влиятельная организация.

Для простых обывателей вступление в «общие отряды» было связано со сложной и длительной процедурой. Член организации гитлеровской молодежи, пожелавший попасть в «общие отряды», после тщательной проверки его расовой, физической и политической пригодности, объявлялся по исполнении 18-летнего возраста «претендентом». После испытательного срока он принимался в отряд в качестве кандидата и проходил там военно-спортивную подготовку. Затем он призывался на военную службу и только после демобилизации и прохождения дополнительного испытательного срока, во время которого он подвергался идеологической обработке, окончательно зачислялся в полноправные члены СС [17].

Для представителей правящих классов, занимавших видные общественные или экономические позиции, путь в «общие отряды» был предельно облегчен. Для многих из них было достаточно лишь изъявить желание, чтобы не только быть зачисленным в «общие отряды», но и получить звание почетного офицера СС. Носителю такого звания оно было весьма выгодно, ибо представляло собой официальное подтверждение прочности его положения в нацистском обществе. Для СС раздача такого рода званий открывала широкую возможность осуществления через своих людей надзора за деятельностью всех ответвлений государственного аппарата.

Обязанности членов «общих отрядов» были необременительны. Пребывание в них считалось общественной деятельностью и не требовало отрыва от основной работы. Отряды занимались различными видами военно-спортивной подготовки (в том числе автомобильным и конным спортом), участвовали в парадах, проводили сборы. Но главная их задача состояла, разумеется, не в этом. Принеся клятву Гитлеру на безоговорочную верность и объявив целью своей жизни беспощадное истребление всяческой

[17] *D'Alquen G.* Op. cit. S. 18.

крамолы, каждый член «общих отрядов», чувствуя себя представителем особого ордена, призванного «царить и княжить», сам по себе становился активным носителем террора. Не ожидая директив, он в любое время, на работе и вне работы, следил за поведением окружающих, давил на них своим присутствием, широко пользуясь в то же время правом привлекать карательные органы. В случае «необходимости» (демонстраций, забастовок, волнений) «общие отряды» могли быть быстро мобилизованы и брошены против «внутреннего врага» [18].

После начала войны «общие отряды» СС стали главным резервуаром, из которого черпались кадры для так называемых «войск СС» и «оперативных групп» СД, прославившихся крайней жестокостью, массовыми экзекуциями, политикой геноцида и т. д.

Эсэсовские «отряды для поручений» были малочисленнее «общих отрядов». Первоначально они насчитывали 4—5 тыс. человек, а к началу войны — 18 тыс. В отличие от последних они представляли собой профессиональные полицейские соединения, отличавшиеся от обычной военизированной полиции лишь своим привилегированным положением. Главной задачей «отрядов для поручений» считалось обеспечение порядка на «внутреннем фронте», особенно в военных условиях. По сути же дела, это было личное войско Гитлера, его преторианская гвардия, которой он давал самые щекотливые и самые грязные задания [19].

Существование третьей группы — «караульных отрядов» («отрядов мертвой головы») было тесно связано с созданной нацистским руководством системой стационарных концентрационных лагерей [20].

Уже после первых чисток, проведенных в штурмовых отрядах, и особенно после событий 30 июня 1934 г. охрана концентрационных лагерей, созданных в первые месяцы фашистского господства, была изъята из рук штурмовиков и передана эсэсовцам. В результате управление концентрационными лагерями превратилось в одну из главных задач, стоявших перед СС, и неразрывную составную часть их деятельности.

Передача концентрационных лагерей под эгиду СС сопровождалась рядом организационных изменений. Масштабы этой формы террористической, репрессивной деятельности были значительно расширены, импровизацию, порожденную взрывом страстей, заменила холодная, продуманная система массового уничтожения людей, которой был придан официальный характер.

Первым образованным СС крупным концентрационным лагерем был лагерь в Дахау (близ Мюнхена). Важную роль в его создании

[18] См.: *Himmler H.* Die SS als antibolschewistische Kampforganisation. München, 1936.
[19] *Neusüss-Hunkel E.* Op. cit. S. 39.
[20] *Broszat M.* Nationalsozialistische Konzentrationslager, 1933—1945 // Anatomie des SS-Staates. Olten; Freiburg, 1965. Bd. II. S. 42.

сыграл штандартенфюрер СС Эйке, принявший впоследствии самое активное участие в образовании других фабрик смерти.

Осенью 1934 г. в рамках общего Главного управления было создано Управление инспектора «караульных отрядов» и концентрационных лагерей, которому было поручено развертывание сети концлагерей и обеспечение их охраны. На пост начальника управления был назначен тот же Эйке. В ведение управления были переданы уже существовавшие к тому времени концлагеря Дахау, Заксенхаузен (близ Орениенбурга), Папенбург с подчиненными ему «рабочими лагерями» Эстервеге, Ной-Зуструм, Бергермоор и Апендорф-Фюльсбюттель (около Гамбурга), Лихтенбург (Силезия), Моринген (Рурская область) и Колумбиахауз (Берлин). Впоследствии некоторые наиболее мелкие лагери были ликвидированы и вместо них созданы крупные, в том числе печально известные Бухенвальд, Флоссенбург, Маутхаузен, Равенсбрук, а после начала войны — лагеря уничтожения: Освенцим, Майданек; Тремблинка и другие.

«Караульные отряды» были созданы для обеспечения охраны концентрационных лагерей. Они также представляли собой профессиональные полицейские войска, рядовой состав которых вербовался преимущественно из лиц, прошедших военную службу, а офицерский — из бывших офицеров кайзеровской армии и рейхсвера. Основным условием найма в «караульные отряды» было беспрекословное подчинение приказам вышестоящих начальников и крайняя жестокость по отношению к заключенным. Сознательно насаждавшийся в «караульных отрядах» культ насилия в сочетании с гарантированной безнаказанностью во всем, что касалось жизни и смерти узников, привели к расцвету в «караульных отрядах» крайних форм садизма.

Из личного состава «караульных отрядов» формировались как администрация, так и внешняя охрана лагерей. Лица, не занятые в лагерях, проходили военную подготовку.

Постепенно «караульные отряды» превратились в мобильные полицейские части, которые, по-прежнему выполняя функции лагерной охраны, одновременно готовились к подавлению внутренних беспорядков, подобно «отрядам для поручений». К началу 1937 г. в «караульных отрядах» насчитывалось 8—9 тыс. человек, разбитых на три полка (штандарта): «Верхняя Бавария», «Бранденбург» и «Тюрингия». После аншлюсса Австрии был создан четвертый штандарт — «Остмарк» [21].

После начала второй мировой войны на базе «общих отрядов», «отрядов для поручений» и «караульных отрядов» были созданы специальные эсэсовские воинские соединения, образовавшие особый род войск германских вооруженных сил — войска СС («Ваффен-СС»). В 1939—1940 гг. были сформированы первые четыре эсэсовские дивизии: танковая эсэсовская дивизия «Лейб-

[21] *Neusüss-Hunkel E.* Op cit. S. 29.

штандарте Адольф Гитлер», танковая эсэсовская дивизия «Дас рейх», танковая эсэсовская дивизия «Тотенкопф» и гренадерская эсэсовская полицейская дивизия. К этому времени численность войск СС составила примерно 100 тыс. человек.

По мере расширения масштабов войны войска СС становились все многочисленнее. В 1940 г. их состав был увеличен на 50 тыс. солдат и офицеров, в 1941 г. — еще на 70 тыс., в 1942 г. — на 110 тыс., в 1943 г. — на 210 тыс., в 1944 г. — еще на 370 тыс. Всего в декабре 1944 г. в войсках СС насчитывалось, по некоторым данным, примерно 950 тыс. человек [22].

Первоначально войска СС формировались на добровольной основе. Позднее, ввиду больших потерь и недостатка в добровольцах нацистские власти начали направлять в эсэсовские части и мобилизованных. В ходе военных действий пришлось также отказаться от тщательного расового отбора. Из примерно 400—500 тыс. добровольцев, насчитывавшихся в войсках СС, примерно 200 тыс. составляли иностранные фашисты, среди которых далеко не все могли похвалиться чистотой германской, арийской крови [23].

Создание войск СС еще больше укрепило позиции этой организации в системе фашистской диктатуры, ибо предоставляло в ее распоряжение мощные вооруженные силы [24].

Не менее важную роль в механизме фашистской диктатуры играло Главное управление имперской безопасности РСХА. Провозглашенное указом Гесса от 9 июня 1934 г. единственной разведывательной службой национал-социалистской партии, оно превратилось вскоре во всепроникающую систему тотального шпионажа как внутри страны, так и за границей [25]. В состав РСХА была включена Государственная тайная полиция (гестапо). В ведение Главного управления имперской безопасности входила организация диверсионной, подрывной деятельности за границей, основанной, в частности, на использовании ирредентионистских настроений среди немецких национальных меньшинств в других странах. Параллельно военной разведке РСХА создало разветвленный аппарат военного шпионажа.

Вся Германия была покрыта сетью тайной агентуры. На любом предприятии, в любом учреждении, в любой организации, не исключая и органы НСДАП, имелись свои агенты: либо так называемые доверенные лица («Ф-лёйте») — члены НСДАП, выполнявшие функции по слежке без какого-либо вознаграждения, либо просто шпики («А-лёйте» и «Ц-лёйте»), получавшие постоянную или «сдельную» оплату.

Их донесения, обобщавшиеся в центральном аппарате (в частности, в III управлении Главного управления имперской безопас-

---

[22] Ibid. S. 104.
[23] Ibid.
[24] См.: *Görlitz W.* Die Waffen-SS. Berlin; Grünewald, 1960.
[25] См.: *Hagen W.* Die geheime Front. Linz; Wien, 1950; *Schelenberg W.* Memoiren. Köln, 1956.

ности), использовались, во-первых, для принятия репрессивных мер — в этом случае они передавались гестапо, во-вторых, для составления сводок о моральном состоянии и настроениях населения (содержание этих сводок принималось во внимание при политических решениях нацистского руководства, а также при определении главных направлений в пропагандистской деятельности) и, в-третьих, для составления секретных досье на всех более или менее известных политических, общественных и других деятелей. Последнее обеспечивало руководителям РСХА и соответственно СС особо большое влияние. Располагая компрометирующим материалом почти на всех видных партийных и государственных чиновников «третьей империи», они имели возможность, прибегая к шантажу, добиваться всех своих целей.

Наряду с сетью агентов Главное управление имперской безопасности имело собственные формирования — отряды СД, существовавшие наряду с другими формированиями СС. Роль этих формирований особенно возросла после начала войны, когда нацистское руководство поручило СД «наведение порядка» на оккупированных территориях, и прежде всего на территории Советского Союза.

В мае 1941 г. на основе соглашения между верховным командованием германской армии и рейхсфюрером СС были созданы оперативные группы и «зондеркоманды» СД. В обязанности этим группам и командам было вменено «умиротворение» населения во фронтовой полосе, «очищение» от враждебных элементов армейских тылов и борьба с «подрывной деятельностью» в районах, управляемых так называемой «восточной администрацией». «Умиротворение» и «очищение», осуществляемое оперативными группами и «зондеркомандами» СД, заключалось, как следует из официальных документов Главного управления имперской безопасности, в уничтожении пленных комиссаров Советской Армии, политических деятелей, активных коммунистов, партизан, помощников партизан, «саботажников и агитаторов», «бродяг», а также евреев [26]. О масштабах этой деятельности можно судить по следующим неполным данным. Насчитывавшая 400—500 человек оперативная группа «Д», оперировавшая на южном участке советско-германского фронта (начальник — оберштурмбанфюрер, а впоследствии группенфюрер Отто Олендорф), в течение первого года своего существования уничтожила 90 тыс. мужчин, женщин и детей [27]. Согласно донесению начальника оперативной группы «А» штандартенфюрера Шталекерса, в результате первых четырех месяцев деятельности его группы было «ликвидировано» 135,5 тыс. человек [28]. Оперативная группа «Б», оперировавшая в Белоруссии,

---

[26] *Neusüss-Hunkel E.* Op. cit. S. 100.
[27] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. М., 1957—1961. Т. 4. С. 629—630.
[28] *Neusüss-Hunkel E.* Op. cit. S. 100.

с июля 1941 по 15 декабря 1942 г. уничтожила 134 198 человек[29] и т. д.

Третье Главное управление — по расовым и поселенческим вопросам, формально отношения к террору не имело. В его обязанности входила реализация той части идеологической программы национал-социализма, которая касалась расовых вопросов. Управление занималось осуществлением на практике расовых идей, особенно в области евгеники, с которыми носились нацистские руководители: проводило проверку расовой чистоты членов СС, а также всех желающих поступить в «охранные отряды», удостоверяло расовую пригодность невест членов СС, руководило организацией «Лебенсборн», призванной готовить расово чистое пополнение, разрабатывало планы создания эсэсовских поселений на оккупированных территориях.

В действительности же и это Главное управление представляло собой важный рычаг террора как физического, так и морального. Практически Главное управление контролировало всю политику в области «расовой гигиены», проводимую в «третьей империи». Тем самым оно направляло все преследования по расовым мотивам. Одновременно это Управление руководило политикой германизации захваченных районов, в частности путем уничтожения коренного населения.

На протяжении 12 лет нацистского господства структура организации СС несколько раз менялась. В частности, было увеличено число главных управлений: к трем существовавшим ранее были добавлены Главное управление полиции порядка, Главное административное и хозяйственное управление, Главное управление по делам «фольксдойче» и т. д.[30] Однако основные черты структуры сохранились прежними.

Координация деятельности государственных и партийных органов террора осуществлялась в результате сосредоточения в руках одного человека (рейхсфюрера СС) высших партийных и государственных полномочий в этой области. На более низком уровне — в главных участках СС, соответствовавших военным округам, — это объединение функций находило выражение в назначении руководителей главных участков СС (СС оберабшнитфюрер) высшими руководителями СС и полиции (фюрер СС-унд полицейфюрер).

На случай возникновения беспорядков или необходимости проведения террористической акции в распоряжении руководителя главного участка СС имелись размещавшиеся на подведомственной ему территории «отряды для поручений», «караульные отряды», резервные части «караульных отрядов», «общие отряды», специ-

---

[29] ЦГАОР БССР. Ф. 655. Оп. 1. Д. 3. Л. 203. Цит. по: Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1963. С. 121. См. также: Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 114 и след.

[30] *Neusüss-Hunkel E.* Schema h., S. 140.

альные части СС, аппарат уполномоченного СД с подчиненными ему частями, местное управление государственной полиции, местное управление уголовной полиции и военизированные отряды полиции порядка. И весь этот механизм мог быть приведен в действие почти мгновенно.

Физическое уничтожение противников осуществлялось в основном, если не считать нескольких организованных властями массовых погромов, через органы юстиции и систему концентрационных лагерей, о которых уже шла речь выше. Полные данные, которые бы характеризовали действительные масштабы физического уничтожения национал-социалистами своих действительных или предполагаемых противников, отсутствуют. Подсчеты, сделанные антифашистскими организациями и отдельными исследователями, рисуют лишь фрагментарную картину, которая, однако, и так весьма впечатляюща.

На VII конгрессе Коминтерна были опубликованы данные МОПРа, согласно которым к началу 1935 г. (за два года пребывания у власти) нацисты убили свыше 4200 человек, арестовали 517 тыс., подвергли пыткам и ранили 218 600 [31].

По данным Г. Вайзенборна, к 10 апреля 1939 г. в «третьей империи» находились под арестом по политическим мотивам 27 369 обвиняемых, 112 432 осужденных и 162 734 так называемых превентивных заключенных [32].

Всего до начала войны нацистскими судьями было проведено 86 массовых процессов. В ходе этих, а также многочисленных других судебных разбирательств 225 тыс. немецких граждан были приговорены к примерно 600 тыс. годам тюремного заключения [33].

Через одни лишь концентрационные лагеря, находившиеся на территории «Германской империи», было «пропущено» к началу войны около одного миллиона человек [34].

Во время войны число заключенных резко увеличилось как за счет немцев, так и за счет военнопленных и граждан оккупированных стран. Показательны в этом отношении, например, данные за 1944 г. В январе этого года в Германии было арестовано 42 580 человек, в феврале — 45 044, в марте — 46 302, а в общей сложности — 135 926 человек. В последующие три месяца — апреле, мае, июне — было взято под стражу 170 670 человек. Всего в 1944 г. было арестовано не менее полумиллиона.

В 1943 г. в немецких тюрьмах было казнено (не считая «экзекуций» в концентрационных лагерях) 5684 человека, в 1944 г. — 5764. В одной лишь тюрьме Бранденбург с 22 августа 1940 г. по

[31] *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. М., 1935. С. 14.
[32] *Weisenborn G.* Der lautlose Aufstand. Hamburg, 1953. S. 13, 38.
[33] *Hirsch K.*, Die Blutlinie. Frankfurt a. M., 1960. S. 113.
[34] *Weisenborn G.* Op. cit. S. 13.

20 апреля 1945 г. было произведено 2042 казни, из них — 1807 по политическим мотивам [35].

Среди предъявленных обвинений наиболее частыми были: измена режиму (хохферрат), измена родине (ландесферрат), сопротивление государственной власти, саботаж, подрыв военных усилий, слушание зарубежных передач, нарушение трудовой дисциплины [36].

Более детальное представление о масштабах преследований в нацистской Германии могут дать следующие сведения о числе заключенных в наиболее крупных концентрационных лагерях, расположенных на территории «Германской империи» [37]:

Год	Бухенвальд	Дахау	Флоссенбург	Маутхаузен	Равенсбрук	Заксенхауаен
1933		2 405				
1934		2 105				
1936		2 400				
1937	2 561	— *				2 523
1938	11 028	18 000	1 800	1 010		8 309
1939	11 807	— *	1 800	2 772	867	12 168
1940	7 440	— *	2 800	3 047	10 000	10 577
1941	7 911	10 000	3 400	— *	12 000	10 709
1942	9 517	14 000	3 600	5 775	14 000	16 577
1943	37 319	50 000	4 500	16 812	26 000	28 224
1944	63 048	47 000	28 900	66 328	42 000	75 000
1945	80 436	67 000	31 170	71 089	50 000	70 000

* — нет данных.

Действительный рост числа заключенных был еще большим, ибо хотя перечисленные лагеря не считались лагерями уничтожения, смертность в них была исключительно велика [38]. Так, в Бухенвальде из направленных туда 240 тыс. человек умерло 56 545 [39], в Маутхаузене из 335 тыс. — 122 767, в Равенсбруке из 130 тыс. — 92 700, в Заксенхаузене из примерно 200 тыс. — свыше 90, в Флоссенбурге из 112 тыс. — 73 296 и т. д.[40]

В августе 1944 г. в концентрационных лагерях, по официальным данным Главного административного и хозяйственного управления СС, находилось 379 167 заключенных мужчин и 145 119 заключенных женщин. Ближайшие поступления в лагеря оценивались в 612 тыс. человек. Это позволяет считать, что всего в 1944 г. в концентрационных лагерях содержалось одновременно не менее одного миллиона заключенных [41].

---

[35] *Hirsch K.* Op. cit. S. 113.

[36] Deutschland im zweiten Weltkrieg: In 2 Bde. Köln, 1974, 1975. Bd. 1. S. 375—376.

[37] *Künrich H.* Op. cit. S. 113. Данные на конец соответствующего года.

[38] См. по этому вопросу подробно: СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 1960; Бухенвальд: Документы и сообщения. М., 1962; Женщины Равенсбрюка. М., 1960; *Дагнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. М., 1963.

[39] Бухенвальд. С. 106—107.

[40] *Kühnrich H.* Op. cit. S. 115. См. также: *Дагнер Ш.* Указ. соч. С. 196, 201, 203, 211 ff.; Die Tat. 1958. 22. Febr.

[41] *Kühnrich H.* Op. cit. S. 114—115.

В специальном рассмотрении нуждается практика фашистского расового террора.

С января 1933 г. — времени прихода нацистов к власти, началась практическая реализация расистских проектов. Ее первоначальным этапом было создание для еврейского населения в Германии (как и для цыган) таких условий, которые бы вынудили их покинуть немецкую территорию. Эта стратегия была четко изложена, в частности, в циркулярном письме, которое направило в январе 1939 г. всем дипломатическим и консульским представительствам министерство иностранных дел Германии [42].

Для достижения данной цели применялись различные приемы. Государственные и партийные власти инспирировали антиеврейские эксцессы, решающую роль в которых играли вооруженные подразделения национал-социалистской партии, и прежде всего штурмовые отряды. Избиения граждан еврейской национальности перерастали в массовые погромы, сопровождавшиеся всевозрастающим числом жертв. В государственных учреждениях и общественных организациях, избежавших запрета, в соответствии с распоряжениями, шедшими сверху, началась повсеместная «аризация»,— т. е. чистка от «расово неполноценных элементов». Большое число евреев стало жертвой повальных арестов, призванных «изъять из политической жизни» всех действительных и потенциальных противников фашизма.

Была предельно затруднена экономическая деятельность еврейского населения. Еврейские предприятия были подвергнуты «особому обращению», подрывавшему их конкурентоспособность. Пикеты штурмовиков, установленные у еврейских магазинов, отпугивали покупателей, ускоряя тем самым крах этих предприятий. С помощью угроз и насилий евреев принуждали передавать свои права на собственность должностным лицам нацистского режима.

Дискриминация, осуществлявшаяся явочным порядком, подкреплялась мерами юридического плана. Один за другим принимались законы, ограничивавшие правоспособность еврейского меньшинства. Евреям запрещалось занимать государственные должности, участвовать в деятельности общественных организаций, заниматься свободными профессиями, связанными с обслуживанием «арийского населения». В сентябре 1935 г. были введены так называемые нюрнбергские законы, практически лишившие еврейское население всякой юридической защиты. В соответствии с этими законами евреи лишались германского гражданства. Были запрещены браки между евреями и гражданами германской или родственной ей крови. Интимные отношения между евреями и «арийцами» объявлялись уголовным преступлением [43].

---

[42] См.: *Eichholz D., Gossweiler K., Ruge W.* et al. Faschismus in Deutschland. Faschismus der Gegenwart. Köln, 1980. S. 213.

[43] Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. М., 1970, С. 151.

Дискриминация и преследования породили волну эмиграции. Германию покинули многие представители еврейской интеллигенции. Начали выезжать и наиболее состоятельные члены еврейской общины, имевшие капиталовложения за границей. Однако основная масса еврейского населения, несмотря на гонения, не проявляла намерения покидать страну, с которой была связана рождением, языком и культурой.

Стремясь достичь поставленной цели, фашистские власти пошли на наращивание расового террора. В качестве предлога они использовали покушение на германского дипломата, совершенное в Париже в знак протеста против бесчинств, которые творили фашисты. 9—10 ноября 1938 г. по территории Германии пронеслась новая волна еврейских погромов. Были разрушены еще принадлежавшие евреям предприятия, сожжены синагоги, искалечены сотни людей. 30 тыс. наиболее известных представителей еврейской общины были заключены в концентрационные лагеря. На еврейское население была наложена многомиллионная контрибуция.

Вся эта операция проводилась под непосредственным руководством фашистской службы безопасности — так называемой СД, которой еще с 1935—1936 гг. Гитлером был поручен контроль за «решением еврейского вопроса».

После ноября 1938 г. бегство еврейского населения из Германии усилилось. На этот раз покинуть страну пытались многие рядовые граждане, в том числе еврейская беднота. Однако именно в это время возможности выезда из страны затруднились. И объяснялось это тем, что в недрах фашистского руководства начал созревать иной, еще более зловещий план реализации расистских планов.

Толчок такому созреванию дало насильственное присоединение к Германии Австрийской Республики. В Австрии издавна проживала многочисленная еврейская община. Поэтому после «аншлюса» на территории расширившейся «Германской империи» оказалось больше евреев, чем до начала их спровоцированной фашистами эмиграции. Кроме того, присоединение Австрии стимулировало фашистское руководство на дальнейшие завоевания — прежде всего польских и других расположенных к востоку территорий, на которых проживало большое количество евреев. Было очевидно, что в случае захвата этих территорий численность еврейского населения, попавшего под власть фашистского режима, будет столь велика, что решить в его духе «еврейскую проблему» с помощью самых жестоких, но косвенных мер не удастся.

В этой связи в руководящих кругах фашистской Германии, и прежде всего в СД, стали разрабатываться проекты насильственного переселения еврейского населения за пределы Германии. Разработка этих проектов была интенсифицирована после начала второй мировой войны и последовавшего вскоре разгрома Польши. Важную роль в этом сыграли следующие причины:

Во-первых, возросла заинтересованность главарей фашистского

режима в антиеврейской пропаганде, которая должна была служить объяснением причин, по которым Германия оказалась втянутой в войну с такими странами, как Англия и Франция.

Во-вторых, в сложившихся условиях рухнули надежды фашистского руководства, что ему удастся получить от западных держав, в частности от Соединенных Штатов, в качестве выкупа за эмигрирующих евреев солидные суммы, которые можно было бы использовать для ведения войны.

В-третьих, в обстановке войны были предельно затруднены организационные, финансовые и технические действия по осуществлению эмиграции.

В-четвертых, подавляющее большинство евреев, находившихся на захваченных польских территориях, составляла беднота, не способная не только заплатить выкуп, но и финансировать собственный выезд.

В-пятых, еврейское население оккупированных районов проживало в них бок о бок с поляками, от которых фашистские власти тоже хотели избавиться [44].

Последнее обстоятельство имело особое значение, ибо воочию демонстрировало тесное переплетение между «еврейским» и «славянским» вопросами в их понимании фашистскими главарями. С момента оккупации территории Польши задача «избавления» от евреев неразрывно переплеталась для оккупантов с задачей «избавления» от поляков.

Первоначальный вариант нового проекта «решения еврейского вопроса» предусматривал насильственную концентрацию еврейского населения оккупированных областей в восточной части захваченных у Польши территорий (так называемом генерал-губернаторстве). 21 сентября 1939 г., т. е. меньше чем через месяц после нападения на Польшу, Р. Гейдрих, назначенный к этому времени главой вновь созданного зловещего Главного управления имперской безопасности, созвал в Берлине совещание руководителей «оперативных групп», действовавших на территории Польши и выполнявших там карательные функции. На обсуждение был поставлен вопрос о методах решения «еврейской проблемы» в захваченных районах. Результатом обмена мнениями, происшедшего на совещании, был указ, подписанный тем же днем. В нем содержался «генеральный план» обращения с польскими евреями, который впоследствии был распространен на все еврейское население, оказавшееся под германским господством.

В плане туманно говорилось о «конечной цели» германской политики в «еврейском вопросе». Однако главный упор был сделан в нем на таком «промежуточном» мероприятии, как «концентрация евреев, проживающих в сельской местности, в городах, являющихся железнодорожными узлами, либо в крайнем случае близких к железной дороге» [45].

---

[44] См.: *Eichholtz D.* et al. Op. cit. S. 223—224.
[45] Ibid. S. 225.

30 октября 1939 г. Гиммлер в качестве имперского комиссара по упрочению немецкой народной основы издал распоряжение о начале, объеме и сроках депортации польских евреев. В соответствии с этим распоряжением все лица еврейской национальности (как и особо «враждебные» немцам поляки) должны были быть в четырехмесячный срок высланы из западных и северных польских провинций, объявленных частью «Германской империи». Местом их размещения было объявлено «генерал-губернаторство»[46]. Распоряжение это было выполнено в срок и полностью. Сотни тысяч евреев и поляков были насильственно изгнаны из родных мест. Эвакуация и размещение в специальных гетто еврейского населения осуществлялись так, что это повлекло за собой массовые заболевания и смертность.

На совещании Р. Гейдриха с руководящим составом службы безопасности, состоявшемся 30 января 1940 г., было торжественно объявлено, что аннексированные польские территории полностью «очищены от евреев». Соответственно в центр обсуждения был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе переселенных. Судя по материалам совещания и последующим документам, первоначально собирались подойти к проблеме следующим образом. Вплоть до «окончательного решения» работоспособные должны были быть отделены от тех, кто не мог быть использован на тяжелых работах. Первых, т. е. здоровых мужчин, намечалось заключить в трудовые лагеря и использовать для возведения укреплений на советской границе и осуществления других проектов. Вторых (женщин, детей и инвалидов) предполагалось оставить в гетто, предоставив их до поры до времени собственной судьбе. Вскоре, однако, от этого варианта пришлось отказаться в значительной мере потому, что условия содержания эвакуированных евреев превратили даже здоровых людей в неработоспособных. В конечном итоге все еврейское население Польши оказалось загнанным в гетто, где было лишено элементарных условий человеческого существования.

Тем временем в СД продолжалась «работа» над очередными промежуточными проектами. 24 июня 1940 г., информируя министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа о положении дел в этом вопросе, Р. Гейдрих писал: «Ныне в сфере господства Германии находится около $3^1/_3$ миллиона евреев. Путем форсирования эмиграции эту проблему не решить. Требуется окончательное территориальное решение»[47]. В данном случае под «окончательным территориальным решением» подразумевался возникший в воспаленном мозгу фашистских расистов план насильственного переселения европейских евреев на остров Мадагаскар.

Мадагаскар был избран для этой цели по ряду соображений. Во-первых, после разгрома и капитуляции Франции летом 1940 г. фашистские главари чувствовали себя полными хозяевами всей

---

[46] Ibid. S. 226.

[47] Z. St. A. Potsdam. Filmsammlung N 5436. Dok. 464 // Ibid. S. 234.

французской колониальной империи. Им представлялось, что Мадагаскар как часть этой империи находится в их полном распоряжении. Во-вторых, климат Мадагаскара весьма неблагоприятен для европейцев. Предполагалось, что тяжелые климатические условия быстро сократят число переселенцев, выполнив естественным путем ту задачу, которую ставили перед собой нацистские расисты.

Конкретно, «мадагаскарский проект» предусматривал следующее. Ежегодно на судах, принадлежащих оккупированным Германии странам, на остров будет перевозиться около одного миллиона человек. Таким образом, на протяжении 4—5 лет территория, над которой господствуют фашисты, будет полностью очищена от евреев. Над самим Мадагаскаром было намечено установить германский полицейский контроль для наблюдения за условиями содержания переселенцев-евреев. Эти условия должны были предусматривать содержание еврейского населения в специальных лагерях и его использование на тяжелых физических работах. Имелось также в виду, что часть заключенных на Мадагаскаре евреев будет использована в качестве заложников для давления на Соединенные Штаты, где имеется влиятельная еврейская община. Имущество депортированных евреев предполагалось передать проектируемому Межевропейскому банку по использованию еврейского имущества в Европе, который также должен был находиться под немецким контролем [48].

Вскоре, однако, «мадагаскарский проект» был отвергнут из-за явной невозможности осуществить столь массовую депортацию за океан в условиях продолжавшихся военных действий. Нереальность этого плана стала особенно очевидной после июня 1941 г., когда фашистская Германия, вероломно напав на Советский Союз, получила вместо ожидавшейся «блитц-победы« тяжелую, затяжную войну, истощавшую ресурсы страны.

В этих условиях преимущественное внимание было уделено другим планам. Идею одного из них подал сам Гитлер. Еще до начала второй мировой войны в доверительной беседе со своим единомышленником Германом Раушнингом он изложил следующие соображения, касающиеся предстоящей политики Германии в отношении порабощенных «расово неполноценных народов»: «Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны немецкого населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это́ я и собираюсь проводить в жизнь,— грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей

[48] Ibid. S. 236—237.

расы, ведущих паразитический образ жизни. Под словами „уничтожить" я не имею в виду непременное истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения. Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно того, что явилось неизбежным следствием продолжительной войны? Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов».

Впоследствии, порвав с Гитлером, Раушнинг опубликовал его излияния в своей книге «Голос разрушения», изданной в Нью-Йорке в 1940 г. Соответствующие выдержки из этой книги приводились в качестве документов обвинения на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками [49].

Руководствуясь соображениями, приведенными выше, фашистские власти, и прежде всего командование СД, рассмотрели различные варианты «прекращения воспроизводства» евреев. К решению этого вопроса были привлечены и фашистские «научно-исследовательские» институты. 28 марта 1941 г. один из руководителей партийной канцелярии НСДАП, Виктор Брак, направил Г. Гиммлеру донесение о предварительных результатах исследований в области массовой стерилизации «расово неполноценных» групп населения. В рамках этих исследований, говорилось в донесении, были разработаны специальные установки, позволяющие осуществлять такую стерилизацию быстро и незаметно для тех, кто ей подвергается. В донесении указывалось, что для осуществления стерилизации мужского еврейского населения, находящегося в сфере господства Германии, будет необходимо построить 20 таких установок с пропускной способностью от 3 до 4 тыс. человек ежедневно [50].

Однако к середине 1941 г. в руководящих кругах гитлеровской Германии окончательно восторжествовала другая, «более простая» идея: приступить, отбросив условности, к прямому массовому уничтожению еврейского населения. В соответствии с этой идеей второй человек в фашистской Германии Герман Геринг дал Р. Гейдриху дополнительное указание «предпринять все необходимые организационные, деловые и материальные меры, которые бы обеспечили окончательное решение еврейского вопроса в немецкой сфере влияния в Европе» [51].

За несколько дней до вторжения на территорию Советского Союза в городе Претце состоялось «рабочее совещание» началь-

---

[49] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. М., 1954. Т. I. С. 518.

[50] Z. St. A. Potsdam. Filmsammlung N 4536. Dok. 556 // Eichholtz D. et al. Op. cit. S. 238.

[51] Ibid. S. 240.

ников оперативных групп и команд, предназначенных для «наведения порядка» на оккупированной территории Советского Союза. На совещании представителем Главного управления имперской безопасности Штрекенбахом были переданы приказы Гиммлера и Гейдриха, предусматривавшие наряду с прочим повсеместное уничтожение еврейского населения СССР. Развитию и детализации этих указаний послужила встреча Гиммлера с руководителями и членами оперативных команд, состоявшаяся в Николаеве в конце лета 1941 г. Согласно показаниям участника этой встречи, бывшего начальника III управления Главного управления имперской безопасности О. Олендорфа, Гиммлер повторил на нем категорический приказ о физической ликвидации еврейского населения и подчеркнул, что лица, которые будут проводить в жизнь такое истребление, не несут личной ответственности за выполнение этого приказа [52].

С этого времени геноцид в отношении еврейского населения, осуществлявшийся до сих пор спорадически, при помощи косвенных методов, приобрел планомерный и всеобъемлющий характер. Его реализовали с помощью инспирированных «стихийных» погромов, методического расстрела еврейского населения в ходе акций по «очищению» захваченных территорий, осады и уничтожения еврейских гетто и создания непрерывно действующих комбинатов уничтожения.

Геноцид в отношении польского населения, начавшийся с момента разгрома польского государства, происходил в несколько иной форме. Польское население было намного многочисленней еврейского. Это делало задачу поголовного истребления поляков нереальной — по крайней мере в обозримое время. Поэтому в отношении польского населения были выработаны меры, рассчитанные на длительные сроки.

Одной из таких мер было выселение из присоединенных непосредственно к Германии районов политически наиболее активного польского населения, о чем уже упоминалось выше. Некоторые примеры подобной практики были приведены в официальном докладе польского правительства, фигурировавшем в качестве документа обвинения на Нюрнбергском процессе. Уже в октябре 1939 г., сразу же после разгрома Польши, были выселены поляки из окрестностей Орлово. Затем пришла очередь порта Гдыни. В феврале 1940 г. было изгнано 40 тыс. поляков — жителей Познани. Эта же судьба постигла обитателей городов Гнезно, Хелмно, Постян, Ношива, Инвроцлав и многих других. Всего из района, который оккупанты окрестили «Вартегау» (провинция Варте), было выселено 200 тыс. поляков. В это же время от польского населения был «очищен» центр города Лодзи. К сентябрю 1940 г. из него было вывезено 150 тыс. человек.

Выселяемым полякам запрещалось брать с собой принадлежавшее имущество, за исключением самых необходимых личных

[52] Нюрнбергский процесс: Сб. документов. С. 673.

вещей. Это имущество переходило в собственность поселяемых на «очищенных территориях» германских граждан, число которых превысило к январю 1941 г. 450 тыс. человек.

Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были оторваны от родителей и увезены в Германию. По сообщению фашистской печати, их предполагалось обучить немецкому языку и воспитать в «немецком духе», укрепив тем самым германское влияние на востоке[53].

Специфической формой геноцида в отношении польского населения стал организованный голод, подрывавший жизненные силы народа.

Непосредственное уничтожение проводилось сначала выборочно. Ему подвергались в первую очередь верхушка польской интеллигенции — профессура, деятели искусства и литературы, политические активисты существовавших в Польше партий. Со временем круг репрессий становился все шире. В него были включены все сколько-нибудь образованные люди, все, чье поведение казалось оккупантам вызывающим или просто недостаточно лояльным.

Цель этих действий была ясно сформулирована главой «генерал-губернаторства» Гансом Франком на заседании чинов полиции 30 мая 1940 г.: «Необходимо ликвидировать имеющееся в настоящее время в Польше руководящее ядро; что еще подрастет потом, — нам нужно выявить и через определенный промежуток времени также устранить»[54].

В интересах ускоренного геноцида фашистские власти отказались в Польше от практики создания концентрационных лагерей, в которых заключенные содержались более или менее длительные сроки. Хотя направление в концлагерь было почти верной дорогой к смерти, в польских условиях оно представлялось фашистам недостаточно эффективным.

«Что касается концентрационных лагерей,— записывал в своем дневнике Г. Франк в 1940 г.,— то ясно, что мы не хотим устраивать в генерал-губернаторстве концентрационные лагеря в полном смысле этого слова. Кто нам подозрителен, должен быть тотчас же ликвидирован»[55].

Аналогичная политика в отношении славянского населения проводилась германскими фашистами в других захваченных странах Восточной и Юго-Восточной Европы — и прежде всего в Югославии.

На территорию Советского Союза немецкие фашисты вторглись, будучи уже в значительной степени «обогащенными» опытом геноцида в отношении евреев и поляков. И они использовали этот опыт в своем обращении с народами СССР, временно оказавшимися под их господством.

О судьбе, которая была уготована этим народам, можно судить

---

[53] Там же. С. 824–825.
[54] Там же. С. 525.
[55] Там же.

на основании Общих инструкций для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных территорий, изданных А. Розенбергом в качестве имперского комиссара захваченных советских земель.

«...На долю национал-социалистского движения выпало осуществить политический завет фюрера, изложенный в его книге, и навсегда уничтожить военную и политическую угрозу с Востока.

Поэтому эта огромная территория должна быть разделена в соответствии с ее историческими и расовыми признаками на рейхскомиссариаты, каждый из которых имеет различное политическое предназначение.

Так, например, перед имперским комиссариатом „Остланд", включающим Белоруссию, будет стоять задача подготовиться путем постепенного превращения его в германизированный протекторат к более тесной связи с Германией. Украина станет независимым государством в союзе с Германией, а Кавказ с прилегающими к нему северными территориями станет федеральным государством с германским полномочным представителем...»[56].

В целях германизации захваченных районов был предпринят комплекс мер, уже испробованных в Польше, но в более широких масштабах.

Вступление германских войск сопровождалось массовым истреблением всех попавших в руки оккупантов политически активных граждан. Население оккупированных областей было преднамеренно лишено источников продовольственного снабжения. О том, что это была составная часть далеко идущей политики, можно судить по следующей выдержке из речи Розенберга 20 июня 1941 г. по поводу «восточной проблемы»: «...задача обеспечения продовольствием германского народа стоит в этом году, вне всякого сомнения, на первом месте в списке притязаний Германии на Востоке. Южные территории и Северный Кавказ должны будут создать запасы продовольствия для германского народа. Мы не видим абсолютно никакой причины для каких-либо обязательств с нашей стороны снабжать также и русский народ продовольственными продуктами с этой добавочной территории. Мы знаем, конечно, что это жестокая необходимость, лишенная какого-либо чувства. Эвакуация в широких масштабах станет необходимостью, вне всякого сомнения, и ясно история уготовила в будущем весьма тяжелые годы для русских»[57].

Фашистскими властями широко практиковалось массовое истребление военнопленных. Согласно приказу Ставки верховного командования германской армии, немедленному расстрелу после пленения подлежали политработники, коммунисты, а также лица еврейской национальности [58]. Сотни тысяч военнопленных, избежавших расстрела, были умерщвлены голодом на сборных пунктах и в лагерях.

---

[56] Там же. С. 529.
[57] Там же. С. 407.
[58] Там же. С. 438—439.

Особую форму геноцида представляло собой массовое уничтожение гражданских лиц в населенных пунктах и в целых районах, где действовали подпольные группы Сопротивления и партизанские отряды. В рамках акций по «очищению тыла» разрушались все жилые и общественные помещения и расстреливались проживающие в данной местности независимо от пола и возраста. Всего в ходе таких «акций» были стерты с лица земли десятки тысяч деревень на территории Советского Союза, особенно в Белоруссии.

Разгром и капитуляция фашистской Германии в мае 1945 г. подвели черту под политикой геноцида по отношению к еврейскому, славянским и другим народам Европейского континента. Стало возможным оценить и тот урон, который был нанесен политикой фашистов человеческому сообществу в целом.

Накануне второй мировой войны в той части Европы, которая оказалась под фашистским господством, проживало около 9666 тыс. евреев [59]. Около 6 млн из них пали жертвой фашистского геноцида. Примерно 4 млн было истреблено в лагерях уничтожения — Освенциме, Майданеке, Треблинке и т. д. Еще 2 млн умерщвлено другими путями. Большая часть их была расстреляна на временно захваченных фашистами территориях Советского Союза [60].

В Польше в 1939 г. насчитывалось 3300 тыс. евреев. После освобождения страны в ней осталось менее 100 тыс. 200 тыс. польских евреев удалось спастись на территории Советского Союза. 500 тыс. евреев были уничтожены в Венгрии, 66 тыс. в Словакии, 64 тыс. в Греции и т. д.[61]

Огромные потери понесли славянские народы. Советский Союз потерял во второй мировой войне 20 млн жизней. Более половины из них (11 млн) составили гражданские лица, в своем большинстве преднамеренно уничтоженные фашистскими расистами на оккупированных территориях.

Польша потеряла за эти годы около одной шестой населения — 6 млн человек, в том числе 5877 тыс. гражданских лиц — расстрелянных, замученных, заморенных голодом. Половину из них, как уже говорилось, составляли евреи, половину — поляки. В Югославии, население которой равнялось тогда 15 млн, погибло 1685 тыс. человек, в том числе 1275 тыс. гражданских лиц. В Греции с ее 6 млн жителей было уничтожено 420 тыс., из них 400 тыс. гражданских. Меньшие, но тоже весьма ощутимые потери понесли и другие европейские народы.

Из числа лиц немецкой национальности основные потери понесли коммунисты. За время фашистской диктатуры из 300 тыс. членов Коммунистической партии Германии 145 тыс. побывали в тюрьмах или концентрационных лагерях, а более 30 тыс. были

---

59 Там же. С. 120.
60 Там же. С. 837.
61 Там же. С. 847, 851.

убиты [62]. Крупные потери понесли социал-демократические партии, отдельные левобуржуазные и левокатолические организации, представители религиозной оппозиции. На последнем этапе войны жертвами нацистской машины террора стали и некоторые выходцы из правящих кругов Германии, пытавшиеся предотвратить катастрофу, к которой неотвратимо вела страну нацистская клика [63].

Осуществляя массовые репрессии, нацистские власти извлекали из них и экономические выгоды. Уже вскоре после создания первых концентрационных лагерей практика показала, что содержание и уничтожение заключенных может, при определенных условиях, оказаться «выгодным» и в материальном отношении.

Одним из важных источников поступления средств в фонды СС стала конфискация имущества заключенных. Впервые в широких масштабах этот источник был использован при ликвидации еврейского населения Польши. Некоторое представление об этом источнике может дать «Предварительный кассовый отчет», представленный организаторами этой ликвидации. Согласно отчету, с 1 апреля 1942 г. по 15 декабря 1942 г. Немецкому банку было перечислено 178 745 960,59 рейхсмарок в виде немецких и польских банкнот, разменной монеты, другой валюты, ювелирных изделий, драгоценных изделий, драгоценных украшений и тканей. Кроме того, были «собраны» и другие предметы общей стоимостью в 180 млн рейхсмарок. В эту сумму не входили расходы по осуществлению уничтожения еврейского населения, составившие 11 889 822,54 рейхсмарки и покрытые за счет изъятого имущества [64].

После того как уничтожение заключенных в концентрационных лагерях приобрело широкие масштабы, СС приступили к утилизации мертвых. В сентябре 1940 г. рейхсфюрер СС издал распоряжение об изъятии у умерщвленных заключенных золотых коронок и передаче «добытого» таким образом золота соответствующим инстанциям СС. Во всех крупных лагерях из заключенных зубных врачей и техников были образованы специальные команды по сбору золотых протезов. Из переписки между комендатурой лагеря Бухенвальд и Главным административным и хозяйственным управлением СС можно заключить, что в 1944 г. поставки золота из этого лагеря в центр составляли 0,5 кг ежемесячно. Ежемесячные поставки золота из лагеря Дахау оценивались в 30 тыс. золотых марок. В значительно больших масштабах поступало золото из таких наиболее «продуктивных» фабрик уничтожения людей, как Освенцим. Согласно оценкам, к осени 1944 г. в этой системе лагерей смерти было собрано, переплавлено и отправлено в центр примерно 2 т золота [65].

---

[62] Пробл. мира и социализма. 1960. № 5. С. 61.

[63] *Мельников Д.* Заговор 20 июля в Германии: причины и следствия. М., 1965. С. 34.

[64] *Kühnrich H.* Op. cit. S. 83

[65] См.: СС в действии. С. 145.

Использовалась и одежда уничтоженных заключенных. На 6 февраля 1943 г. из Освенцима и Майданека в адрес центральных учреждений империи было направлено 825 вагонов с текстильными изделиями (преимущественно подержанной одеждой). Часть этих поставок была использована Имперским министерством хозяйства, часть — строительной организацией «Тодт», часть — организацией помощи «фольксдойче», системой трудовой повинности и т. д.

В обмен на поставку концентрационными лагерями подержанной одежды Имперское министерство хозяйства обязалось расширить производство текстиля, необходимого для изготовления эсэсовской униформы.

Практически после создания крупных лагерей уничтожения большинство подарков, вручавшихся нуждавшемуся немецкому населению в рамках «зимней помощи», комплектовалось из запасов подержанной одежды, принадлежавшей жертвам нацистского режима.

Но этим «утилизация» умерщвленных заключенных не ограничивалась. По заданию руководства СС были организованы опытные работы по производству мыла из человеческих трупов. В частности, экспериментами в этой области занимался Анатомический институт в Данциге. Там же для испытания разработанного метода в производственных условиях в 1943 г. было возведено специальное здание.

Из волос заключенных производились промышленный войлок, носки и специальная обувь для экипажей подводных лодок. Только из Освенцима в Германию было поставлено 60 т волос. Около 700 кг женских волос находилось на складе лагеря к моменту освобождения его войсками Советской Армии.

Используя бесплатный труд заключенных, СС создали собственную промышленность, объединявшую множество предприятий, расположенных на территории Германии и оккупированных областей и выпускавшую продукцию, в ряде случаев выходившую далеко за рамки официальных названий фирм, принадлежавших СС.

Сводные данные о прибылях, которые получала организация СС от принадлежавших ей предприятий, отсутствуют. Прибыли эти, однако, весьма велики, о чем, в частности, можно судить на основании ставших известными материалов о деятельности отдельных фирм.

С 1943 г., когда в Германии стала все острее ощущаться нехватка рабочей силы, организация СС начала широко практиковать продажу рабочей силы заключенных крупным частным концернам. Была установлена специальная такса: сначала 5, а затем 6 марок в день за квалифицированного рабочего.

В результате продажи рабочей силы администрация концентрационного лагеря Дахау получала в среднем в месяц свыше 2 млн марок. В Бухенвальде ежемесячная сумма, получаемая администрацией за мужскую рабочую силу, колебалась от 1 млн марок в июне 1943 г. до 8,5 млн в октябре 1944 г. Женский труд

приносил администрации этого лагеря от 1 млн до 2,5 млн марок ежемесячно [66].

В целом, как следует из показаний бывшего сотрудника Главного административного и хозяйственного управления СС Карла Зоммера, за рабочую силу, предоставленную частным концернам, органы СС получали около 50 млн рм в месяц [67].

Одним из наиболее крупных клиентов СС был концерн «И. Г. Фарбениндустри». Для масштабов использования этим концерном труда заключенных показательны следующие данные: только с января по ноябрь 1943 г. (без июня и июля) входившее в концерн предприятие «Буна-верке» уплатило СС за использование узников лагеря смерти в Освенциме 2 842 985 рейхсмарок.

Широко пользовался трудом заключенных и концерн Круппа. Как следует из отчета коменданта Бухенвальда за сентябрь 1944 г., на предприятия Круппа было отправлено из этого лагеря 12 326 заключенных [68].

Среди других предприятий, покупавших рабочую силу у СС, заметное место занимали государственный концерн «Герман Геринг», акционерное общество «Ауэрверке», «Рейнметалл-Борзинг», «Хуго Шнейдер А. Г. (Хазаг)», акционерное общество «Мессершмидт», «Маузер-верке», акционерное общество «Дикерхоф унд Видман», концерн «Сименс Шукерт», заводы «БМВ», акционерное общество «Барабаг», государственные автомобильные заводы «Фольксвагенверке», концерн «Альпине-Монтан-Унион» и многие другие [69].

В 1943—1944 гг. в промышленности одновременно работало около полумиллиона заключенных. О доходах, получаемых от каждого заключенного, свидетельствует следующий баланс, составленный эсэсовскими «экспертами» (в рм):

Ежедневный заработок, в среднем	6
Исключая амортизацию одежды	—0,1
Исключая стоимость питания	—0,6
Итого	5,3

Средняя продолжительность жизни заключенного — 8 месяцев, или 270 дней. Чистый доход за этот срок — 5,3×270 = 1431 рм.

Доход от использования трупа (золото зубных протезов, одежда, ценные вещи, деньги) минус стоимость сожжения (2 рм) — 200 рм.

Итого: 1431 + 200 = 1631. К этому приплюсуется трудно исчисляемый доход от использования костей и пепла [70].

Система кровавого террора, созданная в «третьей империи», откладывала глубокий отпечаток на всю жизнь страны, на обще-

---

[66] Бухенвальд. С. 280.
[67] *Kühnrich H.* Op. cit. S. 95—96.
[68] Ibid. S. 93—94.
[69] *Kühnrich H.* Op. cit. S. 94. См. также: Бухенвальд. С. 284—285.
[70] *Kogan E.* Die SS-Staadt. Stockholm, 1947. S. 370.

ственную атмосферу, на жизнь каждого гражданина [71]. Хотя СС, в отличие от СА, не афишировала свою деятельность, хотя о массовых убийствах, совершаемых в концлагерях, официально ничего не сообщалось, было известно, что любая антиправительственная деятельность карается жестоко и беспощадно. Было также известно, что неосторожное высказывание, острая шутка, передача сообщения, исходящего не из официального источника, могут повлечь за собой самые плачевные последствия. Уже один внешний вид лиц, одетых в черную форму СС, вызывал чувство настороженности, неуверенности, страха. Все это способствовало дальнейшей деполитизации граждан, парализовало способность критически мыслить, критически оценивать события, не говоря уже о готовности к каким-либо активным действиям.

Аппарат организационного воздействия

Однако сама по себе даже столь могущественная машина террора не могла бы обеспечить стабильность нацистского государства.

Важным фактором, подкреплявшим воздействие машины террора, была система массовых организаций, обеспечивавших мобилизацию населения на выполнение директив фашистского руководства и в то же время помогавших террористическому аппарату контролировать все и вся.

Главной из этих массовых организаций была сама национал-социалистская партия [72]. Значительное количество членов она насчитывала еще до прихода Гитлера к власти. Это видно из статистики членского состава НСДАП в 1928—1933 гг.[73]:

1928, октябрь	100 000	1932, февраль	900 000
1929, сентябрь	150 000	1932, апрель	1 000 000
1930, сентябрь	300 000	1933, 30 января	1 435 530
1931, ноябрь	700 000		

После прихода Гитлера к власти и особенно после мартовских выборов 1933 г., существенно укрепивших позиции нацистов, в НСДАП массами пошел обыватель. Явное предпочтение, оказываемое нацистам при приеме на работу и при продвижении по службе [74], еще усилило этот приток [75]. По данным партийной переписи, на 1 января 1935 г. соотношение членов, вступивших в партию до 1933 г. и после, составляло 34 : 66 [76].

Построенная по принципу крайнего централизма (назначение

---

[71] *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. М., 1987.

[72] См.: *Schäfer W.* NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover etc., 1956.

[73] Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus, 1933—1945. Bielefeld, 1961. Bd. 1. Beilage.

[74] Уже к 1 января 1937 г. 60,7 % всех руководителей государственных коммунальных учреждений составляли члены НСДАП.

[75] *Lingg A.* Die Verwaltung der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. München. 1941. S. 59 ff.

[76] *Schäffer W.* Op. cit. S. 35.

всех должностных лиц сверху, беспрекословное подчинение всем распоряжениям начальника), НСДАП представляла собой, особенно на первых порах, эффективный инструмент массового воздействия. Центральное руководство партии было сконцентрировано в руках вождя — фюрера, который управлял ею через свою партийную канцелярию. Огромная армия так называемых политических руководителей НСДАП, насчитывавшая 502 662 чиновника, из них 280 916 так называемых самостоятельных функционеров[77], придирчиво следила не только за поведением и поступками членов НСДАП, но держала в поле зрения всех граждан. Низшее административное звено в партии — блоклейтер — нес полную ответственность за вверенный ему дом или группу домов, следил за выполнением жильцами всех законов и предписаний, интересовался их настроениями, держал на примете каждого появившегося в доме нового человека. В его обязанность входило также разъяснение политических акций правительства и борьба со слухами. Каждая семья с утра до вечера чувствовала себя под надзором его недремлющего ока.

Кроме собственно национал-социалистской партии, существовали организации, считавшиеся ее подразделениями. Такими подразделениями, кроме рассмотренных выше СА и СС, были моторизованный союз «Национал-социалистише крафтфарер-корс», выделенный после событий 30 июня 1934 г. из состава штурмовых отрядов; студенческий союз «Национал-социалистише штудентенбунд», женская национал-социалистская организация «Национал-социалистише фрауэншафт» и союз преподавателей высшей школы «Национал-социалистише доцентенбунд»[78].

Ряд нацистских организаций пользовался статутом «примыкающих союзов». Наиболее влиятельным и массовым среди них был Немецкий трудовой фронт, о котором уже говорилось выше. За ним следовали Имперский союз немецких чиновников, «Национал-социалистский союз немецких врачей», «Союз юристов — национал-социалистов», «Национал-социалистский союз учителей», «Национал-социалистский союз немецких техников». К числу «примыкающих союзов» были отнесены также две нацистские «благотворительные» организации: «Национал-социалистский союз народного благоденствия» («Национал-социалистише фольксвольфарт») и «Национал-социалистское общество по обеспечению жертв войны» («Национал-социалистише кригсопферферзоргунг»)[79].

В свою очередь, подразделения НСДАП и «примыкающие организации» имели свои подчиненные «опекаемые» союзы. Об СС уже шла речь выше. Немецкий трудовой фронт курировал организацию

---

[77] Ibid.

[78] *Leers J.* von. Deutschland. Die geistige Wiedergeburt einer Nation. B., 1941. S. 143—145; Rang und Organisationsliste der NSDAP. Stuttgart, 1947. S. 19 ff.

[79] *Leers J.* Op. cit. S. 147; См. также: Rang und Organisationsliste der NSDAP. S. 24 ff.

«Крафт дурх фрейде» и ряд других объединений. Женская организация «Национал-социалистише фраузншафт» контролировала союзы «Дело немецких женщин» («Дойчес фраузнверк»), Союз помощи матерям и детям («Хильфсверк муттер унд кинд»), осуществляла надзор над отделом по работе среди женщин Немецого трудового фронта, системой женской трудовой повинности и т. д. Кроме того, существовали многочисленные нацистские союзы и объединения публичного права: «Имперский колониальный союз», «Национал-социалистский имперский союз воинов» («Кифхойзербунд») и др.[80]

Ряд нацистских организаций контролировался соответствующими отделами центрального руководства НСДАП. Например, Геббельсу, имевшему партийный чин имперского руководителя пропаганды, подчинялась Имперская палата культуры, представлявшая собой специфическую форму объединения творческих работников в области искусства и литературы. Розенберг в качестве начальника внешнеполитического и идеологического отдела НСДАП осуществлял надзор за так называемой Заграничной организацией нацистской партии, объединявшей около 30 тыс. нацистов немецкой национальности, проживавших за границей[81]. Дарре, будучи начальником сельскохозяйственного отдела НСДАП, возглавлял корпоративную организацию немецкого крестьянства и т. д.

Важную роль во всей этой системе играли союзы молодежи. Декретом Гитлера от 1 декабря 1936 г. было окончательно оформлено создание молодежной нацистской организации, получившей название «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд»). Организация объединяла мужскую молодежь в возрасте от 10 до 18 лет и подразделялась на собственно «Гитлеровскую молодежь» (подростки и юноши в возрасте 14—18 лет) и вспомогательную детскую организацию «Дойчес юнгфольк» (10—14 лет). Молодежь женского пола была организована в Союз девочек («Юнгмедхен») — от 10 до 14 лет и Союз немецких девушек («Бунд дойчер медхен») — от 14 до 21 года[82].

Пребывание в «Гитлеровской молодежи» и Союзе немецких девушек практически было обязательным[83]. Через зти союзы организовывался активный отдых молодежи, проводилась спортивная, а среди юношей — военно-спортивная работа. В союзах молодежь подвергалась активной идеологической обработке в национал-социалистском духе. Для поощрения военных склонностей и развития карьеризма как мужские, так и женские организации были

---

[80] Rang und Organisationsliste der NSDAP. S. 34 ff.

[81] *Де Йонг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 409.

[82] *Leers J.* von. Op. cit. S. 146.; *Klönne A.* Hitlerjugend. Hannover; Frankfurt a. M., 1957.

[83] Об этом свидетельствуют, в частности, следующие цифры. В конце 1932 г. молодежная организация НСДАП насчитывала 107 956 человек, в 1934 г. — 3 577 565, а в конце 1938 г. — 8 700 000 человек.

построены по военному образцу; для их членов была установлена специальная форма, введены чины, звания и знаки различия. Для подготовки «политических офицеров» для молодежных организаций была создана разветвленная сеть специальных школ [84].

В путах всей этой системы рядовой человек в «третьей империи» оказывался чуть ли не с самого рождения. С 10 лет он шел в «Юнгфольк», где ему внушали почтение к фюреру и созданному им «порядку», воспитывали в нем преклонение перед воинскими доблестями, строем, дисциплиной. Затем он попадал в отряд «Гитлеровской молодежи», где в результате идеологической обработки и военно-спортивной подготовки выработанные у него с детства навыки укреплялись и развивались.

Покидая в 18-летнем возрасте «Гитлеровскую молодежь», он оказывался в сфере действия одной из многочисленных организаций для взрослых. При поступлении на работу перед ним вставал вопрос о вступлении в НСДАП. После призыва фюрера довести соотношение между численностью населения и численностью НСДАП до 10 : 1 и отмены в 1939 г. всяких ограничений на прием в партию нажим в этой области был очень велик. Членство в нацистской партии было связано с большими преимуществами, и если человек соблазнялся ими и становился членом НСДАП, он превращался в винтик партийной машины, постоянно использовавшей его в своих интересах. Если он воздерживался от вступления в партию, то им начинали заниматься другие массовые национал-социалистские организации.

Прежде всего он обязательно должен был стать членом Немецкого трудового рабочего фронта, от которого зависело решение вопроса о повышении квалификации, о пособии по социальному страхованию, о приобретении возможности дешево провести отпуск и т. д. Для лиц свободных профессий роль Немецкого трудового фронта выполняли соответствующие союзы: врачей, юристов, преподавателей высшей школы; для крестьян — Имперское сословие продовольствия.

Но и приходя домой, человек все равно не избавлялся от хватки вездесущих нацистских организаций. Если он был многосемейным и зарегистрирован как нуждающийся, к нему время от времени заглядывали представители национал-социалистских благотворительных обществ. Его жену, занимавшуюся домашним хозяйством, посещали уполномоченные женских союзов. Если у него был маленький земельный участок, ему приходилось иметь дело с Национал-социалистским союзом огородников. От него требовали участия в манифестациях, в денежных сборах, ношения значков, символизирующих солидарность с нацистским режимом, украшения фасада дома в связи с многочисленными нацистскими торжествами. Весьма частым гостем у него на квартире был блоклейтер.

---

84 *Schirach B.* Die Hitlerjugend. Idee und Gestalt. Leipzig, 1934.

Воздействие нацистских организаций было тем большим, что при фашистском режиме имело место далеко зашедшее сращивание партийно-общественного и государственного аппаратов [85]. Оно начиналось с самого верха. Гитлер выступал, например, в тройственной роли: в качестве, во-первых, вождя партии (фюрера), во-вторых, главы исполнительной власти (рейхсканцлера) и, в-третьих, главы государства (преемника рейхспрезидента, пост которого после смерти Гинденбурга был слит с постом рейхсканцлера).

Эта же система практиковалась и на менее высоких ступенях иерархической лестницы. Большинство членов имперского руководства (рейхслейтеров) наряду с партийными постами занимали и государственные. При этом, как правило, речь шла об однотипных ведомствах. Гесс, будучи заместителем фюрера, одновременно считался имперским министром без портфеля. Гиммлер, как уже говорилось, объединял функции главы СС с должностью начальника всех видов полиции. Геббельс, наряду с обязанностями Имперского руководителя пропаганды, занимал пост министра пропаганды. Дарре объединял в своем лице руководителя сельскохозяйственного отдела НСДАП и министра сельского хозяйства и продовольствия. Геринг, став после Гесса заместителем фюрера, по государственной линии считался премьер-министром Пруссии и уполномоченным по выполнению четырехлетнего плана (т. е. фактическим заместителем рейхсканцлера по экономическим вопросам). Кроме того, он был главнокомандующим военно-воздушными силами Германии, министром воздушного флота и занимал еще чуть ли не десяток различных постов [86].

Совмещение партийных и государственных должностей практиковалось и в областном масштабе. Так, многие гаулейтеры занимали одновременно посты штатхальтеров (высших администраторов земель) или регирунгспрезидентов (высших администраторов провинций). Крейслейтер был обычно ландратом или обер-бургомистром, ортсгруппенлейтер — обер-бургомистром, бургомистром или председателем общины, блок- и целленлейтеры — председателями общины [87].

---

[85] *Lampe F.* Die Amtsträger der Partei. Würzburg, 1940; *Nesse G.* Partei und Staat. Hamburg, 1936.

[86] Nationalsozialistische Jahrbuch, 1937. München, 193-, S. 131 ff.

Некоторое исключение составлял Розенберг, которому из-за охлаждения отношений с Гитлером не удалось сконцентрировать в своих руках всю внешнеполитическую службу. Контроль над министерством иностранных дел Гитлер взял непосредственно на себя. В связи с этим отношения между внешнеполитическим отделом НСДАП и министерством иностранных дел как при Нейрате, так и при Риббентропе были напряженными. После начала войны Розенбергу в качестве компенсации был предоставлен пост имперского комиссара по делам оккупированных восточных областей в ранге министра. Таким образом, и он сумел объединить в своих руках как политическо-партийный, так и государственный пост.

[87] *Schäffer W.* Op. cit. S. 30.

Одновременно происходило сращивание партийного и «общественного» аппарата. Нацистская верхушка стремилась иметь в руководстве примыкающих и других национал-социалистских организаций не просто своих членов, а именно руководящих работников аппарата НСДАП. В свою очередь, чиновники аппарата охотно шли на такое совмещение, ибо оно было связано с материальными выгодами. Пример подавал им Лей, который, являясь начальником организационного отдела НСДАП, лично возглавил Немецкий трудовой фронт.

Особенно усердствовала в этом отношении СС, старавшаяся пустить корни в максимально большом числе союзов и организаций. О том, как это практически выглядело, видно из следующихпримеров. Начальником одного из отделов Главного управления обучения НСДАП был Клаус Зельцнер. Этот же Зельцнер состоял в СД и имел звание оберфюрера (промежуточный чин между полковником и генералом). Одновременно он был членом руководства организации «Крафт дурх фрейде». Другим отделом в этом же управлении заведовал Фридрих Шмидт. Этот же Шмидт состоял при штабе рейхсфюрера СС и также имел чин оберфюрера. Одновременно он был руководителем Управления обучения в Немецком трудовом фронте. В Главном управлении НСБО одну из руководящих должностей занимал Теодор Хупфауэр. Он же руководил одним из отделов в Главном управлении ремесла и торговли. Одновременно Хупфауэр состоял при штабе рейхсфюрера СС, имел чин штурмбанфюрера (подполковник) и руководил управлением социальной ответственности Немецкого трудового фронта [88]. Имперский вождь студентов д-р Шеел был одновременно высшим офицером СС и сотрудником Главного управления имперской безопасности. Высшим офицером СД являлся и руководитель Национал-социалистского союза доцентов Шульце [89]. И таких примеров можно привести бесчисленное количество.

Практически уже через несколько лет после захвата власти нацистами государственные, партийные и общественные учреждения и организации представляли собой неразрывное целое. В результате давление по государственной линии сразу же подкреплялось давлением по «общественной», а давление по «общественной» получало немедленную поддержку «государственного авторитета».

Фашистская пропаганда

Среди части буржуазных ученых, изучающих фашизм, существует тенденция преувеличивать значение и эффективность нацистской пропаганды. Некоторые из них готовы объяснять все удачи нацистов: и приход их к власти, и быстрое укрепление господствующих позиций в стране, и внешнеполитические успехи накануне второй мировой войны, и военные победы фашистских войск на первом

[88] *Neusüss-Hunkel E.* Op. cit. S. 143.
[89] Ibid. S. 75.

этапе войны — прежде всего хорошо поставленной службой пропаганды.

«Одним из парадоксов мировой истории,— писал, например, французский исследователь Жак Иво,— состоит в том, что Иозеф Геббельс, самый ,,неарийский" из паладинов Гитлера, является той личностью, которой третья империя в основном обязана своими успехами»[90]. И далее: «Кто знает, что осталось бы от Гитлера, если бы руководителем его ,,отдела рекламы" не был бы Геббельс»[91].

Подобная оценка фашистской пропаганды в значительной степени навеяна саморекламой, которой весьма усердно занимались национал-социалистские пропагандисты. Она неверна хотя бы потому, что не учитывает ряда важных факторов, способствовавших как захвату власти фашистами, так и временной стабилизации их режима в Германии.

В то же время следует признать, что пропаганда действительно была одним из важнейших инструментов политики национал-социализма и что без учета пропагандистской деятельности нацистов трудно понять причины влияния, которое они оказывали на широкие слои населения.

Оценивая особенности и эффективность нацистской пропаганды важно иметь в виду следующее.

Прежде всего, нацистские пропагандисты никогда не ставили перед собой задачи просвещения и информации населения, глубокого разъяснения ему сути происходящих событий. В национал-социалистской системе, писал в свое время Раушнинг, «пропаганда — это не средство связи; перед ней не стоит задача приведения в соответствие руководства сверху с импульсами критики и поддержки снизу. Она представляет собой односторонний инструмент господства, эффективность которого обеспечивается одновременно методами террора и жестокого насилия»[92].

«Тотальное воздействие на народ, обеспечение единой реакции на события» — вот как формулировали главную задачу пропаганды нацистские специалисты в этой области[93].

Естественно, что такая пропаганда не могла быть рациональной и не была ею. Нацистские лидеры отрицали принцип доказательности пропаганды, необходимость подтверждения, аргументирования выдвигаемых тезисов, издевались над «интеллигентской» апелляцией к разуму, рассудку масс.

Важнейшая задача пропаганды, утверждал Гитлер, «подобно плакату, привлекать к себе внимание масс, а не обучать лиц, имеющих научную подготовку или стремящихся к образованию и знаниям. Поэтому ее воздействие должно быть направлено главным

---

[90] *Iwo J.* Göbbels erobert die Welt. P., 1936. S. 5.
[91] Ibid. S. 6.
[92] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich; New York, 1938. S. 127.
[93] Из выступления руководителя нацистского радиовещания Дресслера-Андресса: Deutsche Kultur im Neuen Reich. W., 1934. S. 102—103.

образом на чувства и только в очень ограниченной степени рассчитано на так называемый разум... Чем скромнее ее научный балласт, чем больше концентрирует она свое внимание на чувствах массы, тем значительнее ее успех. Именно он и является лучшим доказательством правильности или неправильности пропаганды, а вовсе не удовлетворение немногих ученых или эстетствующих сопляков»[94].

«Пропаганда, — вторил ему Геббельс, — вовсе не должна быть мудрой. Ее задача — обеспечить успех. Хорошая пропаганда — это та, которая в кратчайший срок воздействует на людей, завоевание которых ее цель...»[95]

В соответствии с этими взглядами формулировались основные задачи и принципы нацистской пропаганды.

«Национал-социализм знает,— писал официальный историограф „третьей империи" Рюле,— что народ надо избавить от скучной профессорской педагогики, а также от бесконечного хаоса многообразных и противоречивых точек зрения и взглядов. Поэтому с момента его прихода к власти главными заповедями пропаганды стали простота, размах и концентрация»[96].

Принцип простоты определялся Геббельсом следующим образом: «Секретом эффективной пропаганды является отказ от стремления говорить о многих вещах и сосредоточение всех усилий на немногих вопросах. Необходимо постоянно обращать на них внимание народа... Задачей государственной пропаганды является также упрощение сложных рассуждений до такой степени, чтобы они стали понятны любому человеку с улицы»[97].

На практике этот «принцип» находил свое выражение прежде всего в стремлении избегать дискуссий. Участие в них, по мнению нацистских пропагандистов, было невыгодно хотя бы потому, что открывало для противника возможность изложить свою точку зрения, вскрыть слабость или несостоятельность позиций оппонента, увлечь его в «дебри частностей». Напротив, отказ от дискуссии ставит противника в тупик, заставляет его нервничать, избавляет от необходимости опровергать его тезисы, противопоставлять им рассуждения и факты. Участие в споре с противником может создать у слушателей впечатление о неуверенности пропагандиста, в то время как упорное повторение одного и того же лозунга убеждает в непоколебимости и силе того, кто это делает.

Поэтому в тех случаях, когда нацистские пропагандисты оказывались все же втянутыми в дискуссии, они сразу же уходили от объекта спора, подменяли тему и переводили дискуссию в плоскость обвинений, вплоть до примитивных ругательств. Этот метод обычно считался выражением напористости, наступательности в пропагандистской работе. Моральные соображения при этом во

---

[94] Цит. по: *Iwo J.* Op. cit. S. 14.
[95] Цит. по: *Hörster-Philipps U.* Wer war Hitler Wirklich? Grosskapital und Faschismus, 1918—1945: Dokumente. Köln, 1978. S. 235.
[96] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr. B., 1934. S. 66.
[97] Ibid.

внимание не принимались. Напротив, как указывает Раушнинг, аморальное считалось в пропагандистской работе всегда более эффективным, ибо таило в себе «большую долю насилия»[98].

Признаком простоты считалась та же сознательная односторонность пропагандистской позиции, отказ от вскрытия сложности жизненных проблем и явлений [99].

Отсюда вытекали и следующие две особенности нацистской пропаганды.

Во-первых, лживость, возведенная в систему. Геббельс не раз указывал своим подручным, что выдумка всегда пропагандистски выгоднее, чем правда, ибо ее гораздо легче приспособить к потребностям дня, что ее постоянное повторение придает ей бóльшую правдоподобность, что, чем масштабней ложь, тем больше шансов на то, что ей поверят. Он считал также, что ущерб от разоблачения пропагандистской лжи не так уж велик, ибо ей всегда можно найти правдоподобное объяснение, и во всяком случае меньше, чем польза, которую она может принести[100].

Во-вторых, морализующий пафос. Если право всегда на твоей стороне, если противник всегда виновен, это позволяет подымать любое свое действие на «моральный» пьедестал. Поэтому брань в адрес противника всегда сопровождалась у нацистских пропагандистов неумеренным превозношением целей и задач своей политики. В этом отношении они не скупились ни на эпитеты, ни на суперлативы. Немецкий народ в их изображении выступал в качестве самого благородного, самого бескорыстного, самого терпимого. Акции нацистского правительства всегда вызывали «всеобщее восхищение и поддержку». Заявления нацистских лидеров «потрясали мир», «прокладывали новые пути», оставались навеки в «анналах истории» [101].

В тесной связи с «принципом» простоты находились «принципы» размаха и концентрации. Заранее отобранные примитивные лозунги вбивались в сознание населения последовательно и методично. Они бросались в глаза со страниц утренних газет, присутствовали в любой радиопередаче, преследовали на улице в виде плакатов и листовок, непременно фигурировали в любой официальной речи. Вытаскивая коробок спичек или наклеивая марку, немецкий обыватель видел тот же знакомый лозунг. Он был напечатан на оберточной бумаге, в которую была упакована его последняя покупка, на приобретенном им театральном билете, на бумажных салфетках и картонных подставках для пива.

Характерным примером применения «принципов» размаха и концентрации была организованная Геббельсом кампания по обработке домашних хозяек. Была поставлена задача возбудить у них

---

[98] *Rauschning H.* Op. cit. S. 73.
[99] См.: *Grieswelle D.* Propaganda der Friedlosigkeit. Eine Studie zu Hitlers Rhetorik, 1920—1933. Stuttgart, 1972.
[100] См.: *Путлиц В.* По пути в Германию: Пер. с нем. М., 1957.
[101] См.: *Oven W. von.* Mit Goebbels bis zum Ende. Buenos Aires, 1949.

три чувства: любовь, ненависть и гордость: любовь к личности фюрера, ненависть к евреям — конкурентам мужа и гордость своей принадлежностью к избранной расе, призванной повелевать миром. С этой точки зрения были пересмотрены все пропагандистские материалы, рассчитанные на женщин, изучены все каналы доведения этой пропаганды до домашних хозяек, учтено время, в которое они обычно слушают радио, характер печатных материалов, которыми они пользуются, определены формы подачи, наиболее доступные для женщин, и т. д. С начала этой кампании ни по одному пропагандистскому каналу не проходило ни одного материала, который бы в той или иной степени не работал бы хотя бы на одну из трех поставленных целей.

Ставка делалась на то, что женщина, подвергавшаяся соответствующей пропагандистской обработке, не только будет сагитирована сама, но и станет своеобразным пропагандистом внушенных ей идей в семье: будет соответствующим образом воздействовать на детей и влиять на мужа. Было принято во внимание также и то, что в своем большинстве домашние хозяйки в Германии всегда были далеки от политики и не имели какой-либо системы взглядов, которую нужно было бы преодолевать.

В целом пропагандистский расчет оказался верным, и кампания дала свои результаты [102].

Очевидно, что грубость и примитивность подобной пропаганды действовала отталкивающе на определенные, достаточно многочисленные категории немецкого населения. И действительно, она не могла не вызывать отвращения у людей, знакомых с истинным ходом событий, действительными фактами, ненавидящих грубость и примитивизм. Но нацистская пропаганда и не была рассчитана на эти слои. Своих сознательных противников она убеждать не собиралась. Для них существовал аппарат террора. Представители «элиты» и так называемых «просвещенных кругов» общества, приспособившихся к нацистскому режиму, всерьез ее не принимали, но терпели, считая весьма полезной формой удержания масс в жесткой узде.

Что касается рядового немецкого обывателя, то такая пропаганда падала на вполне подготовленную почву. Будучи сами выходцами из мелкой буржуазии, Гитлер, Геббельс и их пропагандисты превосходно знали психологию этой категории немецкого населения. Им было известно, что, говоря словами Раушнинга, «глупость и трусость бюргерства безграничны» [103]. На этом-то и основывались исходные позиции пропаганды.

Немалую роль играло и то, что краху Веймарской республики предшествовала полная дискредитация ее пропаганды, создавшая идейно-пропагандистский вакуум, который усилил восприимчивость к нацистской пропаганде, представлявшей собой «нечто новое».

---

[102] *Iwo J.* Op. cit. S. 9—11.
[103] *Rauschning H.* Op cit. S. 71.

Особенностью нацистской пропаганды, обеспечившей ей определенный успех, было то, что нацистские руководители, и прежде всего Геббельс, раньше других буржуазных пропагандистов оценили возможности, открывшиеся в связи с научно-техническим пргрессом в области средств информации и связи [104].

В частности, Геббельс одним из первых распознал огромную пропагандистскую силу радио [105]. К моменту прихода нацистов к власти радиовещание уже получило широкое распространение. По данным Международного радиосоюза в Женеве, в 1934 г. в мире насчитывалось по крайней мере 200 млн радиослушателей. В Германии при населении в 65 млн человек радио слушали не менее 26 млн. В распоряжении немецкого правительства находилась одна из наиболее технически совершенных в мире сетей радиостанций: 10 основных передатчиков, 6 из которых обладали мощностью в 100 киловатт, и 15 вспомогательных, менее мощных. Иными словами, к тому времени радио открывало возможности пропагандистского воздействия, которые во много раз превосходили возможности самой массовой печати.

Характеризуя роль радиовещания в нацистской пропаганде, Геббельс говорил: «Для XX в. радио сыграло такую же роль, какую сыграла для XIX в. печать. Перефразируя применительно к нашему времени известные слова Наполеона, мы вправе сказать, что радио стало сейчас 8-й великой державой. . . Быть может, наши потомки будут вынуждены констатировать, что радио, как средство духовного воздействия на массы, имело в наше время такое же значение, как для Реформации изобретение печатания. . . Без радио и самолетов завоевание и упрочение власти в нынешних условиях просто немыслимо. Можно, не боясь преувеличения, сказать, что если бы не было радио и самолетов, то немецкая революция (т. е. захват власти фашистами.— *А. Г.*) не смогла бы свершиться в той форме, в какой она свершилась» [106].

В соответствии с зтой оценкой была перестроена вся работа немецкого радиовещания. Каждая передача, независимо от темы, формы и характера (в том числе литературные и музыкальные передачи), стала оцениваться лишь с точки зрения ее пропагандистского воздействия [107].

Столь же высоко были оценены Геббельсом пропагандистские возможности кино. «То обстоятельство, — говорил он в одном из своих выступлений, — что ежедневно в Германии один миллион людей посещает кинотеатры, оснащенные звуковой аппаратурой,

---

[104] См.: *Kris E., Speir H.* German Radiopropaganda. L., 1944.
[105] *Leman A. B.* Nazi Propaganda. L. etc. 1964. P. 34 ff.
[106] Речь на открытии X немецкой радиовыставки 18 августа 1933 г. *Göbbels J.* Signale der neuen Zeit. München, 1934. S. 197—198, 199.
[107] *Scheel K.* Krieg über Ätherwellen. NS Rundfunk und Monopole, 1933—1945. B., 1970; *Bramstedt E.* Goebbels and National Socialist Propaganda, 1925—1945. Michigan, 1965.

открывает огромную сферу деятельности. . .для правительства»[108].

Уже через два месяца после прихода нацистов к власти Геббельс собрал у себя работников кинематографии для беседы на тему о «современных задачах немецкого кино». От имени нацистского правительства он потребовал от собравшихся «немедленно осуществить поворот кинематографии в сторону современности», и в частности обеспечить быструю перестройку хроникальных фильмов в целях превращения их в эффективного пропагандиста национал-социалистских идей и существенно расширить пропагандистское использование немых и учебных фильмов[109].

С этого дня немецкое кино было взято под особое наблюдение пропагандистского аппарата, и прежде всего самого Геббельса, без санкции которого практически не мог быть выпущен на экран ни один фильм[110].

Первоначальным успехам нацистской пропаганды в решающей степени способствовало и то, что с самого начала она рассматривалась наряду с террором как основной инструмент сохранения и упрочения нацистского господства. Внимание, уделяемое пропаганде, нашло практическое выражение в создании в нацистской Германии первого в мире министерства пропаганды. Формирование этого министерства завершилось уже летом 1933 г. Министерство иностранных дел передало ему руководство информационной и пропагандистской деятельностью за рубежом, а также надзор за немецким искусством, кино и спортом за границей. Из ведения министерства внутренних дел были изъяты и переданы ведомству Геббельса общие вопросы внутренней пропаганды, организация национальных праздников и государственных торжеств, контроль над печатью, радио, искусством, театрами и кинотеатрами. Министерству пропаганды были подчинены также государственные библиотеки, Научно-исследовательский институт газетного дела и Высшая школа политики[111].

В результате концентрации в одном министерстве всех этих многочисленных функций возникла огромная бюрократическая машина. Фактически министерством была монополизирована вся духовная жизнь страны. Монополизация такого рода еще усугубила тот огромный ущерб, который был нанесен национал-социалистами культурному развитию Германии. Последствия деятельности министерства пропаганды в этой области были не менее опустошительными, чем костры из книг, зажженные на площадях немецких городов сразу же после формирования правительства Гитлера, аресты и физическое уничтожение ряда виднейших деятелей немецкой культуры, отстранение от просветительной и культур-

---

108 *Rühle G.* Op. cit. S. 76.
109 Ibid. S. 78.
110 *Klimsch G. W.* Die Entwicklung der national-sozialistischen Film-Monopols von 1933—1940. München, 1954.
111 *Rühle G.* Op. cit. S. 65.

ной деятельности лиц еврейской национальности и вынужденная эмиграция части творческой интеллигенции.

Геббельсовским чиновникам из министерства пропаганды не нужны были ни культура, ни искусство. Рассматривая и то и другое с позиций мелкобуржуазных недоучек и полуинтеллигентов, они видели в них всего лишь специфическую форму распространения той самой примитивной пропаганды, которой занимались унифицированные печать и радио. Обладая при этом неограниченными полномочиями при решении судьбы конкретных произведений искусства, они всячески искореняли все мало-мальски выходившее за пределы их понимания. Объявленный ими поход за здоровое «народное» искусство, против халтуры и порнографии привел к полному уничтожению талантливого изобразительного искусства, которым славилась Германия, к торжеству бездарного и плоского натурализма. Немецкие кинофильмы превратились в примитивные фашистские агитки, не имевшие никакой культурной или познавательной ценности. От немецкой литературы осталось примитивное чтиво, посвященное восхвалению гитлеровского режима и нацистских, милитаристских идейных «ценностей».

Но упадок культуры и искусства в Германии не беспокоил нацистских правителей. Они просто не замечали этого упадка, будучи уверенными, что то, что происходит, является, напротив, выражением расцвета. Помимо этого, их вполне устраивало, что подобная политика в области культуры и искусства обеспечивала пропагандистскую унификацию. Подобной унификации ведомство Геббельса добивалось и в других областях. Большое внимание было уделено в этой связи печати. После 30 января 1933 г. нацистами была запрещена сначала коммунистическая, а затем и вся оппозиционная пресса. В течение 1933 г. число ежедневных газет в Германии сократилось с 2703 до 1128; 1248 газет было закрыто, 327 — закрылись сами. Количество еженедельников сократилось на 40 %, ежемесячников — на 45 %. Месячный тираж печатных изданий упал с 1000 млн до 300 млн, т. е. на 70 % [112]. В оставшиеся газеты и журналы были направлены нацистские уполномоченные. В редакциях была проведена чистка, в результате которой были уволены все свободомыслящие журналисты. На большинство руководящих постов были посажены члены национал-социалистской партии.

Была унифицирована также система поставки информации газетам и журналам. Практически единственным источником такой информации стали бюллетени, выпускавшиеся Немецким информационным бюро (ДНБ), службой НСК («Национал-социалистише корреспонденц») и информационной службой «Рейшахдинст». Некоторым газетам позволялось публиковать материалы собственных корреспондентов из-за рубежа, однако каждая такая публикация требовала особого разрешения.

Возникла целая сложная система пропагандистского управле-

[112] Der Faschismus und die Intellektuellen. Von Landgerichtsdirector. Karlsbad, 1934. S. 16.

ния печатью. Во главе этой системы был поставлен доверенный человек Гитлера и Геббельса Отто Диттрих, совмещавший в своем лице статс-секретаря (заместителя министра) в министерстве пропаганды, руководителя отдела печати национал-социалистской партии и руководителя прессы при имперском правительстве.

Определение линии, которую должна была занимать печать, происходило следующим образом. Ежедневно под председательством представителя Диттриха происходили совещания уполномоченных ведомств, заинтересованных в пропагандистском освещении определенных событий. Эти уполномоченные излагали свои пожелания, после согласования их позиций разрабатывалась устная инструкция для печати, которая доводилась до сведения работников прессы на ежедневных пресс-конференциях, проходивших в помещении министерства пропаганды. В ходе пресс-конференции внимание журналистов обращалось на особую важность того или иного сообщения и требуемый характер комментирования. На пресс-конференциях выступали и представители других ведомств (министерства иностранных дел, военного командования, министерства экономики и т. д.), дававшие дополнительные разъяснения [113].

С 1940 г. Диттрих ввел систему так называемых «лозунгов дня» — кратко сформулированных письменных указаний о характере подачи материалов на текущий день. Введение «лозунгов дня» еще усилило унификацию прессы, ибо полностью исключало возможность различного толкования устных инструкций.

Малейшее отклонение от этих инструкций было чревато для редакторов и издателей опасными последствиями. То и дело министерство пропаганды и имперский отдел печати разражались грозными циркулярами вроде следующего: «Приходится констатировать, что в немецкой печати все еще появляются сообщения и материалы, характеризующиеся самоубийственной объективностью и безответственностью. . .В случае повторения такого рода явлений возникнет необходимость прийти к выводу, что ответственные редакторы нарушают требования закона о печати, и принять в их отношении соответствующие меры» [114]. А соответствующими мерами в «третьей империи» считалось не просто снятие с работы, но зачастую и отправка в концентрационный лагерь.

Разумеется, даже самый тщательный контроль не мог полностью отрезать немецких граждан от источников правдивой информации. Существовала подпольная, главным образом коммунистическая печать; у части населения, обладавшей радиоприемниками, имелась возможность слушать иностранное радио на немецком языке. Следует, однако, иметь в виду, что в то время

---

[113] Из показаний ответственного чиновника имперского отдела печати П. К. Шмидта Цит. по: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. [West] Berlin, 1959. S. 446. См. также: *Odermann H.* Die vertraulichen Presseanweisungen aus der Konferenzen des Nazi-Propagandaministerium // Zeitschrift für Geschichte. 1965. H. 8.

[114] Распоряжение министерства пропаганды от 22 октября 1936 г. Цит. по: *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. B., 1948. S. 321.

возможность подрыва монополии нацистского пропагандистского аппарата на информацию были ограниченными. Тираж подпольной печати был небольшим, да и обращались к ней, как правило, лишь лица, уже активно настроенные против нацистского режима. Приемная аппаратура была весьма несовершенной, что затрудняло прием иностранных станций, особенно не очень мощных. К тому же было введено уголовное преследование лиц, слушающих иностранные передачи, предусматривавшее весьма суровые наказания.

В целом эффективность нацистской пропаганды зависела от трех условий. Первым из них был достаточно низкий уровень политического и интеллектуального развития значительной части населения. Вторым — бо́льшая или меньшая монополия в области информации. Третьим — подкрепление пропаганды пусть незначительными, но успехами политики, защите которой она служила.

В первые годы нацистского режима все эти три условия были налицо. На последующем этапе, особенно во второй половине войны, полностью исчезло третье условие и заметно ослабло второе. В результате пропагандистская машина стала в возрастающей степени действовать вхолостую. После разгрома, который потерпели фашистские войска на Восточном фронте, сначала под Сталинградом, а затем в битве на Курской дуге, разрыв между пропагандистскими победными фанфарами и реальной действительностью стал настолько очевидным, что заставил даже самых ограниченных обывателей, давно отвыкших задумываться, усомниться и в других официальных утверждениях.

Внешне как будто ничего не изменилось. Нацистский пропагандистский аппарат действовал с прежним усердием. Результаты же были совсем иными. То, что раньше порождало восторг, экзальтацию, теперь оставляло равнодушным или даже вызывало раздражение. Исчезла готовность принимать все сказанное на веру; и наоборот, усилилось доверие к информации, исходящей от противной стороны, эффективность пропаганды которой возрастала в той степени, в какой дискредитировалась пропаганда внутренняя.

Ослабление такого важного звена нацистской диктатуры, как пропаганда, расшатало весь механизм. Менее эффективной стала и организационная деятельность нацистского аппарата, сохранившая внешние формы, но потерявшая в значительной степени внутреннее содержание. И даже деятельность террористической машины перестала оказывать прежнее воздействие; во все более широких слоях населения парализующий страх перед ней стал уступать место готовности дать отпор.

Правда, механизм этот оказался достаточно сильным, чтобы обеспечить более или менее бесперебойное функционирование государственной машины вплоть до последней минуты. Тем не менее это была уже только тень той машины террора, насилия и обмана, которая была создана нацистским режимом в первые годы его господства и которая держала в своих тисках немецкий народ более десяти лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый, кто обращается к изучению фашистского феномена, его корней и конкретных носителей, должен помнить, что эта проблема не представляет чисто академического интереса и вряд ли приобретет его в ближайшие годы. И не только потому, что живы поколения, познавшие на личном опыте, что такое фашизм в его реальном, практическом воплощении. Фашизм, хотя и в модифицированном виде, остается явлением современности, а следовательно, представляет собой актуальную угрозу. Чтобы парализовать ее, важно быть во всеоружии — иными словами, знать идейный и политический арсенал фашизма, его тактические приемы, сильные и слабые стороны. И это особенно важно сейчас, когда крайне правые в капиталистическом мире умножают свои усилия, направленные на то, чтобы восстановить потерянные позиции.

Речь идет, разумеется, не о буквальном воспроизведении того феномена, с которым человечеству пришлось столкнуться в 20—40-х годах. Поскольку история движется не по кругу, такое воспроизведение практически невозможно.

Ситуация, в которой действует капитализм, по многим показателям принципиально отличается от той, которая способствовала возникновению, укреплению и победам фашизма в межвоенный период. Тем не менее существуют обстоятельства, которые в определенной степени сближают обе обстановки. Во второй половине 70-х годов капитализм вступил в полосу обострения противоречий. Продолжалось оно и в 80-е годы. В результате экономического развития, ускоренного научно-технической революцией, в странах развитого капитализма происходит быстрая ломка устоявшихся, традиционных структур. В результате этого образуются группы, потерявшие прежний социальный статус, вынужденные изменить привычный образ жизни, отказаться от прежних форм потребления и т. п. Острой формой проявления данного процесса стала прогрессирующая маргинализация сознания значительной части населения. Первичным, базовым типом маргинального сознания всегда была его люмпен-пролетарская модель. В значительной степени она остается им и поныне.

Обособление от общества, стихийный индивидуализм толкает маргинала-люмпена к отстраненности от политического процесса и к абсентеизму. В то же время глубокая враждебность обществу, стремление незамедлительно потребить его богатства, неприятие его норм и ценностей создают потенциальную готовность к разрушительным действиям, направленным против этого общества

или его отдельных институтов. В этом смысле маргиналы представляют собой социальный горючий материал, способный к спонтанному самовозгоранию.

В связи с нарастающим размахом объективной маргинализации ее ценности и установки стали проникать и в сознание тех групп населения, которые объективно еще не подверглись вытеснению из производственного процесса и, соответственно, социальной структуры общества. При этом чем актуальнее опасность стать жертвой данного процесса, тем сильнее влияние маргинальных взглядов на общественное сознание как отдельных категорий населения, так и в целом.

Таким образом, существует и ширится база для ультраправого экстремизма.

Благоприятную почву для такого экстремизма всегда создавал национализм. Последние годы принесли обострение национальной проблемы. К ее традиционным «болевым точкам», связанным с коренными национальными меньшинствами, прибавились новые. Интернационализация производства и обмена существенно повысили мобильность рабочей силы, в том числе в межгосударственных масштабах. В ряде стран с высоким уровнем развития возникли своеобразные национальные гетто из иммигрантов.

Сложность проблем, связанных с положением этих меньшинств, и прежде всего специфическое сочетание социальной и национальной приниженности, в ряде случаев породили разобщенность с коренным населением. Появились элементы взаимного непонимания, недоверия и даже враждебности. На этой почве проросли ростки шовинизма, на котором паразитируют правые радикалы.

Но подъем националистических настроений не ограничился внутренней сферой. Ухудшение условий существования значительных категорий населения, растущая неуверенность в будущем нашли выражение и во враждебности к объектам, которые воспринимаются как внешняя причина экономических трудностей и потрясений. Эти настроения реализуются в первую очередь в виде своеобразного возрождения пренебрежительно озлобленного отношения к народам развивающихся стран, на которые в немалой степени под воздействием идеологического манипулирования взваливается ответственность за учащение и углубление экономических кризисов, за кризис занятости и т. д.

На этой основе произрастают ростки своеобразного «неоимперского сознания», устремленного на частичную реставрацию старых отношений между метрополиями и бывшими колониями как предпосылку и условие оздоровления социальной и экономической ситуации в развитых капиталистических странах.

Существует ряд признаков, позволяющих идентифицировать современных преемников фашизма. Подобно своим предшественникам, они решительные противники социального и политического прогресса, а следовательно, прежде всего рабочего движения. Отсюда их крайний антикоммунизм, принимающий зачастую патологические формы, когда любые, недостаточно консервативные,

с точки зрения неофашистов, движения объявляются прокоммунистическими, а все неприятные процессы объясняются «коммунистическим заговором».

Современные ультраправые в полном объеме переняли у фашистов 20—40-х годов систему взглядов по национальному вопросу, замешанную на концентрированном шовинизме и расизме. При всей кажущейся «современности» аргументации, к которой они прибегают, чтобы оправдать эти взгляды (в том числе к ссылкам на экологические проблемы, иностранную иммиграцию, терроризм, распространение СПИДа и т. п.), речь идет о весьма традиционном инструменте «канализации» социального недовольства.

Так же, как и антикоммунизм, проповедь национальной и расовой нетерпимости, объяснение всех неугодных событий «заговором сил зла» используются в качестве идеологической отмычки, призванной завоевать массы, повести их за собой.

Как и фашисты межвоенного периода, их нынешние преемники являются безудержными апологетами «сильной власти». Под «сильной властью» они подразумевают систему общественного правления, лишенную демократических институтов, способных ограничить самовластие правящей верхушки.

В области внешней политики неофашисты представляют собой главный бастион противников оздоровления международной обстановки. Это из их лагеря в первую очередь исходит лжеинформация, призванная дискредитировать идеи мирного сосуществования, а также деятелей, которые их отстаивают. Это они пытаются интерпретировать любое событие как доказательство опасности разрядки международной напряженности и необходимости проведения «политики силы». Из их среды выходят наиболее крайние проповедники курса на отрицание сложившейся международно-правовой ситуации, в основе которого лежит стремление в той или иной форме, но «переиграть» войну, развязанную фашистами четыре десятилетия тому назад.

Результативность деятельности ультраправых во многом зависит от степени противостояния им общественных движений и организаций, от их способности преградить ультраправым путь к народу, подорвать их массовую базу, одновременно пресекая все попытки пробраться к рычагам власти.

Отсюда такое большое внимание, которое уделяют этой проблеме демократические силы в капиталистическом мире. Отпор праворадикалистской угрозе образует важную составную часть борьбы политического авангарда рабочего класса и всего рабочего движения за коренные социальные преобразования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 р. 90 к.

А. А. ГАЛКИН

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

В книге содержится историко-социологический анализ происхождения и социальных корней германского фашизма, его идеологии, государственно-политической практики и созданного им специфического механизма власти. Состоит она из трех разделов:

1) фашизм и правящие классы;

2) фашизм и народные массы;

3) фашистская система манипулирования.

«Наука»